СВ. КЛИМЕНТЪ, ЕПИСКОПЪ СЛОВЕНСКІЙ.

Н. Л. Туницкій.

СВ. КЛИМЕНТЪ,

ЕПИСКОПЪ СЛОВЕНСКІЙ.

Его жизнь и просвѣтительная дѣятельность.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1913.

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать разрѣшается Мая 20 дня, 1913 года.

Ректоръ Академіи *Епископъ Ѳеодоръ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящей книгѣ суждено своимъ появленіемъ въ свѣтъ нѣсколько предупредить выходъ другой моей работы, посвященной литературнымъ трудамъ того великаго славянскаго учителя, жизнь и просвѣтительная дѣятельность котораго нашли себѣ мѣсто на предлагаемыхъ страницахъ. Этотъ порядокъ появленія въ свѣтъ двухъ различныхъ частей давно задуманнаго изслѣдованія, совершенно естественный по существу дѣла, далеко не совпадаетъ съ послѣдовательностью занятій, легшихъ въ основу труда. Если не считать моей студенческой работы о св. Климентѣ, епископѣ Словенскомъ, которая,—по состоянію и мѣстонахожденію источниковъ,—могла представлять собою, разумѣется, лишь обобщающую обработку наиболѣе доступныхъ біографическихъ данныхъ (въ главныхъ частяхъ своихъ она была напечатана въ Сборникѣ въ честь пятидесятилѣтняго юбилея В. И. Ламанскаго, изд. Импер. Акад. Наукъ, и въ Правосл. Богосл. Энциклоп., изд. подъ ред. Н. Н. Глубоковскаго, т. XI, стрр. 140—155), первоначально, — послѣ значительнаго перерыва и отвлеченія въ сторону другихъ научныхъ вопросовъ,—весь мой интересъ въ отношеніи къ Клименту сосредоточился на литературной и переводческой дѣятельности его, до сихъ поръ остающейся почти совсѣмъ неизученной ни со стороны историко-литературной, ни со стороны языка. Потребность въ разработкѣ этой области ощущалась очень сильно въ виду того исключительно-важнаго положенія, которое занимаетъ Климентъ въ исторіи южно-славянскихъ и русской литературъ.

Если признать достовѣрными свидѣтельства источниковъ о томъ, что онъ былъ ближайшимъ ученикомъ свв. Константина и Меѳодія и продолжателемъ ихъ дѣла, то въ лицѣ его передъ нами является не только первый среди южныхъ славянъ епископъ съ чисто-славянскимъ характеромъ дѣятельности, не только первый среди нихъ систематическій дѣятель на поприщѣ славянскаго

просвѣщенія и учредитель славянскаго богослуженія въ Болгаріи, но и одинъ изъ самыхъ первыхъ, а можетъ быть и первый, славянскій писатель въ собственномъ смыслѣ этого слова. Славная дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія была посвящена главн. обр. переводамъ священныхъ текстовъ, и не сохранилось ни одного самостоятельнаго славянскаго произведенія, которое было бы упрочено за ними научной критикой. Другіе представители старшаго поколѣнія ихъ учениковъ, кромѣ Климента, также не оставили послѣ себя никакихъ самостоятельныхъ произведеній: ихъ трудъ, очевидно, растворялся въ коллективномъ дѣлѣ—переводѣ священныхъ и богослужебныхъ текстовъ на славянскій языкъ. Если и можно предположительно говорить о принадлежности нѣкоторыхъ оригинальныхъ славянскихъ памятниковъ старшему поколѣнію учениковъ Кирилла и Меѳодія, то лишь въ самомъ общемъ смыслѣ, безъ пріуроченій къ опредѣленнымъ именамъ. Между тѣмъ многочисленныя произведенія Климента представляютъ цѣльное и опредѣленное литературное творчество, тѣсно связанное со всѣмъ просвѣтительнымъ дѣломъ его жизни. Это творчество было тѣмъ важнымъ моментомъ въ исторіи зарожденія древней славянской литературы, когда, на основѣ первыхъ славянскихъ переводовъ, еще мало развитая славянская рѣчь стала впервые самостоятельно приспособляться къ потребностямъ религіозной культуры. Сочиненія Климента, это—первые опыты славянскаго слова, которые складывались въ формахъ, подсказанныхъ Византіей, но въ которыхъ уже трепетала живая славянская душа, подчасъ еще терявшаяся въ разнообразіи воспринятыхъ мыслей и ихъ выраженій и успокаивавшаяся на шаблонѣ заученныхъ формулъ и повтореніи полюбившейся фразеологіи. И изучая сочиненія Климента какъ съ литературной стороны, такъ и со стороны языка, изслѣдователь приближается къ самымъ основамъ того знаменательнаго литературно-психологическаго процесса, которымъ совершалось пріобщеніе славянскаго міра къ византійской христіанской культурѣ.

Вотъ тѣ общія идеи, которыми направлялся и оживлялся ходъ моихъ спеціальныхъ занятій вопросомъ о литературной дѣятельности Климента.

Еслибы всѣ произведенія, вышедшія изъ-подъ его пера, уже были изданы или по крайней мѣрѣ разысканы и отмѣчены, тогда исходной точкой для изученія ихъ послужилъ бы уже готовый литературный матеріалъ, который нуждался бы только въ обоб-

щеніи. Но приведеніе въ извѣстность литературныхъ трудовъ Климента далеко не достигло такого соотвѣтствія съ показаніями пространнаго житія его, чтобы дальнѣйшія разысканія въ этой области были ненужными или даже малообѣщающими. Въ исторіи вопроса о литературномъ наслѣдіи Климента было два момента, въ которые этотъ вопросъ пріобрѣталъ особенно оживленный интересъ: въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда впервые были открыты В. М. Ундольскимъ 12 поученій Климента, и въ послѣднія два десятилѣтія, послѣ изданія проф. П. А. Лавровымъ въ 1895 году бумагъ Ундольскаго и приготовленныхъ послѣднимъ текстовъ поученій Климента, съ добавленіями новаго издателя. Въ послѣднія два десятилѣтія назрѣвшій вопросъ пріобрѣлъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ общемъ международно-славянскомъ дѣлѣ разработки древнѣйшаго періода славянской письменности, благодаря столько же своему самостоятельному значенію, сколько и тѣсной связи съ такими основными вопросами славяновѣдѣнія, какъ вопросы о родинѣ ц.-славянскаго языка, о происхожденіи славянскихъ алфавитовъ, объ авторѣ т. н. паннонскихъ житій. За нѣсколько лѣтъ, съ 1898 по 1906 г., твореніямъ Климента удѣлено немало страницъ въ изданіяхъ русской Академіи Наукъ, чешской Академіи Наукъ, Archiv'a И. В. Ягича и въ другихъ изданіяхъ. Къ этому времени относится цѣлый рядъ работъ, принадлежащихъ почтеннымъ ученымъ: русскимъ—П. А. Лаврову и А. И. Соболевскому, сербскому—акад. Л. В. Стояновичу, чешскому—проф. В. Вондраку, вѣнскому—И. В. Ягичу. Стремленія ихъ были направлены преимущественно на разысканіе твореній Климента и на рѣшеніе вопроса о принадлежности ему паннонскихъ житій, и только въ очень ограниченной степени простирались на изученіе его языка. Притокъ новаго матеріала увеличилъ количество поученій Климента тремя новыми несомнѣнно ему принадлежащими поученіями, изъ которыхъ одно открыто сербскимъ Преосв. Димитріемъ и П. А. Лавровымъ, другое—акад. Стояновичемъ, третье найдено и издано мною (Изв. Отдѣл. р. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ, IX, 3). Кромѣ того, на основаніи внутреннихъ признаковъ и языка, ему приписано разными изслѣдователями огромное количество безымянныхъ словъ и поученій (около 60), паннонскія житія, а также „Чинъ исповѣди“ въ Синайскомъ Требникѣ, часть Клоцова сборника и „Заповѣдь свв. отецъ“ (Вондракъ). Постепенное накопленіе со всѣхъ сторонъ появлявшагося матеріала, болѣе или менѣе основа-

тельно приписываемаго Клименту, вызывало настоятельную необходимость въ его всестороннемъ изслѣдованіи. И если въ то время ни одинъ ученый не взялся за этотъ трудъ (работа д-ра Вондрака—Studie z oboru církevněslov. písemnictví—въ „Rozpravách" Чешской Академіи Наукъ за 1903 г.—не можетъ претендовать на такое значеніе), то, вѣроятно, потому, что постоянный приростъ матеріала отнималъ бы у всякаго изслѣдователя увѣренность въ томъ, что складывающіяся обобщенія не будутъ поколеблены новыми трудами Климента, что окончательные результаты поисковъ достигнуты, что новая книжка спеціальнаго журнала не принесетъ съ собою новаго произведенія изучаемаго писателя... Возможность болѣе увѣреннаго изслѣдованія литературной дѣятельности Климента наступила лишь въ послѣднія 5—6 лѣтъ.

Между тѣмъ и простр. житіе Климента заключаетъ въ себѣ данныя, сильно располагающія къ мысли, что подлинные размѣры литературныхъ трудовъ Климента были шире всей суммы того матеріала, который съ наибольшей степенью основательности приписанъ ему въ наукѣ совмѣстными усиліями. Положительныя указанія и отрывочные намеки житія представляютъ его писателемъ чрезвычайно плодовитымъ: онъ составилъ на всѣ праздники—*εἰς πάσας τὰς ἑορτὰς*—поученія, составилъ житія, наполнилъ церковь пѣснопѣніями—*ψαλμικοῖς κανόσι*, перевелъ Цвѣтную Тріодь отъ недѣли новой до пятидесятницы, научилъ священниковъ жить согласно съ каноническими правилами—*κανονικῶς ζῆν*, реформировалъ славянскій алфавитъ.

Это—цѣлая обширная программа писательской дѣятельности, при томъ объединенная дѣйствительными потребностями новокрещеннаго болгарскаго народа, которому Климентъ создалъ славянское просвѣщеніе и національную церковь. Еслибы можно было въ широкой области безымянныхъ славянскихъ и русскихъ памятниковъ выдѣлить составъ произведеній, который хотя бы до извѣстной степени приближался къ намѣченной программѣ,—весь древнѣйшій періодъ славянской литературы сразу пріобрѣлъ бы болѣе ясное освѣщеніе. Въ частности, еслибы съ полной отчетливостью опредѣлился весь годичный кругъ словъ и поученій Климента, они выдѣлились бы въ исторіи южно-славянскихъ и русской литературъ, какъ древнѣйшій пластъ самостоятельнаго проповѣдничества, разслоившійся впослѣдствіи въ различныхъ сборникахъ, при чемъ лучъ свѣта палъ бы и на начальную исторію этихъ сборниковъ. Еслибы можно было среди безчисленныхъ списковъ Цвѣтной Тріоди

распознать такіе, которыми ближе всего представленъ древне-славянскій текстъ ея, вышедшій изъ-подъ пера Климента, нашлась бы, наконецъ, исходная точка для сравнительнаго изученія древнѣйшихъ славянскихъ переводовъ богослужебныхъ книгъ. Изслѣдованіе языка Климента помогло бы разобраться ближе въ языкѣ и другихъ писателей царствованія Симеона въ Болгаріи.

Слишкомъ увлекательныя перспективы открывало изученіе литературной дѣятельности Климента, чтобы можно было, для достиженія возможно прочныхъ и широкихъ результатовъ, удовлетвориться одними только уже открытыми и приписанными ему трудами, ограничившись лишь испытаніемъ устоевъ, на которыхъ держатся догадки ученыхъ о принадлежности ему многихъ безымянныхъ произведеній, и не погрузиться въ новые поиски матеріала, въ собственныя наблюденія и сличенія и вообще миновать ту первоначальную ступень въ дѣлѣ изученія твореній всякаго древняго писателя, которая состоитъ въ приведеніи ихъ въ извѣстность и въ установленіи ихъ текста. Постепенное изученіе рукописнаго матеріала въ библіотекахъ русскихъ, аѳонскихъ, южнославянскихъ и румынскихъ создало возможность увеличить количество приписанныхъ ему съ дѣйствительными основаніями проповѣдническихъ сочиненій почти вдвое. Нашлись болѣе древніе и исправные, часто южно-славянскіе, списки уже извѣстныхъ поученій Климента. Оказалось возможнымъ изучить списки Цвѣтной Тріоди, которые по своему тексту и составу очень близко подходятъ къ первоначальному состоянію. И только въ вопросахъ о каноническихъ и гимнографическихъ трудахъ, за отсутствіемъ данныхъ, пришлось пока ограничиться общими соображеніями.

Было бы большой смѣлостью думать, что достигнутыми результатами осуществлены всѣ возможности въ отношеніи къ разысканію трудовъ Климента и лучшихъ списковъ его поученій и перевода Тріоди. Но эти результаты оказались вполнѣ достаточнымъ матеріаломъ для научнаго освѣщенія его литературной дѣятельности,—въ смыслѣ опредѣленія ея размѣровъ, направленія, источниковъ, пріемовъ, степени самостоятельности,—для сравнительной характеристики его языка и вообще для выясненія его громаднаго значенія въ исторіи славянскихъ и русской литературъ. Во всякомъ случаѣ, то, что сдѣлано для разысканія и изученія многочисленныхъ текстовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Климента, при дробности, безымянности и разбросанности матеріала, при неминуемо-отрывочномъ характерѣ занятій въ

различныхъ книгохранилищахъ, могло быть достигнуто при большой затратѣ двухъ важныхъ жизненныхъ силъ—времени и терпѣнія. Завершеніемъ всѣхъ подготовительныхъ работъ надъ трудами Климента является не только изслѣдованіе ихъ, но и параллельно предпринятое мною изданіе собранія всѣхъ поучительныхъ сочиненій его, осуществляемое въ настоящее время благодаря просвѣщенному радушію, какое встрѣтило оно въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Изданіе приготовленнаго также древняго текста Цвѣтной Тріоди является лишь вопросомъ времени.

Такимъ образомъ, по первоначальному предположенію, предѣлы моихъ научныхъ интересовъ въ отношеніи къ Клименту должны были ограничиться его литературной и переводческой дѣятельностью, вполнѣ доступной мнѣ по характеру моихъ занятій.

Но по мѣрѣ осуществленія этого предположенія все больше и больше ощущался недостатокъ въ такомъ научномъ изображеніи его жизни и дѣятельности, которое бы давало и изслѣдователю, и читателю руководящія нити для оріентировки въ вопросахъ его писательскаго творчества. Этотъ недостатокъ не восполняется ни разбросанными въ обширной кирилло-меѳодіевской литературѣ отдѣльными замѣчаніями, ни обстоятельнымъ и цѣннымъ предисловіемъ къ изданію службъ Клименту, принадлежащимъ перу почтеннаго болгарскаго ученаго Г. Д. Балашева, (Климентъ епископъ Словѣнски и службата му по старъ словѣнски прѣводъ... София, 1898, стр. I—LXXVII+1—1ms), ни страницами, посвященными Клименту въ трудѣ извѣстнаго сербскаго историка Ст. Новаковича о началѣ славянской письменности у балканскихъ славянъ (Први основи словенске књижевности... У Београду, 1893, стрр. 50—117). Вся эта литература носитъ на себѣ отрывочный, эпизодическій характеръ, совсѣмъ не касается многихъ запутанныхъ біографическихъ вопросовъ о Климентѣ, ограничиваясь подчасъ простымъ пересказомъ источниковъ, настойчиво требующихъ предварительной критической оцѣнки, лишена исторической перспективы, взятая въ цѣломъ—полна противорѣчій, а въ отдѣльныхъ случаяхъ—не чужда патріотическихъ пристрастій.

Изслѣдованіе литературнаго творчества всякаго писателя немыслимо безъ яснаго представленія объ его жизни и личности. Это—общеизвѣстное положеніе. Но что сказать о такомъ случаѣ, когда, при наличности огромнаго литературнаго наслѣдія, оставленнаго писателемъ, не только остается темной исторія его твор-

чества, не только представляется въ крайне неясныхъ и разнорѣчивыхъ очертаніяхъ его личность, но даже хронологическое пріуроченіе его жизни подвергается въ наукѣ серьезнымъ колебаніямъ, если даже весь его обрисовывающійся въ источникахъ обликъ представляется какимъ-то историческимъ недоразумѣніемъ? Въ такомъ положеніи, вслѣдствіе несовершенства источниковъ, оказывается историческій образъ Климента. Извѣстно, что покойный Е. Е. Голубинскій, признававшій простр. житіе его беззастѣнчивой фальсификаціей какого-то грека, отказывался признать Климента ученикомъ солунскихъ братьевъ. Въ новѣйшее время чешскій ученый о. Снопекъ усиленно развиваетъ теорію двухъ Климентовъ, будто-бы слитыхъ въ житіи въ одно лицо: одинъ изъ нихъ—ученикъ Кирилла и Меѳодія, ничѣмъ себя не заявившій,—кромѣ развѣ своего сочувствія, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, римскому ученію объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына; другой—епископъ Величскій, жившій позднѣе, рьяный фотіанинъ, авторъ сохранившихся съ этимъ именемъ поученій. Въ другихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по кирилло-меѳодіевскому вопросу обычно дается полная вѣра повѣствованію о Климентѣ его простр. житія. Возможно-ли, при такомъ разнорѣчіи ученыхъ мнѣній о первоклассномъ писателѣ древности, увѣренно говорить о его литературной дѣятельности и языкѣ, ввести ихъ въ сферу соотвѣтствующихъ сравненій и подвергнуть ихъ вѣрной исторической оцѣнкѣ, – не сосчитавшись предварительно съ несовершенствами источниковъ, съ научнымъ разногласіемъ, съ запутанностью возникающихъ вопросовъ? Въ частности, въ интересахъ дѣла, нельзя было бы оставить открытыми вопросовъ о томъ, былъ-ли Климентъ ученикомъ Кирилла и Меѳодія, жилъ-ли онъ въ Моравіи, когда и гдѣ трудился въ Болгаріи, потому что рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ въ томъ или иномъ направленіи уже напередъ должно создать точку опоры для объединенія въ нѣчто цѣлое результатовъ наблюденій надъ сочиненіями и переводами Климента, спеціальнѣе—надъ ихъ языкомъ.

Но помимо значенія для историко-литературныхъ и филологическихъ цѣлей, научная біографія Климента должна представлять собою и самостоятельное историческое значеніе. Жизнь и дѣятельность Климента была самымъ живымъ нервомъ въ исторіи того періода духовнаго просвѣщенія славянскихъ народовъ, который наступилъ непосредственно послѣ смерти Меѳодія (885 г.). Эта эпоха оказала огромное, до сихъ поръ, на нашъ взглядъ, не

вполнѣ оцѣненное въ наукѣ, вліяніе не только на послѣдующую судьбу и духовную культуру, но даже на самую выработку національнаго типа отдѣльныхъ славянскихъ народностей. Дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія открыла предъ южными и западными славянами возможность живого пріобщенія къ сокровищамъ византійской культуры, въ то время самой высокой въ Европѣ, созданія національныхъ церквей и выработки на славянскихъ языкахъ литературы. Однакожъ, не всѣ славянскіе народы и не въ одинаковой степени воспользовались трудами славянскихъ учителей. Сложной цѣпью историческихъ обстоятельствъ западные славяне были отторгнуты отъ кирилло-меѳодіевской традиціи, и она, со своими благодѣтельными для народной жизни послѣдствіями, сдѣлалась всецѣлымъ достояніемъ славянъ южныхъ. Вся эта исторія дѣла солунскихъ братьевъ въ ближайшее время послѣ ихъ смерти тѣснѣйшимъ образомъ переплетается съ дѣятельностью и судьбою ихъ учениковъ, между которыми по образованности, энергіи и историческому значенію самое видное мѣсто занималъ Климентъ. Если при жизни солунскихъ братьевъ онъ былъ только ихъ ученикомъ и сотрудникомъ, то послѣ ихъ смерти на него легло все продолженіе и распространеніе начатаго ими дѣла, оказавшееся неудачнымъ въ Моравіи, принесшее богатые плоды въ Болгаріи.

Въ такомъ видѣ слѣдуетъ представлять себѣ историческое положеніе и значеніе Климента,—если простр. житіе въ его общихъ показаніяхъ признать заслуживающимъ довѣрія. Въ противномъ случаѣ хронологическое опредѣленіе жизни Климента и многія подробности его біографіи должны остаться подъ вопросомъ, а послѣ-меѳодіевская эпоха въ Моравіи и періодъ возникновенія славянской письменности и литургіи среди южныхъ славянъ—образовать собою зіяющую пустоту въ исторіи. Отсюда понятно, почему въ нашемъ изложеніи критическому разбору источниковъ удѣлено вниманія почти столько же, сколько и историческому изслѣдованію. Тщательный анализъ простр. и краткаго житій привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что ихъ несовершенства несправедливо вмѣнять злой волѣ составителей, но слѣдуетъ объяснять обстоятельствами ихъ происхожденія или переписки, что ихъ основа, за вычетомъ ея искаженій, имѣетъ высокую историческую цѣнность, что Климентъ былъ ученикомъ Кирилла и Меѳодія и активнымъ продолжателемъ ихъ традиціи и въ Моравіи, и въ Болгаріи.

На упроченной такимъ образомъ основѣ явилась возможность сдѣлать опытъ критическаго построенія исторіи жизни и дѣятельности святителя. Но то, въ чемъ преимущественно заключается широкій интересъ его научной біографіи, составляетъ и самую большую трудность изслѣдованія. Исторія поставила Климента на рубежѣ двухъ эпохъ въ развитіи славянства, изъ которыхъ новѣйшая начиналась созданіемъ славянской письменности и просвѣщенія, на перепутьи двухъ міровъ—восточнаго и западнаго—съ ихъ характерными культурными особенностями, въ самый центръ возгоравшейся между ними борьбы. Вовлеченный своей дѣятельностью въ процессъ этихъ скрещивавшихся историческихъ теченій, онъ сдѣлался въ концѣ IX и началѣ X вѣка центральной фигурой въ церковной и культурной жизни славянъ моравскихъ и болгарскихъ. Поэтому рѣшеніе сложныхъ вопросовъ его жизни должно было неминуемо вывести изслѣдованіе за узкія границы біографическихъ интересовъ, коснуться нѣкоторыхъ церковно-историческихъ условій того времени въ жизни Моравіи и захватить современную эпоху болгарской исторіи почти со всѣхъ сторонъ: государственной, этнографической, культурной, церковной.

Итакъ, настоящая книга представляетъ собою, по обстоятельствамъ своего возникновенія, лишь предисловіе къ изслѣдованію литературной дѣятельности и языка Климента, разросшееся, вмѣстѣ съ осложненіемъ задачъ и перспективъ работы, до наличныхъ размѣровъ. Она оказалась настолько законченной по содержанію, отличной отъ своего продолженія по методу и самостоятельной по изложенію, что представилось вполнѣ возможнымъ выпустить ее въ отдѣльномъ видѣ.

Если предубѣжденіе противъ историческаго положенія и значенія Климента, какъ ученика первоучителей, проистекающее изъ скептическаго ли отношенія къ источникамъ, или изъ соображеній внѣнаучнаго характера, найдетъ себѣ обоснованный противовѣсъ въ моей книгѣ, если историческій образъ Климента прояснится вмѣстѣ съ рѣшеніемъ запутанныхъ вопросовъ его біографіи и современной ему эпохи, если создастся почва для увѣреннаго приведенія къ единству наблюденій надъ текстами, вышедшими изъ-подъ пера Климента, и надъ ихъ языкомъ,—этихъ результатовъ будетъ достаточно, чтобы появленіе книги въ свѣтъ не было излишнимъ.

Нѣтъ надобности напередъ говорить частнѣе объ источникахъ, методологическихъ пріемахъ и отдѣльныхъ руководящихъ взгля-

дахъ изслѣдованія: тѣ, другіе и третьи откроются въ самой разработкѣ историческаго матеріала. Небезполезно только сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ отношеніи моего труда къ научной литературѣ, съ которой онъ такъ или иначе связанъ. Научнымъ сочиненіямъ, непосредственно относящимся къ разбираемымъ основнымъ вопросамъ, я отвожу мѣсто въ примѣчаніяхъ. Помимо тщательнаго изученія источниковъ въ возможной полнотѣ ихъ изданій и, гдѣ оказалось нужнымъ и доступнымъ, списковъ, для моего труда потребовалось основательное изученіе всей обширнѣйшей и разноязычной кирилло-меѳодіевской литературы. Съ нею настоящее изслѣдованіе связано множествомъ нитей. Но эти нити далеко не вездѣ показываются наружу. Въ однихъ случаяхъ мое изложеніе сознательно и рѣшительно направлено противъ тѣхъ теченій въ кирилло-меѳодіевской литературѣ, которыя безъ всякой оглядки приносятъ въ жертву вѣроисповѣднымъ и національнымъ пристрастіямъ объективную правду событій; въ другихъ случаяхъ мои положенія и выводы, къ которымъ я всегда старался итти самостоятельнымъ путемъ, находятся въ соотвѣтствіи съ направленіемъ, представляющимся наиболѣе научнымъ и безпристрастнымъ. Еслибы во всѣхъ отдѣльныхъ вопросахъ моего труда объяснялось отношеніе вырабатываемыхъ сужденій и освѣщеній къ наличной кирилло-меѳодіевской литературѣ, размѣры книги увеличились бы почти вдвое, но—безъ всякой пользы для существа дѣла. Вообще же, при сложности затронутыхъ вопросовъ, при необходимости постоянныхъ экскурсовъ въ области исторіи славянства, византологіи, даже исторической географіи Балканскаго полуострова, вся научная литература, въ той или иной зависимости отъ которой складывалась моя работа, по своему разнообразію, едва-ли могла бы подлежать упрощенному учету, хотя-бы въ видѣ традиціоннаго „списка источниковъ и пособій“, такъ какъ, по выраженію св. Василія Великаго, примѣненному о. Фр. Сопкомъ къ своему труду о Кириллѣ и Меѳодіи, *ἐπειδὴ δυσθήρατος ἡ ἀλήθεια, πανταχόθεν ἡμῖν ἐξιχνευτέα (Περὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος, κεφ. Α΄*, 2)...

Какъ бы ни былъ малозначителенъ удѣльный вѣсъ моей работы, остановившейся пока на полпути, вѣрнѣе—въ началѣ пути, но и въ достиженіи получившихся результатовъ мои личныя усилія время отъ времени должны были находить себѣ разнообразное содѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ почтенныхъ ученыхъ, въ болѣе или менѣе частомъ общеніи съ которыми зрѣлъ мой трудъ, особенно со стороны—Г. А. Воскресенскаго, А. И. Соболевскаго,

П. А. Лаврова, С. И. Смирнова и М. Н. Сперанскаго, которымъ приношу мою глубокую благодарность. Считаю себя много обязаннымъ также почтеннымъ труженикамъ тѣхъ библіотекъ—русскихъ (московскихъ и петербургскихъ), болгарскихъ и константинопольскихъ (Археологическаго Института и греческаго Силлогоса), которыми мнѣ приходилось пользоваться. Любезное содѣйствіе библіотечныхъ работниковъ, этихъ обязательныхъ сотрудниковъ во всякомъ научномъ изслѣдованіи, особенно цѣнно для авторовъ такихъ изслѣдованій, какъ мое, въ которомъ успѣхъ дѣла иногда зависѣлъ больше всего отъ цѣлесообразно направленныхъ библіографическихъ поисковъ и облегченныхъ достиженій.

Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ считаю долгомъ принести глубокую благодарность за матеріальную (а слѣдовательно—и моральную) поддержку, оказанную мнѣ въ дѣлѣ изученія предмета моего труда.

Глава первая.

Обзоръ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго.

Жизнь св. Климента Словенскаго не выяснена еще во всѣхъ своихъ подробностяхъ настолько, чтобы изслѣдователю его литературныхъ трудовъ можно было спокойно опереться на готовый сводъ установленныхъ фактовъ, составляющихъ его біографію. Этотъ плодовитый славянскій писатель древности,—по изображенію памятниковъ, самый энергичный ученикъ свв. Кирилла и Меѳодія и продолжатель ихъ дѣла, просвѣтитель славянскаго населенія Македоніи, βουλγάρῳ (=σθλοβενικῇ) γλώσσῃ πρῶτος ἐπίσκοπος, котораго болгарская церковь чтитъ, какъ своего патрона,—во многихъ отношеніяхъ предствавляется личностью загадочной. Непорѣшенность многихъ, иногда основныхъ, вопросовъ его жизни и дѣятельности находится въ зависимости отъ подозрительныхъ свойствъ источниковъ, изъ которыхъ черпается матеріалъ для его исторіи. Между тѣмъ эти вопросы, помимо самостоятельнаго біографическаго интереса, имѣютъ широкое историческое значеніе по своей неразрывной связи съ мало выясненной судьбой просвѣтительнаго дѣла свв. братьевъ среди западныхъ и южныхъ славянъ непосредственно послѣ смерти Меѳодія (885 г.).

Источниками нашихъ свѣдѣній о Климентѣ служатъ: 1) греческое пространное житіе его, или Болгарская легенда,

занимающее среди нихъ первое мѣсто; 2) греческое краткое житіе, или Охридская легенда; 3) службы ему; 4) нѣкоторыя отрывочныя данныя, разсѣянныя въ разныхъ греческихъ и славянскихъ памятникахъ и въ произведеніяхъ народнаго творчества македонскихъ славянъ. Не говоря уже объ источникахъ двухъ послѣднихъ, второстепенныхъ, категорій, оба житія, при относительномъ богатствѣ своего содержанія, повидимому, далеко не имѣютъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ характера достовѣрныхъ историческихъ документовъ. Критическимъ анализомъ изслѣдователей въ нихъ давно уже вскрытъ цѣлый рядъ взаимныхъ противорѣчій, историческихъ ошибокъ, легендарныхъ прикрасъ, сообщеній сомнительныхъ или не подтверждающихся другими памятниками. При такихъ условіяхъ, вопросъ о цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ свѣдѣній, заключающихся въ нихъ, подъ перомъ разныхъ изслѣдователей находитъ себѣ различныя рѣшенія, а въ зависимости отъ послѣднихъ различно устанавливаются и освѣщаются и самыя основныя біографическія и историческія подробности, касающіяся Климента. Какъ ни много сдѣлано почтенными изслѣдователями для выясненія этихъ подробностей, однакожъ толкованія темныхъ мѣстъ житій и различныя догадки породили такое разнообразіе мнѣній о Климентѣ, которое неминуемо ведетъ къ новому, тщательному и полному, обзору всѣхъ упомянутыхъ источниковъ, на основѣ которыхъ сложилась вся довольно значительная литература о немъ. Вотъ почему, чтобы установить основные моменты жизни и дѣятельности Климента, необходимо предварительно обратиться непосредственно къ источникамъ, подвергнуть ихъ, въ возможной полнотѣ ихъ изданій или списковъ, критическому обзору и т. обр. опредѣлить цѣнность заключающагося въ нихъ историческаго матеріала. Если такая попытка, уже имѣющая за собою немало изслѣдованій и разбросанныхъ сужденій въ трудахъ авторитетнѣйшихъ славистовъ, можетъ въ настоящій моментъ показаться слишкомъ смѣлой, то во всякомъ случаѣ она вызывается необходимостью, фактомъ разнорѣчія сужденій о Климентѣ, настойчиво ищущихъ себѣ признанія, опроверженія или синтеза.

I. Пространное житіе св. Климента.

Пространное житіе представляетъ жизнь и дѣятельность Климента въ довольно обстоятельной исторической перспективѣ. Въ рамки повѣствованія укладывается здѣсь нѣсколько моментовъ знаменательнаго періода славянской исторіи отъ просвѣщенія Болгаріи крещеніемъ до смерти св. Климента въ царствованіе Симеона († 927). Оно обыкновенно причисляется къ первоклассным источникамъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ и считается какъ бы продолженіемъ т. н. паннонскихъ житій: въ немъ вспоминается исторія изобрѣтенія письменъ, перевода книгъ на славянскій языкъ, путешествія въ Римъ и вообще просвѣтительнаго дѣла братьевъ-учителей, изображаются судьба моравской церкви послѣ смерти Меѳодія и изгнаніе его учениковъ изъ Моравіи, наконецъ, подробно характеризуется миссіонерская и книжная дѣятельность Климента въ Македоніи въ царствованіе болгарскихъ царей—Бориса, Владиміра и Симеона. По отношенію къ судьбѣ моравской церкви послѣ смерти Меѳодія и къ факту изгнанія изъ Моравіи его учениковъ житіе является единственнымъ источникомъ.

Хотя бо́льшая часть свѣдѣній памятника успѣла давно уже проникнуть въ научный оборотъ, однако противорѣчія и историческія несообразности его бросаютъ замѣтную тѣнь на многія сообщенія, особенно на тѣ изъ нихъ, которыя не находятъ себѣ подтвержденія въ другихъ памятникахъ Кирилло-Меѳодіевской эпохи. Понятно отсюда то скептическое отношеніе къ житію, которое, начиная съ Добровскаго, не разъ высказывалось въ наукѣ и крайній полюсъ котораго нашелъ себѣ выраженіе во взглядахъ Е. Е. Голубинскаго. Какъ извѣстно, онъ объявилъ житіе за грубую фальсификацію какого-то беззастѣнчиваго грека, жившаго даже послѣ Ѳеофилакта Болгарскаго († 1107 — 8), имя котораго, какъ автора, стоитъ въ надписаніи житія, а самого Климента—если не миѳомъ, то во всякомъ случаѣ не тѣмъ лицомъ, за которое выдаетъ его составитель, т. е. не ученикомъ свв. Кирилла и Меѳодія. Столь различныя отношенія научной критики къ житію, отъ принятія его содержанія въ научный обиходъ до низведенія его на степень беззастѣнчивой

фальсификаціи, имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ, разумѣется, прежде всего печатный текстъ изданій его. Но если въ текстѣ есть данныя для столь противоположныхъ отношеній къ житію, то естественно, что возможно полное изслѣдованіе исторіи этого текста и его изданій должно быть исходнымъ пунктомъ и предлагаемаго обзора памятника. Такое изслѣдованіе должно проложить путь къ подлиннымъ свойствамъ первичнаго текста и дать матеріалъ для сужденія о его позднѣйшихъ измѣненіяхъ.

Греческій текстъ пространнаго житія сохранился въ 3-хъ видахъ: а) въ отрывочномъ, б) въ полномъ и в) въ новогреческихъ переработкахъ. И отрывочный, и полный тексты не только представлены печатными изданіями, но уцѣлѣли и въ нѣсколькихъ спискахъ, которые, какъ и печатныя новогреческія передѣлки, до сихъ поръ или совсѣмъ остаются незатронутыми или очень мало привлекали къ себѣ вниманіе изслѣдователей.

А. Небольшой отрывокъ житія, впервые напечатанный въ 1665 г. *Львомъ Аллаціемъ* [1]), занялъ первое мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ всѣхъ вообще изданій памятника. Текстъ отрывка взятъ Аллаціемъ изъ одного бум. кодекса Ватик. библ. (fol. 348) и снабженъ латинскимъ переводомъ. Ватиканскій фрагментъ имѣетъ надписаніе: *Ἐκ τοῦ βίου τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος, ἐπισκόπου Βουλγάρων*, и начинается словами: *Ἦν γὰρ ὁ Βορίσης οὗτος*... Спустя около 100 лѣтъ *Ассемани* въ Kalendaria ecclesiae universae [2]) перепечаталъ часть латинскаго перевода, назвавъ при этомъ автора житія Климента „схизматикомъ“ (разумѣется, съ точки зрѣнія католической церкви [3]). Отрывокъ, изданный Аллаціемъ, сохранился не только въ Ватиканскомъ кодексѣ, но и въ другихъ сборникахъ XV—XVI вв. Намъ извѣстны списки его съ болѣе или менѣе значительными сокращеніями текста въ нѣсколькихъ рукописяхъ аѳонскихъ монастырей:

а) Иверскаго мон. ркп. № 382 (Lambros № 4502 [4]), бум., 8°,

[1]) In Roberti Creyghtoni apparatum, versionem et notas ad historiam concilii florentini scriptum a Sylvestro Syropulo exercitationes. Romae. 1665, 4, 1, 259.

[2]) Romae. 1755, III, 147—149.

[3]) 153—4.

[4]) Catalogue of the greek manuscripts on Mount Athos, Cambridge, 1900. Vol. II, p. 109—118.

XV в., сборникъ, *ф.* 681-*α*—683-*β*. *Ἐκ τοῦ Λόγου τοῦ εἰς τοὺς βίους καὶ τὰ θαύματα τῶν ἁγίων Μεθοδίου, Κυρίλλου καὶ Κλήμεντος, πάνυ ὡραιοτάτου καὶ χρησιμωτάτου.* Нач.: *Ἦν γὰρ ὁ Βορίσης οὗτος καὶ ἄλλως γνώμης δεξιᾶς...* Отрывку предшествуетъ статья подъ заглавіемъ: *Ἐκ τοῦ Λόγου τοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας κῦρ Θεοφυλάκτου· τὰ καίρια.* (*ф.* 678-*β*). Ясно отсюда, что *τοῦ* послѣ *Λόγου* въ заглавіи отрывка житія относится къ Θеофилакту.

β) *Διονσίατα* ркп. № 274 (Lambros 3808), бум., 16⁰, XVI в., сборникъ, *ф.* 500-*α* —506-*β*. *Ἐκ τοῦ Λόγου τοῦ εἰς τοὺς βίους καὶ τὰ θαύματα τῶν ἁγίων Μεθοδίου, Κυρίλλου καὶ Κλήμεντος. συγγραφεὶς*(sic)*ὑπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας Θεοφυλάκτου. Ἐκ τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Κλήμεντος τοῦ θαυματουργοῦ, κειμένου ἐν τῇ Ἀχρίδι· πάνυ ὡραιωτάτου καὶ χρησιμωτάτου.* Начинается, какъ въ *α*.

γ) *Διονσίατα* ркп. № 280 (Lambros 3814), бум., 16⁰, XVI в., сборникъ, *ф.* 362-*α* *Ἐκ τοῦ λόγου τοῦ εἰς τοὺς βίους καὶ τὰ θαύματα τῶν ἁγίων Μεθοδίου, Κυρίλλου καὶ Κλήμεντος πάνυ ὡραιωτάτου καὶ χρησιμωτάτου.* Начинается, какъ въ *α* и *β*.

Въ сравненіи съ отрывкомъ Алляція списки *α* и *β* сохраняютъ болѣе полное заглавіе съ упоминаніемъ имени Θеофилакта, но зато они, какъ и *γ*, значительно сокращаютъ текстъ въ концѣ: отр. Алляція соотвѣтствуетъ 4—22 главамъ житія (по дѣленію Миклошича), правда, съ большими пропусками отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ главъ (16—17); *α*, *β*, *γ* соотвѣтствуютъ лишь 4—11 главамъ, при чемъ изъ болѣе значительныхъ нужно отмѣтить здѣсь пропуски въ гл. 5 отъ *τὸ δὲ τῶν αἱρετικῶν σύστημα* до *ὑπὸ τούτων οὖν ὁ Σφεντόπλικος*, а также въ гл. 10—11 отъ *μόλις μὲν συνῆκεν* до *εἰ γάρ τις, φησί, φωραθείη*. Изъ однообразныхъ варіантовъ этихъ списковъ, по сравненію съ изданіями, обращаетъ на себя особенное вниманіе обозначеніе года призванія *(κλῆσις)*, т. е., крещенія болгаръ; *ἔτει ἑξακισχιλιοστῷ τριακοσιοστῷ ἑβδομηκοστῷ* (Діонис. №№ 274 и 280), *ϛτό* (Ивер. 382), 6370 (=862) вм. 6377 (=869) года, принятаго въ изданіяхъ житія, при чемъ во всѣхъ спискахъ отрывка имѣется упоминаніе о современникахъ событія: *ἐπὶ Ἀδριανοῦ πάπα Ῥώμης καὶ Μιχαὴλ βασιλέως Ῥωμαίων.* [1])

---

[1]) Въ спп. отрывка постоянно пишется *σπράγγοι* (=Московольск. изд. житія) вм. *φράγγοι*, а также *Βιχνῖσκος* вм. *Βιχνῖκος*.

Б. Полный текстъ представленъ нѣсколькими изданіями.

1) Первое мѣсто между ними занимаетъ изданіе, входящее, въ качествѣ синаксаря, въ службу св. Клименту, напечатанную въ 1742 г. въ Москополѣ Албанскомъ. Книга, въ составъ которой включена эта служба съ житіемъ, представляетъ собою собраніе семи послѣдованій въ честь святыхъ, празднуемыхъ издавна южно-славянскимъ міромъ [1]).

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о составѣ этой книги у *Миклошича*, Vita S. Clementis episc. Bulgarorum, Vindobonae, 1847, praefatio, pp. VIII—X. *А. Гильфердингъ*, „Греческая служба св первоуч. слав. и житіе св. Наума болгарскаго“ въ *Русск. бес.*, 1859, кн. 14, стр. 127—144. Москопольское изданіе житія Климента упоминается у *Григоровича*, Изысканія с слав. апост. (*Журн. мин. н. просв.*, 1847 г., ч. 53), стр. 12, гдѣ ово отнесено почему-то къ 1836 году. Ср. и *Časopis Česk. Mus.*, 1847, p. 515. Вслѣдъ за Григоровичемъ относитъ его къ 1736 г. *Бальбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, ч. 2 (1871, Петерб.), стр. 116, прим. 1. Недоразумѣніе съ датой произошло, м. б., не безъ вліянія книги Ἀκολουθία τῶν Ἁγίων ἑπταρίθμων, ἐν Μοσχοπόλει, ἀψμ΄, гдѣ помѣщено краткое житіе Климента. Въ другихъ изслѣдованіяхъ Москопольское изданіе простр. житія также неправильно датируется 1841 годомъ. Напр., *Миклошичъ*, op. cit., praef., p. V; *Бодянскій*, О врем. происх. слав письменъ, М. 1855, примѣчанія, II; *Вороновъ*, Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Кіевъ, 1877, стр. 110. Дѣло въ томъ, что книга, заключающая въ себѣ житіе Климента, представляетъ собою alligatus, въ который входитъ, въ числѣ другихъ послѣдованій, и занимаетъ, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ, первое мѣсто Ἀκολουθία τῶν ἁγίων Πεντεκαίδεκα ἱερομαρτύρων... μαρτυρησάντων ἐν Τιβεριουπόλει, датируемая на заглавномъ листѣ 1741 годомъ. Эта-то дата перваго послѣдованія принимается изслѣдователями за годъ изданія всей книги. Другія Ἀκολουθίαι, за исключеніемъ посвященной Клименту, повидимому, не имѣютъ заглавныхъ листовъ. *Акολουθία* въ честь Климента имѣетъ на титульномъ листѣ 1742 годъ. Правда, въ экземплярѣ, которымъ пришлось пользоваться мнѣ, заглавный листъ не уцѣлѣлъ, равно какъ недоставало его и въ экземплярѣ, которымъ пользовался для своего изданія Миклошичъ, такъ какъ онъ не приводитъ общаго заглавія службы св. Клименту, но въ экземплярѣ, составляющемъ собственность *А. П. Пападопуло Керамевса*, послѣдованіе въ честь св. Климента озаглавливается такъ: Ἡ |ἀκολουθία| τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν |Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου Ἀχριδῶν| Νεωστὶ καινῷ τύπῳ ἐκδεδομένη, συλλεχθεῖσα ἐκ τῶν συγγραμμάτων τοῦ τε Δημητρίου τοῦ Χωματινοῦ, καὶ τοῦ Καβάσιλα, Ἀρχιεπισκόπων| Τοῦ αὐτοῦ θρόνου χρηματισάντων |Δαπάνῃ μὲν τῆς σεβασμίας μονῆς τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν| Νικολαου τοῦ Θαυματουργοῦ, καὶ τοῦ τυπογράφου. |Διορθώσει δὲ τοῦ λογιωτάτου ἐν Ἱερομονάχοις Κῦ Γρηγορίου|. Καὶ παρ αὐτοῦ Ἀφιερωθεῖσα τῷ Μακαριωτάτῳ Ἀρχιεπισκόπῳ τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς Ἀχριδῶν Κυρίῳ Κυρίῳ Ἰωάσαφ| Παρὰ Γρηγορίῳ Ἱερομονάχῳ τῳ Κωνσταντινίδῃ. |Ἐν Μοσχοπόλει|. 1742. (Byz. Zeitschrift, 1899, Bd. VIII. *А. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς*, Βυζαντινὰ Ἀνέ-

Эти послѣдованія напечатаны въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ тетрадей въ 1741—2 гг. и переплетены въ одну книгу. Все изданіе было предпринято двумя греческими монахами—*Михаиломъ Гора (Μιχαὴλ τοῦ ΓΚόρας)* и *Григоріемъ Константинидисомъ*, основателемъ москопольской типографіи [1]), по благословенію Охридскаго архіепископа Іоасафа. Нѣкоторые отдѣлы книги сооружены на средства монастыря св. Наума, что́ близъ Охридскаго озера. Въ частности служба съ житіемъ св. Климента напечатана была Григоріемъ Константинидисомъ на средства отчасти монастыря св. Наума, отчасти самого типографа *(εἰς μικρὸν φύλλον*, 50 стр.; *Βίος—13-37* стр). Она посвящена издателемъ архіеп. Іоасафу, какъ трудъ „малый по существу, но великій и святой по благочестію“ *(μικρὰν μὲν βιβλίον τῇ οὐσίᾳ, μεγάλην δὲ καὶ ἱερὰν τῇ εὐσεβείᾳ)*.

2) Въ 1802 году въ Вѣнѣ памятникъ появился въ новомъ изданіи, которымъ наука обязана ученому іеромонаху *Амвросію Памперею (ἐπιστασίᾳ Ἀμβροσίου ἱερομονάχου τοῦ Παμπέρεως)*, родомъ москополиту, сначала учителю въ Валахіи, а потомъ священнику православной церкви въ Вѣнѣ, заявившему себя нѣсколькими сочиненіями и изданіями [2]). Книга Памперея [3])

λεκτα, p. 75 sqq.). Здѣсь нужно отмѣтить, что странности пагинаціи Москопольскаго сборника, отмѣченныя Миклошичемъ въ его экземплярѣ, наблюдаются и въ другихъ экземплярахъ: paginam 35 male excipit pag. 5 usque ad pag. 26, quam sequitur p. 51 usque ad paginam 72 (op. cit., praefatio, p. IX). Но тетрадь съ послѣдованіемъ въ честь св. Климента, занимающая въ экземплярѣ Миклошича послѣднее мѣсто, въ другихъ, какъ, напр., въ экземплярѣ библ. Моск. дух. академіи, помѣщается въ началѣ книги. Вообще, хотя Москопольское изданіе въ Кирилло-Меѳодіевской литературѣ часто упоминается, но оно было въ рукахъ лишь у очень немногихъ изслѣдователей. Гильфердингъ говорилъ о наличности всего 2-хъ или 3-хъ экземпляровъ его во всей Европѣ. На самомъ дѣлѣ въ разныхъ европейскихъ библіотекахъ ихъ извѣстно до 10-ти.

[1]) О немъ и о москопольской типографіи—у *Παρανίκα, Σχεδίασμα περὶ τῆς ἐν τῷ ἑλληνικῷ ἔθνει καταστάσεως τῶν γραμμάτων. Ἐν Κωνσταντινουπόλει*, 1867, 210.

[2]) Краткія свѣдѣнія о его жизни и трудахъ у *Σάθα, Νεοελληνικὴ φιλολογία, ἐν Ἀθήναις*, 1868, p. 614. Миклошичъ сообщаетъ о немъ кое-какія свѣдѣнія *teste Anthimo Gaza* (op. cit., praef., V), хотя эти сообщенія и не вполнѣ совпадаютъ съ свѣдѣніями, которыя находятся у *Σάθα*.

[3]) Подробное заглавіе ея: *Νικηφόρου Καλλίστου τοῦ Ξανθοπούλου περὶ συστάσεως τοῦ σεβασμίου οἴκου τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει Ζωοδόχου πηγῆς, καὶ*

въ первой части своей (стр. 1—99) содержитъ сочиненіе Никифора Каллиста о построеніи храма Пресв. Богородицы *τῆς Ζωοδόχου πηγῆς* и о чудесахъ, совершившихся въ немъ. Вторая часть (стр. 101—140) представляетъ собою текстъ житія Климента съ тѣмъ же, что и въ Москоп. книгѣ, заглавіемъ, которое потомъ удержалось во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ: *Βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογία τε, καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις, τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων, συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου καὶ ἀοιδίμου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς, καὶ πάσης Βουλγαρίας, κυρίου Θεοφιλάκτου, τοῦ καὶ μαΐστρος τῶν ῥητόρων χρηματίσαντος ἐν Κωνσταντινουπόλει.* Соединіе двухъ этихъ произведеній въ одной книгѣ, не имѣющее для себя никакихъ внутреннихъ основаній въ содержаніи ихъ, зависитъ, вѣроятно, отъ литературной традиціи, въ силу которой сочиненія Каллиста иногда въ рукописныхъ сборникахъ стояли рядомъ съ сочиненіями Θеофилакта [1]).

Текстъ житія Климента въ книгѣ Памперея находится внѣ непосредственной зависимости отъ Москопольскаго изданія. Послѣднее, равно какъ и отрывокъ Алляція, было совсѣмъ даже неизвѣстно ему. Въ противномъ случаѣ онъ

τῶν ἐν αὐτῷ ὑπερφυῶς τελεσθέντων θαυμάτων, καὶ ὁ βίος τοῦ ἐν ἁγίοις Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων, συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου Ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς Κυρίου Θεοφυλάκτου |Νῦν δὲ πρῶτον τύποις ἐκδοθέντα ἐπιστασίᾳ Ἀμβροσίου Ἱερομονάχου τοῦ Παμπέρεως, ϛωβ' (sine loco). *Ἐν τῇ Ἑλληνικῇ Τυπογραφίᾳ Γεωργίου Βεντότη. εἰς* 8-*ον.* Первыя по времени библіографическія замѣчанія объ изданіи Памперя принадлежитъ *Копитарю.* См. у *Н. Петровскаго,* Первые годы дѣятельности В. Копитаря. Казань, 1906, стр. 336—340; ср. также статью его: Къ исторіи сказаній о свв. Кириллѣ и Меѳодіи въ *Журн. мин. нар. пр.,* 1907 г.. май, стр. 138 и сл. Ошибочное указаніе Копитаря, будто житіе Климента появилось въ Вѣнѣ въ печати впервые—zuerst (Wiener Allgem. Litteraturzeitung, 1813, іюль), основывалось на *πρῶτον ἐκδοθέντα* титульнаго листа изданія. Упоминанія объ изданіи находятся также у Миклошича, op. cit., V; въ *Νεοελληνικὴ φιλολογία Βρετοῦ, μέρος α', σελ.* 139; у *Бодянскаго,* op. cit., прим. 5, стр. II и сл., и у др. Книга Памперея, кажется, въ общую продажу не поступала *(Журн. мин. нар. пр,* пр., 1907, май, стр. 138 и сл.). Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ она вся разошлась въ Греціи; два экземпляра ея, проникшіе въ Прагу и Берлинъ,—подарки Копитаря (Der österreichische Geschichtsforscher. Herausgeg. von. *I. Chmel.* Bd. I, Heft III, Wien, 1838, p. 513).

[1]) Ср., напр., Діонис. ркп. № 274, гдѣ отрывку изъ житія Климента предшествуетъ статья Никифора Каллиста: *Τῶν χριστιανῶν τοὺς βασιλεῖς μοι σκόπει φ.* 498-*β.*

не поставилъ бы на титульномъ листѣ своей книги словъ: *τῦν δὲ πρῶτον τύποις ἐκδοθέντα.* Однакожъ, его текстъ почти *дословно, буква въ букву,* совпадаетъ съ московопольскимъ, не исключая даже довольно уродливой по мѣстамъ пунктуаціи[1]). Это совпаденіе нужно было бы объяснить удивительнымъ однообразіемъ текста въ различныхъ спискахъ, что́ вело бы къ признанію его авторитетности, еслибы не возникало и не пріобрѣтало для себя весьма вѣсскихъ данныхъ предположеніе, что *оба изданія,* по странной ироніи судьбы, *напечатаны по одному и тому же списку.* Что въ основѣ Московопольскаго изданія лежитъ списокъ монастыря св. Наума, объ этомъ можно говорить съ увѣренностью на основаніи близкаго участія, какое принимала въ печатаніи эта обитель не только своими силами, но даже и своими средствами. Амвросій Памперей также напечаталъ свой текстъ по рукописи, найденной имъ въ томъ-же монастырѣ св. Наума. Положительныя свидѣтельства объ этомъ имѣются у Копитаря и у Миклошича. Первый изъ нихъ, говоря объ этомъ, ссылается, какъ на источникъ своего указанія, на какія-то „устныя сообщенія“ [2]); второй устанавливаетъ этотъ фактъ на осно-

[1]) Немногочисленныя отличія того отъ другого зависятъ отъ болѣе сознательнаго отношенія къ рукописному оригиналу со стороны Амвросія, чѣмъ какое обнаруживаетъ Григорій Константинидисъ въ Московопольскомъ изданіи, очевидно, рабски, не отдавая себѣ полнаго отчета въ печатаемомъ, слѣдовавшій своему подлиннику. Отсюда сравнительная исправность вѣнскаго изданія въ такихъ случаяхъ, какъ *ποιῆσθαι* Моск. 23—*ποιεῖσθαι* Вѣн. 117; *σπραγγῶν* 24—*φράγγων* 119; *ἡ Σάα* 25—*Ἡσάϊ* 120; *ἀμίλικτος* 26—*ἀμείλικτος* 122; *ἦμεν* 26—*εἶ μὴ* 122; *παῖς* 27—*παῖ* 123; *τῷ Λοβετῦν* 29—*τὸν Λοβετῦν* 127; *ἐ Χάτζῃ* 29—*Ἐχατζῃ* (sic.) 127; *ἐν διὰ βόλει* 28—*ἐν Διαβόλει* 127; *κατάκρας* 31—*κατὰ κράτος* 129 и т. п. Въ нѣсколькихъ случаяхъ въ текстѣ Амвросія есть въ наличности пропущенныя въ Москоп. изданіи отдѣльныя слова

[2]) *B. Kopitars* Kleinere Schriften. Wien. 1857, pp. 166—8. Ср. письмо его къ Стратимировичу отъ 1 н. 1811 г., гдѣ онъ пишетъ: Anthimus hat mir für ihn ein Exemplar des *Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων,* so Ambrosius *ὁ Παμπερεύς* 1802 hier in Wien aus einem Mste des klosters St. Naum bei Achrida herausgegeben, prokuriert, was ihm, Dobrowsky, sehr wichtig scheint. Источники для исторіи слав. филологіи, т. II (=*Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ,* т. 62), стр. 782. Весьма правдоподобнымъ кажется, поэтому, предположеніе г. *Н. Петровскаго,* что и подъ „устными сообщеніями“, на которыя ссылается Копитарь, слѣдуетъ подразумѣвать разсказъ того же Анѳима Газскаго, грека-архимандрита въ Вѣнѣ. Op. cit. 336.

ваніи свидѣтельства Анѳима Газскаго (Teste Anthimo Gaza, ...edidit (Памперей) hunc librum e codice monasterii S. Naum ad lacum Achridanum in Macedonia [1]). Монастырь св. Наума былъ однимъ изъ центровъ, гдѣ издавна процвѣталъ культъ седмичисленниковъ и въ частности св. Климента. Естественно, что рукопись этого монастыря, благодаря его близости къ Моснополю, сыграла столь важную роль въ рукахъ перваго и второго издателей житія—мосхополитянъ.

3) Въ виду чрезвычайной рѣдкости, какую представляли собою и мосхопольское, и вѣнское изданія уже къ половинѣ 19-го вѣка [2]), *Миклошичъ* въ 1847 г. выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе житія [3]). Благодаря ему знаменитый памятникъ сдѣлался болѣе доступнымъ и пріобрѣлъ въ славянскомъ и европейскомъ мірѣ значительную распространенность. Особенную цѣнность книгѣ Миклошича придаетъ предисловіе (V—XXII), въ которомъ собраны библіографическія свѣдѣнія о предшествующихъ изданіяхъ, дается на латинскомъ языкѣ краткій пересказъ историческихъ данныхъ, заключающихся въ житіи, упоминается о краткомъ житіи св. Климента, наконецъ, приводятся доказательства противъ принадлежности издаваемаго памятника Ѳеофилакту. Самое житіе впервые раздѣлено на главы (29), а латинскій сокращенный пересказъ снабженъ нѣсколькими примѣчаніями.

Однакожъ, несмотря на все значеніе для науки труда Миклошича, выполненнаго съ рѣдкой тщательностью, онъ не даетъ ничего новаго для сужденія собственно о текстѣ жи-

---

[1]) Op. cit, p. V.

[2]) *Миклошичъ*, жившій въ Вѣнѣ, признавалъ вѣнское изданіе Памперея столь же рѣдкимъ, какъ и мосхопольское, которое уже тогда представляло собою, по его словамъ, liber rarissimus. Op. cit., p. V. *Бодянскій* писалъ въ 1855 г. объ этихъ изданіяхъ тоже, какъ о необычайной рѣдкости,—„такъ что я—говоритъ онъ о себѣ—не могъ ни одного изъ нихъ пріобрѣсть за границей, а получилъ, послѣ долгихъ сношеній, лишь въ 1847 г. отъ одного знакомаго серба, который нарочно поручилъ отъискать ихъ не только въ княжествѣ сербскомъ, но и сосѣднихъ Турецкихъ областяхъ". О врем. происх. слав. письм., прим., III. Въ настоящее время, насколько извѣстно, вѣнское изданіе представляетъ собою еще большую рѣдкость, чѣмъ мосхопольское. Оба изданія имѣются, между прочимъ, въ библіотекѣ Моск. дух. академіи.

[3]) Op. cit. 8°, I—XXII+34.

тія, не проясняетъ его исторіи и не освѣжаетъ его сравнительно съ предшествующими изданіями. Дѣло въ томъ, что въ основу своего изданія Миклошичъ положилъ текстъ Памперея. Правда, онъ воспользовался при этомъ еще копіей со списка монастыря св. Наума, доставленной ему В. И. Григоровичемъ, но въ этомъ случаѣ ему, кажется, пришлось сравнивать копію съ оригиналомъ или же вообще съ однимъ изъ представителей той семьи списковъ монастыря св. Наума, которая сослужила службу и издателямъ москопольской книги, и Амвросію Памперею. По крайней мѣрѣ сличеніе изданія Миклошича съ предшествующими изданіями не обнаруживаетъ на всемъ протяженіи текста ни одного существеннаго варіанта; нѣсколько неважныхъ особенностей въ текстѣ Миклошича объясняется вліяніемъ ватиканскаго отрывка, которымъ, по изданію Алляція, также пользовался Миклошичъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что, если не считать ватиканскаго отрывка, изданіе Миклошича двоякимъ путемъ восходитъ къ одному и тому же списку монастыря св. Наума или же къ двумъ спискамъ, принадлежащимъ къ совершенно однообразной семьѣ текстовъ этого монастыря: 1) черезъ изданіе Памперея и 2) черезъ списокъ, доставленный ему Григоровичемъ.

Послѣдующія четыре изданія представляютъ собою просто перепечатку изданія Миклошича, безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ. Сюда относятся:

4) Изданіе въ „Матеріалахъ для исторіи письменъ“, вышедшихъ по случаю столѣтняго юбилея Московскаго университета, съ русскимъ переводомъ Менщикова (М. 1855).

5) *Migne*, Patrol. curs. compl., graec., t. 126, pp. 1192—1240, съ дословнымъ латинскимъ переводомъ.

6) Fontes rerum bohemicarum, ed. Novatého. I, pp. 76—92.

7) *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, ч. II (СПБ. 1871), Codex legendarum de ss. Cyrillo et Methodio, VII, pp. 276—300. Въ текстѣ много грубыхъ опечатокъ.

Такимъ образомъ, семь изданій полнаго текста житія, вышедшихъ въ теченіе немного болѣе, чѣмъ столѣтія, являются показателями того интереса, который питали къ историческому содержанію памятника и греческіе *ἄνδρες λογιώτατοι*, и славянскіе и европейскіе ученые. Однакожъ, происхожденіе—непосредственное или косвенное—всѣхъ этихъ из-

даній отъ одного и того же списка или отъ нѣсколькихъ списковъ одной семьи въ значительной степени суживаетъ ихъ значеніе собственно для научныхъ усилій овладѣть текстомъ, заключающимъ въ себѣ столь много загадочнаго. *Выходитъ, что и вся научная литература, посвященная житію, имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ всего лишь одинъ списокъ его, а если два, то похожіе другъ на друга, какъ близнецы, при чемъ одинъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, непосредственно восходитъ къ другому.* Точно также и всѣ разноязычные переводы популяризируютъ совершенно однообразный текстъ [1]).

---

[1]) Переводы пространнаго житія. *На болгарскій языкъ:* Впервые былъ сдѣланъ переводъ на *полу-мыяцкое, полу-болгарское* нарѣчіе архимандритомъ Зографскимъ, впослѣдствіи епископомъ Поленкскимъ (Дойранско-Кукутскимъ), *Парѳеніемъ*, мыякомъ, родомъ изъ Галличника (свѣдѣнія о немъ см. въ *Извѣст. славянск. благотв. общ.* 1888, № 2, стр. 91), и напечатанъ въ ж. *Български Книжици* за 1858 г. *Мыяки* или *мыяцы*— этнографическая разновидность ославянившихся арнаутовъ, живущая въ Дебрьской области, на сѣверъ отъ Охриды и Струги. Переводъ *Парѳенія* мѣстами неправиленъ и заключаетъ въ себѣ много пропусковъ въ сравненіи съ греческимъ оригиналомъ. Впослѣдствіи житіе было переведено на литературный болгарскій языкъ *Д. Матовымъ* и издано съ предисловіемъ *М. Дринова, Българска библиотека*, брой II. Издава Българско-то Книж. Дружество, Срѣдецъ, 1885. Переиздано въ сокращенномъ видѣ съ примѣчаніями въ „Животописъ на св. Климентъ, български архиепископъ", Пловдивъ, 1896. О переводѣ Матова—у *проф. Милетича, Български Прѣгледъ*, год. III, кн. IV, стр. 131. *На чешскій языкъ:* Fontes rerum bohemicarum, I, p. 76—92. Života sw. Cyrilla a Methoda ze životopisu sw. Klimenta Velickeho, legendy tak zvané bulharské. *На русскій языкъ:* Переводъ, впервые сдѣланный *А. Мещиковымъ*, помѣщенъ въ юбилейномъ изданіи Моск. Университета. Онъ отличается большой тщательностью, но все-таки не лишенъ нѣсколькихъ ошибокъ: *Τζασθλάβος*—Изяславъ XVI гл., *εἰς τρισχιλίους γὰρ καὶ πεντακοσίους*—до 3050 человѣкъ XVIII. *Бильбасовъ* вторично издалъ, вмѣстѣ съ греч. текстомъ, русскій переводъ, повидимому новый, но едва-ли болѣе совершенный, такъ какъ въ немъ повторяются ошибки юбилейнаго изданія (Кириллъ и Меѳодій, II, стр. 341—368). Проф. *П. А. Лавровъ* исправилъ текстъ *Мещикова* и съ не большими измѣненіями помѣстилъ въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ", подъ ред. П. Г. Виноградова, II, (М. 1897). Здѣсь переводъ снабженъ примѣчаніями библіографическаго и объяснительнаго характера. *Латинскій переводъ:* полный—у *Миня*, Patrol. gr., t. 126, pp. 1192—1240, у *Гинцеля*, Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method. Cod. p. 32; сокращенный—у *Миклошича* Op. cit, pp. X—XXII, и у *Пастернека* (по Миклошичу), Dějiny slovanských apoštolů Cyrilla a Methoda. V Praze, 1902, pp. 278—286.

Но можно ли всѣ черты одного или двухъ списковъ вмѣнять особенностямъ подлинника? Отрицательный отвѣтъ, который можно было бы допустить a priori, слѣдуетъ и изъ разсмотрѣнія еще неизслѣдованнаго списка житія, и изъ новогреческихъ переработокъ послѣдняго.

Намъ извѣстна наличность двухъ списковъ житія, еще не принятыхъ въ разсчетъ ни издателями, ни изслѣдователями: одинъ—въ рукописи В. И. Григоровича, вывезенной имъ изъ Охриды и хранящейся въ настоящее время въ Румянц. музеѣ, въ Собр. Григоровича подъ № 818; другой—въ одной изъ рукописей Охридской митрополіи. Къ сожалѣнію, намъ пришлось воспользоваться только первымъ изъ нихъ.

Охридская ркп. Григоровича представляетъ собою отрывокъ изъ какого-то сборника, въ л., на бумагѣ, XIV—XV в.; въ отрывкѣ всего 45 лл., при чемъ послѣдніе лл. ркпси, слѣдующіе послѣ житія, повреждены сыростью до полнаго почти разрушенія [1]). Житіе св. Климента помѣщается на 10—33 лл., между двумя другими статьями отрывка: а) апокрифич. сказаніемъ объ Успеніи Пр. Богородицы, безъ заглавія и начала, лл. 1-α—9-β, и б) житіемъ св. Николая Чудотворца, лл. 33-β—45-β [2]).

Сличеніе Охридскаго списка съ изданіями обнаруживаетъ цѣлый рядъ варіантовъ разнаго характера и достоинства. Значительное количество ихъ съ перваго же взгляда вну-

---

[1]) На л. 43-β рукою Григоровича написано: „Весь этотъ кусокъ изъ митропол. церкви св. Климента, что прежде (называлась) Панагія, въ Охридѣ, 1845 г., 10 мая". Хотя самъ Григоровичъ обратилъ вниманіе на эту рукопись (Изысканія о слав. апост. въ *Журн. мин. нар. пр.*, 1847 г., янв., стр. 12. Ср. очеркъ путешествія, стр. 185) и замѣтилъ, что она „заключаетъ варіанты противъ печатныхъ изданій" (Древне-слав. памятникъ, дополняющій житіе слав. апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія въ *Кирилло-Меѳод. Сборникѣ*, изд. Погодинымъ, М. 1885, стр. 262, прим. 1), однакожъ онъ почему-то не сообщилъ Миклошичу ни обстоятельныхъ свѣдѣній о найденномъ спискѣ житія, ни варіантовъ изъ него. Разумѣется, этотъ списокъ и еще какой-то другой имѣетъ въ виду Миклошичъ, когда замѣчаетъ: hodiendum in Macedonia extare duos libros manu exaratos integram vitam complectentes accepimus e Victore Grigorovič. Op cit., p. VI.

[2]) *Fabricii* Biblioth. graeca, V, 702 и X, 298. Замѣчанія о ркп. у *А. Викторова*, Собраніе рукоп. В. И. Григоровича, М., 1879, 45—46 стр.

шаетъ довѣріе къ новому тексту своей исправностью или возстановленіемъ словъ, опущенныхъ въ изданіяхъ.

1. На всемъ протяженіи Охр. списка нигдѣ св. Климентъ не называется *архіепископомъ*, какимъ онъ именуется во всѣхъ изданіяхъ въ заглавіи. Ср. *ἐπισκόπου* Охр. сп. 11-*α*. съ *ἀρχιεπισκόπου* Изд.

2. Начальныя фразы житія, послѣ выдержекъ изъ Пс. **33**, 12; **65**, 16; **77**, 6; **101**, 19, въ Охр. сп. читаются: *ταῦτα μὲν Δαβὶδ εἴρηκεν, ἡμεῖς δὲ μετ' αὐτοῦ σήμερον· δεῖ γὰρ τὴν θείαν μεγαλοσύνην ἐκδιηγεῖσθαι πάντοτε καὶ πρὸς ἅπαντας, οὐ ταύτῃ μόνον, [ὅτι τῆς τοῦ Θεοῦ αἰνέσεως οὐκ ἔστιν ἀριθμός, ὡς πιστεύομεν], ὅσα γὰρ ἂν ἀπαγγείλωμεν καὶ λαλήσωμεν, ὑπὲρ ἀριθμὸν ἐπληθύνθησαν τὰ λειπόμενα. ἀλλ' ὅτι καὶ τοῖς ῥᾳθυμοτέροις καὶ πρὸς τὴν τοῦ καλοῦ ἐργασίαν ἀπονυστάζουσι διυπνισμός τις γίνεται ἡ τῶν τοῦ Θεοῦ θαυμασίων κηρυττομένη μεγαλοπρέπεια* 11-*β*. Фразы, поставленной въ скобкахъ, въ Изд. нѣтъ, поэтому слова *οὐ ταύτῃ μόνον* переводчики не безъ натяжки вынуждены относить къ предшествующей мысли [1]). Между тѣмъ незаконченность мысли, заключающаяся въ этихъ словахъ, восполняется болѣе правильнымъ чтеніемъ Охр. сп.

3. Выраженію *τρέχουσι... πρὸς τὸν Ῥώμης* Изд. III нужно предпочесть *τρέχουσι... πρὸς τὴν Ῥώμην* Охр. сп. 12-*β*.

4. Переводу (*μετάθεσις*) св. Писанія въ Изд. усвояется названіе: *ἀποστολικὸν οὖσαν γέννημα* III. Ср. болѣе распространенное выраженіе въ Охр. сп.: *ἀποστολικῆς ὄντως ψυχῆς χάριτος πνευματικῆς οὖσαν γέννημα* 13-*α*.

5. Изд.: *ἐπεὶ δὲ καιρὸς ἦν Μεθοδίῳ ἐπὶ τὴν τῆς χώρας ταύτης ἐπισκοπὴν ἀπιδεῖν...* IV. Въ ближайшихъ словахъ нѣтъ указанія на то, какая страна здѣсь имѣется въ виду. Въ Охр. сп. этотъ пропускъ восполняется: *ἐπεὶ δὲ καιρὸς ἦν Μεθοδίῳ τῆς ἐπὶ τὴν Παιονίας ὁδοῦ καὶ ἐθήλου* [2]) *τὸν ἐπὶ τὴν τῆς χώρας ταύτης ἐπισκοπὴν ἀπιδεῖν...* 14-*β*.

6. То важное мѣсто житія, въ которомъ говорится о сочиненіяхъ Климента, въ Охр. сп. оканчивается словами: *φέρονται γὰρ ταῦτα πάντα παρὰ τοῖς φιλοπόνοις σωζόμενα. [τί ἔτι; καὶ ψαλμικοῖς κατόσι τὴν ἐκκλησίαν (ἐ)κύκνωσε.] τοῦτο μὲν εἰς πολλοὺς τῶν ἁγίων συντεθειμένοις, τοῦτο δ' εἰς πανάμωμον τοῦ Θεοῦ μητέρα ἱκετηρίοις, εὐχαριστηρίοις, καὶ ἁπλῶς εἰπεῖν, πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας* и т. д. 29-*β*. гл. XXII. Словъ, заключенныхъ въ скобки, въ Изд. нѣтъ; вм. *συντεθειμένοις* въ Пзд. стоитъ *συντεθειμένα*. При чтеніи этого мѣста въ Пзд. возникаютъ два затрудненія: а) нѣсколько непонятной кажется форма дат. падежа въ *ἱκετηρίοις* и *εὐχαριστηρίοις*; б) если *τοῦτο μὲν* и *τοῦτο δὲ* относятся къ предшествующему *ταῦτα πάντα*, т. е. къ поученіямъ, похвальнымъ словамъ и житіямъ святыхъ, составленнымъ или обработаннымъ Климентомъ, тогда непонятно, какимъ образомъ эти произведенія въ дальнѣйшемъ превращаются въ „молитвы и благодарственныя пѣсни“ (*ἱκετηρίοις, εὐχαριστηρίοις*). Оба затрудненія устраняются болѣе правильнымъ полнымъ текстомъ, сохранившимся въ Охр. сп.: здѣсь слова *ἱκετηρίοις* и *εὐχαριστηρίοις* согласованы съ *κατόσι* и относятся къ пѣснотворческимъ, а не проповѣдническимъ, трудамъ Климента. Разночтеніе Охр. сп. очень интересно, какъ указаніе на *богослужебные* поэтическіе труды св. Климента, на которые доселѣ никакихъ указаній не встрѣчалось, хотя о нихъ можно было догадываться на основаніи гимнографическаго характера его похвальныхъ словъ.

7. Охр. сп.: *ἐπάνεισι μὲν ἐκ Βελίτζας εἰς Ἀχρίδα Κλήμης* 30-*β*: ср. Изд., гдѣ вм. *Βελίτζας* читаемъ *Γλαβενίτζας* XXIV. О пребываніи Климента въ *Главеницѣ* передъ этимъ въ житіи указаній нѣтъ; какъ епископъ *Велицкій*, онъ представляется живущимъ въ *Велицѣ*, и текстъ Охр. сп. кажется болѣе правильнымъ [1]).

---

[1]) Приводимъ нѣкоторыя другія разночтенія Охр. сп., представляющія собою въ большинствѣ случаевъ замѣну однихъ словъ и формъ другими, пропуски и распространенія. I *ἀπονυστάξασι* Изд. *ἀπονυστάζουσι* 11-*β*| II *βαλόντες* Изд. *λαβόντες* 12-*α*| II *φόβον λαβεῖν* Изд. *φόβον συλλαβεῖν* 12-*α*| II *προσευχῇ ἐπιμόνῳ κακώσει τε σώματος καὶ ψυχῆς συντριβῇ* Изд. *ἐπιμόνῳ καὶ κακώσει τε ψυχῆς καὶ συντριβῇ* 12-*β*| III *ἐμφανισθῆναι* Изд. *ἐμφανισθῆναι τοῖ ποθουμένοῦ* 13-*α*| III *κοσμηθῆναι* Изд. *κεκοσμῆσθαι* 13-*β*| III *τοῦ τῶν πρετβυτέρων* Изд. *τοῦ πρεσβυτερίου* 13-*β*| III *χειροτονεῖ* Изд. *χειροθετεῖ* 13-*β*| V *ἡ τελευτὴ καὶ τιμὴ* Изд. *τελευτὴ τιμῆς* 14-*β*| *τετύχηκε* Изд. *τετίμηκεν* 14-*β*| IV *τὸ διδακτικὸν* Изд. *τὸ διδασκαλικὸν* 15-*α*| IV *νουθετῶν* Изд. *νομοθετῶν* 15-*α*| IV *αὔξησιν* Изд.

Хотя приведенныя разночтенія Охр. списка—за исключеніемъ 6-го—не содержатъ въ себѣ новыхъ фактическихъ данныхъ, но, при общей сравнительной исправности текста, они оказываются весьма полезными для текстуальной критики памятника: 1) на основаніи ихъ можно утверждать, что текстъ, вышедшій изъ монастыря св. Наума и легшій въ основу всѣхъ изданій, не есть единственный и лучшій,—отсюда предположеніе объ его порчѣ, къ которому, какъ къ ultima ratio, прибѣгъ И. В. Ягичъ [1]), получаетъ для себя нѣкоторое доказательство; 2) благодаря имъ Охр. списокъ пріобрѣтаетъ довѣріе, въ силу котораго не могутъ остаться безъ вниманія особенности текста его, касающіяся собственныхъ именъ и не могущія въ настоящее время быть провѣренными или подлежащія провѣркѣ только отчасти.

Къ такимъ особенностямъ относятся прежде всего варіанты въ именахъ вельможъ царя Бориса, упоминаемыхъ въ житіи. Вм. *Λοβετᾶ(ς),—Λοβετῆ, Λοβετᾶν*,—принятаго въ Изд. XVII гл., въ Охр. спискѣ во всѣхъ случаяхъ стоитъ *Λομετᾶ(ς)—Λομετῆ, Λομετᾶν* 26-*β*. Имя *Довета, Добета* или *Добетъ* принято относить къ числу не-славянскихъ и видѣть въ немъ одно изъ указаній на господство у болгаръ туранской стихіи въ

αὖξην 15-*β*| VI *Γοράσδος* Изд. *Γοράσδης* 18-*α*, 18-*β*| VI *ἀνακεκήρυκτο* Изд. *ἀνεκηρύττετο* 18-*β*| XII *λογιώτατος* Изд. *ἐλλογιμώτατος* 22-*α*| XVI *παραλύσας αὐτόν* Изд. *παραλύσας τὸν οὗτον* (*?*) 26-*β*| XVII *ὁ λόγος φθάσας* Изд. *λόγος* 26-*β*| XVII *θελητέα* Изд. *βουλητέα* 26-*β*| XVII *Γλαβενίτζαν* Изд. *Γλαβηνίτζαν* 27-*α*| XVIII *ἡμᾶς*.. *οἰκειοτέρους* Изд. *ἡμᾶς*... *οἰκειοτέρους αὐτῷ* 27-*β*| XX *καὶ οὕτω δὴ Βουλγάρῳ γλώσσῃ πρῶτος ἐπίσκοπος ὁ Κλήμης καθίσταται* Изд. *καὶ οὕτως* (*δὴ* приписано въ началѣ строки) *Βουλγαρίαν γλώττῃ πρῶτος ἐπίσκοπος ὁ Κλήμης καθίσταται* 28-*β*| XXII *ἐκ νέου ἔτι καὶ ἀπαλοῦ* Изд. *ἐκ νέου ἔτι ἀπαλοῦ* 29-*α*| XXII *ἀνέγνωσιν μόνην* Изд. *μόνην* нѣтъ 29-*α*| *τὰς τῶν ἁπλουστέρων ψυχὰς* Изд. *τὰς τῶν ἁπλουστέρων Βουλγάρων ψυχὰς* 29-*α*| *καὶ Παῦλος ἄλλοις τοῖς Βουλγάροις Κορινθίοις ἄλλος γενόμενος* Изд. *καὶ Παῦλος ἄλλος τοῖς Βουλγάροις Κορινθίοις ἄλλοις γενόμενος* 29-*β*| XXII *εὑρήσεις ταύτην* Изд. *εὑρησεις καὶ ταύτην* 29-*β*| XXVI *τὸ λεῖπον τῷ τριωδίῳ προστίθησι* Изд. *τὸ λεῖπον τῷ τριωδίῳ προτίθησι* 32-*α*| XXVI *τίς ἂν εἴη* Изд. *τίς ἂν ἦν* 32-*α*| XXVI *βαρβαρικώτερον* Изд. *βαρβαρικωτέρους* 32-*β*| *δοθέντα* Изд. *τεθέντα* 32-*β*|. Слѣдуетъ отмѣтить также *Σπραγγῶν* 15-*β*, 16-*β*, 22-*α* вм. *Φράγγων* Изд.| *Τζασελάβος* 26-*β* вм. *Τζασθλάβος* Изд.| *Βιχλῖσκος* 18-*β* вм. *Βιχνῖσκος* Изд.| *Βοριτακάγγῳ* 25-*β* вм. *Βοριτακάνῳ* Изд.

[1]) Die neusten Forschungen uber die slav. Apost. Kyrill und Methodius въ *Arch. f. sl. Phil.*, IV, p. 114.

IX—X вв. [1]). Однакожъ, нисколько не ограничивая этого факта, въ данномъ случаѣ, на основаніи новаго варіанта, нужно допустить, что *Δοβετᾶ* явилось изъ первоначальнаго *Δομετᾶ*, вслѣдствіе измѣненія буквы *μ* въ *β*, легко объяснимаго изъ сходства въ начертаніяхъ этихъ буквъ въ греч. рукоп. XIII—XV вв. *Δομετᾶ* представляетъ собою славянское измѣненіе греческаго *Δομέτιος* или *Δομετιάνος*, что вполнѣ подтверждается аналогичнымъ именемъ въ святцахъ при Остромировомъ Евангеліи, гдѣ подъ 4-мъ октября читаемъ: **стѣ стыхъ оучкъ Домета и Дюгена** и т. д. (Изд. Востокова, стр. 228, столб. 1).

Имя другого болгарскаго сановника—*Ἐχάτζης* (XVI) въ Охр. сп. пишется *Ἐσχάτζης* 26 *α*, 26-*β* [2]).

Что касается загадочной географической номенклатуры житія, то и здѣсь Охр. сп. представляетъ разночтенія, не лишенныя интереса, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые географическіе термины нашего памятника нигдѣ въ другихъ источникахъ не встрѣчаются. Область *Κουτμιτζιβίτζα* Изд. XVII, въ которую Климентъ былъ посланъ Борисомъ въ качествѣ учителя, въ Охр. сп. имѣетъ двѣ формы: *Κουτμιτζινίτζα* и *Κουτμιντζίνα* 26-*β*. Какая изъ трехъ созвучныхъ формъ дѣйствительная, сказать, за отсутствіемъ данныхъ, нельзя; наличность ихъ показываетъ, что переписчикамъ житія уже не было извѣстно это загадочное имя. Можетъ быть, въ немъ скрытъ славянскій корень. Но не исключена возможность и албанскаго его происхожденія, благодаря которому оно не пріобрѣло популярности среди славянскаго и греческаго міра. Какъ мѣстное обозначеніе, въ албанскомъ языкѣ извѣстно близкое къ нему *Κjυτσετίτζεα* отъ *Κjυτσι=тоск. Κjουτέτι* [3])—городъ. Проникновеніе албанскаго термина въ житіе было бы такимъ же отголоскомъ просвѣтительнаго

---

[1]) *Новаковић*. Први основи словенске књижевности међу Балканским словеним, у Београду 1893; Книга для чтенія по исторіи средн. вѣковъ подъ ред. *П. Г. Виноградова* вып. 2, М. 1897. примѣчанія къ житію Климента, принадл. проф. *П. А. Лаврову*, стр. 200, прим. 21; *Шафарикъ*, Слав. Древн. въ пер. Бодянскаго, т. II. кн. 1, М., 1848, стр. 270.

[2]) Въ такой формѣ нельзя-ли сблизить его съ *тюркск. Ескі?* Ср. также названіе рѣки *Ἐσχάχ. Μελετίου, Γεωγραφία παλαιὰ καὶ νέα, Ἐν Βενετ.*, 1807, I, 416.

[3]) *Hahn*, Albanesische Studien. Jena, 1854, III, Beiträge zu einem Alb.—deutsch. Lexicon, p. 58 и др.

вліянія Климента на древнихъ албанцевъ, сосѣдившихъ въ Македоніи съ славянскими племенами, какъ и сохранившееся до сихъ поръ у арнаутскихъ мусульманъ чествованіе „славы" Климента.

Наконецъ, къ числу интересныхъ варіантовъ Охр. списка нужно отнести названіе епархіи, въ которой Климентъ былъ епископомъ: *Δρεβενίτζας* 28-*β* вм. *Δρεμβίτζας* Изд. Для объясненія этого варіанта возможно нѣсколько предположеній: или измѣненіе одного термина въ другой совершилось по какимъ-нибудь основаніямъ, напр., вслѣдствіе замѣны первичнаго славянскаго *β* черезъ *μβ*, иногда имѣвшей мѣсто при передачѣ слав. звука б греками,—ср. соотношеніе звуковъ въ Кокъштица и *Κομβουστικα* [1]); или одна изъ формъ представляетъ собою простую описку переписчика; или, наконецъ, оба варіанта передаютъ подлинный географическій терминъ въ извращенномъ видѣ. Такъ какъ ни *Δρεμβίτζα*, ни *Δρεβενίτζα* совсѣмъ неизвѣстны изъ исторической географіи Балканскаго полуострова и изъ свидѣтельствъ о болгарскихъ епископіяхъ, то послѣднее предположеніе кажется наиболѣе основательнымъ. За *Δρεμβίτζα* и *Δρεβενίτζα*, по всей вѣроятности, скрывается *Δραμίτζα*—названіе епархіи, входившей въ Филиппопольскую митрополію, при чемъ *Δρεβενίτζα* могло явиться подъ перомъ переписчика житія подъ вліяніемъ неяснаго ему *Δρεμβίτζα*, а *Δρεμβίτζα* можетъ восходить къ *Δραμίτζα*,—ср., напр., *Στρουμίτζα* и *Στρομβίτζα*.

В. Переходимъ теперь къ новогреческимъ передѣлкамъ житія. Если родиной древнихъ греческихъ списковъ были окрестности Охридскаго озера, вблизи котораго сосредоточивалась дѣятельность св. Климента и впослѣдствіи развился его культъ, то новогреческія передѣлки переносятъ насъ своимъ происхожденіемъ уже въ другой уголокъ Македоніи. Въ небольшомъ разстояніи отъ *Бера* (=*Верея*, *Кара-Ферн*), на югъ отъ него, на самомъ берегу р. *Быстрицы* (Vistrica =турецк. Inde-Karasu), гдѣ въ настоящее время раскинулась небольшая греческая деревушка *Продромосъ* [2]), еще

[1]) *Гласникъ српск. уч. друштва*, кн. 45, стр. 56.

[2]) Karte von Makedonien... Bearb. von *Peucker*. 2 Auflage, Wien, 1903. Карта русскаго Генер. Штаба и мн. др. Дер. *Продромосъ* входитъ въ Берскую казу Солунскаго Вилайета. См. *Кънчовъ*. Македония, София, 1900, стр. 144.

въ 18 в. существовалъ древній монастырь *τοῦ τιμίου Προδρόμου*. Развалины его можно видѣть тамъ до сихъ поръ. Исторія этого монастыря, кажется, остается невыясненной. Несомнѣнно, что онъ существовалъ уже въ первой четверти 14-го вѣка.[1]), но къ нач. 16 в. онъ пришелъ въ такой упадокъ, что въ немъ насчитывалось всего лишь 10 иноковъ [2]). Своимъ обновленіемъ онъ былъ обязанъ *св. Діонисію Олимпійскому* († 1548), который возстановилъ храмъ Предтечи и составилъ для монаховъ правила иноческой жизни, сдѣлавшись такимъ образомъ патрономъ и покровителемъ монастыря [3]).

Неизвѣстно точно, когда и при какихъ условіяхъ въ жизни обители св. Продрома произошло одно очень важное событіе: какіе-то усердные иноки „благоговѣйно похитили“ изъ каѳедральнаго храма въ Охридѣ голову св. Климента и перенесли ее въ монастырь Продрома, обогативъ его так. обр. святыней, драгоцѣнной для всей Македоніи. Послѣдствіемъ этого

---

[1]) Объ этомъ заключаемъ изъ хризовула, даннаго строителю его имп. Андроникомъ II въ 1324 г. *Zachariae a Lingenthal*, Jus graeco-romanum, Pars III, Lipsiae, 1857, p. XXI. Ср. Plan eines Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit. (Könige Bayer. Akad. d. Wissenschaften), München, 1903, p. 97, *Berrhœa*.

[2]) *Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου Πατρὸς ἡμῶν Διονυσίου, τοῦ ἐν τῷ Ὀλύμπῳ ὄρει ἐκλάμψαντος...* въ *Νέος Παράδεισος, ἐν Βενετίᾳ*, 1855. стр. 330.

[3]) Подробныя свѣдѣнія о жизни св. Діонисія Олимпійскаго и объ обновленіи монастыря Продрома находятся въ указанномъ житіи его. *Νέος Παράδεισος*, стр. 326—341, подъ 24 января. Ср. *Аѳонскій патерикъ*, СПБ. 1860, ч. 2, стр. 46—68, гдѣ, впрочемъ, въ пересказѣ подлинникъ сокращенъ мѣстами до неузнаваемости. Другая редакція житія, болѣе краткая,—въ изданіи: *Ἀκολουθία τοῦ ὁσίου... Διονυσίου, τοῦ ἐν τῷ Ὀλύμπῳ Ὄρει τῆς Θεσσαλίας ἐκλάμψαντος, Κωνσταντινουπόλις* (2 изд.), 1816, стр. 21—24. Любопытно отмѣтить сходство мыслей въ предисловіи житія, вошедшаго въ *Νέος Παράδεισος*, съ предисловіемъ простр. житія Климента. Составитель житія Діонисія обнаруживаетъ враждебное отношеніе къ славянскому языку въ богослуженіи. Такъ, по избраніи въ настоятели болгарскаго монастыря Филоѳея на Аѳонѣ, Діонисій, говоритъ составитель, *τὴν τάξιν τῶν Βουλγάρων εἰς τὴν ἡμετέραν εὐταξίαν ἐῤῥύθμισε, καὶ ἐφρόντισε βιβλία ἑλληνικὰ ἀπὸ ὅλα τὰ χρειαζόμενα... Ἀλλ' ἐπειδὴ ἦσαν τινὲς βούλγαροι κακότροποι, καὶ ἐμίσησαν τὸν Ὅσιον, πῶς ἐμετάλαξε τὴν τάξιν αὐτῶν, καὶ τοῦ ἔκαμναν καθ' ἑκάστην σκάνδαλα* (стр. 330). Это и было причиной перехода Діонисія изъ монастыря Филоѳея въ Верею. Не входило ли въ задачи составителя, вѣроятно, знакомаго съ житіемъ Климента, вызвать недовѣріе къ славянскому языку въ богослуженіи, противупоставивъ Клименту, защитнику его, авторитетъ Діонисія?

благочестиваго пріобрѣтенія было постоянное чествованіе въ монастырѣ памяти Климента, разросшееся впослѣдствіи, съ ослабленіемъ преданія о непосредственномъ поводѣ празднованій, въ цѣлый культъ его. Климентъ становится, вмѣстѣ съ Діонисіемъ Олимпійскимъ, патрономъ монастыря, покровителемъ Вереи, чествуется во всей восточной Македоніи и даже въ Элладѣ. При такихъ обстоятельствахъ, естественно, въ монастырѣ Продрома ощущалась потребность въ печатномъ изданіи службъ въ честь Климента и житія его, при томъ—на общепонятномъ новогреческомъ языкѣ. На помощь монастырю въ этомъ отношеніи въ концѣ 18-го вѣка пришелъ знаменитый спеціалистъ по переводу древнегреческихъ книгъ на новогреческій языкъ, *іеромонахъ Аѳанасій Паросскій*, ученикъ Евгенія Булгариса по Аѳонской школѣ. Ближайшимъ поводомъ, заставившимъ ученаго паросца взяться за передѣлку и изданіе житія и службъ въ честь Климента, была просьба объ этомъ со стороны одного благочестиваго продромита, іеромонаха Арсенія Мелиникіота. Въ результатѣ изъ-подъ пера Аѳанасія вышли цѣлыхъ два новогреческихъ текста житія, вошедшихъ въ двѣ изданныя имъ книги, изъ которыхъ одна имѣетъ непосредственно богослужебное назначеніе а другая—полемическое противъ латинянъ.

Первая изъ нихъ—*Ἀκολουθία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ, ψαλλομένη μηνὶ νοεμβρίῳ, κδ'. συντεθεῖσα παρὰ τοῦ Ἁγιωτάτου Ἀρχιεπισκόπου τῆς αὐτῆς Βουλγαρίας Κυροῦ Δημητρίου τοῦ Χοματεινοῦ. ᾳφπδ'. Ενετίησι.* 1784. *παρὰ Δημητρίῳ Θεοδοσίου.* Con linceza de' Superiori. *εἰς 8-ον, 60 σελ.* Подробное заглавіе собственно житія, на обор. титульнаго листа, содержитъ въ себѣ указаніе на то, что древній подлинникъ принадлежитъ Ѳеофилакту Болгарскому, что переводъ *εἰς τὴν κοινὴν διάλεκτον* сдѣланъ Аѳанасіемъ Паросскимъ по просьбѣ Арсенія Мелиникіота и напечатанъ, вмѣстѣ съ аколуѳіей, на его же средства, преимущественно для отцовъ этого монастыря, а затѣмъ и для общей пользы. Въ началѣ изданіе снабжено гравированнымъ изображеніемъ св. Климента въ архіерейскомъ облаченіи и митрѣ, при чемъ фигура, лице и борода близко напоминаютъ извѣстную Охридскую деревянную статую святого. Книга начинается двумя, составленными переводчикомъ, пента-

метровыми элегическими дистихами (*ἡρωελεγεῖον*); изъ нихъ первый посвященъ Арсенію продромиту, второй—монастырю Продрома, хранящему голову божественнаго Климента (стр. 4). Что касается службъ, то хотя онѣ въ заглавіи приписываются Димитрію Хоматіану, однако на самомъ дѣлѣ въ нихъ входятъ пѣснопѣнія, въ другихъ изданіяхъ приписываемыя Григорію Охридскому и Θеофилакту. Нѣкоторыя мѣста службъ измѣнены и дополнены новыми пѣснопѣніями примѣнительно къ особенностямъ новаго культа Климента и чествованію его главы; рядомъ съ Охридой и городами Мисіи и Паннонiи здѣсь приглашаются къ духовному торжеству земля Верейская и обитель Продрома. Самое житіе помѣщается не между 6 и 7 пѣснями канона, какъ въ Москопольскомъ изданіи, а послѣ службъ (*σελ.* 30—60).

Другая книга, изданная Аѳанасіемъ, это—*Οὐρανοῦ Κρίσις* et cet., *Ἐν Λειψίᾳ* (*ἐν τῷ τυπογραφίῳ τοῦ Νάϋμπερτ*), *ϛωε* (1805), напечатанная на средства какихъ-то *братолюбивыхъ хіополитянъ* [1]). Если вѣрить *Βρέτος*'у, она вскорѣ, въ 1807 г., была вторично напечатана въ той же типографіи [2]). Третье изданіе ея, названное, впрочемъ, *ἔκδοσις δευτέρα ἀμετάβλητος*, вышло въ Аѳинахъ, спустя почти полвѣка (1850 [3]). *Οὐρ.Κρ.*—

---

[1]) Полное заглавіе ея: *Οὐρανοῦ κρίσις ἤτοι θαῦμα φρικτὸν καὶ ἐξαίσιον τοῦ θαυματουργικωτάτου θείου Σπυρίδωνος, δι οὗ τὰς βουλὰς τῶν παρανόμων παπιστῶν, ἐματαίωσε, μὴ συγχωρήσας αὐτοῖς, νὰ ἐγείρουν ἁλτάριον, ἤτοι θυσιαστήριον, μέσα εἰς τὸν ἐν τῇ Κερκύρᾳ ἅγιόν του ναὸν, συντεθὲν μετὰ καὶ ἱερᾶς καὶ ἐπινικείου ἀκολουθίας, εἰς αὐτὸ, παρὰ ζηλωτοῦ τινος ἀδελφοῦ. Συν τούτῳ δὲ, καὶ ὁ θεοφεγγὴς βίος τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος τοῦ βουλγαροκήρυκος καὶ ὁμολογητοῦ ἐκδίδοται ἑτέρα κρίσις οὐρανοῦ, καὶ αὐτὸς ὢν κατὰ τῶν καινοτόμων Παπιστῶν, συντεθεὶς μὲν ἑλληνιστὶ ὑπὸ τοῦ ἐν ἁγίοις Θεοφυλάκτου Ἀ. Β., μετενεχθεὶς δὲ παρ ἡμῶν εἰς τὴν κοινὴν ἡμῶν διάλεκτον, χάριν τῶν ἁπλουστέρων λαῶν, ὧν ἕνεκα νῦν δεύτερον πλήρης ἐκδίδοται ἅτε κολοβωθεὶς τὰ καίρια παρά τινος ὁ πρότερον ἐν Βενετίᾳ τυπωθεὶς. ἐκδίδονται δὲ καὶ τὰ δύω εἰς ἓν τεῦχος, διὰ δαπάνην τινῶν φιλαδέλφων χιοπολιτῶν.* εἰς 8-*ον* 133 *σελ.* Книга упоминается безъ обозначенія автора у *Βρέτος*'а op. cit., I, № 400. О знакомствѣ съ нею *Копитаря* и *Добровскаго* см. въ цитированной уже статьѣ *Петровскаго*, стр. 139—141. *Бодянскій* описываетъ ту часть книги *Οὐρανοῦ Κρίσις*, которую составляетъ житіе Климента, хотя не знаетъ, изъ какой книги извлеченъ этотъ, бывшій у него въ рукахъ, отрывокъ. Op. cit., II—III *Миклошичъ* приводитъ только заглавіе ея. Op. cit. V—VI.

[2]) Op. cit., I, № 400. p. 148, *σημείωσις*.

[3]) *Λαπάνη Σπυρίδωνος Χαλιώτη (Αὕτη ἡ ἀκολουθία γίνεται τὴν πρώτην Κυριακὴν τοῦ Νοεμβρίου). Ἐν Ἀθήναις*, εἰς 8-*ον*, *σελ.* 103.

изданіе анонимное, но несомнѣнно принадлежащее Аѳанасію. Въ той части заглавія, которая относится къ жизнеописанію Климента, анонимный переводчикъ, сказавши, что оно составлено Ѳеофилактомъ, замѣчаетъ: (*βίος*) *μετενεχθεὶς δὲ παρ ἡμῶν εἰς τὴν κοινὴν ἡμῶν διάλεκτον*, и затѣмъ прибавляетъ, имѣя въ виду Венеціанское изданіе аколуѳіи, принадлежащее Аѳанасію: *νῦν δεύτερον πλήρης ἐκδίδοται ἅτε κολοβωθεὶς τὰ καίρια παρά τινος ὁ πρότερον ἐν Βενετίᾳ τυπωθείς*. Вотъ почему *Σάθα* въ *Νεοελλ. φιλολογία* съ увѣренностью помѣщаетъ *Οὐρ.Κρ.* въ числѣ сочиненій Аѳанасія Паросскаго [1]), хотя несправедливо здѣсь *Οὐρ.Κρ.* принимается за перепечатку венеціанскаго текста [2]).

Въ предисловіи къ книгѣ составитель посвящаетъ читателей въ тѣ печальныя обстоятельства, которыми тормазилось ея появленіе на свѣтъ Божій. Оказывается, что текстъ *Οὐρ.Κρ.* былъ приготовленъ къ печати (*ἕτοιμα διὰ τὸν τύπον*) еще въ 1795 году, а въ слѣдующемъ году онъ былъ отосланъ Аѳанасіемъ (*τὰ ἔστειλα*—говоритъ онъ—*εἰς τὸ ἑξῆς ἔτος, ἤτοι εἰς τὰ* 1796, *δηλαδὴ τὴν Κρίσιν Οὐρ. καὶ τὸν Βίον τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος μὲ σκοπὸν ὅτι τὰ δύω νὰ γένωσιν τεῦχος*) нѣкоему Ѳеодориту и Ѳеодору Мустатсѣ, взявшимся напечатать книгу съ большой радостью, *καὶ ὄχι ἁπλῶς*,—какъ писали они Аѳанасію,—*ἀλλ' ὡς ἁγίαν ἀπαρχὴν, καὶ ἱερὰν ἐγκάλην, καὶ ἄλλα παρόμοια*. Однакожъ, прошло цѣлыхъ 8 лѣтъ, но рукопись оставалась у нихъ подъ разными предлогами ненапечатанною [3]), и только при содѣйствіи лейпцигскаго архимандрита Каллиника, владѣльцу съ большими затрудненіями удалось добиться воз-

---

[1]) Op. cit., p. 639.

[2]) Op. cit., p. 638. Вообще въ библіографическихъ свѣдѣніяхъ объ разсматриваемыхъ изданіяхъ у *Σάθα* есть неточности, свидѣтельствующія о томъ, что библіографъ едва-ли самъ разсмотрѣлъ эти книги. Такъ, *Ἀκολουθία* датируется 1781 г. (p. 638) вм. 1784. Относительно эпиграммъ въ честь Арсенія Продромита, монастыря Продрома и св. Климента, которыя здѣсь помѣщаются въ числѣ сочиненій Аѳанасія подъ отдѣльной рубрикой (*ιδ'*), говорится: *Ἐτυπώθησαν ἐν τέλει τοῦ βίου τοῦ ἁ. Κλήμεντος* (p. 640). Между тѣмъ эпиграммы и въ *Ἀκολουθία* и въ *Οὐρ.Κρ.* помѣщаются передъ житіемъ

[3]) „Вотъ съ какими людьми—съ горечью замѣчаетъ онъ—злая судьба... сталкивала меня; почти восемь лѣтъ я терпѣлъ отъ нихъ посмѣяніе и издѣвательство, какъ никогда ни отъ кого иного"! (*Οὐρ.Κρ., Πάσι τῆς* (=*τοῖς*?) *ἐντευξομένοις τῷ παρόντι βιβλιαρίῳ*'...

вращенія ея, чтобы въ Лейпцигѣ напечатать на средства хіополитянъ. Эти свѣдѣнія представляютъ для насъ значительный интересъ. Если текстъ книги Аѳанасія Парасскаго, выпущенной въ свѣтъ въ 1805 году, былъ выработанъ для напечатанія еще въ 1795 г., т. е., за 7 лѣтъ до выхода въ свѣтъ изданія Амвросія Памперея, то изъ сопоставленія хронологическихъ датъ ясно, *что существующее въ наукѣ мнѣніе о зависимости текста житія Климента въ книгѣ Οὐρ.Κρ. отъ изданія Памперея должно быть безусловно отвергнуто* [1]).

Жизнеописаніе Климента въ *Οὐρ.Κρ.* (стр. 72—133; ср. *Οὐρ.Κρ*[3] 55—103) слѣдуетъ за повѣстью о чудѣ св. Спиридона, не допустившаго папистовъ до построенія своего алтаря въ Керкирѣ и этимъ проявившаго „судъ неба“ въ пользу восточной церкви (стр. 1—7; *Οὐρ.Κρ.*[3] 1—54). Отдѣлъ, посвященный Клименту, начинается съ посланія „православнаго ревнителя“ ко всѣмъ благочестивымъ чадамъ церкви восточной (73—82), за нимъ слѣдуетъ перепечатки изъ *Ἀκ.* (=*Ἀκολουθ.* 1784 г.) элегическаго дистиха въ честь монастыря Продрома, а потомъ новая эпиграмма, состоящая изъ 7 „политическихъ“ стиховъ, въ честь Солуня, какъ родины свв. Кирилла и Меѳодія. Гравированное изображеніе св. Климента, которымъ украшено изданіе, то же, что и въ *Ἀκ.*

Въ посланіи „православнаго ревнителя“ выражается точка зрѣнія автора на Климента. Для него Климентъ прежде всего поборникъ православія противъ латинянъ, частнѣе противъ догмата Filioque, изъ-за котораго, по его мнѣнію, латиняне откололись отъ восточной церкви: „онъ обличалъ ихъ, осуждалъ, всю жизнь сражался противъ этого новаго догмата, какъ противъ сквернаго и душевреднаго и дѣйствительнаго изобрѣтенія сатаны“. Въ этомъ отношеніи авторъ ставитъ его рядомъ съ Аѳанасіемъ В., Василіемъ, Кирилломъ, обличавшими Арія, Евномія, Несторія. Отсюда его прославленіе

---

[1]) Это мнѣніе получило мѣсто въ наукѣ, очевидно, вслѣдствіе малой доступности *Οὐρ.Κρ.*, лишившей возможности большинство заинтересованныхъ изслѣдователей ознакомиться съ книгой лично. Однимъ изъ нихъ она была извѣстна только по библіографіямъ, другимъ (*Бодянскому* и даже г. *Петровскому*) по отрывку, заключающему въ себѣ только житіе Климента.

и чудеса отъ главы—это—„судъ“ правый, который съ высоты провозглашаетъ „небо“, для удостовѣренія въ святости православной церкви. Опредѣляя ту широкую извѣстность, которую пріобрѣлъ Климентъ благодаря чествованію главы его въ Продромѣ, Аѳанасій, вообще чуждающійся риторики и преувеличеній, сравнивъ дѣйствіе главы Климента съ духовной росой, говоритъ, что она распространяется не только въ окрестностяхъ Вереи, но и по всей Македоніи и Элладѣ и далѣе [1]).

Изъ посланія Аѳанасія видно, какъ, вмѣстѣ съ передвиженіемъ культа Климента съ запада на востокъ Македоніи, измѣнился въ господствующемъ представленіи его историческій образъ. Изъ просвѣтителя македонскихъ славянъ и плодовитаго славянскаго писателя-проповѣдника онъ превращается, на основаніи отдѣльныхъ эпизодовъ простр. житія, въ полемиста противъ латинянъ, всю жизнь обличавшаго ихъ заблужденія; изъ поборника славянской національной идеи, изъ живого историческаго дѣятеля выростаетъ абстрактный образъ святого съ чисто-каноническими чертами, съ чудодѣйственной силой излеченія недуговъ.

Однакожъ, особенности развившагося культа Климента не исказили, подъ перомъ Аѳанасія, пространнаго житія настолько, чтобы приходилось очищать его текстъ отъ измѣненій или наслоеній, порожденныхъ свойствами этого культа. Характерныя черты новогреческихъ текстовъ Аѳанасія зависятъ главнымъ образомъ отъ историческихъ интересовъ, и критическихъ пріемовъ автора, стоящихъ почти на границѣ истинной научности. Дѣло въ томъ, что и *Ἀκ.* и *Οὐρ.Κρ.* оказываются далеко не простыми только переводами на новогреческій языкъ древняго текста житія, какъ это иногда повторяется въ научной литературѣ, но представляютъ собою попытку до нѣкоторой степени критическаго построенія біографіи Климента въ связи съ уясненіемъ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія—на основѣ пространнаго житія. Послѣднее не удовлетворяло Аѳанасія по двумъ

[1]) *Κάρα τοῦ θείου τούτου Κλημεντος...*—пишетъ Аѳанасій Парасскій—*δρόσος οὐράνιος, καταβαίνουσα ἐκ τῆς ἱερᾶς ἐκείνης Μονῆς, εἰς ὅλην τὴν περίχωρον τῆς Βερροίας. τί εἶπα τῆς Βερροίας; εἰς ὅλην τὴν περίχωρον τῆς Μακεδονίας καὶ τῆς Ἑλλάδος, ἕως καὶ εἰς τὴν γῆν τῶν Ἀγράφων καὶ εἰς ἄλλους τόπους διαφόρους καὶ μακρυνούς.*

причинамъ: а) вслѣдствіе недостатка въ немъ опредѣленныхъ свѣдѣній о такихъ первостепенныхъ подробностяхъ изъ біографіи Климента, какъ вопросъ о родинѣ и національности его, и недостаточнаго количества біографическихъ свѣдѣній о Кириллѣ и Меѳодіи; б) вслѣдствіе несообразности нѣкоторыхъ сообщеній житія, неясности историческихъ фактовъ и непонятности географической номенклатуры. Чтобы восполнить пробѣлы и устранить неясности, онъ постарался привлечь къ дѣлу историческій матеріалъ, извлеченный изъ другихъ источниковъ, и внести въ сводный текстъ свои собственныя соображенія. Въ результатѣ и въ *Ἀκ.*, и въ *Οὐρ.Κρ.* видимъ, съ одной стороны, распространеніе текста житія новыми данными, касающимися главн. обр. крещенія болгаръ и исторіи Кирилла и Меѳодія, съ другой—цѣлый рядъ замѣчаній и примѣчаній автора. Въ общемъ оба изданія отличаются рѣдкими для того времени критическими пріемами и сооружены съ такой тщательностью, что самъ авторъ въ *Οὐρ.Κρ.*, въ концѣ посланія „православнаго ревнителя", имѣя въ виду, по крайней мѣрѣ, свои примѣчанія, долженъ былъ предупредить читателя относительно „новаго метода" обработки житія—*τούτῃ εἶναι μία μέθοδος νέα, πολλὰ ἐπαινετή!*—и предостеречь отъ чтенія въ церкви примѣчаній, предназначенныхъ для частнаго чтенія, такъ какъ чтеніе ихъ въ церкви *προξενεῖ χασμῳδίαν* (способно вызвать зѣвоту).

Сравненіе обоихъ текстовъ прежде всего ведетъ къ установленію, что *Οὐρ.Κρ.* далеко не есть простая перепечатка *Ἀκ.* При сходствѣ въ нихъ значительной части перевода на новогреческій древняго текста, простирающемся мѣстами до текстуальныхъ совпаденій, оба изданія сильно различаются и сокращеніями подлинника, и размѣрами дополненій, и рѣшеніемъ поставленныхъ вопросовъ. Особенности *Οὐρ.Κρ.*, значительно превосходящаго размѣрами *Ἀκ.*, зависятъ отъ притока новыхъ свѣдѣній о Кириллѣ и Меѳодіи, раздобытыхъ Аѳанасіемъ уже послѣ выпуска въ свѣтъ *Ἀκ.* Нужно замѣтить вообще, что исторія Климента, загадочная, по свойству относящихся къ ней памятниковъ, привлекла къ себѣ пытливость Аѳанасія съ такой же силой, съ какой въ слѣдующемъ столѣтіи его сочиненія привлекли къ себѣ любознательность Ундольскаго.

Для того, чтобы охарактеризовать древній текстъ житія, легшій въ основу *Ἀκ.* и *Οὐρ.Κρ.*, и ввести его въ районъ производимыхъ сравненій, нужно предварительно выдѣлить весь историческій матеріалъ, внесенный Аѳанасіемъ въ свои изданія изъ другихъ источниковъ.

Этотъ матеріалъ касается: 1) происхожденія Климента, 2) крещенія болгаръ и 3) исторіи жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

1) Вопросъ о происхожденіи Климента возникъ у Аѳанасія изъ желанія сообщить цѣльность и полноту біографіи святого. Но результаты его разысканій по этому вопросу оказались мало утѣшительными. Въ *Ἀκ.* онъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что ему не удалось установить, ни кто были его родители, ни какой городъ былъ его отечествомъ. Недостатокъ фактическихъ свѣдѣній пришлось восполнить догадками или общими фразами: родители его были нечестивы (*ἀσεβεῖς*), потому они и оказались недостойными памяти потомства; но послѣ крещенія онъ пріобрѣлъ себѣ истиннаго отца—Духа Св., матерью ему стала купель крещенія, родиной—горній Іерусалимъ. Однако историческая любознательность Аѳанасія не могла успокоиться на этомъ иносказаніи, и дальнѣйшіе поиски привели его къ новой мысли, которую онъ и высказалъ въ *Οὐρ. Κρ.* Отмѣтивъ здѣсь недостатокъ свѣдѣній о происхожденіи Климента, онъ продолжаетъ: „только то мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ былъ родомъ грекъ изъ какого-либо города греческаго царства, а не болгаринъ, какъ заключаемъ о томъ изъ одного предположенія“ (*ἐξ εἰκασίας μόνης*). Разумѣется, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сказать, о какой *εἰκασία* идетъ здѣсь рѣчь [1]). Несомнѣнно только, что предположеніе Аѳанасія ни въ какомъ случаѣ не могло быть подсказано ему національнымъ пристрастіемъ, которое вообще не нашло себѣ мѣста въ его изданіяхъ. Достаточно вспомнить, что въ *Ἀκ.* онъ даже Кирилла и Меѳодія склоненъ былъ признать за болгаръ.

2) Исторія крещенія Болгаріи въ *Ἀκ.* и въ *Οὐρ. Κρ.* раз-

---

[1]) Догадку Аѳанасія внесли въ примѣчаніе къ тексту краткаго житія Климента *Никодима. Συναξαριστής*, II, 146 стр., и за нимъ *Дукаки, Μέγας Συναξαριστής, Ἐν Ἀθήναις*, ноябрь, 1896, 484 стр.

сказана также неодинаково. Не ограничиваясь тѣми неопредѣленными свѣдѣніями объ обращеніи болгаръ, которыя заключаются въ древнемъ текстѣ житія, Аѳанасій въ *Ἀκ.* привлекаетъ къ дѣлу византійскихъ писателей (*διάφοροι ἱστορικοί*). На основаніи ихъ, здѣсь обращеніе Бориса объясняется отчасти воздѣйствіемъ на него отдѣльныхъ лицъ, какъ монаха Ѳеодора Куфары и сестры князя, отчасти различными обстоятельствами времени (*τὰ τοῦ καιροῦ*) и торговыми сношеніями Болгаріи съ греками. Подробности дѣла представлены такъ, что, склонившись къ христіанству, Борисъ обратился къ византійскому царю съ просьбой о присылкѣ священниковъ и епископовъ, которые, благодаря заботамъ патр. Фотія, и крестили болгарскаго князя и народъ. Тогда-то съ проповѣдью и выступили Кириллъ и Меѳодій. Годъ крещенія Болгаріи указывается иной, чѣмъ въ изд. древняго текста житія: *κατὰ τὸν ἔννατον αἰῶνα, ὡς λέγουσι κοινῶς οἱ ἱστορικοί, δηλαδὴ περίπου τοὺς* 866 *χρόνους*.

Въ *Οὐρ. Κρ.* византійскимъ историкамъ удѣляется вниманія меньше, и разсказъ о крещеніи Болгаріи тѣснѣе связанъ съ повѣстью о славянскихъ первоучителяхъ. По *Οὐρ. Κρ.*, они съ изобрѣтенными для болгаръ письменами были посланы въ Болгарію царемъ и патріархомъ, при чемъ результатомъ ихъ дѣятельности и было крещеніе князя и народа. Это событіе здѣсь датируется 865 годомъ.

3) Наиболѣе счастливыми оказались разысканія Аѳанасія по вопросу о жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія. Правда, въ *Ἀκ.* еще не нашла себѣ мѣста ни одна новая подробность, касающаяся ихъ, и загадочность ихъ происхожденія и національности выразилась въ категорическомъ заявленіи: *ἐκ ποίας πόλεως, ἐκ ποίου ἔθνους, δὲν εἶναι φανερόν.* Только въ видѣ наиболѣе вѣроятнаго предположенія онъ высказываетъ здѣсь мысль объ ихъ болгарскомъ происхожденіи. Но уже въ *Οὐρ. Κρ.* мы видимъ цѣлый рядъ свѣдѣній о Кириллѣ и Меѳодіи, послѣдовательно вплетенныхъ въ нить повѣствованія пространнаго житія. Эти свѣдѣнія, насколько извѣстно, оставались совершенно незамѣченными въ Кирилло-Меѳодіевской ученой литературѣ, и только въ послѣднее время на нихъ обратилъ вниманіе въ своей прекрасной, нѣсколько разъ цитированной, статьѣ г. Петровскій.

Дѣйствительная цѣнность ихъ опредѣляется не только отношеніемъ къ славянскимъ жизнеописаніямъ свв. братьевъ, но и самымъ фактомъ существованія извѣстій о послѣднихъ на греческомъ языкѣ. Какъ видно изъ предисловія къ житію, источникомъ этихъ свѣдѣній послужило для Аѳанасія какое-то *Хиландарское сказаніе—Χιλανταρινὴ Διήγησις*—о Кириллѣ и Меѳодіи, сообщенное ему скевофилаксомъ Хиландарскаго монастыря, проигуменомъ *Даніиломъ*, родомъ изъ Старой Загоры [1]). По всей вѣроятности Аѳанасій внесъ въ *Οὐρ. Κρ.* Хиландарское повѣствованіе не въ цѣлостномъ его объемѣ, но лишь извлекъ изъ него нѣкоторые отдѣльные біографическіе факты и сообщенія. Доказательство этого можно видѣть въ рѣзкихъ переходахъ мыслей, а также въ общемъ отрывочномъ характерѣ извлеченій и происшедшихъ отсюда недомолвкахъ. Такъ, въ разсказѣ о посольствѣ первоучителей къ хозарамъ (въ текстѣ *Κοζάχοι*) есть упоминаніе объ оставленіи ими тамъ священниковъ изъ Корсуня, между тѣмъ о посѣщеніи Кирилломъ и Меѳодіемъ Корсуня по пути къ хозарамъ передъ этимъ нѣтъ ни одного слова. Такимъ образомъ, свѣдѣнія о первоучителяхъ въ *Οὐρ. Κρ.* представляютъ собою скорѣе всего лишь отрывки изъ цѣльнаго греческаго жизнеописанія ихъ.

Хотя намъ неизвѣстны ни подлинный объемъ, ни всѣ подробности содержанія *Χ. Λ.*, однакожъ можно составить нѣкоторое сужденіе о цѣльномъ греческомъ текстѣ на основаніи этихъ отрывковъ [2]). Выдѣлить ихъ изъ *Οὐρ. Κρ.*, не рискуя смѣшать съ заимствованіями изъ другихъ источниковъ или съ личными домыслами Аѳанасія, можно болѣе или менѣе точно путемъ сличенія текста *Οὐρ. Κρ.* съ *Ἀχ.*, такъ какъ при составленіи *Ἀχ.* Аѳанасій не пользовался *Χ. Λ.* и даже не зналъ объ ея существованіи. Нѣкоторое значеніе при этомъ можетъ имѣть также одно славянское изданіе, столь же рѣдкое въ настоящее время, какъ и *Οὐρ. Κρ.* Это—

---

[1]) Дѣйствительное существованіе такого лица и его интересъ къ рукописному дѣлу подтверждаются рукописями, написанными имъ и сохранившимися въ библіотекѣ Хиландарскаго монастыря. *Sava Chilandarec*, Rukopisy a starožitisky chilandarské. V Praze, 1896, pp. 80 и 81.

[2]) Въ библіотекѣ Хиландарскаго монастыря не сохранилось, повидимому, никакихъ слѣдовъ греческаго житія славянскихъ первоучителей.

славяно-сербскій переводъ „Истинной повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи и ѡ изобрѣтеніи богоданныхъ кириллическихъ и словенскихъ называемыхъ писменъ“, напечатанный въ 1823 году въ Будинѣ Градѣ (=Буда-Пештѣ). На заглавномъ листѣ изданія объ этой повѣсти сказано: „составлена еллински ѿ св. Ѳеофілакта А. Б., ѡбрѣтаема же есть въ сѫтомъ Монастырѣ Хіландарскомъ, и во всѣхъ прочихъ сѫтыѧ горы Монастырехъ, переведена же нѣкоимъ родолюбцемъ на простый Славено-Сербскій языкъ“. Переводчикъ родолюбецъ это— еп. *Діонисій Поповичъ*, сербкій писатель[1]). По содержанію будапештское изданіе есть соединеніе свѣдѣній изъ *Х. Д.* съ простр. житіемъ Климента (гл. 3, 16—29), при чемъ имя Ѳеофилакта изъ надписанія послѣдняго перенесено на всю компиляцію. Представляетъ-ли собою это изданіе переводъ *Οὐρ. Κρ.*, подвергнутый родолюбцемъ нѣкоторой передѣлкѣ, или оно, быть можетъ, восходитъ къ рукописной традиціи, соединявшей два памятника въ одинъ, сказать трудно, такъ какъ, при общей близости къ *Οὐρ. Κρ.*, оно обладаетъ значительными сокращеніями и нѣкоторыми варіантами, а въ отдѣлѣ, заимствованномъ изъ *Х. Д.*, находимъ хронологическія даты, отсутствующія въ *Οὐρ. Κρ.*, и пропуски нѣкоторыхъ мѣстъ— очевидныхъ домысловъ Аѳанасія. Во всякомъ случаѣ, если даже „Истинная повѣсть“ восходитъ непосредственно къ рукописному греческому тексту, несомнѣнно, что переводчикъ-родолюбецъ имѣлъ у себя подъ руками и *Οὐρ. Κρ.* и редактировалъ ее всецѣло подъ вліяніемъ этого изданія.

Насколько можно судить по *Οὐρ. Κρ.* и „Истинной повѣсти“, въ *Х. Д.* вошли достовѣрныя историческія свѣдѣнія о славянскихъ первоучителяхъ, мѣстами подкрашенныя позднѣйшими преданіями и легендарными измышленіями (хозары— казаки, епископство св. Кирилла и др.). Но рѣшительное преобладаніе первыхъ надъ вторыми заставляетъ предполагать за *Х. Д.* существованіе болѣе важнаго и чистаго въ историческомъ отношеніи источника ея на греческомъ языкѣ. Перво-

---

[1]) *Новаковић*, Српска Библијогр. за новију књижевност, у Биогр. 1869, стр. 133—4. Объ его литературной дѣятельности см. у *Новаковић*'а, Прилог. к српској историји око 1790 въ *Гласникъ*, кн. XX, стр. 93—101. Вторично напечатана книга въ 1866 г. въ Бѣлградѣ (*Новаковић*, Српска Библијогр., 134).

начальное происхожденіе если не *Х. Д.*, то этого источника скрывается въ отдаленной древности. Объ этомъ рѣшаемся говорить съ полной увѣренностью на основаніи отношенія отрывковъ изъ *Х. Д.* къ другимъ памятникамъ, касающимся исторіи Кирилла и Меѳодія. Уже г. Петровскій отмѣтилъ нѣкоторыя совпаданія *Одр. Кр.* съ жизнеописаніями первоучителей въ печатныхъ Четьихъ-Минеяхъ, свидѣтельствующія о томъ, что славянскій текстъ этихъ жизнеописаній находится въ зависимости отъ греческаго. Слѣдовательно, уже св. Димитрій Ростовскій зналъ Хиландарскую повѣсть и пользовался ея содержаніемъ. Но при ближайшемъ сопоставленіи *Х. Д.* съ другими памятниками, касающимися первоучителей, приходится наблюдать близость Хиландарской повѣсти къ краткимъ жизнеописаніямъ ихъ, особенно къ тѣмъ проложнымъ житіямъ, которыя были изданы еще въ изслѣдованіи *Добровскаго* о Кириллѣ и Меѳодіи (перев. *Погодина*, М. 1825, 103—7).

Эта пара проложныхъ житій представляетъ собою краткій перечень главнѣйшихъ фактовъ изъ жизни славянскихъ первоучителей. Большая часть этихъ фактовъ совпадаетъ съ показаніями паннонскихъ житій, но рядомъ съ ними здѣсь есть значительное количество новыхъ біографическихъ свѣдѣній о первоучителяхъ или же варіантовъ по сравненію съ сообщеніями паннонскихъ житій. Научная критика оставляетъ за проложными житіями то значеніе, которое было усвоено имъ еще Бодянскимъ: они обычно считаются сокращеніями паннонскихъ житій, но съ примѣсью откуда-то заимствованныхъ добавленій или личныхъ домысловъ составителя—южнаго славянина. Происхожденіе и историческая цѣнность этихъ добавленій остаются подъ вопросомъ, и на житія принято смотрѣть какъ на смѣсь исторически извѣстнаго съ неизвѣстнымъ.

Обращаясь теперь къ *Х. Д.*, мы видимъ здѣсь соединеніе какъ разъ почти всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя вошли въ проложныя житія, но не имѣются въ паннонскихъ. При этомъ особенности фразеологіи проложныхъ житій по сравненію съ греческимъ текстомъ часто зависятъ только отъ того, что первыя излагаютъ жизнь каждаго изъ просвѣтителей отдѣльно, а *Х. Д.*—вмѣстѣ. Свѣдѣнія эти слѣдующія.

а) Названіе отца св. братьевъ *сотникомъ*, а не *дунгаріемъ*,

какъ въ паннонскомъ житіи Кирилла. **Къ Селуньстѣмъ граде бѣ єтеръ добророденъ мужъ именемъ Левъ, самомъ же сотьникъ отъ него же рода бѣ блаженный Кирилъ.** Жит. Кир. *Ἦτον τις Ἄρχων εἰς τὴν Θεσσαλονίκην Λέων τὸ ὄνομα, τὴν τάξιν ἑκατόνταρχος, καὶ ἡ σύγγυος αὐτοῦ Μαρία..., ἐξ αὐτῶν ἐγεννήθησαν τοῦτοι οἱ Θεῖοι διδάσκαλοι.*

б) Наименованіе матери ихъ—*Марія*, которое не только приводится въ Жит. Мее. и *Х. Л.*, но проникло и въ „Успеніе Кирилла".

в) Постриженіе Константина въ монахи, когда онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ монастырь на побережье Мраморнаго моря, о чемъ согласно и въ сходныхъ выраженіяхъ говорятъ Жит. Конст. и *Х. Л.* **И отшедъ на гъкое море бысть инокъ.** *Καὶ ἀπελθὼν εἰς ἓν μοναστήριον εἰς τὸ στενὸν τῆς μαύρης θαλάσσης, ἔγινε μοναχός.*

г) Изгнаніе евреевъ изъ Хозаріи послѣ диспута съ ними Кирилла. **Изгнаша всѣх инѣхъ** Жит. Кир.; **Жиды прогнаша** Жит. Мее. Ср. *ἀπεδιώχθησαν ὡς μισόθεοι;* у родолюбца неточно переведено опровержени.

д) Обстоятельства изобрѣтенія письменъ: 38 буквъ составлены Кирилломъ (по *Х. Л.* обоими братьями) для болгаръ послѣ 40-дневнаго поста. 48 буквъ вм. 38 въ *Х. Л.* объясняется ошибкой переписчика рукописнаго текста.

е) Рукоположеніе Кирилла въ епископы передъ изобрѣтеніемъ письменъ.

Указанныя совпаденія, въ виду значительной обширности содержанія Хиландарской повѣсти и очевидныхъ матеріальныхъ преимуществъ ея передъ проложными житіями, могутъ быть съ наибольшей основательностью объяснены въ смыслѣ зависимости послѣднихъ отъ *Х. Л.*, ея разновидности или первоисточника, а не наоборотъ. Слѣдовательно, греческое сказаніе о Кириллѣ и Меѳодіи, въ раннѣйшей или позднѣйшей редакціи, существовало уже въ 15 вѣкѣ, такъ какъ древнѣйшіе списки проложныхъ житій восходятъ къ этому времени.

Но при болѣе пристальномъ чтеніи греческаго сказанія нужно признать весьма вѣроятной болѣе глубокую древность его. Не только въ разсматриваемыхъ проложныхъ житіяхъ, но и въ канонѣ св. Кириллу, и въ „Успеніи" его сохранилось упоминаніе о какомъ-то загадочномъ *Канаонѣ*, *Каонѣ* или *Катаонѣ*, какъ о мѣстѣ проповѣднической дѣятельности и смерти Кирилла. Много потрачено ученаго остроумія для

объясненія этого темнаго имени [1]). Но уже одно разнорѣчіе толкованій его дѣлаетъ сомнительнымъ, чтобы за нимъ скрывался какой-либо опредѣленный историческій и географическій смыслъ. Между тѣмъ при свѣтѣ отрывковъ *Х. Л.* его происхожденіе кажется легко объяснимымъ, какъ результатъ поверхностнаго отношенія къ греческому тексту со стороны составителя краткихъ житій. Дѣло въ томъ, что то мѣсто прол. житія Кирилла, въ которомъ идетъ рѣчь о погребеніи его въ *Канаонѣ—Катаонѣ*, почти дословно совпадаетъ съ соотвѣтствующей фразой Хиландарской повѣсти, не только въ послѣдней говорится о погребеніи просвѣтителя славянъ не въ непонятномъ *Канаонѣ—Катаонѣ*, а *εἰς τὸν Ναὸν τοῦ ἁγίου Κλήμεντος* въ Римѣ. Изъ сопоставленія *Катаонъ* съ *Канаонъ* слѣдуетъ предположеніе, что первоначальная форма этого загадочнаго слова была *Катанаонъ*. Если при этомъ принять въ разсчетъ, что въ древнемъ греческомъ текстѣ вм. *εἰς* могъ стоять предлогъ *κατά*,—для чего имѣется основаніе въ соотвѣтствующемъ выраженіи простр. житія Климента, гдѣ этотъ предлогъ скрытъ въ глаголѣ *ἐγκατετέθη (τῷ ναῷ)*,—то *Катанаонъ* окажется просто транскрипціей *κατὰ ναὸν*. Если же древнѣйшая форма была *Канаонъ*, то она представляетъ собою бѣглую передачу рукописнаго сокращенія *κατὰ ναὸν*. Въ такомъ случаѣ происхожденіе всей соотвѣтствующей фразы славянскаго текста можно представить въ такой зависимости отъ греческаго:

Εἶτα ζήσας [ὀλίγας ἡμέρας] ἀπῆλθε πρὸς Κύριον,

И тако поживъ [и чюдеса створь...] къ Гдоу отъиде

καὶ ἐνταφιάσθη ἐντίμως $\frac{\text{κατὰ}}{\text{εἰς τὸν}}$ *Ναὸν τοῦ ἁγίου Κλήμεντος*

и погребенъ бысть въ Канаонѣ (изъ Катаонѣ) **градѣ тѣмо**

Изъ первоначальнаго *Катанаонъ* или *Канаонъ* постепенно образовался въ различныхъ памятникахъ (прологахъ, хронографахъ, службахъ) цѣлый рядъ варіантовъ: *Каонъ*, *Катаонъ*, *Окианъ*, даже *Каинъ*, при чемъ преобладаніе получилъ *Катаонъ* подъ вліяніемъ *Катаны*, и *Канаонъ* подъ вліяніемъ *Ханаана*. Въ результатѣ явилось смѣшеніе славянскаго первоучителя съ св. Кирилломъ Катанскимъ; съ титуломъ *епи-*

---

[1]) О мнѣніяхъ Григоровича, Горскаго, Бодянскаго, Казанскаго см. у *Воронова*, Главн. источн., 150—1.

скопа Катанскаго первый проникаетъ въ спп. святцевъ и уставовъ, даже въ печатныя изданія ихъ [1]).

Но вѣдь это загадочное выраженіе въ формѣ *Каонъ, Окіанъ, земля Ханаоньска*, встрѣчается въ спискахъ службы св. Кириллу XII—XIII вв. [2]). Если оно, непосредственно или чрезъ посредство краткихъ житій, возникло здѣсь изъ *κατὰ τοῦτ*, то ясно, что текстъ греческаго сказанія въ это время уже существовалъ и былъ въ обращеніи въ славянскомъ мірѣ.

Если приведенныя соображенія могуть быть признаны правильными, то къ группѣ древнихъ памятниковъ, посвященныхъ исторіи свв. Кирилла и Меѳодія, должно быть причислено греческое житіе ихъ, источникъ *Х. Л.*, частично представленное выдержками въ *Обр. Кр.* Разумѣется, здѣсь неминуемо возникаетъ во всей своей сложности вопросъ объ отношеніи его къ паннонскимъ житіямъ [3]). Хотя подробный разборъ этого вопроса увлекъ бы далеко въ сторону отъ главной задачи, однакожъ нѣкоторыя данныя для его рѣшенія окажутся для дальнѣйшаго не безполезными.

Паннонскія житія,—съ одной стороны, и отрывки *Х. Л.*— съ другой—по своему общему характеру значительно различаются между собою: первыя носятъ на себѣ черты литературныхъ произведеній, въ которыхъ біографическій матеріалъ подвергнутъ художественной обработкѣ, освѣщенъ общей идеей и проникнутъ живымъ чувствомъ составителя; вторыя — скорѣе сухой сводъ важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни славянскихъ апостоловъ, лишенный общаго освѣщенія и разсужденій автора, безъ ссылокъ на св. писаніе, которыми обилуютъ паннонскія житія, безъ подробнаго изложенія богословскихъ преній, которыя въ паннонскомъ житіи Кирилла занимаютъ 1/3 всего содержанія. Но чисто фактическая сторона разсказываемыхъ здѣсь событій въ большинствѣ случаевъ, за нѣсколькими исключеніями, соотвѣт-

---

[1]) *А. Петровъ*. Чествованіе свв. слав. апостоловъ Кирилла и Меѳодія въ древне-русской церкви. *Христ. Чтен.* 1898, I, стр. 543—5.

[2]) Въ одномъ изъ тропарей пѣсни 9-й читается: **къ клонъ и къ рыцѣ доухъ скон богоу своемоу къ роущѣ прѣдѣсть.** *Кир.-Мео. Сборн.* 1865 г. стр. 290; *Срезневскій*, Свѣд. и зам., XXVIII, стр. 77.

[3]) Мы вездѣ пользуемся названіемъ „паннонскія" въ приложеніи къ пространнымъ житіямъ въ силу его общепринятости, не обозначая имъ мѣста происхожденія житій.

ствуетъ показаніямъ паннонскихъ житій. Обыкновенно въ отрывкахъ *Х. Д.* разсказывается сокращенно, общо и иногда глухо о томъ, о чемъ въ пространныхъ житіяхъ повѣствуется обстоятельно, точно, съ обозначеніемъ именъ и мѣстностей, съ указаніемъ подробностей дѣла. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношеніе между славянскими и греческимъ текстами бываетъ какъ разъ противоположное: въ *Х. Д.* попадаются мелкія біографическія черты, тонкія подробности событій, числовыя данныя, отсутствующія въ паннонскихъ житіяхъ. Особенно это нужно сказать относительно свѣдѣній, касающихся первой половины жизни первоучителей. Помимо уже указанныхъ особенностей *Х. Д.*, совпадающихъ съ отличительными показаніями проложныхъ житій, къ числу мелкихъ матеріальныхъ преимуществъ *Х. Д.* относятся слѣдующія. 1. О раннѣйшей порѣ жизни Меѳодія изъ *Х. Д.* мы узнаемъ, что онъ еще въ юномъ возрастѣ изучалъ св. писаніе (*τὰ ἱερὰ γράμματα*), что, придя въ болѣе зрѣлый возрастъ, поступилъ въ военную службу, а также что передъ назначеніемъ на должность военнаго начальника онъ былъ вызванъ въ столицу императоромъ Ѳеофиломъ. 2. Мѣстомъ „словѣнскаго княженія“ его были „предѣлы, которые граничили съ народомъ Болгарскимъ“ (*τὰ μέρη, τὰ ὁποῖα ἐσυνόρευαν μὲ τὸ ἔθνος τῶν Βουλγίρων*). 3. Время службы въ должности начальника области, которое въ паннонск. житіи Меѳодія обозначается какъ „лѣта многа“, въ *Х. Д.* опредѣляется 10-ю годами. 4. Послѣ этого времени Меѳодій возвратился въ Константинополь. 5. Неясныя „молвы многи безчинны“, побудившія его, по паннонскому житію, удалиться на Олимпъ, въ *Х. Д.* опредѣляются точнѣйшимъ образомъ: „вслѣдствіе гоненія, которое воздвигъ противъ св. иконъ богоненавистникъ Ѳеофилъ, и (происшедшей) отъ этого гоненія неурядицы“, онъ возненавидѣлъ все, бросилъ оружіе и отправился на Олимпъ. 6. До монашества Меѳодій носилъ другое имя. 7. Обстоятельства, при которыхъ Кириллъ былъ вызванъ ко двору, въ *Х. Д.* объяснены съ подробностью, недостающей паннонскому житію его: послѣ смерти Ѳеофила престолъ перешелъ къ его сыну Михаилу и Ѳеодорѣ; опекунами юнаго Михаила были Мануилъ Магистръ и Ѳеоктистъ Логоѳетъ; послѣднему были извѣстны родители Кирилла, и онъ вызвалъ его ко двору для того, чтобы юный

царь видѣлъ его успѣхи и старался подражать ему. 8. Еще во время ученія Кириллу было усвоено прозваніе философа. 9. „Учительный санъ“ Кирилла, о которомъ сказано въ паннонскомъ житіи, былъ, по *Х. Л.*, *μέγας διδάσκαλος τῆς φιλοσοφίας*. 10. Въ священники онъ былъ рукоположенъ патр. Игнатіемъ. 11. Послѣ сарацинской миссіи Кириллъ былъ принятъ царемъ и патріархомъ съ радостью и благодарностью. 12. Каганъ, прося у царя мужей мудрыхъ для состязанія въ вѣрѣ съ сарацинами и хозарами, обѣщаетъ царю быть покорнымъ и помощникомъ въ войнѣ,—подробность чисто политическаго характера 13. Предложеніе отправиться къ хозарамъ шло къ Кириллу со стороны не только царя, но и патріарха. 14. Имя епископа Корсунскаго, участвовавшаго въ обрѣтеніи мощей Климента Римскаго, по указанію *Х. Л.*, *Георгій*. Послѣ обрѣтенія мощи были положены въ Корсунѣ въ храмѣ св. Софіи. Часть ихъ перенесъ Кириллъ въ Константинополь. 15. Съ особенной подробностью разсказывается въ *Х. Л.* объ изобрѣтеніи письменъ, при чемъ прежде всего на славянскій языкъ, по *Х. Л.*, были переведены „стихи и тропари“, подъ которыми, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть первоначальныя молитвы, а потомъ уже евангеліе отъ Іоанна. (*καὶ πρῶτον μὲν ἐμεταλλώττισαν εἰς τὴν Βουλγαρικὴν γλῶσσαν στίχους καὶ τροπάρια· μετὰ δὲ ταῦτα τὸ κατὰ Ἰωάννην Ἅγιον Εὐαγγέλιον*). 16. Побужденія, заставившія свв. братьевъ отправиться въ Римъ, въ *Х. Л.* объяснены опредѣленнѣе, чѣмъ въ паннонскихъ житіяхъ: вслѣдствіе обвиненія со стороны западныхъ епископовъ и священниковъ въ богослужебномъ употребленіи славянскаго языка, папа Николай „написалъ, чтобы они явились къ нему въ Римъ и принесли книги“; пока они были въ пути, Николай умеръ и его мѣсто занялъ Адріанъ 2-ой, который и принялъ ихъ въ Римѣ. 17. Кириллъ и Меѳодій прямо называются греками (*διαλεχθοῦν μὲ τοὺς Ῥωμαίους*) [1]).

[1]) Любопытно, что нѣкоторыя дополнительныя извѣстія *Х. Л.*, которыхъ нѣтъ въ славянскихъ житіяхъ, нашли себѣ мѣсто въ *Итальянской легендѣ*. Сюда относятся: а) свѣдѣнія о смерти папы Николая и вступленіи на престолъ Адріана 2-го, когда свв. братья находились на пути въ Римъ; в) упоминаніе о Георгіи, хотя этимъ именемъ въ *Итальянской легендѣ* называется городъ, а въ *Х. Л.*, какъ и въ *Словѣ на перенесеніе мощей св. Климента*,—епископъ Херсонскій; с) упоминаніе о епископствѣ Кирилла. Это какъ разъ тѣ извѣстія, которыя приводили въ недоумѣніе *Викторова*, не нашедшаго ихъ источника (*Кир.-Мео. Сборн.*, 424—425).

Какъ бы ни казались маловажными всѣ приведенныя по дробности взятыя порознь, но въ цѣломъ онѣ характеризуютъ первоисточникъ *Х. Л.* со стороны детальнаго изображенія дѣла. Общій характеръ этихъ подробностей таковъ что самая придирчивая критика, основываясь на авторитетѣ паннонскихъ житій, едва-ли могла бы усмотрѣть здѣсь противорѣчія послѣднимъ или вообще заподозрить достовѣрность перечисленныхъ сообщеній.

Разумѣется, особенности *Х. Л.* несравнимы по своему содержательному значенію съ тѣми огромными преимуществами, какими, съ своей стороны, обладаютъ паннонскія житія. Но при этихъ различіяхъ, между *Х. Л.* и паннонскими житіями существуетъ и легко наблюдаемая близость. Она выражается не только въ согласіи большинства біографическихъ показаній и ихъ общей связи, но простирается и на отдѣльные оттѣнки мыслей и выраженія. Сквозь обрывки хиландарскаго текста, проредактированные Аѳанасіемъ Паросскимъ, мѣстами довольно явственно проглядываютъ полустершіяся черты родства его съ славянскимъ текстомъ паннонскихъ житій. Уже г. Петровскій совершенно справедливо указалъ на то, какъ подтвердились греческимъ текстомъ нѣкоторыя догадки покойнаго проф. Воронова относительно соотвѣтствія кое-какихъ отдѣльныхъ словъ изъ пространныхъ житій выраженіямъ предположеннаго имъ греческаго оригинала. Ср. „Узкое море“ въ паннонск. житіи Константина и *τὸ στενὸν τῆς μαύρης θαλάσσης* въ *Х. Л.* [1]); „виволотикаръ“ и *χαρτοφύλαξ*; „ученики научша“ въ житіи Меѳодія и *καταστήσαντες ἱερεῖς καὶ διακόνους*, при чемъ, какъ предполагалъ Вороновъ, дѣйствительно, и „иде (въ Римъ) свя-

---

Два послѣднія упоминанія проникли и въ Legenda Aurea *Іакова де Ворагине*, въ зависимость отъ которой, поэтому, нѣкоторые ставили *Итальянск. легенду* (Вороновъ, 327—9). Есть еще одно мѣсто общее для *Х. Л.*, Leg. aurea и *Итальянской легенды*,—это замѣчаніе о томъ, что Константинъ еще въ дѣтствѣ за свою мудрость былъ прозванъ философомъ.

[1]) Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значенія этого соотвѣтствія въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлалъ Вороновъ. Названіе Мраморнаго моря *Узкимъ* встрѣчается въ Путешествіи Игумена Даніила (Изд. Археогр. Коммиссіи подъ ред. *А. С. Норова*, СПБ., 1864, стр. 5, в) и Іеродіакона Зосимы (Путешествія русскихъ людей въ чужія земли, изд. *Сахарова*, СПБ., 1837, II, стр. 44). Это соотвѣтствіе пріобрѣтаетъ силу только при наличности другихъ случаевъ близости паннонскихъ житій къ греческому тексту.

тить ученикъ своихъ“ въ житіи Кирилла могло получиться изъ смѣшенія *καταστήσοντες* съ *καταστήσαντες*.

Приведемъ нѣкоторые другіе случаи сходства выраженій и текстуальнаго родства *Х. Д.* и паннонскихъ житій, (по изд. *Бодянскаго*).

Въ житіи Кирилла его отецъ характеризуется эпитетами, весьма близкими къ характеристикѣ обоихъ родителей его въ *Х. Д.* **Бѣ же благочестивъ и праведенъ, съхранивъ къса законадн своихъ исполнь, якоже иногда Іевъ.** *Καὶ οἱ δύο δίκαιοι καὶ ἄμεμπτοι καὶ θεοσεβεῖς κατὰ τὸν Ἰώβ.*

Въ назначеніи Меѳодія на „княженіе словѣнское“ составитель паннонскаго житія его усматриваетъ особенное провиденціальное значеніе: **цѣрь... княженіе языкоу дасть дрьжати словѣньско. рече** (вм. **рекоу**) **же хъ. яко прозьра, яко и хотяше оучитела словѣньскымъ посълати.... дабы прооучилъ са ксѣмъ обычаемъ словѣньскыимъ.** То же значеніе усвояется этому факту и въ *Х. Д.*: *καὶ παῤ αὐτοῦ πέμπεται στρατηγὸς εἰς ἐκεῖνα τὰ μέρη, τὰ ὁποῖα ἐσυτύρευαι μὲ τὸ Ἔθνος τῶν Βουλγάρων, κατὰ θείαν μέμψιν οἰκονομίαν, διὰ νὰ μάθῃ ἐκεῖ τὴν γλῶσσαν ἐκείνου τοῦ γένους, ὡσὰν ὅπου ἔμελλε νὰ χρηματίσῃ μετὰ ταῦτα διδάσκαλος αὐτῶν.*

Ѳеоктистъ Логоѳетъ, предлагая Кириллу въ жены свою крестницу, обѣщаетъ ему **ѡ цѣра честь**; ср. *τιμὴν βασιλικὴν* въ *Х. Д.*

О бѣгствѣ Кирилла на узкое море и поискахъ его въ житіи его говорится: **на оузкое море шедъ, съкрыса отъи къ монастыри. нѣкыихъ же его ѕ̄ мнѣ, и едва окрѣтоша и**; ср. *Х. Д. φεύγει κρυφίως ἀπὸ τὰ Βασίλεια καὶ ἀπελθὼν εἰς ἓν μοναστήριον εἰς τὸ στενὸν τῆς μαύρης θαλάσσης... ἔγινε δὲ ζήτησις περὶ αὐτοῦ... καὶ μετὰ ἓξ μῆνας ηὗρον.*

Послѣ сарацинской миссіи Кириллъ **къ олнмъ же шѣ къ меѳодію брату своемоу, начатъ жити и мѣтку творити безпрестани къ Бгоу**; ср. *ὁ δὲ ἅγιος ἀπελθὼν εἰς τὸ ὄρος τοῦ Ὀλύμπου, καὶ εὑρὼν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ τὸν ὅσ. Μεθόδιον ἔμεινε μετ' αὐτοῦ δουλεύοντας τῷ θεῷ.*

При сжатости рѣчи въ *Х. Д.* иногда въ общей передачѣ событій употребляются выраженія аналогичныя тѣмъ, которыя въ пространномъ разсказѣ паннонскихъ житій влагаются въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ рѣчи хозарскихъ пословъ отъ имени кагана къ царю въ житіи Кирилла и то-же въ передачѣ *Х. Д.*

екрѣи ѹстаіѣ (вар. **ѹстать**) **ны кѣ-**	*οἱ Ἑβραῖοι ἐδίδασκον αὐτὸν* (кагана) *τὴν θρησκείαν τοὺς, οἱ δὲ*

понужлють ны ихъ свою кѣрѹ, глаше, ако наша есть кѣра добрѣишѣ всѣ ихъкъ, то сего рад̀и... просиша мужа книжна ѹ нихъ, да имѣе препрѣти евреѣ и сѹщиныи, то по нашѹ са кѣрѹ имемъ.	*Σαρακινοὶ τὴν ἀσέβειαν αὐτῶν λέγοντες, ὅτι αὕτη ἐστὶν ἡ ἐξαιρετος Πίστις· διὰ τοῦτο παρεκάλει τὸν Βασιλέα νὰ τοῦ στείλῃ ἄνδρας σοφοὺς διδασκάλους, νὰ διαλεχθοῦν μὲ τοὺς Ἑβραίους, ὑποσχόμενος νὰ τοῦ ἦναι εἰς τὸ ἔξῆς ὑπήκοος...*

Замѣчаніе въ *Х. Л.* объ отпускѣ хозарами плѣнныхъ грековъ соотвѣтствуетъ отвѣту Кирилла на предложеніе ему подарковъ со стороны кагана, хотя количество плѣнныхъ, вѣроятно, по винѣ переписчиковъ *Х. Л.*, указывается не одинаковое.

дажѣ ли, елико имѣаше плѣнисѣ грекъ зде, и то ими есть болѣ всѣ дарове. съвракше же ѝ до двѹдесатъ, и къдаша емѹ. и иде ѡбоуса на пѹть свои.	*καὶ λαβόντες διὰ δῶρον ὅσους Ῥωμαίους εἶχον αἰχμαλώτους οἱ Σκύθαι, ὁποῦ ἦσαν τοὺς διακοσίους ἄνδρας, ὑπέστρεψαν εἰς τὸν Χερσῶνα.*

Для правильной оцѣнки наблюдаемаго текстуальнаго родства славянскихъ и греческаго жизнеописаній славянскихъ апостоловъ нужно замѣтить, что первыя и второе, какъ двѣ сопоставляемыя величины, находятся въ далеко неравныхъ условіяхъ. Паннонскія житія представляютъ собою законченныя произведенія, сохранившіяся во множествѣ прекрасныхъ списковъ. Греческое жизнеописаніе является въ видѣ лишь обломковъ цѣльнаго текста, вѣроятно, пережившихъ свою исторію, подвергавшихся измѣненіямъ, передѣланныхъ на новогреческій языкъ, видоизмѣненныхъ Аѳанасіемъ. Отсюда показательное значеніе отмѣченныхъ чертъ близости греческаго текста къ паннонскимъ житіямъ должно имѣть сугубую силу. Если цѣлые вѣка и многочисленныя текстуальныя измѣненія не могли сгладить съ сохранившагося до насъ новогреческаго повѣствованія признаковъ близости къ знаменитымъ паннонскимъ житіямъ, то не въ отношеніи ли гораздо большей близости къ нимъ находился его отдаленный предокъ—прототипъ *Х. Л.*? И эту близость едва-ли можно истолковать въ смыслѣ зависимости греческаго жизнеописанія отъ славянскихъ. Такому объясненію препятствуютъ: а) мелкія особенности содержанія *Х. Л.*, органически слившіяся съ повѣствованіемъ и необъяснимыя изъ паннонскихъ житій; б) зависимость отъ греческаго жизнеописанія

краткихъ проложныхъ житій первоучителей и именно въ тѣхъ отличительныхъ подробностяхъ ихъ, которыя недостаютъ паннонскимъ житіямъ; в) совпаденіе *Х. Л.* съ Итальянской легендой въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, также недостающихъ въ паннонскихъ житіяхъ. Трудно допустить, чтобы составитель греческаго жизнеописанія могъ объединить свѣдѣнія, самостоятельно извлеченныя имъ изъ различныхъ источниковъ, или чтобы онъ имѣлъ какой-то неизвѣстный намъ славянскій источникъ и изъ него черпалъ дополненія къ свѣдѣніямъ изъ паннонскихъ житій. Поэтому естественно возникаетъ и пріобрѣтаетъ для себя основанія вопросъ: *не скрывается-ли за новогреческими отрывками Хиландарской повѣсти та древняя греческая основа паннонскихъ житій, которую предполагали за ними Миклошичъ и Вороновъ?*

Но устанавливая черты родства между паннонскими и греческимъ жизнеописаніями Кирилла и Меѳодія, мы не опускаемъ изъ виду и различій между ними въ нѣкоторыхъ показаніяхъ. Такъ, рукоположеніе Кирилла во священники въ паннонск. житіи его и въ греческой повѣсти пріурочивается къ разнымъ моментамъ его жизни: въ первомъ до бѣгства на Узкое море, во второмъ—послѣ бѣгства. Принятіе имъ монашества, по свидѣтельству его житія, имѣло мѣсто въ Римѣ за 50 дней до смерти, между тѣмъ какъ по *Х. Л.* здѣсь онъ принялъ уже схиму (*τὸ μέγα ἀγγελικὸν σχῆμα*), монахомъ же сталъ еще въ монастырѣ на побережьѣ Мраморнаго моря. Мощи св. Климента обрѣтены были по житію Кирилла въ Корсуни по пути къ хозарамъ, по *Х. Л.*—на обратномъ пути. Количество плѣнныхъ грековъ, отпущенныхъ каганомъ на свободу по просьбѣ Кирилла, въ его житіи опредѣляется въ 20 человѣкъ, въ *Х. Л.*—въ 200. Наконецъ, наиболѣе существенное различіе касается исторіи изобрѣтенія письменъ и перевода книгъ, а также связанной съ этими событіями моравской миссіи. Въ *Οὐρ. Κρ.* дѣло представляется такъ, что письмена были изобрѣтены и переведены священныя книги на славянскій языкъ для болгаръ, которыхъ Кириллъ и Меѳодій крестили. Въ паннонскихъ житіяхъ появленіе письменъ и перевода связано съ моравской миссіей, и нѣтъ ни слова о просвѣтительной дѣятельности свв. братьевъ въ Болгаріи.

Однакожъ всѣ эти различія не могутъ поколебать общаго положенія относительно родства между сравниваемыми про-

изведеніями. Отрывочный характеръ и отдаленность *Х. Л.* отъ своего первоисточника не позволяютъ опредѣлить степень древности всѣхъ указанныхъ отступленій греческаго текста отъ паннонскихъ житій. Несомнѣнно только, что не во всѣхъ ихъ повиненъ Аѳанасій Паросскій, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ внесены въ минейныя житія уже св. Димитріемъ Ростовскимъ, а сообщеніе о монашествѣ Кирилла въ монастырѣ на Узкомъ морѣ проникло изъ греческаго повѣствованія еще въ проложныя житія. Если эти особенности не были присущи древнему греческому тексту,—который въ такомъ случаѣ находился бы въ дѣйствительномъ противорѣчіи съ паннонскими житіями,—то въ ихъ происхожденіи должны быть признаны виновными ошибки переписчиковъ (200 вм. 20), домыслы редакторовъ,—какъ, напр., въ заключеніи о схимѣ Кирилла въ Римѣ, выведенномъ изъ того предположенія, что монашество уже было принято имъ во время пребыванія въ монастырѣ,—наконецъ, сознательныя или непреднамѣренныя перестановки фактовъ.

Исключительнаго вниманія заслуживаютъ извѣстія *Х. Л.* о дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи и пріуроченіе къ ея исторіи главной цѣли ихъ подвига. Въ той редакціи, которую пріобрѣлъ греческій разсказъ въ *Οὐρ. Κῳ.*, эти извѣстія, на нашъ взглядъ, представляютъ собою сліяніе въ одно сообщеній о трехъ различныхъ событіяхъ: 1) о крещеніи Болгаріи и сопровождавшемъ его прибытіи въ Болгарію греческаго духовенства, 2) просвѣтительной дѣятельности свв. братьевъ среди славянъ болгарскихъ и 3) о моравской миссіи и дѣятельности ихъ среди славянъ западныхъ. Это сліяніе, безусловно, принадлежитъ самому Аѳанасію. Усвояя Кириллу и Меѳодію крещеніе Болгаріи и устройство церковныхъ дѣлъ, онъ находился подъ вліяніемъ историческихъ извѣстій, въ которыхъ это приписано вообще греческому духовенству, посланному въ Болгарію. Замѣчаніе объ условіяхъ крещенія Бориса и о переименованіи его въ Михаила въ честь царя онъ заимствовалъ у тѣхъ византійскихъ историковъ, на которыхъ самъ ссылается въ *Ἀκ.* Кромѣ того, здѣсь есть одна интересная подробность, которая въ другихъ источникахъ пріурочивается именно къ началу церковной жизни Болгаріи послѣ ея крещенія независимо отъ дѣятельности св. братьевъ, это—*κτίσαντες καὶ ἐκκλησίαν*. О построеніи

церквей послѣ крещенія Болгаріи говорится въ извѣстномъ свидѣтельствѣ болгарина-очевидца въ прологѣ XIV в. Тр.-Сергіевской Лавры № 33 [1]), а также въ „Сказаніи о тиверіупольскихъ мученикахъ“ Θеофилакта Болгарскаго [2]).

При отсутствіи какихъ-либо упоминаній о посольствѣ свв. братьевъ царемъ и патріархомъ въ Моравію, въ *Οὐρ Κρ.* начало славянской дѣятельности Кирилла и Меѳодія относится къ Болгаріи, но всѣ подробности дѣла—посольство къ царю отъ болгарскаго князя съ просьбой учителей, призывъ св. братьевъ, изобрѣтеніе ими письменъ въ Константинополѣ, путешествіе въ Болгарію, пріемъ княземъ и отчасти дѣятельность въ Болгаріи,—въ общихъ чертахъ разсказаны такъ, какъ въ паннонскомъ житіи Кирилла разсказаны обстоятельства моравской миссіи и моравскихъ подвиговъ, только съ замѣной соотвѣтствующихъ именъ (Борисъ—Ростиславъ, Болгарія—Моравія). Вотъ, напр., одно мѣсто, въ которомъ сходство простирается до совпаденія въ выраженіяхъ.

...τοὺς ὁποίους καὶ φθάσαντας εἰς τὴν Βουλγαρίαν ἐδέχθη μέ τιμὰς μεγίλας Βορίσης..., καὶ μετὰ τοῦτο εὐθὺς τοὺς ἔφερεν παιδία νέα, καὶ ἄρχισαν νὰ τοὺς διδάσκουν τὰ γράμματα, καὶ νὰ τοὺς μανθάνουν ἑλληνικὸν, ὄρθον, καὶ πᾶσαν ἀκολουθίαν, καὶ τὸ ψαλτήριον .. ἔπειτα μεταφράσαντες τὴν ἱερὰν λειτουργίαν... [3])

Дошедъшю же ему нарѣкы, съ великою чѣстью приатъ и ростиславъ, и совѣтъ отъемникъ, кдѣсть и отъитѣ,... и вдаѵї и отъемни, и годинаѣ, обѣдаѣи и вечерѣи, и плѣсъеранїи, и тайныѣи служкѣ.

Это обобщеніе двухъ, изображаемыхъ разными памятниками, моментовъ просвѣтительной дѣятельности свв. братьевъ въ одинъ также принадлежитъ Аѳанасію. Оно сдѣлано подъ вліяніемъ житія Климента, въ которомъ нѣтъ рѣчи о моравской миссіи и изобрѣтеніе письменъ пріурочивается къ

---

[1]) Оно напечатано *Срезневскимъ* въ Древн. памятн. русскаго письма и языка (СПБ., 1863), 259,

[2]) *Migne*, Patr. graec., t. 126, col. 200—1.

[3]) Заслуживаетъ вниманія въ исторіи посольства къ болгарамъ, какъ она изложена въ *Л. Л.*, замѣчаніе о томъ, что Кириллъ и Меѳодій послѣ изобрѣтенія письменъ отправились въ Болгарію—*ἔχοντες πᾶσαν ὑπηρεσίαν Βασιλικήν*—имѣя всю царскую услугу.

потребностямъ болгарскаго народа. *Но въ той редакціи Х. Д., которая была въ рукахъ у Аѳанасія, Моравія и моравская миссія не были забыты.* Объ этомъ можно заключить изъ одного примѣчанія къ *Οὐρ. Κρ.*, въ которомъ Аѳанасій, разсматривая терминъ *Μόραβος*, принятый у Климентова біографа, между прочимъ замѣчаетъ: *καὶ ἡ κατὰ τὴν Χιλανταρινὴν διήγησιν Μωράβα.* Но что говорилось тамъ о Моравіи и какъ представлена была тамъ моравская миссія славянскихъ учителей, это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. *Несомнѣнно также, что въ Х. Д. заключались извѣстія и о дѣятельности ихъ въ Болгаріи.* Это слѣдуетъ изъ того, что въ другомъ изъ примѣчаній Аѳанасій называетъ письмена, изобрѣтенныя первоучителями, *болгарскими* вм. *словѣнскихъ* и при этомъ ссылается на Хиландарское жизнеописаніе: *αὐτὴ ἡ Χιλανταρινὴ διήγησις εἶπεν, ὅτι ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει ὄντες ἀκόμα οἱ ἅγιοι εὗρηκαν τὰ Βουλγάρικα στοιχεῖα, καὶ ἐμετάφρασαν εὐθὺς καὶ τὸ κατὰ Ἰωάννην Εὐαγγέλιον.* Слѣдовательно, свѣдѣнія о болгарской миссіи и объ изобрѣтеніи письменъ для Болгаріи въ *Х. Д.* были согласны съ извѣстіями житія Климента.

По выдѣленіи изъ *Ἀκ.* и *Οὐρ. Κρ.* посторонняго матеріала, внесеннаго въ житіе Климента Аѳанасіемъ Паросскимъ, у насъ остается новогреческій переводъ житія. Задавшись цѣлью отпереть „ключомъ перевода“ древній текстъ его, запертый для многихъ „замками эллинскаго языка“, переводчикъ въ то же время подвергъ его сокращеніямъ и нѣкоторымъ измѣненіямъ. Но въ общемъ, благодаря оговоркамъ и примѣчаніямъ, которыми снабжены оба изданія, за новогреческими переработками довольно отчетливо видна ихъ древняя основа. Она оказывается общей для *Ἀκ.* и для *Οὐρ. Κρ.*, свидѣтельствуя о томъ, что для обоихъ изданій у Аѳанасія былъ одинъ и тотъ же оригиналъ. Существенно важно установить, послужило-ли для Аѳанасія такимъ оригиналомъ какое-либо печатное изданіе, или же онъ имѣлъ у себя рукописный текстъ, представляющій собою новый списокъ его. Хронологія изданій ясно показываетъ, что ему могло быть доступно лишь одно изъ нихъ—москопольское. Правда, книга *Οὐρ. Κρ.* вышла въ свѣтъ спустя 3 года послѣ появленія вѣнскаго изданія житія, предпринятаго Амвросіемъ Памперемъ, но мы знаемъ изъ преди-

словія къ ней, что она окончательно была приготовлена къ печати еще въ 1795 году, т. е., за семь лѣтъ до появленія изданія Памперея.

Но воспользовался-ли Аѳанасій для своихъ переработокъ москопольскимъ изданіемъ? Есть основанія не только для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но и для предположенія, что оно ему осталось совершенно неизвѣстнымъ. 1) На титульномъ листѣ *Οὐρ. Κρ.* есть фраза: *νῦν δεύτερον πλήρης ἐκδίδοται ἅτε κολοβωθεὶς τὰ καίρια παρά τινος ὁ πρότερον ἐν Βενετίᾳ τυπωθείς* (1-ое изд.). На основаніи этихъ словъ можно догадываться, что Аѳанасій считалъ свои переводы первыми печатными изданіями житія вообще. 2) Въ венеціанское изданіе вмѣстѣ съ житіемъ вошла и служба св. Клименту, но она по своему составу и расположенію частей отличается отъ службы въ москопольскомъ изданіи. 3) Наконецъ, рѣшительное значеніе въ этомъ случаѣ имѣютъ отличія въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, какъ они напечатаны у Аѳанасія, по сравненію съ москопольскимъ изд.: *Ῥαδήσλαβος Ἀκ.* (два раза) [1])—*Ῥασίσθλαβος* Моск. изд., *Σφενδόπλικος Ἀκ., Οὐρ. Κρ.*—*Σφεντόπλικος* Моск. изд. Эти и подобныя отличія не могли бы явиться, еслибы для Аѳанасія оригиналомъ служило москопольское изданіе. Объяснить ихъ недостаточнымъ вниманіемъ издателя къ подлиннику также нельзя, потому что онъ останавливается на имени *Σφενδόπλικος*, сопоставляя его въ примѣчаніи съ *Σφενδόπλοκος* Константина Порфиророднаго.

Такимъ образомъ, за новогреческими текстами Аѳанасія скрывается еще одинъ списокъ житія, по всей вѣроятности, бывшій въ обращеніи въ монастырѣ Продрома или въ Хиландарскомъ монастырѣ, откуда была доставлена ему и греческая повѣсть о Кириллѣ и Меѳодіи. Разумѣется, нѣтъ возможности установить во всѣхъ подробностяхъ текстъ этого списка, такъ какъ переводчикъ не вездѣ рабски слѣдовалъ своему подлиннику. Но нѣкоторыя особенности его выступаютъ настолько отчетливо, что о нихъ можно говорить съ весьма значительной долей увѣренности. Нужно замѣтить при этомъ, что отъ опасности смѣшать ихъ съ измѣненіями или опущеніями Аѳанасія избавляютъ постоян-

[1]) Въ *Οὐρ. Κρ.* соотвѣтствующее мѣсто опущено.

ныя оговорки, которыми обычно сопровождаются послѣднія. Онъ никогда самовольно не устраняетъ изъ текста неясностей или несообразностей подлинника, предпочитая оставить ихъ въ переводѣ и лишь сопровождая ихъ въ примѣчаніяхъ собственными объясненіями или соображеніями [1]). Имѣя въ виду такія свойства редакторской работы Аѳанасія, съ большой увѣренностью слѣдуетъ отнести на счетъ подлинника три наиболѣе важныя особенности *Ἀκ.* и *Οὐρ. Κρ.*: 1) отсутствіе извѣстнаго *ἡμῖν* при *τοῖς Βουλγάροις* (XXII гл.), служившаго для нѣкоторыхъ изслѣдователей препятствіемъ для признанія составителя житія грекомъ, такъ что соотвѣтствующее мѣсто здѣсь читается просто: *παρέδωκεν εἰς τοὺς Βουλγάρους*; 2) отсутствіе упоминанія о скиѳскомъ мечѣ, упившемся кровью болгарской (XXIX гл.); 3) замѣна выраженія, относящагося къ Меѳодію: *τέταρτον μὲν πρὸς τῷ εἰκοστῷ ἔτος τῇ ἀρχιερωσύνῃ ἐμπρέφας* фразой: *εἰκοσιτέσσαρας χρόνους ἐποίμανε τὸ ἐμπιστευθὲν αὐτῷ ποίμνιον* (VI гл.). Отсутствіе первыхъ двухъ выраженій и замѣна третьяго, при наличности въ переводѣ другихъ затруднительныхъ для пониманія мѣстъ и при категорическомъ заявленіи переводчика: *ἀπ ἐδῶ συνεχῶς ἀκολουθεῖ ἡ τοῦ Θεοφυλάκτου μετάφρασις*, свидѣтельствуетъ о наличности такихъ особенностей въ томъ спискѣ, который былъ въ рукахъ у Аѳанасія [2]).

Общимъ результатомъ предложеннаго обзора текстовъ и изданій житія являются положенія: а) *ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ непосредственно или по изданіямъ списковъ житія не можетъ быть признанъ основнымъ, такъ какъ всѣ они — спп. монастыря св. Наума, Охридскій и Аѳанасія Паросскаго — заключаютъ въ себѣ цѣлый рядъ варіантовъ и особенностей различнаго достоинства;* b) *взаимоотношеніе этихъ спп. не поддается точному объясненію;* c) *картина первоначальнаго текста возстановляется лишь отчасти путемъ объединенія отдѣльныхъ особенностей его, уцѣлѣвшихъ въ разныхъ спп.*

---

[1]) Ср., напр., замѣчанія Аѳанасія по поводу *Μώραβος, Σπράγγοι, Κουτμιτζιβίτζα* и *Κοτόκιον, Δρεμβίτζα* и *Βελίτζα*, по поводу упоминанія о путешествіи свв. братьевъ въ Римъ по примѣру ап. Павла или по поводу словъ составителя житія о своей близости къ Клименту и проч.

[2]) Есть еще нѣсколько особенностей въ изданіяхъ Аѳанасія, не оговоренныхъ имъ, но мы не рѣшаемся съ увѣренностью приписать ихъ оригиналу.

Принимая въ разсчетъ данныя, которыя получились изъ анализа текстовъ и изданій житія, мы обратимся къ исторической критикѣ памятника. И прежде всего нельзя пройти равнодушно мимо стараго вопроса объ авторѣ его [1]). Этотъ вопросъ возникъ и породилъ разнообразныя рѣшенія въ за-

[1]) Исторія изслѣдованія житія характеризуется постоянными колебаніями научной критики въ рѣшеніи вопроса объ авторѣ и исторической цѣнности его сообщеній, въ зависимости отъ противорѣчивыхъ данныхъ, заключающихся въ житіи. Нѣсколько замѣчаній объ авторѣ, въ смыслѣ признанія его неправовѣрнымъ съ католической точки зрѣнія, сдѣлали еще *Л. Аллацій* (op. cit.) и *Ассемани* (op. cit.), на основаніи впервые изданныхъ ими отрывковъ житія. Цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній по поводу разныхъ отдѣльныхъ сообщеній житія разсѣянъ въ изданіяхъ *Аванасія Паросскаго*, въ особенности въ примѣчаніяхъ. Во многомъ онъ удивительнымъ образомъ предвосхищаетъ мнѣнія послѣдующихъ изслѣдователей, особенно Е. Е. Голубинскаго, который, однако, его изданіями не пользовался. Впрочемъ, Аванасій отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ надписанію житія и призналъ авторомъ Ѳеофилакта, архіеп. болгарскаго, считая его въ то же время ученикомъ Климента. Очевидно, время жизни Ѳеофилакта ему не было извѣстно. Впервые ясно поставилъ вопросъ о времени жизни и личности автора *Добровскій*. Свидѣтельство заглавія не внушало ему довѣрія, такъ какъ, съ одной стороны, въ ватиканскомъ отрывкѣ имени Ѳеофилакта недостаетъ, съ другой—извѣстны случаи, когда именами знаменитыхъ писателей старались придать авторитетъ сочиненіямъ неизвѣстныхъ авторовъ. Но не болѣе убѣдительнымъ казалось ему и упоминаніе жизнеписателя о своей современности съ Климентомъ. Содержаніе житія внушало Добровскому мысль о принадлежности его писателю, жившему даже послѣ Ѳеофилакта. (Кириллъ и Меѳодій, 6—7). Русскій переводчикъ труда Добровскаго—*Погодинъ* примкнулъ всецѣло къ его мнѣнію. Замѣчанія Погодина направлены на опроверженіе *Блумбергера*, который хотѣлъ видѣть въ жизнеописателѣ избраннаго ученика Климентова (Cyrill und Method. Jahrbucher d. Litteratur, Wien, B. XXIV, 1824). Важное историческое значеніе за житіемъ признавалъ и *Неандеръ*. (Geschichte d. christl. Religion und Kirche, Hamburg, 1836, B. IV, S. 476). *Шафарикъ* считалъ авторомъ житія Ѳеофилакта, но въ томъ только смыслѣ, что Ѳеофилактъ лишь обновилъ и исправилъ жизнеописаніе, составленное прежде ученикомъ Климента (Расцвѣтъ слав. письм. въ Булгаріи, пер. *Бодянскаго* въ *Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. росс.* 1848 г., № 7, стр. 44). Иначе взглянули на дѣло *Миклошичъ* и *Бодянскій*. Первый высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что житіе относится къ X вѣку и принадлежитъ тому ученику Климента, который говоритъ о себѣ въ XVIII главѣ, а имя Ѳеофилакта поставлено въ заглавіи только для того, чтобы придать повѣствованію больше авторитета. (Vita Clementis, p. VII). Второй также призналъ житіе за памятникъ X вѣка, составленный однимъ изъ учениковъ славянскихъ благовѣстниковъ, по происхожденію болгариномъ. Возникающій отсюда вопросъ о причинѣ, заставившей болга-

висимости отъ противорѣчивыхъ данныхъ, заключающихся въ самомъ житіи. Въ немъ есть сообщенія, которыя могли

рина писать на языкѣ греческомъ, у Бодянскаго рѣшается предположеніемъ, что подлинникъ житія былъ составленъ на славянскомъ и только впослѣдствіи переведенъ кѣмъ-то на греческій языкъ. „Я той мысли—писалъ Бодянскій,—что когда-нибудь, при большемъ знакомствѣ съ сокровищами нашей церковно-славянской письменности, откроется и самый славянскій подлинникъ онаго". (О врем. происх. слав. письм., стрр. 9—10 и IV—V). Слабость мнѣній Миклошича и Бодянскаго заключается въ совершенномъ игнорированіи тѣхъ мѣстъ житія, которыя носятъ на себѣ несомнѣнныя черты позднѣйшаго происхожденія. Въ послѣдующее время въ Кирилло-Меѳодіевской литературѣ нашъ памятникъ не пріобрѣлъ никакого новаго освѣщенія до появленія трудовъ *А. Д. Воронова* и *Е. Е. Голубинскаго*. Одни изслѣдователи—*Дюммлеръ* (Archiv für Oest. Gesch. B. XIII, S. 154). *Лавровскій* (Св. Кириллъ и Меѳодій, какъ православн. проповѣдники и учители у западн. славянъ. *Духовн. Вѣстн.* 1863. т. V, стр. 91—92)—повторяли мнѣніе Миклошича и Бодянскаго; другіе—*Викторовъ* (Кир.-Мео. Сборн., изд. Погодинымъ, 1865, стр. 373), *Гильфердингъ* (Собр. сочин., т. I, СПБ. 1868, стр. 320. Ср. Кир.-Мео. Сборн. 1865, стр. 179),—вслѣдъ за Шафарикомъ, признавали въ немъ позднѣйшую искусственную переработку первоначальнаго сказанія ученика, принадлежащую Ѳеофилакту; нѣкоторые безъ ограниченій усвояли его цѣликомъ послѣднему (*Палаузовъ*, Вѣкъ болг. царя Симеона. СПБ. 1852, 74 стр.). Преосв. *Филаретъ* и арх. *Леонидъ* сдѣлали любопытную, но совершенно неудовлетворительную съ точки зрѣнія исторической критики, попытку отождествить автора—ученика Климентова съ личностью другого Ѳеофилакта, болгарскаго архіепископа, жившаго будто-бы въ X в. Первоначальный текстъ житія, по соображеніямъ арх. Леонида, долженъ быть славянскимъ. (*Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. росс. 1870, кн. IV, 8—19 стрр.*). При такомъ неопредѣленномъ положеніи вопроса взялись за рѣшеніе его *Вороновъ* и *Е. Е. Голубинскій*. Оба они нашли въ немъ положительные признаки, заставляющіе удалять его происхожденіе почти на два вѣка отъ времени описываемыхъ событій. Но вопросъ о личности автора и цѣнности фактическаго матеріала рѣшенъ ими различно. *Воронов*ъ съ рѣдкой научной эрудиціей отстаивалъ принадлежность житія цѣликомъ, въ его наличномъ видѣ, Ѳеофилакту и признавалъ за многими сообщеніями его значительную историческую цѣнность. (Главн. Источн. 109—139). Уязвимую сторону аргументаціи Воронова составляетъ попытка присвоить Ѳеофилакту и тѣ выраженія, въ которыхъ авторъ говоритъ о себѣ, какъ о болгаринѣ и ученикѣ Климента. Но *И. В. Ягичъ* въ рецензіи на книгу Воронова выразилъ сомнѣніе въ авторствѣ Ѳеофилакта и призналъ возможнымъ объяснить противорѣчія въ содержаніи житія только порчей или интерполяціей текста. (Die neusten Forschung. über die slav. Apost. Cyrill und Methodius въ *Arch. f. sl. Phil.*, IV, pp. 110—116). *Е. Е. Голубинскій* отнесся до крайности скептически къ житію, его автору и заключающемуся въ немъ фактическому матеріалу. Взглядъ Голубинскаго, въ общихъ чертахъ выраженный въ его юбилейной рѣчи с

появиться спустя столѣтіе и болѣе послѣ смерти Климента (916 г.). Особенную опредѣленность въ этомъ смыслѣ имѣетъ упоминаніе о томъ, что одна изъ церквей, построенныхъ Климентомъ въ Охридѣ, „впослѣдствіи сдѣлалась архіепископской каѳедрой“ (гл. XXIII). Но послѣдняя была перенесена въ Охриду лишь при архіепископѣ Филиппѣ, не ранѣе 1014—15 г.г. По тону разсказа видно, что изображаемая эпоха во время автора давно уже сдѣлалась достояніемъ исторіи,—

свв. Кириллѣ и Меѳодіи („Св. Конст. и Меѳ., первоучители славянскіе“ М. 1885, стрр. 54—7), подробно развить и аргументированъ въ его рукописномъ сочиненіи „Св. Константинъ и Меѳодій, апостолы славянскіе“, ч. II, къ великому ущербу для науки не появившемся въ печати. Въ составителѣ житія онъ видитъ „невѣжественно-беззастѣнчиваго греческаго фальсификатора, преднамѣренно выдающаго себя за ученика Климентова, но на самомъ дѣлѣ жившаго даже послѣ Ѳеофилакта“. Исчерпавъ всѣ противорѣчія, ложныя показанія и нелѣпости содержанія, Голубинскій доказываетъ полную недостовѣрность, даже безусловную лживость всего памятника. Все значеніе его сводится къ тому, что за нимъ скрывается болѣе древнее краткое повѣствованіе о Климентѣ, положенное въ основу той части, въ которой собственно рѣчь идетъ о Климентѣ. Въ этомъ отношеніи взглядъ Голубинскаго совпадаетъ съ мнѣніемъ Шафарика, но размѣры первоисточника ему представлялись незначительными. „Тамъ—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей рукописи—примѣрно читалось слѣдующее: „умершу доброму пастырю, не сотворися тако, якоже онъ завѣща, не быть настольникъ ему, егоже онъ показа, Гораздъ, но изволеніемъ паньежа вданъ быть единъ отъ нѣмець, иже болять іоаторскою ересію, емуже имя Вихникъ, и тако начаша смущати люди и воздвизати словесную брань, блаженный же Климентъ со иными нѣкіими отъиде сюду на страны болгарскія“. Вотъ и вся—по Е. Е. Голубинскому—основа житія! *И. И Срезневскій* въ своей рецензіи на соч. Голубинскаго далеко не согласился съ крайне скептическимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Ни одинъ изъ ученыхъ не примкнулъ къ его мнѣнію. *Малышевскій*, хотя видѣлъ въ житіи позднюю переработку начальнаго сказанія, но относился къ сообщеніямъ его съ довѣріемъ и воспользовался ими для послѣдней главы своего изслѣдованія: „Св. Кириллъ и Меѳодій“, Кіевъ, 1886, особенно 370—377 стрр. По мнѣнію *Новаковича*, житіе появилось не позже первой половины XI в., когда Охридская архіепископія должна была защищать свою самостоятельность. *Пастернекъ* ограничивается ссылкой на разнообразныя мнѣнія предшествующихъ ученыхъ, не рѣшая вопроса на свой страхъ (Dějiny slov. ap. Cyrilla a Methoda, 30—41). По мнѣнію *Снопка*, авторомъ житія Ѳеофилактъ не могъ быть, и исторической цѣнности оно не имѣетъ. Здѣсь слиты въ одно лицо два Климента: ученикъ Меѳодіевъ и епископъ Словенскій (*Snopek Fr.* Studie cyrillo-methodějské, V Brně, 1906. Konstantinus—Cyrillus und Methodius, Kremsier, 1911, pp. 220—4 и др.). *П. А. Лавровъ* склоняется къ признанію авторства Ѳеофилакта (Житіе св. Наума Охридскаго, СПБ. 1907, 48).

и, говоря о болгарскомъ царѣ Борисѣ, онъ находитъ нужнымъ опредѣлить время жизни его царствованіемъ его современника, греческаго императора Михаила. Біографическія подробности, касающіяся царей Бориса, Владиміра и Симеона, искажены (гл. XII). Наличность сохранившихся сочиненій Климента извѣстна автору лишь по слухамъ (гл. XXII). Полемика противъ западнаго ученія объ исхожденіи св. Духа отъ Сына принимаетъ такія яркія черты, какія были возможны только подъ условіемъ уже окончательно укрѣпившагося на западѣ исповѣданія новаго догмата. Однакожъ, при наличности такихъ данныхъ для опредѣленія времени жизни автора, послѣдній въ гл. XVIII неожиданно называетъ себя приближеннѣйшимъ ученикомъ Климента и свидѣтелемъ его жизни и трудовъ: *ἡμᾶς δὲ τοὺς ταπειτοὺς*— говоритъ онъ о себѣ—*καὶ ἀναξίους οἰκειοτέρους τῶν ἄλλων διὰ σπλάγχνα τῆς χρηστότητος ἐποιήσατο, καὶ πάντοτε συνῆμεν αὐτῷ πᾶσι παρακολουθοῦντες οἷς ἔπραττεν, οἷς ἔλεγεν, οἷς δὲ ἀμφοτέρων ἐδίδασκεν* и т. д. И дѣйствительно, онъ сообщаетъ о немъ такія подробности, которыя могли быть извѣстны только близкому къ нему лицу. На основаніи столь противорѣчивыхъ данныхъ въ литературѣ возникли два различныхъ мнѣнія объ авторѣ житія: одни стремились отстоять указаніе автора на свою непосредственную близость къ описываемому лицу (XVIII гл.) и признавали его ученикомъ Климента, игнорируя противорѣчащія этому данныя; другіе пріурочивали житіе ко времени и личности бл. Θеофилакта, архіепископа Охридскаго († 1107—8 г.), имя котораго стоитъ въ надписаніи, или другого грека, жившаго даже послѣ Θеофилакта, но не позднѣе половины 12-го вѣка, такъ какъ появившійся около этого времени каталогъ болгарскихъ архіепископовъ, изданный *Дю-Канжемъ* [1]), составленъ уже на основаніи житія Климента.

Изъ нѣсколькихъ попытокъ примирить противорѣчія въ настоящее время пользуется авторитетомъ только одна, впервые предложенная Шафарикомъ и съ нѣкоторыми измѣненіями принятая другими изслѣдователями. Она состоитъ въ признаніи наличной редакціи житія поздней передѣлкой

---

[1]) Familiae Btzantinae, ed. Paris, cap. 28, p. 174. О каталогѣ архіепископовъ—у *Голубинскаго*, Кратк. оч. ист. прав. церквей, стр. 38.

древняго сказанія о Климентѣ, дѣйствительно, принадлежавшаго его ученику, при чемъ позднѣйшій редакторъ въ XVIII главѣ будто-бы оставилъ совершенно нетронутымъ свой первоисточникъ. Но этой, по существу весьма вѣроятной, догадкой возбуждается, оставаясь нерѣшеннымъ, очень важный вопросъ: почему же въ цѣлый и стройный разсказъ житія вторгается только въ одномъ мѣстѣ нетронутый отрывокъ источника, въ которомъ ведется рѣчь отъ имени Климентова ученика? Равнымъ образомъ при допущеніи такого объясненія остается неяснымъ, что собственно должно быть отнесено на долю перваго составителя житія и что на долю позднѣйшаго.

Затрудненіе, создаваемое темнымъ мѣстомъ XVIII главы, не устраняется и другими объясненіями. Трудно, вмѣстѣ съ Добровскимъ и Голубинскимъ, видѣть здѣсь фальсификацію автора, который, выдавая себя за ученика Климентова, будто-бы сознательно вводитъ въ обманъ читателя: наивность такой фальсификаціи совершенно противорѣчила бы стройной и цѣлостной обработкѣ житія. Еслибы авторъ былъ фальсификаторомъ, то, при своемъ литературномъ талантѣ, онъ нашелъ бы болѣе искусные пріемы для того, чтобы ввести въ заблужденіе читателя. Но нельзя успокоиться и на объясненіи Воронова, который хотѣлъ вмѣстѣ со всѣмъ житіемъ приписать и XVIII гл. цѣликомъ бл. Ѳеофилакту Болг., придавъ темному мѣсту не прямой, а переносный смыслъ. Идеализируя отношенія Ѳеофилакта къ болгарамъ, онъ допускалъ, что Ѳеофилактъ отожествляетъ себя съ непосредственными сослужителями святого, какъ членъ болгарской церкви, какъ монахъ и епископъ того города, гдѣ подвизался и Климентъ, и въ этомъ смыслѣ говоритъ о своей близости къ нему, какъ къ учителю [1]). Но не говоря уже о томъ, что совершенная простота рѣчи въ разбираемомъ мѣстѣ исключаетъ всякую возможность переноснаго пониманія его,—Ѳеофилактъ держался въ такомъ отдаленіи отъ своей паствы, весь проникнутъ былъ такой нескрываемой ненавистью къ болгарамъ, что едва-ли могъ бы представлять себя въ идиллическомъ единствѣ со своей „варварской“ паствой.

Нѣтъ сомнѣнія, что строки, въ которыхъ ведется рѣчь отъ имени скромнаго Климентова ученика, въ дѣйствительности

[1]) Главн. источн., 136.

только ему и могутъ принадлежать. Это—совершенно нетронутый рукою редактора отрывокъ изъ подлиннаго произведенія Климентова ученика, описавшаго,—вѣроятно, первоначально на славянскомъ языкѣ,—жизнь своего учителя. Но какъ онъ могъ попасть въ текстъ житія безъ соотвѣтствующаго измѣненія? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на другое мѣсто житія, представляющее собою рѣчь отъ перваго лица, не тожественнаго съ авторомъ,—на *τοῖς βουλγάροις ἡμῖν παρέδωκεν* въ концѣ XXII гл. Судя по *Οὐρ. Κρ.*, въ томъ спискѣ житія, которымъ пользовался Аѳанасій Паросскій, *ἡμῖν* при *βουλγάροις* не было, и въ новогреческомъ переводѣ это выраженіе передано словами: *παρέδωκεν εἰς τοὺς Βουλγάρους*. Слѣдовательно, на *ἡμῖν* нельзя смотрѣть какъ на несомнѣнную принадлежность первоначальнаго текста житія. Дѣйствительно, какъ уже было показано раньше, конецъ XXII главы, включающій въ себя и *βουλγάροις ἡμῖν*, представляетъ собою во всѣхъ изданіяхъ испорченное мѣсто, которое исправляется на основаніи Охр. сп. (см. 15 стр.). Возстановляемое изъ этого списка выраженіе: *καὶ ψαλμικοῖς κανόσι τὴν ἐκκλησίαν* (*ἐ*)*πύκνωσε* (л. 29-*β*) сообщаетъ всѣмъ послѣднимъ фразамъ XXII гл. полное единство и опредѣленность смысла. Здѣсь рѣчь идетъ не о проповѣднической, а о гимнографической дѣятельности Климента, и въ заключеніе замѣчается: *πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ οἷς μνῆμαι Θεοῦ καὶ ἁγίων φαιδρύνονται, καὶ ψυχαὶ κατανύσσονται, Κλήμης τοῖς βουλγάροις ἡμῖν παρέδωκε*, т. е. „все, что относится къ церкви, чѣмъ украшаются памяти Господа Бога и святыхъ Его, и души возбуждаются, все это Климентъ предалъ *ἡμῖν βουλγάροις*". Но если мы обратимся къ заключительной—XXIX—главѣ житія, въ которой сокращенно воспроизводится разсказъ XXII гл. о литературной дѣятельности Климента, мы увидимъ, что интересующему насъ мѣсту тамъ соотвѣтствуютъ слова: *διὰ σοῦ* (Климента) *γὰρ πᾶσα τῆς Βουλγαρίας χώρα Θεὸν ἐπέγνωσεν, τὰς ἐκκλησίας αὐτὸς τοῖς ὕμνοις καὶ ταῖς ψαλμῳδίαις ἐπύκνωσας*. Въ сокращающемъ пересказѣ здѣсь повторены не только мысли, но и нѣкоторыя выраженія XXII главы, при чемъ здѣсь встрѣчаемъ подсказываемое Охр. спискомъ *ὕμνοις*, сильно напоминающее своими буквами и звуками *ἡμῖν*. Отсюда не простой гипотезой, но необходимымъ заключеніемъ изъ очевидныхъ данныхъ является увѣренность, что *ἡμῖν βουλγάροις παρέδωκεν* въ нѣкоторыхъ спп. житія, при итацирующемъ письмѣ,

явилось изъ первоначальнаго ἔμοιγε βουλγάροις παρέδωκεν.

Но если ἡμῖν не принадлежало первоначальному тексту простр. житія, то можно съ увѣренностью предполагать, что и тирады съ ἡμᾶς, остающимся теперь уже совсѣмъ одинокимъ въ житіи, также не было въ первоначальномъ его текстѣ. По всей вѣроятности, какой-то позднѣйшій переписчикъ памятника, у котораго подъ руками было древнее славянское житіе Климента, написанное ученикомъ святителя, подъ вліяніемъ уже явившагося ἡμῖν, почувствовалъ побужденіе внести въ текстъ переписываемаго произведенія подлинное выраженіе Климентова ученика, не позаботившись особенно о томъ, чтобы эта вставка органически слилась съ цѣлымъ.

Съ такимъ представленіемъ дѣла находится въ полномъ соотвѣтствіи послѣдовательность мыслей въ XVIII главѣ. Можно совершенно выбросить то мѣсто, гдѣ рѣчь ведется отъ 1-го лица, и порядокъ мыслей здѣсь нисколько не будетъ нарушенъ. Съ другой стороны, неестественно допустить, чтобы одинъ и тотъ же составитель, назвавъ себя „смиреннымъ и недостойнымъ“ ученикомъ Климента, черезъ нѣсколько строкъ могъ написать: „ученики его были превосходнѣйшими изъ всѣхъ“ и т. д. Ясно, что въ XVIII гл. нужно различать двухъ авторовъ, изъ которыхъ одинъ, болгаринъ, интерполировалъ греческій текстъ дословной выдержкой изъ того-же древняго сказанія о Климентѣ, которое положено въ основу житія и первымъ составителемъ.

Обращаясь теперь къ личности составителя житія, можно съ увѣренностью говорить о немъ, какъ о грекѣ. Если изслѣдователямъ приходилось считаться съ знаменитымъ ἡμῖν βουλγάροις, какъ съ препятствіемъ для полной увѣренности въ этомъ то теперь, при выяснившемся происхожденіи ἡμῖν, это препятствіе въ значительной степени теряетъ свою силу. Въ житіи есть достаточное количество признаковъ того, что оно написано грекомъ. Въ самомъ дѣлѣ, только гордый своими національными достоинствами грекъ могъ допустить такія рѣзкія выраженія о болгарахъ, хотя бы то еще и не обращенныхъ въ христіанство, какими переполнено житіе. Они представляются людьми невѣжественными (XXI), дикими, свирѣпыми, грубыми (XXIII), даже ихъ цари—варварами (XXVI), священники—скотоподобными (XXII), ихъ страна—

мрачною (II), языкъ—грубымъ (II), въ противоположность прекрасному языку греческому (IV).

Однакожъ, несмотря на свой высокомѣрный тонъ въ характеристикѣ болгаръ, авторъ стоялъ въ отношеніи нѣкоторой близости къ нимъ, къ ихъ жизни и исторіи. Уже одно то, что онъ взялъ на себя трудъ описать дѣятельность славянскихъ просвѣтителей, свидѣтельствуетъ объ его живомъ интересѣ къ прошлому Болгаріи. Онъ признаетъ великія заслуги Климента для церкви болгарскаго народа, съ котораго христіанство какъ бы сняло печать исконнаго варварства; вмѣстѣ съ болгарами онъ съ радостью празднуетъ торжественную память Климента. Очевидно, далекій отъ болгаръ по своимъ патріотическимъ симпатіямъ, авторъ былъ связанъ съ ними общностью церковной жизни. Какъ писатель, онъ обладалъ выдающейся образованностью, былъ знакомъ съ святоотеческими твореніями и классической литературой. Въ житіи—много текстовъ Св. Писанія, есть ссылка на Климента Алекс., выраженія изъ сочиненій Фотія, попутно приводятся факты изъ церковной исторіи, припоминаются вселенскіе соборы, духоборецъ Македоній, манихеи, есть даже фраза изъ Демосѳена. Его витіеватый стиль въ высшей степени изысканъ. Всѣ эти признаки, взятые въ совокупности, очень близко роднятъ нашего автора съ личностью того писателя, имя котораго стоитъ въ надписаніи житія,—бл. Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго, управлявшаго болгарской церковью въ самомъ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтій. Его имя сохранилось въ надписаніи житія во всѣхъ спп., легшихъ въ основу всѣхъ изданій. Оно отсутствуетъ только въ отрывкѣ, изданномъ Алляціемъ по ватик. ркпси, и это у Добровскаго было однимъ изъ основаній, по которымъ онъ отрицалъ принадлежность житія перу Ѳеофилакта [1]). Но указанные нами два аѳонскихъ списка того же отрывка сохранили въ заглавіи имя Ѳеофилакта, и потому доводъ Добровскаго долженъ потерять свою силу.

Ѳеофилактъ, какъ историческій дѣятель и какъ писатель, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ признаки, о которыхъ заключаемъ изъ житія: надменное отношеніе къ болгарамъ, оффиціальную близость къ нимъ, обширную образованность, витіеватость слога. Особенно характерно для Ѳеофилакта презрѣніе его къ болгарамъ. По словамъ авто-

[1]) Кириллъ и Меѳодій, 6.

ритетнаго изслѣдователя его эпохи, въ продолженіе всего архіепископства Θеофилакта существовала „не рознь — это слово далеко не выражаетъ существа дѣла, — но рѣзкая вражда между архіепископомъ и его паствой“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, всѣ письма Θеофилакта полны самыхъ рѣзкихъ, проникнутыхъ нескрываемой враждой къ болгарамъ, отзывовъ объ ихъ качествахъ, природѣ, языкѣ. „Я состою въ рабствѣ...—пишетъ онъ *великому Доместику*—у грязныхъ рабовъ, варваровъ, отъ которыхъ несетъ собачьимъ запахомъ бараньей кожи, которые богаты только злонравіемъ“ [2]). Онъ постоянно рвался въ просвѣщенный Константинополь, такъ какъ болгарская страна для него „истинное мѣсто развращенія, селеніе Кедаръ, желѣзная печь“ [3]), а „болгарская природа—питательница всякой злобы“ [4]). Болгаръ онъ злобно называетъ „лицемѣрами, собаками“ [5]) и подобными именами. Эти варвары были интересны архіепископу развѣ только своими приношеніями, благодаря которымъ онъ могъ пересчитывать цѣлыми днями свое золото [6]). И однакожъ тотъ же Θеофилактъ былъ авторомъ „Исторіи тиверіупольскихъ мучениковъ“, въ которой выразился его интересъ къ болгарской агіографіи и близость къ болгарской церкви. Соединеніе тѣхъ же авторскихъ признаковъ—крайняго пренебреженія къ болгарамъ и теоретическаго интереса къ ихъ церковной исторіи—видимъ мы и въ житіи Климента.

А. Д. Воронову принадлежитъ попытка доказать авторство Θеофилакта путемъ сопоставленія житія съ трактатомъ его *Περὶ ὧν ἐγκαλοῦνται λατῖνοι*. Оба произведенія сходятся въ безусловномъ осужденіи римскаго ученія о св. Духѣ, при чемъ общая близость въ аргументаціи иногда простирается до совпаденія въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Хотя приведен-

---

[1]) *Θ. И. Успенскій*, Образованіе второго болгар. царства, Одесса, 1879, стр. 30.

[2]) *Migne*, Patrol. ser. gr., t. 126, c. 508.

[3]) Ib. c. 433.

[4]) Ib. c. 444.

[5]) Ib. c. 433.

[6]) По крайней мѣрѣ такъ смотрѣли на него его современники. Въ одномъ письмѣ къ *врачу Михаилу Пактехнесу* онъ самъ пишетъ о себѣ: *Ὁ δὲ πάσης Βουλγαρίας ἀρχιεπίσκοπος, ὃς ὅσοιπερ ὁρῶσί τε καὶ ἀκούουσιν, οἴονται μεδίμνοις ἐκμετρεῖσθαι τοὺς χρυσίνους ἑκάστης ἡμέρας, τὴν ὑμετέραν παρουσίαν ὡς πτωχοῦ τινος οἰήσεται, ὃς περίεισιν.* Ib. p. 500, epist. 73.

ныхъ Вороновымъ параллельныхъ мѣстъ было недостаточно, чтобы окончательно упрочить авторство Θеофилакта, но сама по себѣ мысль о сличеніи житія съ произведеніями Θеофилакта оказывается въ высшей степени плодотворной, если привлечь къ сравненію и толкованія его на новый завѣтъ. Результатомъ сличеній является наблюденіе, что почти вся 8-ая глава житія, заключающая въ себѣ разборъ и опроверженіе западнаго ученія о Filioque, есть не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненное толкованіе на евангеліе отъ Іоан. **3** гл., 31—34 стт.

Доказательства истинности православнаго ученія о св. Духѣ и доводы противъ ереси латинянъ здѣсь совершенно тѣ же, какіе въ 8 гл. житія влагаются въ уста Горазда и Климента, съ различіемъ только въ порядкѣ и распространенности мыслей. Нѣкоторыя положенія тамъ и здѣсь заимствованы изъ сочиненій патр. Фотія, другія принадлежатъ самому автору. Терминологія и формулировка мыслей отражаютъ вліяніе сочиненія Фотія *Περὶ τῆς τοῦ ἁγ. Πνεύματος μυσταγωγίας* [1]). Находя, что въ св. писаніи нѣтъ никакихъ данныхъ для ученія объ исхожденіи св. Духа отъ Сына (*πίστιν ὑμῶν οὔτε ὑπὸ γραφῆς μαρτυρουμένην* жит. Клим., ср. *οὐδεμία γραφὴ μαρτυρεῖ* [2]), составитель житія и толкованія на евангеліе останавливается на однихъ и тѣхъ же фактахъ евангельской исторіи, разбираетъ нѣсколько однихъ и тѣхъ же выраженій св. писанія (Іоан. **20**, 22; Исаіи **II**, 2—3) и орудуетъ одними и тѣми же богословскими формулировками, заимствованными у Фотія: *πορεύεσθαι, χορηγεῖσθαι* и др. Совпаденіе мыслей простирается мѣстами до совпаденія въ выраженіяхъ. Вотъ нѣсколько параллельныхъ выдержекъ.

Житіе Климента.	Толков. на Іоан. VIII, 31—34. [3])
Ἡμεῖς γὰρ Πνεῦμα μὲν Υἱοῦ, ἐπεὶ καὶ Πνεῦμα ζωῆς καὶ ἀληθείας, ἃ ὁ Υἱός, καὶ νοῦν Χριστοῦ τὸ Πνεῦμα πιστεύομεν.	*Λέγεται δὲ τὸ Πνεῦμα εἶναι τοῦ Υἱοῦ, καθὸ ἀλήθεια μέν ἐστιν ὁ Υἱός, καὶ δύναμις καὶ σοφία.*
Ἐκ Πατρὸς μὲν προϊέναι τὸ	*Πίστευε σὺ τὸ Πνεῦμα ἐκ τοῦ*

[1]) *Migne*, Patrol. ser. gr., t. 102, col. 284 и др.
[2]) *Migne*, Patrol. ser. gr., t. 123, col. 1224.
[3]) Ib.

Πνεῦμα... πεπιστεύκαμεν. εἶναι δὲ καὶ τοῦ Υἱοῦ οἰκεῖον καὶ ὁἰ αὐτοῦ χορηγεῖσθαι τοῖς ἀξίοις.

Εἰ δὲ τὸ ἐμφυσῆσαι τὸν Υἱὸν τοῖς ἀποστόλοις καὶ εἰπεῖν, λάβετε Πνεῦμα ἅγιον τοῦτό σε ταράττει, παχέως τοῖς εὐαγγελίοις ὡμίλησας. χάρισμα γὰρ τοῖς ἀποστόλοις ἐν τῶν τοῦ Πνεύματος δέδωκε τὸ τῆς ἀφέσεως. τῶν ἁμαρτιῶν, ὡς δηλοῖ τοῖς ἑξῆς... ἀλλ' οὐκ αὐτὸ τὸ Πνεῦμα τηνικαῦτα τοῖς μαθηταῖς ἐχαρίσατο.

Εἰ τότε τὸ Πνεῦμα δέδωκεν, ἡ περισσὴ λοιπὸν ἡ ἐν τῇ Πεντηκοστῇ τούτου κάθοδος, ἢ ἄλλου πνεύματος.

...δύο δὲ ποιοῦντες ὑμεῖς ἀρχὰς, τοῦ μὲν Υἱοῦ τὸν Πατέρα, τοῦ δὲ Πνεύματος τὸν Υἱόν...

Πατρὸς μὲν προϊέναι, διὰ Υἱοῦ δὲ χορηγεῖσθαι τῇ κτίσει.

Ναὶ, φασίν, ἀλλ' ἐνεφύσησε τοῖς μαθηταῖς, καὶ εἰπε· λάβετε Πνεῦμα ἅγιον. Βαβαὶ τῆς παροινίας!.. Φανερὸν γὰρ, ὡς τότε αὐτοῖς οὐ τὸ ἅγιον Πνεῦμα δέδωκεν, ἀλλὰ χάρισμα ἐν τῶν τοῦ Πνεύματος, τὸ ἀφιέναι τὰς ἁμαρτίας. Εὐθὺς γὰρ ἐπάγει. Ἂν τινων ἀφῆτε ἁμαρτίας.

Εἰ τότε ἔδωκε τοῖς μαθηταῖς τὸ Πνεῦμα, ὅτε ἐνεφύσησε, πῶς λοιπὸν ἔλεγεν αὐτοῖς, ὅτι „Λήψεσθε δύναμιν"...; ἢ πῶς ἐν τῇ Πεντηκοστῇ πιστεύομεν τὴν κάθοδον γενέσθαι τοῦ Πνεύματος.

...ἵνα μὴ δύο τοὺς αἰτίους τοῦ Πνεύματος εἰσάξωμεν, τόν τε Πατέρα καὶ τὸν Υἱόν.

Сходство приведенныхъ выраженій можетъ быть объяснено лишь въ томъ смыслѣ, что авторомъ житія и толкованія на евангеліе отъ Іоанна было одно и то же лицо—бл. Θеофилактъ.

Совершенно невѣрно *о. Снопекъ*, отрицая принадлежность житія Θеофилакту, представляетъ дѣло такъ, что авторъ житія и Θеофилактъ различно понимали латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа и различно къ нему относились [1]). По его мнѣнію, біографъ Климента, по примѣру Фотія, извратилъ католическій догматъ о Св. Духѣ, приписавъ латинянамъ, никогда не существовавшее у нихъ, ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ одного только Сына, чтобы этимъ усилить ненависть восточной церкви къ западной. Основаніемъ для о. Снопка служитъ неточность выраженія въ формулировкѣ католическаго ученія: *ἐξ Υἱοῦ τὸ Πνεῦμα ἐκπορευόμενον* (Жит. Клим. V и VIII, ср. Photii De sancti Spi-

[1]) *Fr. Snopek*, Konstantinus—Cyrillus und Methodius, p. 220—224.

rit. mystafogia, c. 15 и 61). Но вѣдь въ житіи Климента, какъ и въ сочиненіяхъ Фотія, эта неполнота формулировки объясняется просто полемическими цѣлями авторовъ: они говорятъ о нововведеніи римской церкви, не касаясь того, въ чемъ она согласна съ восточной. Самому Снопку прекрасно извѣстно, что *совершенно аналогичный неточный способъ выраженія есть и въ толкованіи Θеофилакта на 3 главу Евангелія отъ Іоанна.* По поводу цитаты изъ Рим. **8**, 9 онъ пишетъ: *Οἱ γὰρ Λατῖνοι, κακῶς ταῦτα ἐκδεχόμενοι καὶ παρακούοντες, φασίν, ὅτι τὸ Πνεῦμα ἐκ τοῦ Υἱοῦ ἐκπορεύεται* [1]), „латиняне, дурно принимая и понимая это, говорятъ, что Духъ исходитъ отъ Сына". Объ исхожденіи отъ Отца здѣсь нѣтъ упоминанія, такъ что латинскій переводчикъ греческаго текста въ изданіи Миня счелъ нужнымъ прибавить отъ себя etiam передъ e Filio, а о. Снопекъ восполняетъ недостающее лишь изъ контекста рѣчи [2]).

Не имѣетъ убѣдительной силы также и стремленіе о. Снопка противопоставить Θеофилакту составителя житія на томъ основаніи, что первый, относясь вообще мягко къ римской церкви, будто-бы принимаетъ Filioque просто за вѣрованіе латинянъ, тогда какъ второй считаетъ его ересью, которую ставитъ рядомъ съ ересями Арія и Евномія. Чтобы судить о томъ, какъ, при всей снисходительности своей къ обрядовымъ разницамъ западной церкви, дѣйствительно, относился Θеофилактъ къ ученію объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, достаточно вспомнить объ его трактатѣ „о томъ, въ чемъ обвиняются латиняне". Здѣсь онъ называетъ римское ученіе о Св. Духѣ „величайшимъ заблужденіемъ *(μέγιστον σφάλμα)*, ведущимъ въ глубину ада" [3]), и видитъ въ немъ „величайшую опасность", съ которой должны сражаться даже самые кроткіе люди [4]). Есть-ли основанія думать, что писатель, такъ оцѣнивавшій римское нововведеніе въ одномъ сочиненіи, не могъ признать его еретической системой *(αἱρετικῶν σύστημα* V гл.)—въ другомъ?

---

1) *Migne*, Patrol., t. 123, col. 1224.

2) У Фотія тоже рядомъ съ неполнымъ выраженіемъ римскаго вѣроученія о Св. Духѣ сплошь и рядомъ усвояется латинянамъ ученіе объ исхожденіи ab utroque.

3) *Migne*, Patrol., t, 126, col. 225.

4) Ib. 242.

Еще однимъ доказательствомъ авторства Θеофилакта служитъ составленіе имъ службъ въ честь Климента. Аѳанасій Паросскій въ *Ἀκ* и въ *Οὐρ. Κρ.* называетъ въ качествѣ глашатаевъ славы Климента архіепископовъ Θеофилакта, Димитрія Хоматіана и Константина Кавасилу. Службы, изданныя г. *Балашевымъ* [1]), даютъ основаніе присоединить сюда архіеп. Григорія и отчасти Козьму, митроп. Драчскаго. Такимъ образомъ, въ составленіи службъ принималъ участіе цѣлый рядъ охридскихъ владыкъ, поддерживавшихъ культъ Климента въ Охридѣ и ея окрестностяхъ. Для насъ важно, что первымъ авторомъ службъ и ревнителемъ славы святого былъ Θеофилактъ. Ему принадлежатъ пѣснопѣнія великой вечерни и канонъ съ краеграфіемъ: *Κλήμεντος μέγα κῦδος ἐν ἄθλοις ἔξοχα μέλπω*. Отсюда становится несомнѣннымъ не только интересъ Θеофилакта къ личности святителя, но и стремленіе прославить его и увѣковѣчить память о его подвигахъ. Богослужебные каноны и житія святыхъ обычно составлялись одновременно, при чемъ послѣднія служили основой для первыхъ. Самыя житія всего чаще опредѣлялись цѣлями богослужебнаго назиданія. Пѣснопѣнія, составленныя Θеофилактомъ, находятся въ тѣсной связи съ житіемъ: они составлены на основаніи житія, воспроизводятъ матеріалъ, заключающійся въ немъ, и по своему содержанію и общему характеру очень близки къ нему. Взглядъ на болгаръ, какъ на народъ дикій и грубый, просвѣщенный только христіанствомъ, просвѣчивается во многихъ тропаряхъ канона. *Λόγῳ τοὺς πρὶν τῇ ἀλογίᾳ, ὅσιε, κεκρατουμένους ἑλών*, читаемъ въ одномъ изъ нихъ, *πρὸς θεῖκὴν γνῶσιν... ἐσαγήγευσας* (*Ἀκ.* 15 ср. Ш гл. житія). Какъ и въ житіи, Θеофилактъ прославляетъ чудеса Климента и упоминаетъ о храмѣ, въ которомъ былъ самъ Климентъ, *(ἐν ᾧ αὐτὸς ἔτι περιών)* и который представляется существующимъ во время составителя (*Ἀκ.* 23 ср. ХХШ гл. житія).

Бросая далѣе общій взглядъ на все содержаніе житія въ его цѣломъ, мы должны отмѣтить въ немъ нѣкоторыя тенденціи, вполнѣ согласныя съ характеромъ убѣжденій и дѣятельности бл. Θеофилакта. Одна изъ нихъ опредѣляется по-

[1]) *Балашевъ*, Климентъ епископъ Словѣнски и служба-та му по старъ словѣнски прѣводъ. София, 1898.

лемическимъ отношеніемъ автора къ римскому ученію объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Другая состоитъ въ стремленіи выставить славянскихъ первоучителей переводчиками только св. Писанія и по возможности замолчать факты, связанные съ исторіей богослуженія на славянскомъ языкѣ. Обѣ эти тенденціи уже не разъ отмѣчались въ ученой литературѣ.

Но пристальнымъ анализомъ житія въ немъ вскрывается еще одна предвзятая мысль, которая, подтверждая его принадлежность Ѳеофилакту, въ то же время проливаетъ свѣтъ на ближайшіе мотивы его написанія. Въ житіи бросается въ глаза слишкомъ откровенная внимательность автора къ нѣкоторымъ подробностямъ изъ жизни Климента, тѣсно связаннымъ съ вопросомъ объ экономическомъ положеніи болгарской церкви. Для того, чтобы понять эти подробности, нужно обратить вниманіе на положеніе экономическаго вопроса въ Охридской архіепископіи при Ѳеофилактѣ. Послѣ подчиненія Болгаріи подъ власть Византіи (1018 г.), первая вмѣстѣ съ конституціей въ гражданской жизни получила дарственную грамоту, подтверждавшую ненарушимость ея церковныхъ правъ, опредѣлявшихся старыми грамотами болгарскихъ царей. Какъ видно изъ хризовуловъ Василія Болгаробойцы, византійское правительство не только признало автокефальность болгарской церкви, но и подтвердило владѣльческія права ея: 1) клирики и парики освобождались отъ натуральныхъ повинностей въ пользу государства; 2) церковныя земли и угодія, которыми владѣли епископы, были изъяты изъ вѣдомства государственныхъ чиновъ; 3) епископы пользовались такъ называемой канонической податью, которая собиралась съ церковныхъ крестьянъ, а также съ валаховъ и турокъ, жившихъ въ предѣлахъ Болгаріи [1]). Но съ теченіемъ времени права церкви стали забываться, и привилегіи духовенства, вслѣдствіе произвола правительственныхъ лицъ, начали урѣзываться. Ѳеофилакта это сильно возмущало. Притязанія фиска и свѣтской власти были для него не только нарушеніемъ правъ церкви, но и источникомъ собственныхъ лишеній. Его многочисленныя письма, переполненныя жалобами на несправедливости, показываютъ,

[1]) *Ѳ. И. Успенскій*, op. cit. 20 стр.

какъ сильно интересовалъ этотъ вопросъ Охридскаго архіепископа. Для иллюстраціи нашего положенія приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ его писемъ. „Милости божественныхъ мужей—пишетъ Θеофилактъ къ *севасту Іоанну, сыну севастократора*—должны быть такъ же полны и безвозвратны, какъ милости Божіи. Если твоя власть даровала намъ то, что уже прежде было пожаловано боговѣнчаннымъ и державнымъ царемъ въ пользу церкви..., зачѣмъ отмѣнять эту милость, святой мой господинъ и благодѣтель?.. Но есть еще время уврачевать рану тою же рукою, которая поразила: благоволи распорядиться, чтобы сняты были съ іереевъ всѣ тягости и повинности, отбываемыя мірянами въ пользу государства, и чтобы было имъ возвращено, что у нихъ взято“ [1]). Въ письмѣ къ *панперсевасту Врієннію*, онъ пишетъ: „Главнѣйше, что́ достойно слезъ, многіе (клирики) не пользовались свободою отъ дани въ одинъ зевгарій..., но не только подверглись вымогательствамъ въ томъ, въ чемъ они считали себя изъятыми, но и чрезмѣрнымъ начетамъ... То же самое я могу сказать и о дани, которую онъ (сборщикъ) собралъ съ церковныхъ людей. И они, монахи и священные евнухи, обложены были весьма несправедливо... Меня самого подвергъ ужаснымъ вымогательствамъ“ [2]). Особенно занимало Θеофилакта дѣло объ одномъ помѣстьѣ, незаконно у него отнятомъ. „Я нашелъ, господинъ мой,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ *севасту—сыну севастократора*,—одно помѣстье, которое издревле принадлежало церкви и изъято было отъ государственныхъ повинностей, отнятымъ отъ церкви по волѣ царя, подобно тому, какъ это сдѣлано и относительно помѣстій всѣхъ архонтовъ... Было бы справедливо, чтобы благочестивый родъ Дукъ уважалъ прежде всего права церкви, владѣвшей издавна этимъ помѣстьемъ“ [3]).

Уже и приведенныхъ выдержекъ, кажется, достаточно, чтобы показать, какъ близко къ сердцу принималъ Θеофилактъ нарушеніе имущественныхъ правъ церкви. Разумѣется, самымъ вѣскимъ доказательствомъ законности этихъ правъ

---

[1]) *Migne*. Patrol. ser. gr., t. 126, col. 516. Пользуемся переводомъ Успенскаго, цит. соч., 21.

[2]) *Migne*, Patrolog. t. 126, col. 448.

[3]) Ib. col. 534—535.

могли быть историческія данныя. Жизнь Климента, какъ великаго патрона болгарской церкви, связаннаго съ Охридой, осыпаннаго благодѣяніями князей, давала обширный матеріалъ для историческаго освѣщенія интересовавшаго Θеофилакта вопроса, и Θеофилактъ умѣло воспользовался этимъ матеріаломъ. Онъ никогда не пропускаетъ случая, чтобы подчеркнуть въ жизни Климента и его сотрудниковъ факты, обезпечивавшіе имъ независимость и матеріальное благосостояніе. Когда моравскіе изгнанники предстали предъ княземъ Борисомъ, онъ, „давши имъ священническія одежды и оказавши всякую почесть, приказалъ опредѣлить имъ жилища, назначенныя для первыхъ изъ его друзей, и предоставилъ имъ во всемъ изобиліи пользоваться всѣмъ необходимымъ, вполнѣ понимая, что развлеченіе мысли заботою о какой-нибудь маловажной потребности тѣлесной весьма много отнимаетъ отъ занятій, посвященныхъ Богу“ (XVI). Поселившись у Эхача, Климентъ и Наумъ, „сѣя сѣмена духовныя, сами пожинали тѣлесные плоды въ домѣ этого человѣка“ (XVI). Назначеніе Климента учителемъ Кутмичивицы сопровождалось княжескими приказаніями жителямъ всей страны, „чтобы этого святого принимать съ усердіемъ и доставлять ему все въ изобиліи и самое лучшее, привѣтствовать его дарами и посредствомъ видимыхъ сокровищъ любви“ (XVII). „Самъ Борисъ предложилъ въ даръ блаженнѣйшему Клименту три дворца въ Діаболеѣ, превосходные по великолѣпію, принадлежавшіе графскому *(κομήτων)* роду. Кромѣ того около Охриды и Главиницы подарилъ ему мѣста для отдохновенія“ (XVII). Благодѣянія князя служили примѣромъ для другихъ (XVШ). Даже многочисленнымъ ученикамъ Климента дарованы были привилегіи: „въ каждомъ округѣ отправленіе дѣлъ поручалось тремъ стамъ учениковъ, которые... сами не несли никакой повинности князю, но приносили службу Богу и Ему опредѣлены были платить, или правильнѣе воздавать долгъ“ (XVШ). Наконецъ, авторъ особенно подробно говоритъ о завѣщаніи Климента, по которому его имущество на законныхъ основаніяхъ перешло во владѣніе Охридской архіепископіи и монастыря. „Онъ дѣлаетъ завѣщаніе,—и это согласно съ канонами *(καὶ τοῦτο γὰρ κανονικόν)*,—какъ о книгахъ, имъ написанныхъ, такъ и о прочемъ имуществѣ. Раздѣливши все на двѣ части, одну половину

оставилъ епископіи, а другую обители... Ибо онъ допускалъ и пріобрѣтеніе отъ благовѣрныхъ князей и царей, которыхъ никакъ не должно охлаждать отказомъ“ (XXVI). Всѣ эти сообщенія не могли быть разсчитаны на религіозное назиданіе или на простое любопытство къ обыденнымъ подробностямъ жизни святого. Они были историческими справками церковнаго дѣятеля, который хотѣлъ въ прошломъ найти опору для своихъ привилегій.

Въ связи съ защитой экономическихъ правъ церкви болгарской въ житіи можно видѣть глухой протестъ противъ посягательствъ Константинопольскаго патріарха на независимость Охридской архіепископіи. Эти посягательства состояли въ стремленіи патріарха подчинить ее своей власти или назначить особаго экзарха. Ѳеофилактъ, какъ извѣстно, отстаивалъ полную независимость своей паствы отъ Константинопольской патріархіи. „Какое общеніе, говорилъ онъ, у болгаръ съ Константинопольскимъ патріархомъ? онъ не имѣетъ въ этой странѣ ни законной хиротоніи, такъ какъ у нея есть автокефальный архіепископъ, и никакихъ надъ ней привилегій“ [1]). Сообразно съ этимъ и въ житіи Климента онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ участіи патріарха въ посольствѣ святыхъ братьевъ въ Моравію и объ отношеніи его къ славянской церкви. Напротивъ, просвѣтительную дѣятельность святыхъ братьевъ онъ склоненъ поставить даже въ нѣкоторую зависимость отъ папскаго одобренія, объясняя мотивы путешествія ихъ въ Римъ желаніемъ „показать блаженнѣйшему папѣ трудъ своего перевода св. Писанія“ (III).

На основаніи всей совокупности приведенныхъ соображеній съ достаточной твердостью можно признать житіе произведеніемъ Ѳеофилакта и, слѣдовательно, отнести его къ концу XI-го или самому началу XII-го столѣтія [2]).

---

[1]) Ib. col. 417.

[2]) Попытка *пр. Филарета* и *арх. Леонида* создать новаго Ѳеофилакта, автора Климентова житія, болгарскаго архіепископа, жившаго будто бы въ X в., основывается на соображеніяхъ *Н. В. Савельева*, высказанныхъ въ статьѣ: „Новый источникъ для болгарской исторіи IX в.“ (Слав. Сборн. Н. В. Савельева-Ростиславича. Спб., 1845). Основаніемъ для мысли о существованіи такого Ѳеофилакта, отличнаго отъ Ѳеофилакта IX в. (оспариваемаго *Е. Е. Голубинскимъ*, Кратк очеркъ ист. прав. церкв., стр. 34. 256—7) и знаменитаго творца „Благовѣстника“, жившаго (по *Дю-Канжу*

Θеофилактъ былъ составителемъ житія въ полномъ смыслѣ слова, а не только редакторомъ того первоисточника, въ которомъ изображалась жизнь и дѣятельность Климента. За это говорятъ и широкія рамки повѣствованія, включающія въ себя факты различныхъ, отдаленныхъ одна отъ другой эпохъ, и своеобразное освѣщеніе всего историческаго матеріала сообразно съ тенденціями автора, и, наконецъ, значительное мѣсто, которое занимаетъ въ житіи исторія свв. Кирилла и Меѳодія. Излагая послѣднюю, авторъ не былъ просто во власти древняго жизнеописателя Климентова, потому что размѣры воспроизведенія этой исторіи для него были вопросомъ силы собственнаго литературнаго таланта: ему, по собственному признанію, хотѣлось изобразить всю жизнь славянскихъ просвѣтителей, но скромность помѣшала взяться за этотъ сложный трудъ. Несомнѣнно, у него былъ не одинъ источникъ, а нѣсколько—сплоченныхъ имъ въ одно цѣлое по всѣмъ правиламъ современной византійской агіологіи. Всѣ они подверглись здѣсь столь искусственной обработкѣ и витіеватымъ риторическимъ прикрасамъ, столь смѣлымъ перетолкованіямъ и амплификаціямъ, что могутъ быть опредѣлены и оцѣнены, въ отношеніи къ своимъ историческимъ основамъ, лишь путемъ тщательнаго анализа содержанія житія.

Ассемани и др.) въ концѣ XI и началѣ XII вв, послужили упоминаемыя у *Фабриція*, въ перечнѣ сочиненій Θеофилакта болгарскаго, какъ самостоятельныя, сочиненія: „Разговоръ о природѣ“, посвященный царю болгарскому Петру, и житіе того-же Петра (*Fabricii* Bibl. Graec., ed. Harles, t. VII, p. 598). Авторъ этихъ сочиненій, современникъ царя Петра (927—967), и былъ, по Филарету, составителемъ и житія Климента, и Исторіи Тиверіупольскихъ мучениковъ (Святые южн. слав., отд. I, Черниговъ, 1867, стр. 33, прим. 63). Арх. Леонидъ, основываясь на различіи слога въ приписываемыхъ Θеофилакту сочиненіяхъ, пошелъ еще дальше и приписалъ новому Θеофилакту X вѣка почти всѣ сочиненія, оставивъ на долю знаменитаго Θеофилакта XI в. лишь нѣкоторыя письма. Критика отнеслась совершенно отрицательно къ смѣлой гипотезѣ арх. Леонида и его предшественниковъ (*Вороновъ*, op. cit., 115; *Малышевскій*, Св. Кир. и Мев., 376). Одно упоминаніе Фабриція о сочиненіяхъ Θеофилакта, посвященныхъ царю Петру, слишкомъ недостаточно, чтобы можно было ввести въ исторію совершенно новое лицо, о которомъ не сохранилось нигдѣ никакихъ свѣдѣній. Еще менѣе основаній приписывать этому лицу сочиненія Θеофилакта XI в., принадлежность которыхъ ему не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній.

По своему содержанію и отношенію къ источникамъ житіе можетъ быть раздѣлено на три части: 1. исторія Кирилла и Меѳодія (I—VI); 2. исторія славянскаго дѣла въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія при ученикахъ его до изгнанія ихъ изъ Моравіи (VII—XIII); 3. исторія жизни и дѣятельности Климента въ Болгаріи (XIV—XXIX).

1. Для первой части источниками у составителя были: а) славянскія пространныя житія Кирилла и Меѳодія и б) какое-то свидѣтельство о просвѣтительной дѣятельности ихъ въ Болгаріи. Утверждая, что житіе Климента находится въ зависимости отъ т. н. паннонскихъ житій, мы основываемся на близкомъ сходствѣ заключающихся здѣсь и тамъ отдѣльныхъ свѣдѣній о первоучителяхъ, при чемъ даже явныя несообразности разбираемаго произведенія—превращеніе Моравіи въ *Μόραβος* или разсказъ о торжественной церковной встрѣчѣ, устроенной папою собственно свв. братьямъ (а не мощамъ св. Климента)—удовлетворительнѣе всего объясняются изъ паннонскихъ житій. Къ концу XI-го вѣка изъ другихъ памятниковъ уже могли быть въ обращеніи въ славянскомъ мірѣ Итальянская легенда и, можетъ быть, Успеніе Кирилла и греческій источникъ Хиландарской повѣсти. Но ни отъ одного изъ нихъ нельзя поставить въ столь ясную зависимость житія Климента. Правда, еще Добровскій путемъ сличенія его съ Итальянской легендой пришелъ къ выводу, что греческій біографъ заимствовалъ изъ послѣдней повѣствованіе о путешествіи свв. братьевъ въ Римъ и пребываніи ихъ тамъ, хотя и перетолковалъ это повѣствованіе по своему произволу. „Греческій біографъ—говоритъ онъ—не сходствуетъ (съ Итальянск. легендой) только въ томъ, что нигдѣ не называетъ Кирилла епископомъ, потому-ли, что въ его рукописи не было словъ ipsum et, или онъ не хотѣлъ принимать ихъ свидѣтельствъ“ [1]). Но Добровскій такъ думалъ потому, что въ его время еще не были извѣстны пространныя житія. Если же принять въ разсчетъ, что Итальянская легенда въ большей части своей совпадаетъ съ житіемъ Кирилла и, очевидно, основывается на немъ, то станетъ яснымъ и то, почему она оказывается сходной съ житіемъ Климента, и то, почему послѣднее отличается отъ нея отсутствіемъ упоминанія о епископствѣ Ки-

[1]) Кир. и Меѳ., 9.

рилла. Первое объясняется зависимостью и Итальянской легенды и житія Климента отъ одного источника—отъ житія Кирилла; второе—отсутствіемъ свѣдѣній о епископствѣ Кирилла въ паннонскихъ житіяхъ.

Зависимость греческаго біографа отъ славянскихъ житій начинается съ I-ой же, вступительной, главы. Основная мысль введенія въ греческомъ и славянскихъ житіяхъ одна и та же: Промыслъ Божій никогда не оставляетъ рода человѣческаго, но воздвигаетъ людей великой силы во всѣ времена и для всѣхъ поколѣній, не исключая и послѣдняго времени и новыхъ поколѣній,—„въ наши лѣта“ жит. Меѳ. (II) ср. *ἐν τοῖς ἐσχάτοις καιροῖς* (I); „въ нашъ родъ“ жит. Кир. (I) ср. *τῇ δὲ ἡμετέρᾳ γενεᾷ*. II-ая глава, заключающая въ себѣ характеристику Кирилла и Меѳодія и разсказъ объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ, носитъ на себѣ черты слишкомъ бѣглаго, сокращающаго, и при томъ произвольнаго, пересказа, чтобы здѣсь могли сохраниться подробности подлинника. Обращаетъ на себя вниманіе только упоминаніе о молитвѣ, предшествовавшей изобрѣтенію письменъ, основывающееся, очевидно, на XIV гл. жит. Кир. или V гл. жит. Меѳ. Вся III-я глава представляетъ собою пересказъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ XVII—XVIII глл. жит. Кирилла; сюда относятся свѣдѣнія о прибытіи свв. братьевъ въ Римъ, о встрѣчѣ ихъ папою Адріаномъ, объ одобреніи папою славянскаго перевода и объ освященіи славянскихъ книгъ, о принятіи Кирилломъ монашества, о его смерти и погребеніи, о чудесахъ при гробѣ его. Есть даже выраженіе, дословно повторяющееся въ греческомъ житіи: **къ сватыи книзьскыи образъ оклѣкъся и свѣтъ къ свѣту пріимъ** (XVIII), ср. *τὸ τῶν μοναχῶν σχῆμα ἐπαμφιέννυται... καὶ φωτὶ φῶς προσλαβών* (III). Упоминаніе о томъ, что папа провозгласилъ первоучителей мужами „апостольскими“ есть предвосхищеніе и распространеніе той мысли объ апостольскомъ достоинствѣ Меѳодія, которая находится въ письмѣ папы Іоанна VIII и воспроизведена въ XII гл. жит. Меѳ.: **Меѳодии сватыи правовѣрьи есть и апостольско дѣлание дѣлаетъ.** Нѣкоторые моменты жизни и дѣятельности Меѳодія послѣ смерти брата его, о которыхъ рѣчь идетъ въ IV—VI главахъ, своеобразно воспроизводятся на основаніи житія Меѳодія. Борьба Меѳодія съ еретиками—іопаторами, угнетавшими святого безчисленными озлобленіями, изобра-

жается греческимъ біографомъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на догматическую сторону полемики, на основаніи данныхъ XII—XIII и слѣд. главъ жит. Меѳ. Какъ по житію Климента (VI), такъ и по житію Меѳодія (XVII), послѣдній за три дня предсказалъ свою кончину. Въ остальномъ мы видимъ или сокращеніе и изложеніе въ самыхъ общихъ чертахъ того, что въ житіи Меѳодія разсказано подробно, или, наоборотъ, риторическое распространеніе и видоизмѣненіе его показаній.

Но, пользуясь пространными житіями, авторъ обошелся съ ними въ высшей степени самовольно. Для этого были достаточныя причины. Въ противоположность простотѣ славянскихъ житій, житіе Климента отличается такой искусственностью, которая исключала для автора возможность буквальныхъ выдержекъ изъ нихъ и требовала соотвѣтствующей передѣлки заимствованнаго матеріала въ напыщенномъ стилѣ. Другой причиной было недостаточное знакомство его съ исторіей западныхъ славянъ. Наконецъ, на каждомъ шагу въ житіи видны тенденціозность и скрытыя соображенія, въ жертву которымъ слишкомъ смѣло приносилась историческая точность событій.

Разсматриваемыя съ точки зрѣнія этихъ соображеній, всѣ отступленія греческаго житія отъ славянскихъ и особенности въ содержаніи его по сравненію съ ними получаютъ, на нашъ взглядъ, вполнѣ удовлетворительное объясненіе.

а) Побужденія, заставившія первоучителей отправиться въ Римъ къ папѣ съ славянскимъ переводомъ, въ житіи Климента объясняются довольно туманно: „знавши, что и Павелъ сообщалъ апостоламъ о своемъ благовѣствованіи, спѣшатъ и они въ Римъ, чтобы показать блаженнѣйшему папѣ трудъ своего перевода св. писанія“ (Ш). Это объясненіе является результатомъ *α*) неяснаго представленія автора о церковномъ отношеніи къ папѣ моравскихъ славянъ и *β*) стремленія по возможности представить дѣло свв. братьевъ внѣ зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, чтобы воспользоваться славнымъ прошлымъ славянской церкви для укрѣпленія автокефальности своей архіепископіи.

б) Въ довольно близкихъ выраженіяхъ въ житіи Климента (Ш) и въ житіи Кирилла (XVII) разсказывается о торжественномъ пріемѣ, оказанномъ папою свв. братьямъ, и о

чудесахъ, которыми сопровождалось ихъ вступленіе въ Римъ. Но объясняется этотъ фактъ здѣсь и тамъ различно. Въ славянскомъ житіи церковная встрѣча относится къ мощамъ св. Климента Римскаго, принесеннымъ свв. братьями въ Римъ, равно какъ и чудеса приписываются его мощамъ. Въ житіи Климента вся исключительная торжественность этой встрѣчи, съ преднесеніемъ креста, со свѣтильниками и съ участіемъ всего священническаго чина, относится къ самимъ Кириллу и Меѳодію, которымъ приписываются и совершившіяся здѣсь чудеса, тогда какъ о мощахъ Климента Римскаго нѣтъ ни единого слова. Затаенный смыслъ и причина этого измѣненія и умолчанія понятны: автору—греку былъ непріятенъ фактъ перенесенія мощей Климента изъ предѣловъ восточной церкви въ Римъ, поэтому онъ предпочелъ о немъ совсѣмъ умолчать и отнести встрѣчу прямо къ первоучителямъ. Этотъ пріемъ находится въ соотвѣтствіи съ обычнымъ умалчиваніемъ о перенесеніи мощей Климента въ Римъ у византійскихъ писателей [1]) и съ утвержденіемъ ихъ, что мощи Климента хранятся въ Константинополѣ [2]).

в) Біографъ Климентовъ говоритъ о посвященіи Меѳодія въ епископа въ первое посѣщеніе имъ Рима, тогда какъ біографъ Меѳодія заставляетъ его спеціально для этой цѣли отправиться въ Римъ вторично. Очевидно, первый говоритъ сразу и въ общихъ чертахъ о томъ, что по паннонскому житію совершилось впослѣдствіи.

г) Меѳодій въ житіи Климента называется епископомъ *Морава Паннонскаго — ἐπίσκοπος Μοράβου τῆς Πανονίας*, при чемъ едва-ли можно сказать опредѣленно, какія географи-

---

[1]) На отсутствіе упоминанія въ греческихъ источникахъ объ обрѣтеніи мощей св. Климента и перенесеніи ихъ въ Римъ Константиномъ Философомъ обратилъ вниманіе еще *Ассемани*, который выражаетъ удивленіе, почему объ этомъ нѣтъ рѣчи ни въ Минологіи Василія, ни у Метафраста, и допускаетъ совершенно невѣроятное объясненіе этого молчанія: Nimirum, Constantinus debuit ea sacra lipsana clam Chersoniensibus inde aufferre, a quibus summa religione colebantur. Calendaria eccl. univ. V, p. 382.

[2]) По свидѣтельству *Константина Порфиророднаго*, Василій Македонянинъ построилъ въ К-лѣ при церкви св. Иліи часовню, въ которую положилъ часть мощей св. Климента и главу его (De vita Basilii Macedonis—*Migne*, Patr. gr., t. 109, c. 345). Подробнѣе см. у *Франка*, Сьвятий Клименг у Корсуні, у Львові, 1906, стр. 234 и др.

ческія или историческія понятія соединялись у автора съ этими именами. Еще непонятнѣе выраженіе: *Μεθόδιος, ὃς τὴν Πανόνων ἐπαρχίαν ἐκόσμησεν ἀρχιεπίσκοπος Μοράβου γενόμενος.* Какимъ образомъ Меѳодій, будучи архіепископомъ Моравскимъ, могъ украсить епархію Паннонскую? Эти, лишенныя опредѣленнаго смысла, извѣстія находятъ себѣ удовлетворительное объясненіе *а*) въ смутномъ представленіи автора о тѣхъ славянскихъ странахъ, о которыхъ онъ читалъ въ житіи Меѳодія, и *β*) въ слишкомъ бѣгломъ, сокращающемъ пересказѣ содержанія этого житія. Если даже у такого писателя, какъ Константинъ Багрянородный, свѣдѣнія о Моравіи и Панноніи отличаются неясностью и спутанностью, то тѣмъ понятнѣе это у писателя—грека XI—XII ст. Во время составленія житія Климента Моравіи, какъ самостоятельнаго государства, давно уже не существовало. Между тѣмъ Ѳеофилакту было извѣстно нѣсколько городовъ съ именемъ *Μόραβος* въ Болгаріи и Панноніи; (ср., напр., письмо къ *Таронитопулу*, скопскому дукѣ [1]). И вотъ, подъ вліяніемъ этого, подъ перомъ его *Морава* паннонскаго житія, превращается въ какой-то мало понятный ему самому *Μόραβος*. Не найдя въ паннонскомъ житіи указанія на городъ, въ которомъ находилась каѳедра Меѳодія, и послѣдовательно читая объ епископствѣ его въ Панноніи и Моравіи, онъ предпочелъ соединить ихъ вмѣсто, представляя себѣ, очевидно, Моравъ городомъ Панноніи (ср. выраженіе *Πανονίας συμπάσης κρατοῦντα* въ приложеніи къ Коцелу IV). И это, однакожъ, нисколько не помѣшало ему, вслѣдъ за паннонскимъ житіемъ, разграничивать Панноніи и Моравію, какъ два отдѣльныя государства съ отдѣльными князьями.

д) По словамъ греческаго житія, Меѳодій, будучи епископомъ Моравскимъ, наставлялъ и вразумлялъ Моравскаго князя Ростислава (IV). Это сообщеніе исторически невѣрно, потому что, какъ видно изъ жит. Меѳодія (X), въ его епископство въ Моравіи княземъ былъ уже Святополкъ. Оно находится въ зависимости отъ соединенія авторомъ Моравіи и Панноніи въ одну страну, епископомъ которой Меѳодій сдѣлался, по его представленію, съ того момента, когда получилъ хиротонію въ Римѣ, т. е., дѣйствительно, въ царствованіе Ростислава. Если при этомъ имѣть въ виду совер-

[1]) *Migne*, t. 126, c. 525.

шенную неясность представленій автора о географическихъ предѣлахъ не только Моравіи и Панноніи, но и тогдашней Болгаріи, то станетъ понятнымъ и другое нелѣпое сообщеніе,— будто Меѳодій одновременно вразумлялъ и поучалъ трехъ князей: Ростислава Моравскаго, Коцела Паннонскаго и Бориса Болгарскаго (ib.).

е) По греческому житію, Меѳодій занималъ архіерейскую каѳедру 24 года (VI), тогда какъ въ дѣйствительности, какъ можно заключать изъ житія его, въ архіерейскомъ санѣ онъ былъ около 14—15 лѣтъ. Это свѣдѣніе греческаго житія не разъ уже вносило путаницу въ Кирилло-Меѳодіевскую хронологію; на основаніи его *Ваттенбахъ* относилъ смерть Меѳодія даже къ 892 году [1]). Возможно двоякое объясненіе дѣла. Или фраза: *τέταρτον μὲν πρὸς τῷ εἰκοστῷ ἔτος τῇ ἀρχιερωσύνῃ ἐμπρέψας* представляетъ собою испорченное мѣсто, которому слѣдуетъ предпочесть соотвѣтствующее выраженіе въ *Ἀκ.* и *Οὐρ. Κρ.*: *εἰκοσι τέσσαρας χρόνους ἐποίμανε τό ἐμπιστευθὲν αὐτῷ ποίμνιον*, если только оно восходитъ къ подлиннику Аѳанасія, а не исправляетъ древній текстъ. Въ такомъ случаѣ здѣсь рѣчь идетъ о 24 годахъ всей дѣятельности Меѳодія между славянами [2]). Или же, если признать общепринятое чтеніе первоначальнымъ, здѣсь нужно видѣть ошибку автора, которая явилась вслѣдствіе неудачнаго приведенія къ единству хронологическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ паннонскихъ житій и изъ того источника, который послужилъ ему для дальнѣйшихъ частей житія.

Свѣдѣнія, почерпнутыя Ѳеофилактомъ изъ паннонскихъ житій, дополнены имъ изъ какого-то источника, въ которомъ шла рѣчь о просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи. Рѣшительность, съ которой заявляетъ объ этой дѣятельности авторъ, а также точная хронологическая дата обращенія Болгаріи говорятъ за то, что онъ воспользовался здѣсь не глухимъ народнымъ преданіемъ, но письменнымъ свидѣтельствомъ, имѣвшимъ для него такую же цѣну, какъ и паннонскія житія. Объ участіи свв. братьевъ

---

[1]) *Wattenbach,* Beitraege zur Desch. der christl. Kirche in Maehren und Boehmen. Wien. 1849. S. 29.

[2]) Такъ и понимали это мѣсто, предполагая въ немъ ошибку или „обмолвку языка", *А. В. Горскій* (Кир. Мео. сборн. Погодина, 41) и за нимъ *пр. Филаретъ* (ib. 59).

въ просвѣщеніи болгаръ онъ упоминаетъ въ двухъ мѣстахъ житія (II и IV гл.), но безъ строгой послѣдовательности въ передачѣ событій, выражаясь довольно туманно и неопредѣленно. Можно съ отчетливостью установить у него три главныхъ сообщенія фактическаго характера; они касаются—а) участія Меѳодія въ обращеніи болгарскаго князя Бориса, б) изобрѣтенія обоими братьями славянскихъ письменъ для болгаръ и перевода св. писанія для нихъ же и в) окончательнаго призванія, или крещенія, болгарскаго народа.

а) Въ отношеніи Меѳодія къ Борису авторъ различаетъ нѣсколько моментовъ. Самый ранній изъ нихъ относится ко времени до моравской миссіи и до путешествія свв. братьевъ въ Римъ. Болгарскаго князя—говоритъ онъ—„великій Меѳодій еще давно сдѣлалъ своимъ чадомъ (*καὶ πάλαι μὲν τέκνον ἐποιήσατο*) и плѣнилъ его своимъ языкомъ, прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Затѣмъ Меѳодій „непрестанно осыпалъ его благодѣтельными дарами словъ и поученій“ и впослѣдствіи, будучи уже архіепископомъ Моравскимъ (IV).

Извѣстно, что свидѣтельства по вопросу о крещеніи Бориса и болгарскаго народа умалчиваютъ объ участіи въ этомъ событіи Меѳодія или его брата, за исключеніемъ только неяснаго упоминанія у *Симеона Магистра, продолжателя Ѳеофана, Іоанна Скилицы* и *Кедрина* о какомъ-то живописцѣ Меѳодіи, поразившемъ Бориса картиною страшнаго суда. Однакожъ, во многихъ памятникахъ, посвященныхъ исторіи Кирилла и Меѳодія, сохранился цѣлый рядъ отрывочныхъ упоминаній о миссіонерскомъ служеніи въ Болгаріи ихъ обоихъ вмѣстѣ или кого-либо одного изъ нихъ въ отдѣльности. Количество такихъ свидѣтельствъ, собранное *А. А. Шахматовымъ*, можно было бы значительно увеличить [1]). Такъ, Кириллъ представляется просвѣтителемъ Болгаріи въ Солунской легендѣ, Успеніи, Моравской легендѣ, легендѣ о св. Людмилѣ, въ Оломоуцкомъ служебникѣ, у Діоклейскаго священника и др. О проповѣди его въ Болгаріи вмѣстѣ съ Меѳодіемъ говорятъ служба въ честь ихъ, проложныя житія ихъ и Хиландарская повѣсть. Хотя всѣ эти, какъ и другія, приведенныя А. А. Шахматовымъ, свидѣтельства характеризуются недостаточной опредѣленностью, но взятыя

[1]) *А. А. Шахматовъ*, Одинъ изъ источн. лѣтописн. сказ. о крещеніи Владиміра. Сборн. въ честь Дринова, Харьковъ, 1908, стр. 68—9.

въ совокупности они заставляютъ предполагать за собою существованіе особаго сказанія о трудахъ первоучителей въ Болгаріи. Самый ранній отголосокъ этого сказанія сохранился въ службахъ въ честь первоучителей,—памятникѣ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ житіе Климента. Слѣдовательно, съ Климентова біографа слѣдуетъ разъ на всегда снять обвиненіе въ томъ, будто онъ первый пустилъ въ литературный оборотъ преданіе объ участіи свв. братьевъ въ просвѣщеніи Болгаріи.

Можно установить и нѣкоторыя подробности предполагаемаго сказанія. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе самый способъ выраженія, которымъ характеризуется въ житіи отношеніе Меѳодія къ Борису: *Меѳодій сдѣлалъ Бориса своимъ чадомъ*—и въ которомъ заключается мысль о чрезвычайной заслугѣ Меѳодія въ дѣлѣ обращенія Бориса. Это выраженіе очень близко напоминаетъ собою совершенно аналогичные эпитеты, которыми характеризуетъ свое отношеніе къ Борису патр. Фотій въ своемъ посланіи къ нему. Онъ также называетъ его благороднымъ *чадомъ*, рожденнымъ его духовными заботами (*τῶν ἐμῶν πνευματικῶν ὠδίνων εὐγενὲς καὶ γνήσιον γέννημα*), духовнымъ *сыномъ* (*πνευματικὲ ἡμῶν υἱέ*), возлюбленнымъ *сыномъ* (*ἠγαπημένε ἡμῶν υἱέ*) и т. д. [1]). Изъ посланія Фотія и отчасти изъ соборныхъ актовъ 869 года видно, что Борисъ былъ обращенъ трудами Фотія. Нѣтъ основаній думать, чтобы самъ Фотій лично занимался обращеніемъ болгарскаго князя и чтобы онъ самъ путешествовалъ въ Болгарію для крещенія его. Но еслибы даже это было такъ, несомнѣнно, что въ томъ и другомъ случаѣ онъ имѣлъ сотрудниковъ. Засвидѣтельствованная источниками, дружба Фотія съ Кирилломъ и выходящія изъ ряда миссіонерскія способности обоихъ братьевъ служатъ достаточными данными за то, что такими сотрудниками Фотія были именно они оба или кто-либо одинъ изъ нихъ. Относительно Меѳодія житіе Климента говоритъ, что онъ еще давно (*πάλαι*) подчинилъ своему вліянію Бориса, а *Х. Л.* подчеркиваетъ, что, еще будучи свѣтскимъ человѣкомъ, онъ служилъ въ теченіи 10 лѣтъ въ области, пограничной съ Болгаріей. Онъ могъ видѣться съ Борисомъ также по пути въ Моравію, если только „моравскій путь“, дѣйствительно, лежалъ черезъ Болгарію.

---

[1]) *Соколовъ*, Изъ древней исторіи Болгаръ, СПБ., 1879, 124 стр.

Совокупностью всѣхъ этихъ данныхъ духовное сыновство Бориса въ отношеніи къ Фотію и одновременно въ отношеніи къ Меѳодію объясняется въ томъ смыслѣ, что послѣдній приготовлялъ Бориса къ принятію христіанства по порученію Фотія. Слѣдовательно, въ томъ древнемъ сказаніи объ обращеніи Бориса, которымъ пользовался авторъ житія, обращеніе Бориса Фотіемъ было поставлено въ непосредственную связь съ проповѣдью великаго славянскаго учителя.

Въ существованіи древняго сказанія, въ которомъ приготовленіе къ крещенію Бориса приписывалось славянскому учителю Меѳодію, насъ убѣждаютъ и глухія упоминанія византійскихъ писателей о живописцѣ Меѳодіи. Хотя мысль о тожествѣ этого Меѳодія съ славянскимъ учителемъ была жестоко осмѣяна еще *Шлецеромъ* и отвергнута такими историками, какъ *Е. Е. Голубинскій* [1]) и *Иречекъ* [2]), однакожъ ихъ соображеній противъ нея нельзя признать неотразимыми. По мнѣнію Голубинскаго, которому слѣдуетъ и Иречекъ, разсказъ о монахѣ живописцѣ Меѳодіи есть фантазія продолжателя Ѳеофана, который произвольно дополнилъ вымышленными подробностями разсказъ Симеона Логоѳета, а у этого послѣдняго Меѳодій не есть ни монахъ, ни проповѣдникъ, а просто живописецъ, пишущій картину уже крещенному князю. Однакожъ, современное состояніе вопроса о зависимости хроникъ не подтверждаетъ такого объясненія дѣла. Какъ показали *Гиршъ* [3]) и *М. И. Соколовъ* [4]), самъ Симеонъ въ этомъ случаѣ пользовался разсказомъ продолжателя Ѳеофана, съ которымъ обошелся довольно самовольно.

Византійскій разсказъ о Меѳодіи живописцѣ и его картинѣ въ литературномъ отношеніи есть не что иное, какъ одна изъ варіацій странствующаго сюжета о потрясающемъ впечатлѣніи, какое производитъ на язычника, особенно на князя или представителя народа, картина страшнаго суда, и о слѣдующемъ затѣмъ крещеніи его. Достаточно вспомнить, что обращенію Владиміра, по русскому лѣтописному разсказу, также предшествуетъ впечатлѣніе отъ картины

---

[1]) Исторія прав. церкв., 235.

[2]) Исторія болгаръ, 189.

[3]) *Hirsch*, Byzant. Studien, Leipzig, 1871. S. 330.

[4]) Изъ древней исторіи Болгаръ, 132 и сл.

суда, показанной ему греческимъ философомъ. Самое реальное въ разбираемой варіаціи это—имя Меѳодія, какъ главнаго виновника всего событія. И если житіе Климента и другіе источники говорятъ объ обращеніи Бориса Меѳодіемъ—первоучителемъ славянъ, то что̀ мѣша̀етъ признать его и въ Меѳодіи—живописцѣ, котораго хроники въ то же время представляютъ и проповѣдникомъ и монахомъ?

Связь между сказаніемъ о Меѳодіи, которымъ воспользовался Климентовъ біографъ, и византійскими хрониками выразилась въ одной подробности житія, которую мы никакъ не можемъ считать случайной. Въ XXII гл. жизнь Меѳодія образно сравнивается съ картиной *искуснаго въ живописи художника*, которую взялъ себѣ за образецъ Климентъ: *καὶ οἷόν τινα πίνακα σοφοῦ τὴν τέχνην ζωγράφου τὸν ἐκείνου βίον καὶ τὰς πράξεις τῆς οἰκείας ἀγωγῆς προστησάμενος ἑαυτὸν ἐζωγράφει πρὸς τοῦτον ἐπιμελῶς*. Чтобы оцѣнить значеніе этого образа, нужно имѣть въ виду ту легкость, съ которой составитель житія превращаетъ въ реальные факты образныя выраженія своихъ источниковъ и наоборотъ — придаетъ переносный смыслъ фактическимъ сообщеніямъ [1]). Отсюда одно изъ двухъ: или въ данномъ мѣстѣ превращено въ иносказаніе конкрѣтное сообщеніе первоисточника относительно занятій Меѳодія живописью, проникшее въ болѣе чистомъ видѣ въ сообщенія хроникъ, или наоборотъ—одинъ изъ хронистовъ придалъ реальный смыслъ образной мысли первоисточника. Въ томъ и другомъ случаѣ выводъ одинъ: существованіе очень древняго сказанія объ участіи первоучителя Меѳодія въ обращеніи Бориса съ упоминаніемъ о немъ—въ прямомъ или переносномъ смыслѣ—какъ о художникѣ. Едва-ли не къ этому же сказанію восходитъ и упоминаніе въ греч. хроникѣ Синод. библіотеки № 263 (по Описанію арх. *Владиміра* № 407), лл. 237 об.—239, о главномъ виновникѣ обращенія болгаръ, который называется *εἷς σοφὸς ἄνθρωπος ῥωμαῖος καὶ ζωγράφος* [2]). Ср. выраженіе житія: *πίνακα σοφοῦ τὴν τέχνην ζωγράφου*.

Такимъ образомъ, мы пришли къ тому же сказанію объ

---

[1]) На эту черту житія обратилъ вниманіе уже *Вороновъ*, Главн. источн., 138—9.

[2]) См. у *А. А. Шахматова*, Сборн. въ честь Дринова, 70.

обращеніи Бориса въ христіанство, къ которому инымъ путемъ, посредствомъ анализа лѣтописнаго сказанія о крещеніи Владиміра, пришелъ А. А. Шахматовъ. Разница только въ томъ, что въ источникѣ, который имѣлъ у себя Климентовъ біографъ, обращеніе Бориса приписывалось Меѳодію, а въ источникѣ лѣтописнаго сказанія—его брату Кириллу. Эта разница находитъ себѣ объясненіе въ тѣсной связи между свв. братьями, выставляемой на видъ большинствомъ памятниковъ.

б) Восходитъ-ли къ тому же сказанію и упоминаніе объ изобрѣтеніи свв. братьями алфавита для болгаръ, или оно заимствовано изъ другого источника, или основывается только на преданіи,—для рѣшенія этого вопроса данныхъ въ житіи нѣтъ. Важно отмѣтить только, что это упоминаніе также не стоитъ одиноко, но находитъ себѣ цѣлый рядъ параллелей въ другихъ памятникахъ какъ восточнаго, такъ и западнаго происхожденія. Свидѣтельство объ изобрѣтеніи азбуки и переводѣ священныхъ книгъ, сходное въ нѣкоторыхъ своихъ подробностяхъ съ повѣствованіемъ паннонскихъ житій, отличается отъ нихъ лишь тѣмъ, что, по словамъ Климентова біографа, великій трудъ славянскихъ учителей ближайшимъ образомъ предназначался ими для болгарскаго народа, тогда какъ по паннонскимъ житіямъ—для мораванъ. Это различіе находится въ соотвѣтствіи съ полнымъ умолчаніемъ житія Климента о моравской миссіи, а паннонскихъ житій—о славянахъ болгарскихъ, что объясняется особенными интересами авторовъ этихъ произведеній. Однакожъ, и по паннонскимъ житіямъ изобрѣтеніе азбуки и начало перевода книгъ предшествовали отправленію свв. братьевъ въ Моравію,—слѣдовательно, имѣли въ основѣ своей языкъ южныхъ славянъ. Этимъ до нѣкоторой степени сглаживается противорѣчіе между болгарской легендой и паннонскими житіями. Нужно прибавить, что въ разсказѣ греческаго біографа то племя, которое первое возбудило къ себѣ сочувствіе Кирилла и Меѳодія, называется собственно *славянскимъ* и азбука—*славянскою*, при чемъ *болгарскій* стоитъ рядомъ съ *славянскій*, какъ замѣна его. Очень возможно, что въ основѣ здѣсь лежитъ фактъ дѣйствительнаго распространенія славянской грамотности среди славянъ,

жившихъ какъ въ византійской имперіи, такъ и въ Болгаріи, въ то время, когда свв. братья трудились въ Моравіи.

в) Свой разсказъ о проповѣди Кирилла и Меѳодія болгарскому народу біографъ Климента заключаетъ замѣчаніемъ объ окончательномъ обращеніи болгаръ отъ скиѳскихъ заблужденій въ христіанство. Это замѣчаніе сдѣлано авторомъ попутно и носитъ на себѣ эпизодическій характеръ, такъ что, вопреки мнѣнію Голубинскаго, Дринова и др., хронологическая дата обращенія Болгаріи къ исторіи Кирилла и Меѳодія совсѣмъ не относится. 6377 (=869) годъ, на который, какъ на годъ окончательнаго обращенія болгарскаго народа, указываетъ авторъ, приводится, какъ извѣстно, также русскимъ лѣтописцемъ. Возможно, что заимствованіе этого года Климентовымъ біографомъ и лѣтописцемъ восходитъ къ общему источнику,—къ тому же, изъ котораго обоими авторами почерпнуты свѣдѣнія и объ обращеніи Бориса [1]).

2. Въ тѣхъ главахъ житія, гдѣ изображается судьба дѣла Кирилла и Меѳодія въ Моравіи послѣ смерти послѣдняго (VII—XIV), нить повѣствованія такъ тѣсно сплетается съ разсужденіями дѣйствующихъ лицъ, что вскрыть здѣсь историческую основу можно только исключивъ всѣ подробности богословской эрудиціи автора, вложенныя въ уста историческихъ дѣятелей. Уже показано было, что православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа въ житіи совпадаетъ съ трактатомъ Ѳеофилакта противъ латинянъ и съ толкованіемъ его на 3 гл. Ев. Іоанна, слѣдовательно—оно должно быть отнесено на счетъ богословской учености автора, а не учениковъ Меѳодія. Такого же происхожденія и другія подробности полемики о Св. Духѣ.

Предметомъ VII—XIV главъ житія служитъ борьба нѣмецкаго духовенства съ учениками Меѳодія, окончившаяся изгнаніемъ послѣднихъ изъ Моравіи. Свѣдѣнія, легшія въ основу этой части, стоятъ довольно одиноко въ истори-

---

[1]) На 869 годъ, какъ на время окончательнаго обращенія Болгаріи, указываютъ и другіе источники, при чемъ здѣсь разумѣется фактъ учрежденія перваго болгарскаго архіепископства и окончательнаго сближенія съ Константинополемъ. Объ этомъ см. у *Бодянскаго*, 363—5. Впрочемъ, въ аѳонскихъ спп. отрывковъ житія стоитъ 6370=862 г. (выше, стр. 5). Какая дата принадлежитъ составителю житія, опредѣленно сказать нельзя.

ческой литературѣ, съ давнихъ поръ возбуждая къ себѣ недовѣрчивое и даже совершенно отрицательное отношеніе со стороны нѣкоторыхъ историковъ. Однакожъ, положительная цѣнность этихъ свѣдѣній должна быть признана несомнѣнной не только на основаніи ихъ внутренней убѣдительности, но и на томъ основаніи, что они и въ цѣломъ, и въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣльныхъ подробностяхъ могутъ найти себѣ подтвержденіе во внѣшнихъ данныхъ.

По отношенію къ общему ходу и исходу событій, разсказываемыхъ Климентовымъ біографомъ, такими данными служатъ: *а) посланіе папы Стефана VI къ кн. Святополку и б) инструкція его Доминику епископу и Іоанну и Стефану пресвитерамъ, отправляющимся къ славянамъ* [1]). Довольно обширная литература, посвященная тому и другому документамъ, приводитъ къ положительному выводу относительно ихъ подлинности. Возраженія противъ подлинности посланія къ Святополку уже не разъ были опровергнуты, и въ послѣднее время даже въ нѣкоторыхъ католическихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Кириллу и Меѳодію, оно, повидимому, признается за подлинное произведеніе Стефана VI. Содержаніе папскаго посланія и инструкціи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Ими полагается конецъ славянскому богослуженію въ Моравіи, Меѳодій осуждается, епископъ Вихингъ, представитель нѣмецкой партіи, получаетъ прекрасную рекомендацію и облекается папскимъ довѣріемъ, преемникъ Меѳодія Горазду устраняется, учениковъ Меѳодія предписывается изгонять изъ предѣловъ, подчиненныхъ папской власти. Такимъ образомъ, акты папы Стефана VI *представляютъ собою какъ бы программу будущихъ событій*, разсказанныхъ въ житіи Климента, и еслибы у насъ не было этого житія, то, на основаніи посланія и инструкціи Стефана, исходъ событій, послѣдовавшихъ послѣ

---

[1]) Посланіе издано въ первый разъ въ 1849 году *Ваттенбахомъ* (Beiträge zur Geschichte der chr. Kirche in Maehren und Boemen. Wien. 1849, p. 45 sq.), перепечатано *Гильбасовымъ* (Кир. и Мео. I, 137 сл.), *Пастрекомъ* (Dejiny Cyr. a Meth., 260 сл.) и др. Инструкція напечатана въ отрывкахъ *Евальдомъ* (Neues Archiv d. Gesellsch. f. ältere deutsche Geschichtskunde 1880. V, 408), *Рачкимъ* (Starine jugosl. Академије, XII, 220), *Вороновымъ* (*Труды Кіевск. Ак.* 1881. II, 412), *Пастрекомъ* (ib.) и др.

смерти Меѳодія, пришлось бы проектировать приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ они представлены въ житіи.

Историческая достовѣрность большинства отдѣльныхъ фактическихъ подробностей подтверждается отчасти также внѣшними данными, отчасти соотвѣтствіемъ ихъ исторической правдѣ или сопутствующимъ событіямъ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ тѣ наиболѣе важныя подробности, которыя составляютъ канву всего авторскаго узора, богатаго красками и риторикой.

α) Борьба славянскаго духовенства съ нѣмецкимъ, описанная въ житіи Климента, является прямымъ результатомъ отношеній, сложившихся между ними еще при жизни Меѳодія и описанныхъ въ его житіи.

β) По свидѣтельству греческаго житія, количество пресвитеровъ, діаконовъ и иподіаконовъ изъ учениковъ Меѳодія въ церквахъ его епархіи послѣ смерти его простиралось до 200 человѣкъ. Здѣсь ни въ какомъ случаѣ нельзя видѣть преувеличенія, если принять въ соображеніе свидѣтельство житія Меѳодія относительно широкаго распространенія его проповѣди въ Моравіи: **отъ того же дьне кельми начатъ расти оученіе божие, и стрижьници множитиса къ кьсѣхъ градѣхъ, и погании кѣрокати къ истиньнихїй богъ** (X).

γ) Достоинства Горазда, его книжное образованіе и избраніе его Меѳодіемъ въ преемники себѣ подтверждаются жит. Меѳ. (VI гл.); фактъ устраненія его еретиками отъ управленія Моравской церковью находитъ себѣ опору въ посланіи Стефана VI.

δ) Характеристика Вихинга, какъ человѣка низкаго, своекорыстнаго и жестокаго, подтверждается свидѣтельствами западныхъ источниковъ [1]). Его происки противъ славянскаго богослуженія и славянскихъ проповѣдниковъ начались еще при жизни Меѳодія, что извѣстно изъ жит. Меѳ. (VII) и буллы папы Іоанна VIII отъ 881 г. По свидѣтельсву *Пассавской хроники*, онъ и епископомъ сдѣлался путемъ насилія [2]).

ε) Въ VII гл. Климентовъ біографъ говоритъ, что Вихингъ „былъ преданъ Меѳодіемъ съ анаѳемою сатанѣ, вмѣстѣ съ

---

[1]) *Miklosich*, Vita s. Clementis, p. XIV.

[2]) *Miklosich*, op. cit., p. XIV.

сонмомъ людей, съ нимъ бѣсновавшихся". Хотя это, въ высшей степени интересное, сообщеніе нѣкоторыми не признается за историческое, однакожъ въ его достовѣрности убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ другихъ свидѣтельствъ. Путемъ сопоставленія ихъ уясняется даже вопросъ о томъ, кого могъ разумѣть авторъ подъ „сонмомъ людей, съ нимъ бѣсновавшихся". Косвенное указаніе на проклятіе, произнесенное Меѳодіемъ, можно извлечь прежде всего изъ житія Меѳодія. Въ передачѣ посланія Іоанна VIII здѣсь есть любопытное добавленіе по сравненію съ латинскимъ подлинникомъ: да его же проклянетъ, проклятъ да боудн. Естественно думать, что оно было подсказано составителю житія совершившимся уже фактомъ провозглашенія Меѳодіемъ анаѳемы. Самымъ опредѣленнымъ образомъ поступокъ Меѳодія засвидѣтельствованъ посланіемъ Стефана VI, который пишетъ Святополку: „Мы очень удивились, услышавъ, что Меѳодій преданъ неправильному ученію, а не назиданію, враждѣ, а не миру; и если это такъ, какъ мы слышали, то лжеученіе его мы совершенно отвергаемъ. Анаѳема же за презрѣніе католической вѣры падетъ на главу того, кто объявилъ ее. *Ты же и народъ твой предъ судомъ Св. Духа будете невинны*, если только ненарушимо будете содержать вѣру, которую проповѣдуетъ римская церковь". Изъ послѣдовательности мыслей здѣсь со всею очевидностію слѣдуетъ, что анаѳема Меѳодія, или по крайней мѣрѣ рѣшительная угроза объявить ее, падала на тѣхъ, съ кого теперь папа снимаетъ ее и кого реабилитируетъ, т.-е. на Святополка и его народъ (tu et populus tuus...), при чемъ подъ народомъ разумѣются противники Меѳодія и сторонники Вихинга. Этому документальному свидѣтельству соотвѣтствуетъ показаніе *легенды Христіана о св. Людмилѣ и Вячеславѣ*, въ которой читаемъ: quapropter a pontifice beate memorie supra notato pagus ejus et rus cum habitantibus incolis anathemate percussa cum sulcis suis et fructibus diversis cladibus attrita usque in hodiernum diem deflent, т.-е. „поэтому блаженной памяти выше названнымъ первосвященникомъ (Меѳодіемъ) страна его (Святополка) и земля со всѣми обитателями преданная анаѳемѣ, съ полями своими и плодами опустошенная различными пораженіями, до нынѣшняго дня проливаетъ слезы" [1]). По мнѣнію проф. *Пекаржа*,

[1]) *Ios. Pekař*, Nejstarsi kronika česká. V Praze, 1903, p. 134.—Deflentur вм. deflent въ *Fontes rerum bohemic.*, I, p. 202.

обоснованному довольно убѣдительными данными, легенда Христіана написана не въ XIV вѣкѣ, какъ думали Добровскій и Добнеръ, а въ X, и ея составитель пользовался надежнымъ источникомъ, близкимъ къ греко-славянскому преданію, сохранившемуся въ житіи Климента [1]). Отсюда—особенная цѣнность приведеннаго сообщенія. Изъ другихъ латинскихъ источниковъ о проклятіи, произнесенномъ Меѳодіемъ, говоритъ моравская легенда: Quapropter in ipsum Swatopluk, frontosum principem et suos satellites, et in omnes ejus gades excommunicationis fulminavit sententiam (XI гл.) [2]), т.-е., „вслѣдствіе этого (Меѳодій) бросилъ сентенцію отлученія въ самаго Святополка, дерзкаго князя, и его сторонниковъ и на всѣ его дружины“ [3]).

Тотъ же фактъ проклятія былъ извѣстенъ, повидимому, и составителю житія св. Наума. Печальная судьба, постигшая Моравію послѣ нашествія венгровъ, здѣсь объясняется, какъ кара Божія за преслѣдованіе и изгнаніе учениковъ Меѳодія, и при этомъ глухо прибавляется: **ꙗкоже ѿ прорѣкль сѫтый меѳодіе архіепископъ** [4]). Нужно прибавить, что и въ житіи Климента проклятіе, произнесенное Меѳодіемъ, стоитъ въ связи съ угрозой его по адресу Святополка, что, если онъ присоединится къ еретикамъ, то погубить себя и своихъ подданныхъ...,—что̀ и сбылось—по словамъ автора—съ предсказаніями святого (V). Если, так. обр., провозглашеніе Меѳодіемъ анаѳемы на Вихинга и его послѣдователей, а также распространеніе ея, или, по крайней мѣрѣ, рѣшительная угроза такого распространенія, на самого Святополка—становятся фактомъ весьма высокой исторической вѣроятности, то не остается основаній, вмѣстѣ съ Голубинскимъ, отказывать въ довѣріи и дальнѣйшимъ сообщеніямъ Климентова житія относительно недоброжелательнаго отношенія моравскаго князя къ ученикамъ Меѳодія во время ихъ борьбы съ противниками.

---

[1]) Ib., pp. 1—2, 20—23.

[2]) *Fontes rerum bohemic.*, I, p. 106.

[3]) О словѣ Gades см. у *Ducange*, Gloss. med. latin.

[4]) Этотъ драгоцѣнный памятникъ почти одновременно найденъ былъ въ прологѣ Зографск. мон. (№ 47) и изданъ проф. *И. А. Лавровымъ* (*Извѣст. Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ*, т. XII (1907), кн. 4., стрр. 1—51, и отдѣльн.) и *Йорданомъ Ивановымъ* (Български старини изъ Македония, София, 1908, стрр. 51—58).

ζ) Значеніе догмата о Filioque, какъ очень важнаго предмета споровъ между православными учениками Меѳодія и еретиками іопаторами, засвидѣтельствовано не только житіемъ Климента, но и папскими посланіями, паннонскимъ житіемъ Меѳодія, житіемъ Наума, службами въ честь первоучителей и др. источниками.

η) Въ изображеніи преслѣдованія учениковъ Меѳодія со стороны нѣмецкаго духовенства житіе Климента согласно съ житіемъ Наума. Упоминаніе перваго о продажѣ священниковъ и діаконовъ нѣмцами евреямъ могло бы показаться легендарнымъ, еслибы не находило себѣ подтвержденія въ подробномъ разсказѣ объ этомъ въ житіи Наума.

ϑ) Фактъ окончательнаго изгнанія и странствованія учениковъ Меѳодія по разнымъ славянскимъ странамъ засвидѣтельствованъ, кромѣ житія Климента, цѣлымъ рядомъ источниковъ, въ числѣ которыхъ есть памятники происхожденія болѣе древняго, чѣмъ греческое житіе. Объ этомъ разсказываетъ житіе Наума. Ясные отголоски этого звучатъ также въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ произведеніяхъ древнѣйшей поры славянской письменности. Въ славянскомъ канонѣ св. Димитрію Солунскому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличномъ отъ греческаго, есть два тропаря, составленные учениками Меѳодія присолунскаго происхожденія. Въ нихъ выражается скорбь по поводу отдаленнаго странствованія и томительное желаніе снова видѣть храмъ св. Димитрія. Вотъ одинъ изъ этихъ тропарей: **Почьто мудре нищіи ткон рабы едины лишаемъся твоея ѵко красоты, любъве ради Ѯнжителя по ѵюжнымъ ѯемлямъ и градъмъ ходяще ихъ пострадавше, блажене трьѯыѵьнинкь и еретикъ лютъ конии** (=противники?) **быкующе** [1]). Въ канонѣ свв. Меѳодію и Кириллу, составленномъ ихъ учениками, обращаетъ на себя вниманіе тропарь: **Нищіи. стѣи. пре ѡ стѣи тронци. кирїле прѣбне меѳѡдне сѣлю. стадо ихъ сѣое ходяще по ѯемли странѣи съхранѣше растѣти мѣтвами ся блаженыи** [2]). Оба тропаря относятся къ 9 пѣснѣ канона, куда, по правиламъ византійской гимнографіи, составители службъ могли вносить собственный автобіографическій элементъ и возбуждаемыя имъ чувства. Въ тѣсную связь съ свидѣтельствами

[1]) Кир.-Мео. Сборн. 1865 г., стр. 279. Ср. *Русск. Фил. Вѣстн.*, т. XLIII, 1900 г. *А. П. Соболевскій*, Церк.-слав. тексты моравск. происх., стр. 153.

[2]) Кир.-Мео. Сборн. 1865 г., стр. 257. Ср. также выраженіе: **разгнанное еретикы стадо твое сохрани въ вѣрѣ православѣи матѣрами сїи оуе.** Ib., 254.

означенныхъ тропарей слѣдуетъ поставить одну изъ прибавокъ въ древнемъ ц-славянскомъ переводѣ Тріоди, сохранившуюся въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ спискахъ ея. Одинъ изъ подобновъ на пятницу 5-ой недѣли поста въ рукописи И. П. Б. *F. n.* I № 74 (Тріодь средне-болг. ред., XII в.) читается слѣдующимъ образомъ: **Страсти сїйснѣмъ прнемъ ты сп҃е. р҃ѡ ѵлускы. ѡ страсти хотя свободнти. новозканын мзыкъ. прогнавъ єрєтнуьскмж трнмзычннкы. по ѯемлѣмъ и странамъ. страсть прнемла. оутѣши ны йлостнвє. сохрани и оумножи вдрасти нхже нскоупи крькнж своєж ѵстнож. тлостраствы прпдєдры бє бесмєртны гй** [1]). По свидѣтельству житія Климента, онъ уже въ глубокой старости далъ болгарской церкви прощальный даръ, состоящій въ прибавленіи къ Тріоди того, чего въ ней недоставало, именно перевелъ все, что поется отъ недѣли Ѳоминой до Пятидесятницы (XXVI). Слѣдовательно, предшествующія части Тріоди, въ томъ числѣ и Тріодь постная, переведены были раньше, самимъ-ли Климентомъ, или кѣмъ-либо изъ его сотрудниковъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ перенесенныхъ притѣсненій со стороны еретиковъ-тріязычниковъ и отъ своихъ скитаній по землямъ и странамъ, славянскій переводчикъ воспользовался однимъ изъ подходящихъ пѣснопѣній, чтобы, нѣсколько измѣнивъ его, излить въ немъ горечь своего чувства по поводу перенесенныхъ лишеній.

Итакъ, на основаніи произведенныхъ сопоставленій мы видимъ, что VII—XIII глл. житія, и въ общемъ своемъ содержаніи, и въ важнѣйшихъ отдѣльныхъ сообщеніяхъ, согласны съ свидѣтельствами безусловной достовѣрности и потому заслуживаютъ къ себѣ довѣрія. Послѣ недостаточно точныхъ сообщеній о Кириллѣ и Меѳодіи нашъ памятникъ, по вѣрному замѣчанію *Дюммлера*, становится исторически болѣе достовѣрнымъ послѣ описанія кончины Меѳодія [2]).

Однакожъ, и эта часть житія требуетъ критическаго отношенія къ себѣ. Чрезъ весь разсказъ о борьбѣ послѣдователей Меѳодія съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ проходитъ одностороннее и исторически не вполнѣ вѣрное освѣ-

---

[1]) Въ другихъ древнихъ спп. Тріоди этому тропарю соотвѣствуетъ иной, сходный съ нимъ лишь по началу.

2) *Dümmler*, Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. *Archiv für Kunde österreich. Geschichts-Quellen.* 1854. B. XIII, S. 155.

щеніе этой борьбы. Авторъ представляетъ дѣло такъ, что главнымъ поводомъ столкновенія былъ вопросъ о Filioque. Между тѣмъ и изъ житія Меѳодія, и изъ актовъ папы Стефана VI, и изъ приведенныхъ свидѣтельствъ богослужебнаго характера со всею очевидностью слѣдуетъ, что весьма существенное значеніе въ этой борьбѣ имѣла *тріязычная ересь*, непризнававшая за славянскимъ языкомъ права на богослужебное употребленіе. Можно даже думать, что эта ересь по своимъ практическимъ результатамъ была болѣе ощутительна для послѣдователей Меѳодія и играла болѣе важную роль въ борьбѣ, чѣмъ ересь іопаторская. Между тѣмъ составитель, увлекшись полемикой противъ западной церкви, принялъ во всей этой исторіи за наиболѣе существенную ту сторону ея, которая его самого болѣе всего заинтересовала, и умышленно оставилъ безъ вниманія ту, которая ему была непріятной. На всемъ протяженіи житія онъ постоянно подчеркиваетъ грубость славянскаго языка, о переводѣ свящ. книгъ на славянскій языкъ упоминаетъ уклончиво и неопредѣленно и нигдѣ ни однимъ словомъ не вспоминаетъ о тріязычной ереси. Ясно, что онъ былъ такимъ же тріязычникомъ, какъ и большинство его современниковъ-грековъ, какъ и тѣ западные тріязычники, съ которыми вели борьбу послѣдователи Меѳодія въ Моравіи. Для него передавать свѣдѣнія своего источника о тріязычной ереси значило обличать себя самого. Въ результатѣ явилось настолько тенденціозное представленіе дѣла, что изслѣдователь эпохи, въ интересахъ исторической правды, долженъ нѣсколько ослабить значеніе догматическихъ споровъ между образовавшимися въ Моравіи партіями и выдвинуть на болѣе видное мѣсто въ этой борьбѣ вопросъ о ц.-славянскомъ языкѣ въ богослуженіи и, слѣдовательно, о правѣ славянскаго народа на относительную самостоятельность церковной жизни.

3. Третья часть житія (XV—XXIX), посвященная собственно Клименту и его жизни въ Болгаріи, также должна быть признана въ основныхъ своихъ чертахъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, исторически достовѣрной. Въ этомъ отдѣлѣ историческіе моменты еще болѣе усиливаются и находятъ себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ данныхъ: въ житіи Наума, въ различныхъ отдѣльныхъ свидѣтельствахъ, монументальныхъ памятникахъ Македоніи, наконецъ, въ не-

прерывномъ преданіи, хранящемся въ болгарскомъ народѣ и болгарской церкви. Что же касается свѣдѣній относительно литературной дѣятельности Климента, то они блестящимъ образомъ подтверждаются наличностью уцѣлѣвшихъ списковъ его сочиненій, указанныхъ въ житіи. Историческая цѣнность тѣхъ показаній, которыя не засвидѣтельствованы другими источниками, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть опредѣлена посредствомъ тщательной критики житія.

Въ основу XV—XXIX глл. легъ тотъ-же источникъ, которымъ пользовался составитель и для предыдущей части. Это—древнее житіе Климента, написанное какимъ-то близкимъ къ нему лицомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ греческаго текста, гдѣ рѣчь идетъ о личныхъ отношеніяхъ составителя къ святому, о личныхъ впечатлѣніяхъ отъ его жизни и подвиговъ, или гдѣ сообщаются точнѣйшія фактическія подробности его біографіи, древняя основа памятника стоитъ еще настолько самостоятельно, что ясно выдѣляется, какъ именно таковая. Въ существованіи древняго житія Климента насъ убѣждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ житіе Наума, которое при этомъ заключаетъ въ себѣ данныя и для болѣе опредѣленнаго сужденія о первомъ.

Высокая историческая цѣнность житія Наума была отмѣчена первымъ же издателемъ его— *П. А. Лавровымъ*. Житіе это носитъ на себѣ черты глубокой древности и отличается благородной простотой и безыскусственностью изложенія. Авторъ его, принадлежавшій къ дѣвольскому клиру, былъ не только современникомъ Климента и Наума, но и *близкимъ къ нимъ человѣкомъ и даже ученикомъ послѣдняго изъ нихъ*. Хотя онъ не называетъ себя ученикомъ Климента прямо, но въ его разсказѣ есть очень опредѣленныя указанія на это. Заявивъ о томъ, что онъ взялся описать житіе св. отцовъ по собственнымъ побужденіямъ, особенно же по внушенію со стороны епископа Марка, онъ замѣчаетъ далѣе о немъ: **и кѣ и такожде сего блженнаго Климента оученикъ быкь**, очевидно имѣя въ виду себя рядомъ съ другимъ ученикомъ Климента. Даже матеріалъ для своего разсказа онъ черпалъ изъ живыхъ разсказовъ Климента и Наума, въ чемъ самъ удостовѣряетъ читателя словами: **єліко же мн сими блженныи ѡтцѣ сказаше**. Отсюда каждая строчка этого памятника возбужда-

етъ къ себѣ высокое довѣріе. По отношенію къ предполагаемому древнему житію Климента онъ представляетъ собою непосредственное его продолженіе. Авторъ житія Наума начинаетъ свое произведеніе словами: **И сє же братіє да не остънеть безъ памети братъ сего блаженнаго климента**, о которомъ раньше не было сказано ни слова, а черезъ нѣсколько строкъ онъ говоритъ о царѣ Симеонѣ: **тъждє бѣговѣрнїи цр҃ь симеонъ пюсти нѣкоумъ подроуга емоу къ него** (Климента) **мѣсто**, хотя о Симеонѣ также рѣчь заходитъ впервые. Ясно, что въ моментъ написанія житія Наума предполагаемое житіе Климента уже существовало и въ древней рукописи помѣщалось какъ разъ передъ нимъ. *Ръшаемся думать, что авторомъ этого предполагаемаго житія былъ тотъ-же смиренный ученикъ Климентовъ, перу котораго принадлежитъ и житіе Наума.* Только при такомъ допущеніи могутъ быть вполнѣ удовлетворительно объяснены означенныя выше выраженія, гдѣ рѣчь о Климентѣ и Симеонѣ является продолженіемъ несохранившагося предыдущаго текста. Въ пользу единства автора обоихъ житій говоритъ и сообщеніе Наумова біографа о томъ, что онъ искалъ житіе блаженныхъ отцовъ, написанное людьми, которые бы знали ихъ жизнь отъ начала и до кончины, но такого житія не могъ найти. Еслибы существовало иное житіе Климента, отличное отъ того, которое предшествовало житію Наума, то едвали оно могло бы остаться неизвѣстнымъ ученику ихъ, такъ старательно искавшему его. Самая безрезультатность поисковъ относительно раннѣйшихъ („отъ начала“) обстоятельствъ жизни учениковъ Меѳодія, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ скудости свѣдѣній въ греческомъ житіи Климента о раннѣйшемъ періодѣ его жизни. Мы ничего не находимъ здѣсь относительно его происхожденія и молодости и очень мало—относительно его дѣятельности до перехода изъ Маравіи въ Болгарію. Недостакъ извѣстій о первой половинѣ жизни Климента, проникшихъ въ литературный оборотъ, и относительное богатство извѣстій о дѣятельности его въ Македоніи находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что авторъ древне-славянскаго житія Климента, написавшій и житіе Наума, познакомился съ этими проповѣдниками и сдѣлался ихъ ученикомъ лишь послѣ прихода ихъ въ Македонію. О моравской катастрофѣ онъ узналъ только то, что̀ ему сами блаженные отцы сказали. Что же касается ихъ личной

жизни и дѣятельности, то, по согласному свидѣтельству житія Наума и греч. житія Климента, нѣкоторыя свои біографическія подробности они преднамѣренно скрывали отъ возможныхъ своихъ біографовъ: а другга потаннше за смѣренїе ѥ— говорится въ житіи Наума; ср. жит. Климена, гл. XXIV. Такимъ образомъ, главнымъ источникомъ обоихъ житій была непосредственная близость къ Клименту и Науму какого-то македонскаго славянина, послѣдователя ихъ.

Славянское житіе Климента и послужило основнымъ ядромъ всего разбираемаго нами греческаго памятника. Если въ послѣднемъ очистить это золотое ядро, съ одной стороны, отъ нагара благочестивыхъ измышленій, а съ другой— отъ риторическихъ прикрасъ и распространеній, то *получимъ въ основѣ сообщенія, совершенно соотвѣтствующія содержанію житія Наума*. Это относится и къ моравскому, и къ болгарскому періодамъ дѣятельности учениковъ свв. первоучителей.

Древнее житіе, составленное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, было впослѣдствіи обработано Θеофилактомъ на греческомъ языкѣ съ соблюденіемъ всѣхъ пріемовъ византійской агіографіи [1]). Рядомъ съ риторическими распространеніями, въ третьей части житія находимъ нѣсколько несомнѣнныхъ прибавокъ позднѣйшаго происхо-

---

[1]) Что славянскіе источники Θеофилакту были доступны и онъ ими могъ пользоваться, тому доказательство заключается въ сказаніи его о тиверіупольскихъ мученикахъ. Въ этомъ сочиненіи, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній о Борисѣ, въ частности о принятіи имъ имени Михаилъ въ честь императора, онъ ссылается на: *αὐτοί φασι*, т. е, говорятъ сами болгаре (§ 34). Здѣсь нельзя разумѣть простого только устнаго преданія. Въ означенномъ сочиненіи Θеофилактъ пользовался и письменными свидѣтельствами на славянскомъ языкѣ. Это слѣдуетъ изъ того, что онъ здѣсь даетъ подробный перечень болгарскихъ государей отъ Крума до Бориса, чего нѣтъ у другихъ византійскихъ писателей. Названіе народа *Аваровъ* у него не такое, какое обычно у греческихъ писателей—*Ἀβάροι*, но особенное, соотвѣтствующее славянскому произношенію—*Ὄμβροι* (§ 27). *Migne*, Patrol., gr., t. 126. Пользуясь славянскими источниками для своихъ историческихъ трудовъ, Θеофилактъ, съ своей стороны, былъ полезенъ славянской литературѣ своими богословскими сочиненіями. Есть основанія думать, что избранныя мѣста изъ его Толкованій на Новый завѣтъ были переведены на ц.-славянскій языкъ очень рано, едва-ли не

жденія. Сюда относятся, напр., сообщенія объ архіепископіи въ Охридѣ (XXIII) и о судьбѣ сочиненій Климента послѣ его смерти, при чемъ упоминаніе о сохраненіи послѣднихъ людьми трудолюбивыми авторъ сопровождаетъ ссылкой на слухъ (*φέρονται*—говорятъ), какъ на источникъ своихъ свѣдѣній (XXII). Очевидно, благодарная память потомства очень рано окружила личность Климента различными сказаніями, которыми и воспользовался Θеофилактъ при обработкѣ стараго источника. На счетъ Θеофилакта должно быть отнесено также и витіеватое заключеніе житія съ похвалою и молитвеннымъ обращеніемъ къ Клименту. Здѣсь есть указаніе на два историческихъ факта, современные позднѣйшему составителю. Въ обращеніи къ святому онъ говоритъ: „прогони злую ересь, которая, какъ язва, вкралась на пагубу нашего стада, въ особенности послѣ твоего успенія во Христѣ“ (XXIX). Вопреки почти единогласному мнѣнію комментаторовъ житія о томъ, что составитель имѣетъ въ виду здѣсь богомильскую ересь, мы думаемъ, что онъ молитъ Климента о разсѣяніи той ереси, полемика съ которой проходитъ у него черезъ все произведеніе,—т. е. ученія латинской церкви объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Такое пониманіе этого мѣста вполнѣ соотвѣтствуетъ основной тенденціи житія и полемическимъ интересамъ Θеофилакта, проявившимся и въ его спеціальномъ трактатѣ противъ латинянъ. Ближайшимъ поводомъ для борьбы съ ересью латинской было проникновеніе ея во время Θеофилакта въ предѣлы болгарской церкви, въ частности въ среду волошскихъ поселеній, разсѣянныхъ близъ Охриды и преимущественно въ средней Албаніи. У этихъ потомковъ римскихъ колонистовъ даже богослужебнымъ языкомъ въ XI—XII вв. былъ языкъ латинскій. Объ этомъ заключаемъ изъ одного письма Θеофилакта къ *діакону и проповѣднику Николаю*, гдѣ сказано: „если будешь говорить, что исходитъ Духъ отъ Сына въ смыслѣ изліянія и сообщенія, утверждая, что къ употребленію слова *исхожденіе* принуждаетъ бѣдность рѣчи и скудость *латинскаго языка*, то...“ онъ позволяетъ ему упо-

---

при его жизни, и въ видѣ безымянныхъ поученій разсѣялись по разнымъ сборникамъ.

треблять терминъ *исхожденіе* въ смыслѣ подаянія въ обыкновенномъ разговорѣ и церковныхъ собесѣдованіяхъ [1]).

Другое указаніе касается современной автору войны: „соблюди отъ варварскихъ нашествій неприкосновенными питомцевъ твоихъ, сохраняя насъ, какъ во всякое время, такъ въ особенности теперь, когда скорбь приблизилась, когда нѣтъ помогающаго, когда скиѳскій мечъ упился въ крови болгарской (*ὅτε σκυθικὴ μάχαιρα Βουλγαρικῶν αἱμάτων ἐμέθυσεν*), когда руки безбожниковъ мертвыя тѣла новыхъ чадъ твоихъ выбросили на съѣденіе птицамъ небеснымъ“ [2]). Напрасно новые и старые изслѣдователи стараются въ этомъ выраженіи найти основаніе для датировки нашего памятника. Болгарамъ такъ много и такъ часто приходилось вести войны какъ съ Византіей, такъ и съ разнообразными кочевниками, что, исходя изъ этихъ словъ, можно съ такимъ же основаніемъ опредѣлять возрастъ нашего памятника X, какъ и XII вѣкомъ. Единственный ключъ къ объясненію приведеннаго мѣста можно бы найти въ словахъ *σκυθικὴ μάχαιρα*. Но и имя *скиѳовъ* оставляетъ широкое поле для всякаго рода предположеній и догадокъ, такъ какъ оно, по выраженію Шафарика, было любимой побрякушкой византійскихъ писателей, навязывавшихъ его всѣмъ чужимъ, извѣстнымъ и неизвѣстнымъ, народамъ, обитавшимъ на сѣверѣ, отъ I-го до XII вѣка [3]). Преосв. *Филаретъ* видѣлъ въ приведенномъ мѣстѣ намекъ на вторженіе руссовъ съ Святославомъ во главѣ (966 г.); *Миклошичъ*—венгровъ, называемыхъ у византійскихъ писателей скиѳами и производившихъ опустошительные набѣги на Византійскую имперію въ 934, 943, 954 и 962 гг.; *Вороновъ*—печенѣговъ, которые во второй половинѣ XI вѣка еще жесточе венгровъ опустошали Болгарію и еще чаще называются у византійцевъ скиѳами. Принимая нашъ памятникъ за произведеніе Ѳеофилакта, основательнѣе всего видѣть здѣсь печенѣговъ въ союзѣ съ другими народами. Подъ 1087 годомъ *Анна Комнина* сообщаетъ о нападеніи на

---

[1]) Письмо это, повидимому, не издано ни у *Миня*, ни у его предшественниковъ. См. о немъ у *іеромон. Арсенія*, „Охридскій патріархатъ“ въ въ ж. *Духовн. Вѣстн.*, 1864, т. VIII, стр. 529—530.

[2]) Если только это мѣсто не есть позднѣйшая вставка, т. к. въ *Οὐρ. Κῳ.* его нѣтъ.

[3]) Славянск. Древн. въ русск. пер. I кн. 2, 21—22.

Византію угорскаго короля Соломона, въ союзѣ съ печенѣжскимъ ханомъ Челгу, объясняя, что войско его было набрано изъ савроматовъ, скиѳовъ и изъ дакійскаго ополченія. Изъ источниковъ угорскихъ извѣстно, что въ нашествіи 1087 г. участвовали троякаго рода элементы: 1) куманы, или половцы хана Кутеска, 2) угорскіе приверженцы Соломона и 3) главнымъ образомъ печенѣги [1]). Сопоставляя эти свидѣтельства, находимъ, что подъ скиѳами у Анны Комнины разумѣются печенѣги, подъ савроматами—половцы, а подъ дакійскимъ ополченіемъ по мнѣнію однихъ—валахи [2]) по мнѣнію другихъ—угры [3]). Необъятныя полчища смѣшанныхъ кочевниковъ въ 1088 году разбили императора Алексѣя Комнина подъ Дристрой и опустошили Болгарію [4]). Нелишне прибавить, что самый способъ выраженія въ приведенномъ мѣстѣ житія близко напоминаетъ собою обычныя сѣтованія Ѳеофилакта по поводу внѣшнихъ и внутреннихъ междоусобій, раздиравшихъ въ его время Болгарію. „Извнѣ сраженія, писалъ онъ, напр., *епископу Видина* [5]), внутри ужасы и нигдѣ помощника и союзника. Враги завываютъ и поднимаютъ голову и полагаютъ трупы рабовъ въ добычу пернатымъ (ср. „руки безбожниковъ мертвыя тѣла новыхъ чадъ твоихъ выбросили на съѣденіе птицамъ небеснымъ“ въ житіи), разливаютъ кровь вокругъ нашей столицы и нѣтъ погребающаго“. Очевидно, одно изъ такихъ сѣтованій мы находимъ и въ житіи Климента.

Изъ сдѣланнаго разбора простр. житія теперь можно извлечь достаточно прочные выводы для оцѣнки его, какъ историческаго источника. Цѣнность заключающагося въ немъ историческаго матеріала опредѣляется а) достоинствами источниковъ, легшихъ въ его основу, и б) отношеніемъ автора къ этимъ источникамъ. Житіе составлено на основаніи паннонскихъ житій, какого-то сказанія объ обращеніи Бориса въ христіанство и древняго славянскаго житія Климента, напи-

---

[1]) *Журн. мин. нар. просв.* 1879 г., ч. 204, стр. 170—171. *Васильевскій*, Критич. и библіогр. замѣтки.

[2]) *Успенскій*, Образ. втор. болгарскаго цар., 98.

[3]) *Васильевскій*, *Журн. мин. нар. пр.*, ч. 204, 171 стр.

[4]) *Herzberg*, Geschichte der Byzant. Berlin, 1883, S. 272—273.

[5]) *Migne*, Patrol. t. 126, c. 336—337.

саннаго его ученикомъ. Всѣ эти источники въ историческомъ отношеніи должны быть признаны весьма надежными. Но обработка, которой подверглись они подъ перомъ Θеофилакта, оказывается въ высшей степени *искусственной, тенденціозной* и *самовольной*. Искусственность обработки выразилась въ томъ, что въ житіе внесены всѣ особенности византійской житійной литературы. Витіеватое введеніе и заключеніе, масса изреченій св. Писанія, уподобленія, цѣлые полемическіе трактаты, пространныя рѣчи историческихъ лицъ, молитвы, риторическія прикрасы событій—всѣ эти мало оригинальныя подробности, составляющія въ общей сложности болѣе половины содержанія житія, лишены дѣйствительнаго историческаго значенія. Тенденціозность сказалась въ томъ, что авторъ, увлекшись полемикой съ латинскимъ догматомъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, къ этому вопросу свелъ всю борьбу учениковъ Меѳодія съ нѣмецкимъ духовенствомъ, а вопросъ о богослужебномъ употребленіи ц.-славянскаго языка, игравшій въ этой борьбѣ огромную роль, оставилъ безъ вниманія. Самовольность автора выразилась въ слишкомъ бѣгломъ, сокращающемъ пересказѣ паннонскихъ житій; поэтому исторія Кирилла и Меѳодія въ изложеніи житія лишена серьезнаго историческаго значенія, за исключеніемъ развѣ упоминанія объ участіи ихъ въ дѣлѣ просвѣщенія Болгаріи и ея князя Бориса. Что касается собственно древняго житія Климента, то его фактическая основа, среди риторическихъ прикрасъ и нѣкоторыхъ частныхъ измѣненій, *въ общихъ чертахъ своихъ сохранилась сравнительно въ удовлетворительномъ видѣ, — и въ этомъ главная цѣнность разобраннаго памятника.* Нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, вмѣстѣ съ о. Снопкомъ, думать, что въ житіи смѣшаны два Климента въ одно лицо, какъ нѣтъ основанія отрицать, что Климентъ— епископъ и писатель — былъ ученикомъ свв. Кирилла и Меѳодія, и отрывать его имя отъ знаменательнаго факта перехода учениковъ ихъ изъ Моравіи въ Болгарію. *И это событіе, и участіе въ немъ Климента, при свѣтѣ житія Наума и другихъ указанныхъ свидѣтельствъ, должны быть признаны фактами несомнѣнной исторической дѣйствительности.* Отсюда и съ составителя житія слѣдуетъ снять обвиненіе въ преднамѣренной фальсификаціи и нужно видѣть

въ немъ просто тенденціознаго и мѣстами неумѣлаго историка. И если И. И. Срезневскій когда-то назвалъ Голубинскаго его суровымъ прокуроромъ, который замѣчаетъ въ его произведеніи одни только погрѣшности и не хочетъ знать достоинствъ, то безпристрастнымъ судомъ критики должно быть вынесено относительно него заключеніе: виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія. Его сообщенія относительно жизни и дѣятельности Климента, очищенныя отъ тенденціознаго освѣщенія, риторическихъ прикрасъ и частныхъ погрѣшностей, зависѣвшихъ отъ недостатка его историческаго кругозора, должны послужить основой для біографіи святителя.

II. Краткое житіе св. Климента.

Другой, гораздо меньшій по объему и по количеству сообщаемыхъ свѣдѣній, источникъ для исторіи Климента—краткое житіе его. Извѣстны слѣдующія изданія этого житія: 1) Въ *Ἀκολουθία τῶν ἁγίων ἑπταρίθμων, ἐν Μοσχοπόλει, ἐν ἔτει* [1]). 2) *В. И. Григоровичъ* въ 1845 году нашелъ въ Охридѣ новый списокъ въ пергаменной ркп. XIII в. [2]) и издалъ его съ нѣкоторыми варіантами по изданію въ *Ἀκολουθία*, съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями [3]). 3) *Шафарикъ* напечаталъ по списку, доставленному проф. *Курціемъ*, съ латинскимъ переводомъ послѣдняго [4]). 4) *Бильбасовъ* переиздалъ текстъ Шафарика [5]). 5) *Балмичевъ* издалъ, вмѣстѣ съ службами въ честь Климента, славянскій переводъ житія, помѣщенный послѣ 6 пѣсни канона, по ркп. (? вѣка) А. Чакърова, снабдивъ славянскій текстъ греческимъ по ркп. охри-

---

1) Этого изданія не слѣдуетъ смѣшивать съ москопольскимъ изданіемъ 1741—2 гг Хотя *Ἀκολ. ἑπταρ.* входитъ и въ послѣднее, но синаксарнаго житія Климента тамъ нѣтъ.

2) *Миклошичъ* находитъ основаніе относить эту ркп. къ началу XIV в. Vit. Clem., XXII.

3) Изысканія о слав. апостолахъ, произведенныя въ странахъ Европ. Турціи. *Журн. мин. нар. пр.*, 1847, ч. 53, стр. 1—28.

4) Památky hlaholského pisemnictvi, V Praze, 1859, LVII—LIX. На чешскій языкъ переведено трудами Шафарика и Григоровича. Čas. Mus. Č., 1847, V, 516—521.

5) Кир. и Меѳ., II, 301—306.

дянина Бодлева и латинскимъ переводомъ Курція [1]). 6) Славянскій переводъ изданъ также *Йорданомъ Ивановымъ*—по рукописному прологу XV в. *Зографскаго мон.* [2]). 7) Въ новогреческой передѣлкѣ житіе вошло въ *Συναξαριστὴς Νικοδήμου Ἁγιορείτου* (*ἐν Κωνσταντινουπόλει*, 1842), подъ 22 ноября. По словамъ *аѳонита Никодима*, въ основѣ изданнаго здѣсь текста лежитъ древняя рукопись, найденная имъ въ аѳонскомъ протатѣ. Кромѣ того, онъ имѣлъ у себя пространное житіе въ изданіи Памперея и *Οὐρ. Κρίσις*, откуда внесъ нѣкоторыя свѣдѣнія отчасти въ основной текстъ, отчасти въ примѣчанія. 8) *Μέγας συναξαριστὴς πάντων τῶν ἁγίων... ὑπὸ Λουκάκη* (*Ἐν Ἀθήναις*. 1896). Дословная перепечатка текста и примѣчаній изъ синаксариста Никодима. Кромѣ указанныхъ изданій намъ извѣстенъ еще одинъ греческій списокъ житія въ ркп. аѳонскаго *Пантелеимон. мон.* № 201, новаго письма, лл. 427—8. По сравненію съ изданіями Григоровича и Шафарика этотъ списокъ заключаетъ въ себѣ варіанты, въ большинствѣ случаевъ совпадающіе съ особенностями текста, вошедшаго въ *Ἀκολουθία* и отмѣченными Григоровичемъ [3]).

Несомнѣнно, что краткое житіе составлено на основаніи пространнаго и появилось въ свѣтъ послѣ него [4]). Авторъ пря-

[1]) Клим. Слов., кѣ—ѯ.

[2]) Български стар., 59—63.

[3]) У *Ламброса*, въ Catalogue on the greek manuscr. on m. Athos, II, свѣдѣнія объ этой ркп. на стрр. 320—2. Житіе Климента тамъ не отмѣчено. За указаніе и предоставленіе фотографич. снимка съ этого текста приношу благодарность проф. *П. А. Лаврову*.

[4]) Литература, посвященная краткому житію, значительна. Наиболѣе интересны слѣдующія изслѣдованія и замѣтки. *Šafařik*, Ueber den Ursprung und die Heimath d. Glagolit. Prag. 1858. S. 4—6. *Ламанскій*, О славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи. СПБ. 1859. 153—4. *Викторовъ*, Посл. мнѣніе Шафарика о глаголицѣ въ *Лит. русск. лит. Тихонравова*, т. II (1859), 105 и сл. *Гильфердингъ*, Кир. и Мее. въ Собр. соч. I т. 320—323. *Leskien*, Zur Kritik d. kürzeren Legende v. h. Clemens въ *Arch. f. sl. Phil.* (1879), III S. 79—83. *Вороновъ*, Главн. ист., 139—145. *Голубинскій*, Св. Конст. и Мее. 62—63. *Сырку*, Служба св. Меѳодію. *Фил. Вѣстн.* (1887) XVII, 76—85. Ср. *его-же* Время и жизнь патр. Евѳимія Терн. СПБ. 1898 516 и сл. *Jagić*, Die Neusten Forschungen über die slav. Apostel. *Arch. f. sl. Phil.*, 1880, IV, S. 115. Zur Entstehungsgesch. d. kirchenslav. Sprache. 1900. *Pastrnek*, Dejin. slov. apost. 31. *Баласчевъ*, Климентъ еп. Слов. LIX—LXVIII. *Милетичъ*, Къмъ Самуиловия надписъ отъ 993 г. *Изв. русск. археол. Институт. въ К-лѣ*, 1899, IV вып. I, 17, и др.

мо указываетъ на это, когда свой разсказъ о гоненіяхъ на Климента и его учителей со стороны еретиковъ сопровождаетъ указаніемъ: *ὡς ἡ κατ' αὐτοὺς διεξοδικὴ ἱστορία διέξεισιν*, „какъ разсказываетъ подробная ихъ исторія“ (§ 5). Въ сущности краткое житіе сокращенно и въ общихъ чертахъ повторяетъ основныя извѣстія своего источника, еще больше, чѣмъ въ послѣднемъ, изукрашенныя риторикой и поученіемъ, примѣнительно къ требованіямъ богослужебнаго употребленія житія въ качествѣ синаксаря. Такъ, о подвигахъ Климента, объ отношеніи его къ Меѳодію и Кириллу, о пребываніи ихъ въ Римѣ, о построеніи Климентомъ храмовъ и монастыря въ Охридѣ, о книгахъ, оставленныхъ имъ въ Охридѣ, объ ученіи и чудесахъ, объ отношеніяхъ его къ Борису—Михаилу, о намѣреніи его въ старости отказаться отъ епископской каѳедры и о его сочиненіяхъ—говорится то-же, что и въ пространномъ житіи, только съ сокращеніями и измѣненіями, не всегда удачными, а иногда прямо невѣжественными. Слишкомъ поверхностный характеръ пересказа и недостаточная историческая освѣдомленность автора имѣли своимъ слѣдствіемъ цѣлый рядъ историческихъ несообразностей, анахронизмовъ и искаженій подлинника. Такъ, переводъ св. Писанія приписывается одному Кириллу (2); Клименту приписывается крещеніе Бориса—Михаила, изъ котораго дѣлаются два лица; Михаилъ становится сыномъ Бориса и смѣшивается съ Симеономъ (12); Меѳодій возводится папою въ санъ архіепископа Моравіи и Болгаріи, а Климентъ, епископъ всего Иллирика, дѣлается подчиненнымъ ему (6—7). Но кромѣ такихъ сообщеній, которыя легко объяснить изъ бѣглаго пересказа пространнаго житія, здѣсь есть нѣкоторыя данныя, ведущія свое происхожденіе изъ другихъ источниковъ.

Въ первыхъ строкахъ житія о происхожденіи Климента авторъ говоритъ: *τὸ μὲν γένος εἶλκεν ἐκ τῶν Εὐρωπαίων Μυσῶν, οὓς καὶ Βουλγάρους ὁ πολὺς εἶδεν ἄνθρωπος*, „онъ производилъ родъ свой отъ *европейскихъ мизовъ*, которыхъ простой народъ называетъ болгарами“. И далѣе такъ объясняетъ появленіе мизовъ: „въ древности вытѣсненные рукою и властью Александра изъ-подъ Олимпа, что близъ Прузы, къ Сѣверному океану и Мертвому морю, они, по прошествіи многихъ лѣтъ, огромною силою перешли Дунай и заняли всѣ смежныя

земли: Панноніи, Далмаціи, Θракіи и Иллирикъ, а также значительную часть Македоніи и Θессаліи“ (1). Названіе болгаръ—*мизами*, а Болгаріи—*Мизіей* обычно у византійскихъ писателей. Чтобы не повторять примѣровъ, уже не разъ приводившихся изслѣдователями, достаточно указать на надпись, сохранившуюся на одной изъ стѣнъ церкви св. Софіи въ Охридѣ: *ὁ Γρηγόριο(ς?)... σκηνὴν ἐγείρας τὸν θεόγραφον νόμον· ἔθνη τὰ ἐῶν Μυσῶν ἐκδιδάσκει πανσόφως. ἔτους ϛωκέ*, т. е., „Григорій (архіеп. Охридскій), воздвигшій храмъ, научаетъ народы *мизовъ* богописанному закону всемудро. 6825 (=1317)“ [1]). Эта надпись свидѣтельствуетъ о томъ, насколько прочно укоренилось къ 14 вѣку названіе болгаръ мизами въ самой Охридѣ, однимъ изъ владыкъ которой, какъ увидимъ, вѣроятно было написано и житіе. Свѣдѣніе о мѣстопребываніи древнихъ мизовъ при Олимпѣ въ Малой Азіи находитъ себѣ параллели у другихъ византійскихъ писателей, напр., у *Зонары* (*...τῆς Μυσίας, τῆς πρὸς τῷ Ὀλύμπῳ* [2]). О переселеніи въ 4 вѣкѣ до Р. Х. нѣкоторыхъ θракійскихъ племенъ, тѣснимыхъ Александромъ Вел. къ сѣверу, также есть свидѣтельства, хотя мизы къ этимъ племенамъ въ нихъ не причислены [3]). Такимъ образомъ, сообщенія житія о мизахъ отражаютъ за собою вполнѣ опредѣленныя представленія византійскихъ писателей, нашедшія себѣ мѣсто въ памятникахъ, и только подробность о передвиженіи мизовъ при Александрѣ Македонскомъ, повидимому, лишена соотвѣтствующихъ параллелей.

Другое дополнительное сообщеніе житія, заслуживающее вниманія, касается епархіи Климента: онъ былъ поставленъ епископомъ *всего Иллирика*, при чемъ Охрида, или Лихнидъ, была *митрополіей окружныхъ городовъ Иллировъ*. Это сообщеніе, сообразно съ догадками Григоровича и Воронова [4]), можетъ быть удовлетворительно объяснено изъ книжныхъ свѣдѣній автора о значеніи Первой Юстиніаны, съ которой онъ какъ будто отождествляетъ Охриду. Такъ какъ Первая Юстиніана была митрополіей всего Иллирика, то сближая,

---

1) Надпись эта въ числѣ другихъ охридскихъ надписей была издана уже много разъ. См., напр., у *Йорд. Иванова*, Български стар., 211.

2) *Migne*, Patr. gr., т. 134, col. 773—4.

3) *Воронова*, 144.

4) *Григоровичъ*, Изысканія, 7 и сл.; *Воронова*, ор. с. 181—2.

а можетъ быть, уже и отождествляя съ ней Охриду и дѣлая Климента епископомъ Охриды, онъ и его епископію отождествляетъ съ Иллирикомъ. Что оба указанныя сообщенія, дѣйствительно, восходятъ къ существовавшему во время автора преданію о происхожденіи Климента отъ мизовъ-болгаръ и объ епископской власти его надъ всѣмъ Иллирикомъ, это доказывается однимъ изъ житій Наума, до сихъ поръ остающимся мало замѣченнымъ въ литературѣ. Это житіе нужно отличать, съ одной стороны, отъ древняго славянскаго житія Наума, а съ другой отъ позднѣйшаго греческаго, составленнаго кѣмъ-то изъ москопольцевъ и вошедшаго въ извѣстную москопольскую книгу аколуеій, а оттуда перепечатаннаго *Гильфердингомъ* [1]). Славянскій текстъ его, представляющій собою, очевидно, переводъ съ греческаго, изданъ,—къ сожалѣнію, совершенно неудовлетворительно,—по ркп. XVI в. въ *Гласникѣ* [2]). Оно составлено на основаніи пространнаго житія Климента, но съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ свѣдѣній, при чемъ въ передачѣ историческихъ фактовъ въ немъ нѣтъ той спутанности и грубыхъ погрѣшностей, какими отличается позднѣйшее житіе Наума [3]). Для насъ важно, что дополнительныя свѣдѣнія

---

[1]) *Русск. Бес.* 1859. II, 136—144.

[2]) *Гласникъ срп. уч. др.* 1885, кн. 63. *Ковачевић.* Неколико прилога за црквену и полит. историју јужних словена, 1—4. Ркп. подарена была *Іорданомъ Х. Константиновичемъ* покойному проф. *Панте Сречковичу*, который упоминаетъ о ней въ своей *Истор. српскога народа*, кн. I, стр. 303. Въ настоящее время не поступила-ли она въ библ. Бѣлградской дух. семинаріи вмѣстѣ съ другими ркп. Сречковича?

[3]) Переводнымъ считать это житіе слѣдуетъ на основаніи языка. Нѣкоторыя погрѣшности его естественнѣе всего отнести на счетъ славянскаго переписчика (волхвъ Виглиско вм. Вихингъ, Радиславъ вм. Боритаканъ, Мынсія вм. Мисія). Къ числу интересныхъ подробностей житія относится упоминаніе о построеніи Наумомъ обители въ честь арх. Михаила съ богатствомъ (=на средства?) и повелѣніемъ благочестиваго царя блъгарскаго Міхаила Борнша и сына его Сумеона царя, тогда текуштє лѣто ѕѵѳ (=905). Заслуживаетъ вниманія также замѣчаніе о томъ, что послѣ смерти Наума съпрѣставлєт сѣ ѵстноє тѣло ѥго божєстѣнымн рѵкамн архіерєа Христова Климента. О томъ, что Наумъ умеръ раньше Климента, говоритъ и древнее славянское житіе перваго. Къ сожалѣнію, намъ остался неизвѣстенъ греческій текстъ житія, на который можно возлагать нѣкоторыя надежды относительно уясненія того темнаго мѣста славянскаго перевода, гдѣ рѣчь идетъ о мѣстѣ епископскаго служенія Климента.

этого полузабытаго житія, касающіяся Наума, стоятъ въ связи съ обѣими отмѣченными выше особенностями краткаго житія Климента. О происхожденіи Наума въ его житіи говорится: **Сѣн прѣподобны и велнкїи отѣцъ Наумъ прозѣвѣ въ Мнйсїю**. Древнѣйшее славянское житіе Наума называетъ его *братомъ* Климента, вѣроятно, въ прямомъ смыслѣ, такъ какъ въ переносномъ— не принято было называть епископа братомъ священника или простого монаха. Слѣдовательно, упоминанія о происхожденіи Климента и Наума отъ болгаръ-мизовъ въ житіяхъ обоихъ должны восходить къ одному общему преданію. Далѣе мѣсто дѣятельности Климента и Наума въ житіи послѣдняго изъ нихъ опредѣляется, какъ „страны Иллирійскія и Лихнидонскія", что́ также соотвѣтствуетъ показанію житія Климента объ его епископствѣ надъ всѣмъ Иллирикомъ. За обѣими совпаденіями видна общность источника,— письменнаго или устнаго,—распространеннаго на берегахъ Охридскаго озера и использованнаго составителемъ житія Климента въ интересахъ полноты біографическихъ сообщеній. Разумѣется, онъ не входилъ въ критическую оцѣнку позаимствованныхъ свѣдѣній, потому что такая оцѣнка была ему мало доступна и мало его интересовала. На самомъ дѣлѣ, если сказаніе о Климентѣ-епископѣ всего Иллирика явилось результатомъ перенесенія на Охриду историческихъ свойствъ Первой Юстиніаны, то преданіе о болгарскомъ происхожденіи Климента является литературнымъ фактомъ, съ которымъ біографу Климента такъ или иначе слѣдуетъ считаться.

Какъ на источникъ своихъ свѣдѣній, составитель житія ссылается еще на монументальные памятники, сохранившіеся до его времени. Вслѣдъ за упоминаніемъ объ уцѣлѣвшихъ книгахъ, писанныхъ рукою Климента и уважаемыхъ народомъ, онъ продолжаетъ: „можно видѣть въ Главеницѣ также и столбы каменные сохранившіеся, на которыхъ начертаны письмена, изображающія обращеніе ко Христу и утвержденіе всего народа" (10). Къ сожалѣнію, изъ этихъ словъ не видно, касаются-ли надписи на столбахъ біографіи Климента, или ему принадлежитъ самое устройство столбовъ съ надписями, но достовѣрность упоминанія нашего памятника можно считать несомнѣнной. Обычай употребленія столбовъ для увѣковѣченія памяти о выдающихся событіяхъ и лицахъ

былъ очень распространенъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ частности у болгаръ. Уже открыто немало такихъ столбовъ съ надписями изъ древней болгарской исторіи,—напр., столбы Омортага, Симеона, Асѣня II и др.

Наиболѣе важное свидѣтельство житія касается славянской азбуки. Составитель говоритъ о Климентѣ: *ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτῆρας ἑτέρους* [*вар. ἑτέρων* [1])] *γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον, ἢ οὓς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος*, т. е. „онъ изобрѣлъ также знаки другіе письменъ [*вар.*: другихъ или нѣкоторыхъ письменъ] для бо́льшей ясности, отличные отъ тѣхъ, которые изобрѣлъ мудрый Кириллъ“. Стремленіе объяснить это загадочное мѣсто породило въ литературѣ разнообразіе мнѣній, дѣлающее до сихъ поръ открытымъ вопросъ объ его историческомъ достоинствѣ. Послѣднее обычно опредѣляется двоякимъ путемъ: критическимъ анализомъ всего житія, или же подробнымъ разсмотрѣніемъ вопроса о двухъ азбукахъ—глаголицѣ и кириллицѣ. Но анализъ житія самъ по себѣ не можетъ дать основаній для окончательнаго принятія или непринятія этого свидѣтельства. Житіе представляетъ собою обработку крайне разнообразнаго, по своему происхожденію, матеріала,—какъ историческаго, такъ и основаннаго на преданіяхъ или на монументальныхъ памятникахъ, иногда легендарнаго или основаннаго на неумѣломъ обращеніи автора съ источниками и потому явно несообразнаго. При такомъ разнообразіи источниковъ, достовѣрность свидѣтельства объ изобрѣтеніи Климентомъ новыхъ письменъ можетъ быть признана и можетъ быть опровергнута—въ зависимости отъ цѣлаго ряда другихъ данныхъ, относящихся къ исторіи алфавитовъ. Однакожъ, не выходя за предѣлы содержанія и текста житія, можно думать, что оно, вопреки мнѣніямъ *Лескина* [2]), *Гильфердинга* [3]) и *Голубинскаго* [4]), не есть амплификація или результатъ недоразумѣнія автора въ отношеніи къ тѣмъ мѣстамъ пространнаго житія, въ которыхъ идетъ рѣчь объ обученіи дѣтей начертанію письменъ

[1]) Такъ въ *Ἀκ. ἐπτ.* и въ ркп. *Пантел.* мон. *Ἕτερος* въ средневѣковомъ греческомъ значитъ не только *другой*, но и *нѣкоторый*=*τις*=ц.-слав. **ѥтеръ**.

[2]) *Areh. f. sl. Phil.* III, S. 83.

[3]) Собр. соч. I, 320—3.

[4]) Конст. и Мее. 62—3.

или объ изобрѣтеніи имъ простыхъ и ясныхъ (σαφεῖς) поученій. На основаніи аналогіи съ другими разобранными сообщеніями, можно думать, что и это свидѣтельство восходитъ къ вполнѣ опредѣленному преданію, пользовавшемуся большимъ довѣріемъ во время составленія житія.

Что касается времени составленія житія, то старое мнѣніе Шафарика о принадлежности его X вѣку давно уже уступило мѣсто въ ученой литературѣ убѣжденію въ болѣе позднемъ происхожденіи его. Крайній предѣлъ, позже котораго не могло появиться житіе, опредѣляется обычно XIII-мъ вѣкомъ, къ которому отнесена Григоровичемъ рукопись съ изданнымъ имъ текстомъ. Предположительно время написанія его относятъ къ XII вѣку (*Викторовъ*), частнѣе—къ первой половинѣ XII в. на основаніи предполагаемой зависимости отъ него Дюканжева каталога, составленнаго, по Голубинскому, въ половинѣ XII в. (*Лескинъ*), или на основаніи еще не вполнѣ ясно выраженнаго въ немъ отождествленія Охриды съ Первой Юстиніаной (*Вороновъ*); относятъ его также ко второй половинѣ XII в. и даже ко времени не ранѣе первой четверти XIII—на основаніи предполагаемой зависимости житія отъ Дюканжева каталога (*Дриновъ*). Намъ кажется, вопреки мнѣнію Воронова, въ самомъ житіи можно найти нѣкоторыя данныя для опредѣленія эпохи его написанія. Если сопоставить съ краткимъ житіемъ пространное, невольно бросается въ глаза въ первомъ изъ нихъ какое-то особенно тенденціозное обращеніе автора съ этнографическими и географическими терминами, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. Авторъ положительно избѣгаетъ называть болгаръ ихъ собственнымъ именемъ и предпочитаетъ ему названіе *Μύσοι* (§§ 1, 2, 5, 7), считая терминъ *Βουλγάροι* простонароднымъ. Производя родъ Климента отъ европейскихъ мизовъ, онъ замѣчаетъ о нихъ: *οὓς καὶ Βουλγάρους ὁ λοὺς εἶδεν ἄγθρωπος*, т. е. которыхъ простой народъ называетъ болгарами [1]). Общепринятыя славянскія названія городовъ и странъ такъ же не симпатичны ему, какъ симпатичны греческія. О мѣстѣ жизни и дѣятельности Климента житіе

---

[1]) Въ латинскомъ переводѣ *Курція* читаемъ: quos Bulgaros vulgus novit (Pam. hlaholského pisemn, p. LVII). У *Григоровича* переведено: „которыхъ обыкновенно признаютъ болгарами“ (*Журн. мин. нар. просв.* 1847, г. 53, 14).

повѣствуетъ: „проводилъ онъ жизнь въ Лихнидонѣ, городѣ Иллировъ, митрополіи окружныхъ городовъ, называемой теперь на языкѣ мизовъ Охрида, и въ городѣ Кефалоніи, которая на болгарскомъ языкѣ именуется Главиница“ (7). И дальше болгарскія названія уступаютъ мѣсто греческимъ (*ἐν τῇ Κεφαλονίᾳ*—10—вм. Главиница) или стоятъ тѣ и другія рядомъ (*ἐν τῇ Λυχνίδῃ ταύτῃ καὶ Ἀχρίδι*.. 8). Просто *ἐν τῇ Ἀχρίδι*, безъ соотвѣтствующей греческой параллели, употреблено только одинъ разъ (9). Едва-ли можно оспаривать, что пренебреженіе къ болгарскимъ названіямъ народа и городовъ имѣетъ болѣе основательную причину, чѣмъ простую національную гордость автора-грека. Ключъ къ уясненію этой тенденціозной черты нашего памятника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ рѣшенію вопроса о времени происхожденія его, кажется, можетъ дать характеръ отношеній грековъ къ болгарамъ въ эпоху подчиненія послѣднихъ первыми въ XII в. По наблюденіямъ *Ѳ. И. Успенскаго*, съ тѣхъ поръ какъ Болгарія потеряла свою независимость при имп. Василіи II, византійское правительство всѣми силами стремилось подчинить эту провинцію греческому господству, подавить славянскую національность, ввести здѣсь византійскую администрацію, устройство, судъ, систему податей и т. д. Въ интересахъ византійской политики было—какъ можно менѣе позволять говорить о *болгарахъ*. Поэтому въ XII в., особенно при Іоаннѣ и Мануилѣ Комнинахъ (1118—1180), самое имя Болгаріи и болгаръ какъ будто было изъято изъ обращенія; оно не упоминается больше у писателей XII в., а если и встрѣчается, то не въ политическомъ и не въ этническомъ смыслѣ. *І. Кинна̀мъ* и *Н. Акоминатъ* старательно избѣгаютъ называть болгаръ ихъ собственнымъ именемъ. Подъ перомъ византійскихъ писателей этой эпохи оно замѣняется именемъ мизовъ, волоховъ, обитателей Балканскихъ горъ, загорцевъ. Въ XIII в., когда Болгарія счастливо окончила начатую съ Византіей борьбу, этнографическій и географическій терминъ *Болгарія* снова пріобрѣтаетъ утраченное прежде значеніе [1]). Отмѣченные признаки нашего памятника, какъ нельзя болѣе, отвѣчаютъ тенденціи

[1]) *Успенскій*, Образов. втор. болгарскаго царства, 57, 103—105. *Arch. f. slav. Phil.*, XXI (1899), S. 546. *Irecek.* Die cyrillische Inschrift v. Jahre 993.

византійскихъ писателей XII в. Въ своемъ стремленіи слѣдовать современной византійской политикѣ авторъ житія доходитъ до прозрачныхъ намековъ на то, что болгары являются лишь насельниками на чужой имъ землѣ: *Κλήμης εἰς τὸν ἐπισκοπικὸν θρόνον ἀνάγεται παντὸς τοῦ Ἰλλυρικοῦ καὶ τοῦ κρατοῦντος τῆς χώρας Βουλγαρικοῦ ἔθνους*, т. е. „Климентъ возведенъ на престолъ епископскій всего Иллирика и обладающаго землею народа болгарскаго“ (6). Естественно думать, что такъ выражаться и преслѣдовать такія тенденціи могъ только грекъ, жившій въ эпоху подчиненія болгаръ грекамъ, скорѣе всего во второй половинѣ XII в. или въ началѣ XIII-го.

Въ виду того, что житіе представляетъ собою синаксарь, предназначенный для цѣлей богослужебнаго употребленія, весьма правдоподобнымъ кажется предположеніе Баласчева, что оно написано однимъ изъ составителей службъ—охридскихъ архіепископовъ. Такимъ составителемъ не могъ быть ни Константинъ Кавасила (1255—1260), ни Григорій (нач. 14 в.), потому что время жизни ихъ не совпадаетъ съ указанными внутренними признаками житія и въ частности потому, что службы перваго изъ нихъ не переведены на славянскій языкъ, какъ синаксарь. *Естественнѣе всего видѣть автора въ Димитріи Хоматіанѣ, архіепископѣ Охридскомъ конца XII и начала XIII вв.* Впрочемъ, коллективный составъ службъ дѣлаетъ возможнымъ предположеніе и о принадлежности синаксаря какому-нибудь иному автору, не упоминаемому въ надписаніяхъ каноновъ.

III. Службы св. Клименту.

Извѣстны три, уже отмѣченныя нами, изданія службъ Клименту: а) *москопольское* 1742 *г.*, б) *венеціанское новогреческое* 1784 *г.* и в) изданіе *Баласчева*, съ славянскимъ переводомъ. По своему составу и распредѣленію богослужебнаго матеріала всѣ эти изданія значительно различаются между собой. Въ москопольскомъ изданіи по сравненію съ венеціанскимъ есть два лишнихъ канона—Константина Кавасилы и Димитрія Хоматіана. Венеціанское, въ свою очередь, отличается отъ москопольскаго особенными стихирами

и распредѣленіемъ пѣснопѣній малой и великой вечерни; кромѣ того, здѣсь бросается въ глаза значительное количество дополненій и измѣненій древняго текста службъ примѣнительно къ чествованію главы Климента въ монастырѣ Продрома. Въ греческихъ службахъ, изданныхъ Баласчевымъ по списку охридянина Бодлева, восходящему къ пергаменнымъ минеямъ, есть пѣснопѣнія, не встрѣчающіяся въ предыдущихъ изданіяхъ, а также здѣсь нашелъ себѣ мѣсто новый канонъ Димитрія Хоматіана. Славянскій переводъ нѣкоторыхъ службъ Димитрія, Григорія и Θеофилакта напечатанъ Баласчевымъ по рукописи, принадлежащей частному лицу [1]). Время перевода службъ на славянскій языкъ, по мнѣнію издателя, нужно отнести къ нач. XIII в., на томъ основаніи, что канона архіепископа Константина Кавасилы, жившаго въ половинѣ этого вѣка, недостаетъ на славянскомъ языкѣ. Однакожъ, это заключеніе не мирится съ славянскимъ переводомъ пѣснопѣній Григорія, охридскаго іерарха XIV в. Баласчевъ допускаетъ существованіе какого-то другого епископа съ этимъ именемъ, которому и приписываетъ составленіе службы. Но извѣстный изъ *соборнаго синодика* Григорій [2]) не былъ Охридскимъ архіепископомъ; онъ жилъ еще до архіеп. Филиппа, при которомъ архіепископская каѳедра была перенесена въ Охриду, и потому не могъ имѣть и титула архіепископа Первой Юстиніаны, какой приписывается Григорію—составителю службы въ ея надписаніи [3]). Если къ этому прибавить, что названіе Димитрія Хоматіана ученикомъ Θеофилакта, нашедшее себѣ мѣсто въ слав. переводѣ, возможно было для переводчика, уже забывшаго столѣтній

---

[1]) Ни описанія этой ркп., ни даже приблизительнаго опредѣленія времени ея написанія у Баласчева нѣтъ.

[2]) *Голубинскій.* Краткій оч. ист. пр. ц. 36.

[3]) Нужно допустить, что въ XIV в. было два Григорія, архіепископы Охридскіе. Объ одномъ, жившемъ въ 20-хъ гг., см. у *Голубинскаго*, Краткій оч., 127. О другомъ заключаемъ изъ надписи 1378 года, сохранившейся въ охридской церкви Стараго Климента. *Μαργαρίτης Δήμιτσας, Ἡ Μακεδόνια ἐν λίθοις θεγγομένη*... 1896. *Иванова*, Бълг. стар., 214, и др. У *Милюкова*, Христіанскія древн. западной Македоніи (*Изв. Русск. Арх. Инст. въ Констант.* 1899. IV—I стр. 95), надпись издана съ ошибкой въ датѣ.

періодъ, раздѣлявшій этихъ іерарховъ, то для насъ станетъ несомнѣннымъ, что переводъ принадлежитъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ XIII вѣкъ [1]).

Объединяя данныя, заключающіяся въ разныхъ изданіяхъ, мы видимъ, что составленіе службъ Клименту есть дѣло самыхъ видныхъ охридскихъ владыкъ. Съ именемъ *Θεοφιλακτα* въ изд. Баласчева извѣстны два пѣснопѣнія великой вечерни и канонъ съ акростихомъ: *Κλήμεντος μέγα κῦδος ἐν ὕμνοις ἐξοχα μέλπω. Димитрію Хоматіану*, занимавшему Охридскую каѳедру въ концѣ XII и нач. XIII вѣка [2]), принадлежатъ четыре канона. Три изъ нихъ вошли въ москопольское изданіе съ акростихами: 1) *Αὕτη τετάρτη μελῳδία τοῦ Βουλγαρίας;* 2) *Τὴν ὀγδοάδα τῶν μελῶν, Κλήμη, δέχου τοῦ Βουλγαρίας;* 3) *Κανὼν παρακλητικός ...οὗ ἀκροστιχίς· Μέλος στεταγμοῦ Κλήμεντα Δημητρίου τοῦ Βουλγαρίας.* Четвертый—у Баласчева, съ акростихомъ: *Κλήμεντα τιμῶ, ποιμετάρχης Βουλγάρων, Δημήτριος.* Изъ первыхъ двухъ акростиховъ видно, что Димитрій Хоматіанъ написалъ цѣлыхъ восемь каноновъ въ честь Климента—по числу 8-ми гласовъ [3]); изъ нихъ четыре остаются еще неизвѣстными. *Константинъ Кавасила*, сначала архіепископъ Тиверіупольскій и митрополитъ Дирахійскій, а потомъ (около 1260 г.) архіеп. Охридскій, авторъ службы св. Науму, посвятилъ и Клименту канонъ съ акростихомъ: *Καλάσιλίς σοι δεύτερον πλέκει κρότον ὁ Βουλγαρίας Κλήμη* (мосх. и вѣнск. изд.). Имя архіеп. *Григорія* въ славянскомъ переводѣ имѣютъ стихиры на Господи воззвахъ, на литіи, на стиховнѣ, тропарь и сѣдальны. *Козьмѣ*, Драчскому митрополиту XVII в., уроженцу Охриды, принадлежатъ *ἐγκώμια τοῦ ἁγ. Κλήμεντος.*

Цѣнность службъ, какъ историческаго источника, весьма незначительна. Извѣстно, что въ службахъ святымъ принято было очень мало касаться фактическихъ данныхъ ихъ біографіи. Автору достаточно было знать два—три факта изъ жизни прославляемаго лица, чтобы на нихъ построить

---

[1]) Въ исправленномъ видѣ, для цѣлей богослужебнаго употребленія, слав. служба Клименту издана недавно настоятелемъ Зографскаго монастыря о. Каллистратомъ.

[2]) *Голубинскій*, Краткій очеркъ, 123—4.

[3]) *Παπαδόπουλος—Κεραμεύς. Βυζαντινὰ Ἀνάλεκτα* въ *Byz. Zeitschr.*, VIII, стр. 76.

молитвы и похвалы по готовымъ, традиціоннымъ образцамъ. И въ службахъ Клименту нашли себѣ преобладающее мѣсто такія общія, типическія черты съ ихъ неизмѣннымъ выраженіемъ, которыя лишены индивидуальнаго значенія и не могутъ быть привлечены въ качествѣ источника къ изученію жизни и дѣятельности Климента. Немногочисленныя историческія указанія основаны на сообщеніяхъ пространнаго житія, и нѣтъ ни одной подробности фактическаго характера, о которой бы не упоминалось въ немъ. Климентъ представляется въ службахъ сотрудникомъ Кирилла и Меѳодія (изд. Баласчева, 117), боровшимся съ ересями и православно учившимъ о св. Духѣ и о св. Троицѣ (55, 72, 102, 107), безкровнымъ мученикомъ, потерпѣвшимъ темничное заключеніе (69), великимъ проповѣдникомъ Болгаріи (31), *первымъ* пастыремъ (19, 160), объяснителемъ еллинскаго языка на болгарскомъ нарѣчіи (4), градохранителемъ Охриды (159). Особенно часто воспѣваются его храмъ (19, 86, 112) и рака (49, 99, 113). Взятыя въ цѣломъ, службы свидѣтельствуютъ о томъ уваженіи къ памяти святителя, которое господствовало въ Болгарской церкви въ разныя эпохи ея существованія. Авторы службъ, архіепископы охридскіе—греки, старались увѣковѣчить эту память, чтобы великой исторической личностью увеличить прошлую славу Охриды и этимъ сдѣлать ее достойной преемницей забытой первой Юстиніаны.

IV. Отрывочныя свѣдѣнія и упоминанія о Климентѣ въ другихъ источникахъ.

Такихъ свѣдѣній и упоминаній о Климентѣ сохранилось сравнительно немного, и новизною данныхъ, по сравненію съ содержаніемъ житій, они не отличаются, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они представляютъ значительный интересъ, какъ подтвержденіе или продолженіе основныхъ показаній житій.

а) Самое древнее и цѣнное свидѣтельство о Климентѣ заключается въ славянскомъ житіи Наума, которое представляетъ собою продолженіе его несохранившагося славянскаго житія и относится къ X вѣку.

б) Не менѣе цѣнно упоминаніе въ святцахъ при *Ассеманомъ Евангеліи* подъ 27 іюля: **Сватаго Сватитєлѧ отцѣ нашєго Климента єпископа Великыскаго.** Ассеманово Ев. относится къ XI в.

а простр. житіе написано, если не въ самомъ концѣ его, то въ началѣ XII в.; слѣдовательно, это упоминаніе могло находиться въ зависимости отъ древняго славянскаго житія.

в) Въ Успеніи Кирилла, памятникѣ очень древняго происхожденія, о Кириллѣ говорится: **и оученикъ ѡ своѥ прѣставлѥнии прижѣлъ оученика своѥго иже бы епп̃ъ вълицѣ** (вар. въ лицѣи) **славѣ и вѣтлаѧ горазда наоума** [1]). По принятому теперь объясненію Воронова [2]), *ученикъ иже бысть епископъ въ ликѣ* (=*Велики*) это Климентъ, епископъ *Велики* или *Величьскій*.

г) Въ греческомъ каталогѣ первыхъ болгарскихъ архіепископовъ, составленномъ — по Голубинскому—въ половинѣ XII в., о Климентѣ сказано: *Κλήμης, γενόμενος ἐπίσκοπος Τιμεριουπόλεως ἤτοι Βελίκας, ὕστερον δὲ ἐπιτραπεὶς παρὰ Βορίσου βασιλέως Βουλγαρίας ἐφορᾶν καὶ τὸ τρίτον μέρος τῆς Βουλγαρικῆς βασιλείας ἦγουν ἀπὸ Θεσσαλονίκης ἄχρις Ἰεριχῶ καὶ Καντίνων ἤτοι Τασηπιάτου* [3]). Сличеніе каталога съ пространнымъ житіемъ показываетъ, что неизвѣстный составитель его пользовался этимъ житіемъ, такъ какъ Меѳодія онъ называетъ *Μοράβου τῆς Παννονίας* (sic) *ἀρχιεπίσκοπος*, а о Гораздѣ говоритъ: *χειροτονηθεὶς παρὰ Μεθοδίου, εἶθ' ὕστερον ἐκδιωχθεὶς παρὰ τῶν πνευματομάχων*. Но свѣдѣнія относительно епархіи Климента и ея размѣровъ заимствованы изъ неизвѣстнаго намъ источника.

д) Въ болгарскомъ синодикѣ начала XIII в. читаемъ: **Климентъ оученикъ его** (Кирилла) **епископъ велицѣи Моравѣ и оученикомъ его. Савѣ, и Горазду, и Наумѹ яко многи и тѣми потрѹждьшимсѧ о словѣньскыихъ книгахъ вѣчнаа имъ память** [4]).

е) Греческое житіе сербскаго князя Іоанна-Владиміра приписываетъ Клименту распространеніе евангелія въ Болгаріи и искорененіе богомильской ереси, при чемъ болгарскій царь Симеонъ представляется усерднѣйшимъ сподвижникомъ св.

---

[1]) Изд. *Шлякова*, *Изв. Отд. р. яз. и слов. А. Н.*, т. XV (1910), кн. 3, стр. 178.

[2]) Главн. ист., 196.

[3]) *Ducange*, Familiae Byzantinae, p. 174. *Lequien*, Oriens Christianus, II, p. 290. *Assemani*, Kalendaria, t. III, p. 145—6. Ср. заимствованіе изъ *Ассемани* въ Обозрѣніи Кормчей барона *Розенкампфа*, изд., 1, стр. 65, прим. 73. Новѣйшее изданіе каталога въ книгѣ: *Gelzer*, Der Patriarchat von Achrida. Leipzig, 1902, Ss. 4—7. Здѣсь *Τιβεριουπόλεως* вм. *Τιμεριουπόλεως*.

[4]) *Дриновъ*, Новый ц.-слав. памятникъ съ упоминаніемъ о слав. первоуч. *Журн. м. нар. пр.* т. 238 (1885), стр. 183, 197 и др.

Климента [1]). Такъ какъ произведеніе это относится къ сравнительно позднему времени и обладаетъ анахронизмами, то здѣсь слѣдуетъ видѣть просто отголосокъ разсказа простр. житія Климента о его дѣятельности въ Болгаріи и о борьбѣ съ латинской ересью.

ж) Изъ записи аѳонскаго Зографскаго монастыря, относящейся будто бы къ XIV в., слѣдуетъ, что въ 919 году Климентъ былъ уже причисленъ къ лику святыхъ [2]).

з) Изъ двухъ позднѣйшихъ житій Наума одно, изданное въ мосхопольской книгѣ и перепечатанное, въ подлинномъ видѣ *Гильфердингомъ*, а въ сокращенномъ—въ синаксаристахъ *Никодима* и *Дукакиса* (подъ 23 дек.), воспроизводитъ сообщенія простр. житія Климента, дополняя ихъ амплификаціями и вымыслами; другое, извѣстное по сп. *Сречковича*, обладаетъ нѣкоторыми добавленіями къ извѣстіямъ простр. житія, заимствованными изъ источника, внушающаго къ себѣ довѣріе [3]).

и) Въ одномъ изъ списковъ сказанія черноризца Храбра о письменахъ (Почаевскій сборн., теперь Кіевской Дух. акад., молд.-болг. редакціи, XVI в.) есть замѣчаніе: **Кѵрилъ и братъ моу Меѳодіѥ. гоорлѫдо. Климентъ Плоумь. аггєлдріѥ. слкх. лаврендіѥ. лѣ̃ сукд** (6424=916) [4]). И въ другихъ случаяхъ, когда приводятся

---

1) *Ἀκολουθία Ἰωάννου το Βλαδιμήρου καὶ θαυματουργοῦ. Ἐνετίησιν*, 1774. Житіе его, 22 стр. Изслѣдованіе о житіи у *Новаковича*, Први основи.... стр. 218—284.

2) *Арх. Леонидъ*, Болгарскій монастырь Зографъ. *Херс. Епарх. Вѣд.* 1866 г.

3) Помимо указанныхъ изданій первое изъ житій вошло также, въ качествѣ синаксаря, въ службу св. Науму, вышедшую въ Мосхополѣ же отдѣльнымъ изданіемъ sine anno, въ мал. 4 ку, *σελ.* 74+5. См. *Byz. Zeitschr.* B. VIII. 1899. S. 76—77. Служба проникла и въ другія изданія, какъ, напр., въ *Ὡρολόγιον* 1824 г. Заглавный л. въ экземплярѣ, который былъ у насъ въ рукахъ, не уцѣлѣлъ, а самая *ἀκολουθία* уцѣлѣла въ отрывкахъ. Кромѣ службы Константина Кавасилы, напечатанной въ отмѣченныхъ изданіяхъ, другая служба св. Науму была составлена мосхопольцемъ Григоріемъ Константинидисомъ, но она осталась, повидимому, ненапечатанною (?). См. *Е. Е. Голубинскій*, Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ. *Правосл. Обозр.* 1872, I, 710 (съ невѣрной ссылкой на *Σάθα, Νεοελλ. φιλολ.* 606). Славянскій переводъ напечатанной службы и житія изданъ *П. А. Лавровымъ* съ комментаріемъ къ нимъ *(Изв. Ак. н.*, XII, кн 4).

4) Новый сборникъ, изданный учениками В. И. Ламанскаго, СПБ. 1905. Ст. *Лукьяненко*, стр. 409.

имена седмичисленниковъ, имя Климента всегда стоитъ въ числѣ первыхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. Ср., напр., списокъ „Словесъ вкратцѣ“ Константина Костенчьскаго, изданный *П. А. Лавровымъ*, по ркп. *Хиланд. мон.* № 329 (482) [1]). Церковное чествованіе седмичисленниковъ установлено довольно рано (ок. XII в.), потому что отъ древнихъ временъ уцѣлѣли развалины храмовъ въ честь ихъ, а также ихъ иконы и стѣнныя изображенія [2]).

і) Историческія воспоминанія о Климентѣ связаны также съ его гробницей и нѣкоторыми храмами въ Охридѣ [3]). Мощи святителя покоились въ монастырѣ св. Пантелеимона (*Μονὴ τοῦ ἁγ. Κλήμεντος*) до начала XV в., т. е. до подчиненія Охриды турками въ 1408 году [4]). Съ тѣхъ поръ онѣ хранятся въ монастырѣ св. Богородицы, получившемъ имя Климента, и только глава его унесена въ мон. Продрома. Въ храмѣ въ честь Богородицы уцѣлѣли, много разъ—еще со времени Григоровича—описанные, остатки старины: старинныя иконы Панселинова письма съ изображеніемъ Климента въ архіерейскихъ крещатыхъ ризахъ, деревянная статуя его и отвѣсно стоящая въ паперти каменная плита съ надписью: **Къ лѣто ѕѳкд** (6424=916) **мѣсеца ιѳлиа престависѧ с... сѵ҃ть Климѣтъ Охрѣтьскы.** Вопреки мѣстному преданію, считающему эту надпись современною смерти святителя, ее всѣ ученые посѣтители Охриды, начиная съ Григоровича, считаютъ болѣе позднею и нѣкоторые относятъ къ XIII—XIV в. и даже къ XVI [5]). Въ Охридѣ же, на возвышеніи, называемомъ

---

[1]) Zbornik u slavu V. Jagić'a, Berl. 1908, стр. 355 сл.

[2]) *Шафарикъ*, Расцвѣтъ славянской письменности. *Чтенія въ Общ. ист. и древн. росс.* 1848, № 7; *Григоровичъ*, Очеркъ путешествія, 2-ое изд, стр. 109; *Дриновъ*, *Журн. мин. н. пр.*, ч. 238, стр. 185; *Записки Одесск. Общ. ист. и др.*. т. XVI (Исторія Паисія), стр. 48—9, и др. сочиненія.

[3]) Достопримѣчательности Охриды уже много разъ были предметомъ описанія путешественниковъ и изслѣдователей. См. *Григоровича*, Очеркъ путешествія. *Hahn*, Reise durch die Gebiete d. Drin und Wardar. Wien. 1867. *Арх. Антонинъ*, Изъ Румеліи. СПБ. 1886, стр. 34 и слѣд. „Битолско, Преспа и Охридско“ въ *Сборн. за нар. умотвор.* IV кн. *Милюковъ П. Н.*, Христіанскія древн. Западной Македон. въ *Изв. русск. археол. Инст. въ К—лѣ* IV, вып. 1 (1899). *Йорданъ Ивановъ*, Бълг. стар. *Кондаковъ*, Македонія. СПБ. 1909.

[4]) *Период. Списаніе* LV, стр. 206; ср. *Балашчевъ*, Клим. Слов., XLIII стр.

[5]) *А. Антонинъ*, Изъ Румеліи, 38. *Кондаковъ*, Македонія, 247.

„Плаошникъ“, красуются развалины мечети, передѣланной по единогласному свидѣтельству мѣстныхъ жителей, изъ Пантелеимонова монастыря, основаннаго—по краткому житію—Климентомъ [1]). Изъ памятниковъ старины, связанныхъ съ памятью Климента, въ другихъ мѣстахъ обращено вниманіе на изображеніе его въ одной росписи на стѣнѣ въ Метеорскомъ Преображенскомъ монастырѣ въ Θессаліи [2]).

к) Наконецъ, живой и нерукотворный памятникъ создалъ Клименту народное преданіе. Въ Охридѣ и ея окрестностяхъ среди славянскаго населенія личность его окружена цѣлымъ роемъ сказаній и легендъ [3]). Эти сказанія и легенды повѣствуютъ о его праведной жизни и чудесахъ, объ отношеніяхъ его къ Науму и о построеніи ими храмовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ народное преданіе подробно развиваетъ отрывочныя замѣчанія простр. житія. Такъ, извѣстно, что Охрида и ея окрестности отличаются богатой растительностью и рѣдкими видами деревьевъ и плодовъ. И въ Охридѣ до сихъ поръ разсказываютъ, что это Климентъ перенесъ изъ Азіи рѣдкія растенія и привилъ плодородныя деревья къ македонскимъ—дикимъ [4]). О прививкѣ деревьевъ Климентомъ, только безъ упоминанія объ Азіи, говоритъ и простр. житіе (XXIII гл.). Не только въ Охридѣ, но и во всей Македоніи до сихъ поръ живутъ въ народѣ разсказы о многочисленныхъ сочиненіяхъ Климента, списки которыхъ будто бы хранились въ Охридѣ до самаго преобразованія Охридской архіепископіи и лишенія охридскихъ архіепископовъ патріаршей власти (18 в.), послѣ чего всѣ славянскія рукописи уничтожены греками [5]). И составитель простр.

---

[1]) Что этотъ монастырь существовалъ въ XIII в., видно изъ надписи на греч. пергам. ркп. И. П. Б. *N* CLXXXI, 12 в. Надпись гласитъ, что означенная ркп. дана была въ монастырь св. Климента въ октябрѣ 6756 (=1248 или 1256) года болгарскимъ архіеп. Іаковомъ (*Отчетъ за 1873 г.* стр. 9). Архіеп. Іаковъ, вѣроятно,—Іаковъ Проархій (*Голубинскій*, 125).

[2]) *Еп. Порфирій*, Путешествіе въ Метеорскіе монастыри, 1896, стр. 168—9.

[3]) См. у *Григоровича*, *Hahn'a*, *Балясчева* въ цит. соч. *Шапкаревъ*, Сборникъ отъ български народни умотворения, ч. I, отд. 3, кн. 3—4. *Нушић*, Крај обала Охридскога језера, Београдъ, 1894, стр. 105 и др. *Сборн. за нар. умотв.* кн. XIV, стр. 720—1.

[4]) *Шапкаревъ*, ч. I, отд. 3, кн. 4, стр. 371.

[5]) *Григоровичъ*, 102—3.

житія какъ на источникъ своихъ свѣдѣній о сочиненіяхъ Климента, ссылается на разсказы о нихъ (XXII). Народная память пріурочиваетъ къ опредѣленнымъ мѣстностямъ и двѣ епископіи Климента, которыя онъ будто бы занималъ послѣдовательно одну за другой: первая — Главиница—отождествляется съ Издеглавіемъ въ Дольней Дебърцѣ; вторая — Величская—помѣщается на западъ отъ Струги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Велеща [1]). Какъ бы ни смотрѣть на эти и подобныя имъ преданія, но уже одна живучесть ихъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и чрезвычайная распространенность въ Охридѣ заставляютъ отнестись къ нимъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ легендарными прикрасами можетъ храниться зерно исторической правды. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что имя Климента занимаетъ очень видное мѣсто въ историческомъ и національномъ сознаніи даже современнаго славянскаго населенія Македоніи, и можно сказать безъ преувеличенія, что на всемъ протяженіи ея нельзя встрѣтить ни одного славянина, который не зналъ бы имени Климента, не только какъ великаго святителя, но и какъ поборника родной національности и великаго „списателя“. Его память живетъ даже среди мусульманскаго населенія Македоніи. Турки иногда приводятъ на гробницу святого своихъ больныхъ, а потурченные албанцы, особенно племя Кременте, до сихъ поръ справляютъ ему „славу“ [2]). Особенно много поклонниковъ привлекаетъ къ себѣ Плаошникъ съ уцѣлѣвшими остатками большой мечети „Имаретъ“, гдѣ нѣкогда красовался монастырь, построенный Климентомъ, съ его мощами. Вблизи Имарета пріютилась гробница одного Синанъ—паши, турецкаго святого, прославившагося своимъ милосердіемъ. Турецкія легенды о немъ, повидимому, смѣшались съ христіанскими разсказами о Синанъ—баба (св. отецъ) Климентѣ [3]). Въ результатѣ явилось всеобщее чествованіе одного святого, память котораго поддерживается здѣсь традиціонной благотворительностью въ честь его. Владѣльцы этой мѣстности

и другіе богатые люди кормятъ въ Имаретѣ охридскую и окрестную бѣдноту. Два раза въ недѣлю сюда приходятъ „сиромаси“ (бѣдняки), къ какой бы націи и религіи они ни принадлежали, и получаютъ здѣсь хлѣбъ и „кашчегъ“, вареную пшеницу, въ память великаго Синанъ—баба (или Синанъ—паша), который оставилъ имъ „задужбина“, т. е., свои милости. Здѣсь же въ память Синанъ—баба устроено училище для дѣтей. Культъ Климента, нѣсколько затемненный примѣсью мусульманскихъ традицій, настолько глубоко укоренился въ турецкомъ населеніи Охриды, что даже турецкое правительство иногда поддерживаетъ своими субсидіями благотворительность въ честь его въ Имаретѣ [1]).

---

[1]) Подробности см. у *Hahn'a*, pp. 121—2, *Баласчева*, XLI—XLIII, *Нушића* 58—60.

Глава вторая.

Очеркъ жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго.

I. Жизнь и дѣятельность св. Климента до перехода въ Болгарію (885—6 г.) въ связи съ обстоятельствами моравской катастрофы.

Климентъ—ученикъ Меѳодія и Климентъ—епископъ Словенскій или Величскій, авторъ древне-славянскихъ поученій съ этимъ именемъ,— одно и то же, исторически вполнѣ опредѣленное, лицо. Промелькнувшая въ трудахъ В. М. Ундольскаго и преосв. Филарета мысль о тождествѣ его съ Константиномъ, пресвитеромъ и епископомъ болгарскимъ, оказалась столь же мало основательной [1]), какъ и новѣйшая попытка Фр. Сноука различить двухъ Климентовъ, ученика Меѳодіева и епископа—писателя, и отожествить послѣдняго изъ нихъ съ черноризцемъ Храбромъ [2]). Достаточно внимательно перечитать сочиненія Климента и Константина,

---

[1]) *Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.* 1846, № 3, стр. 46, ст. *Ундольскаго. Филаретъ*, „Кириллъ и Меѳодій славянскіе просвѣтители“ въ *Чтеніяхъ* за 1846 г., № 4, и въ Кир.-Меѳ. Сборникѣ 1865 года. Впослѣдствіи въ (ненапечатанной) статьѣ объ Учительномъ Евангеліи Константина Ундольскій опровергъ самъ себя и преосв. Филарета. Разборъ соображеній пр. Филарета также съ опроверженіемъ ихъ—у преосв. *Антонія* (Вадковскаго), Изъ исторіи христіанской проповѣди, изд. 2. СПБ. 1895, стр. 144 и сл. Литературу вопроса см. также у *А. В. Михайлова.* Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи Константина, епископа Болгарскаго. *Труды Слав. Коммиссіи Моск. Археол. Общ.*, т. I, 1895, стр. 76 и сл.

[2]) *Fr. Snopek* Studie Cyrillomethodějské, V Brné 1906, особ. pp. 11—45; онъ же, Konstantinus—Cyrillus und Methodius, die Slavenapostel. Рецензія на первый трудъ принадлежитъ *П. А. Лаврову*, въ *Журн. мин. нар. просв.* 1907, авг.

чтобы убѣдиться, что передъ нами два совершенно самостоятельныхъ писателя съ различными литературными пріемами и навыками. Гипотеза же г. Снопка почти вся виситъ на воздухѣ, слегка поддерживаемая паутинной тканью недоказанныхъ или совершенно произвольныхъ положеній. Преслѣдуя въ своихъ многочисленныхъ студіяхъ по кирилломеѳодіевскому вопросу не столько историческія, сколько полемико-богословскія цѣли [1]), онъ настойчиво стремится представить Меѳодія и его учениковъ исповѣдниками латинскаго догмата о Filioque. Чтобы придать этому, безнадежному по существу, тезису характеръ исторической достовѣрности, г. Снопекъ оспариваетъ историческое достоинство т. н. паннонскихъ житій, представляющихъ Меѳодія въ иномъ свѣтѣ, и считаетъ ихъ произведеніями тенденціозными, не принадлежащими перу учениковъ свв. братьевъ. Но, съ другой стороны, на основаніи доводовъ П. А. Лаврова и д-ра Вондрака [2]), онъ признаетъ ихъ несомнѣнными произведеніями Климента—епископа, автора уцѣлѣвшихъ поученій съ этимъ именемъ. Отсюда у него слѣдуетъ, что епископъ Климентъ, составитель тенденціозныхъ паннонскихъ житій,—лицо отличное отъ ничѣмъ неизвѣстнаго ученика Меѳодіева того же имени.

Но даже не входя въ частности этой аргументаціи, не трудно видѣть, что все зданіе, построенное Снопкомъ на такихъ основаніяхъ, неминуемо должно рухнуть, если хоть одно изъ нихъ признать ошибочнымъ или даже только сомнительнымъ. Между тѣмъ въ настоящее время о написаніи Климентомъ паннонскихъ житій можно говорить лишь предположительно. Съ другой стороны, Снопку нисколько не удалось поколебать увѣренности большинства изслѣдовате-

---

[1]) Кромѣ указанныхъ сочиненій Снопку принадлежатъ еще: List papeze Hadriana II, V Olomouci 1897; O pravomocnosti sv. Cyrilla o Methoděje roku 863 az 867 въ *Časop. kat duchov.* г. 1900 и отд., V Praze; Konstantin—Cyrill a Methodéj, v Olomouci 1908; De discipulorum S. Methodii ad Romam relatione въ Acta II Conventus Velehradensis. Pragae 1910, 75—94. Во всѣхъ этихъ и еще другихъ сочиненіяхъ Снопка защищаются одни и тѣ же положенія и въ большинствѣ случаевъ при помощи одной и той же аргументаціи.

[2]) Климентъ, еп Словѣнскій. Трудъ В. М. Ундольскаго, съ предисловіемъ *П. А. Лаврова*. М. 1895. *Dr. V. Vondrák.* Studie z oboru cirkevněslovanského písemnictví. V Praze. 1903.

лей паннонскихъ житій относительно принадлежности ихъ перу кого-либо изъ близкихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. Что же касается гипотезы о томъ, что „сказаніе о письменахъ“ написано Климентомъ, то принятію ея, при отсутствіи какихъ-либо серьезныхъ данныхъ въ ея пользу, препятствуетъ уже одно имя Храбра, стоящее въ надписаніи этого сказанія. Епископъ Климентъ и монахъ Храбръ не могутъ быть признаны за одно лицо уже потому, что Храбръ—это отнюдь не псевдонимъ, а дѣйствительное славянское имя, употреблявшееся не только у западныхъ, но, повидимому, изрѣдка и у южныхъ славянъ. По своему смыслу и образованію оно—такого же происхожденія, какъ и имя Гораздъ [1]). Если перейти въ плоскость аргументаціи Снопка, т. е., недостаточность біографическихъ свѣдѣній о Климентѣ попытаться восполнить на основаніи его произведеній, то, принимая въ разсчетъ сочиненія, несомнѣнно ему принадлежащія, можно только убѣдиться въ единствѣ двухъ Климентовъ, различаемыхъ Снопкомъ. Дѣло въ томъ, что Климентъ—епископъ Величскій, авторъ многочисленныхъ похвальныхъ словъ, написанныхъ въ чисто-византійскомъ стилѣ, въ то же время является несомнѣннымъ авторомъ нѣсколькихъ поученій общаго характера, примѣнимыхъ къ празднованію любого апостола или святого. Такія слова въ средніе вѣка были обычнымъ явленіемъ въ западной церкви и, если существовали, то очень рѣдко—въ восточной. Если къ этому прибавить сходство одного изъ нихъ съ Фрейзингенской статьей, то станетъ весьма вѣроятнымъ, что эти поученія были навѣяны на Климента западными образцами. Слѣдовательно, онъ жилъ нѣкоторое время въ области западной церкви, въ Моравіи, и близко стоялъ къ дѣлу славянскаго богослуженія, будучи ученикомъ Кирилла и Меѳодія.

Геніальные люди всегда находятъ себѣ такихъ послѣдователей, которые, проникшись ихъ великими идеями, вопло-

---

[1]) Имя *Chraber* вошло въ Popis staročeských osobnjch a krestných jmen. S posnamenánjmi od. *F. Palackého* въ *Časop. Česk. Mus.*, 1832, p 61. *Венелинъ* приводитъ имя *Храбра* въ сербскомъ поменикѣ XVI вѣка, Букурештской митрополитской библ. (Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты СПБ., 1840, стр. 358). Объ этихъ указаніяхъ см. у *Н. П(етровскаго)* въ *Журн. мин. нар. просв.*, 1902, ч. 339, стр. 196.

щенію въ жизнь этихъ идей посвящаютъ всѣ свои силы. Такимъ послѣдователемъ свв. Кирилла и Меѳодія былъ Климентъ. Вся его жизнь, насколько она извѣстна намъ изъ источниковъ, представляетъ собою безраздѣльное служеніе идеѣ просвѣщенія славянъ посредствомъ развитія славянской грамоты, славянской литературы и славянскаго богослуженія. Славяне моравскіе и болгарскіе, близкіе по языку и національному типу, но раздѣленные пространствомъ и различными условіями исторической жизни, нашли въ немъ въ высшей степени энергичнаго дѣятеля въ духѣ Кирилла и Меѳодія. Но обстановка для его трудовъ у нихъ была различна, и дѣятельность его между ними распредѣляется неравномѣрно. Моравіи принадлежитъ первая половина его дѣятельности, когда онъ, въ качествѣ приближеннѣйшаго ученика солунскихъ братьевъ, дѣлилъ съ ними и другими послѣдователями ихъ свои труды. Въ Болгаріи онъ самъ сталъ во главѣ просвѣтительныхъ предпріятій. Сообразно съ этимъ и біографическія свѣдѣнія о немъ не съ одинаковой подробностью освѣщаютъ эти два разные періоды его жизни. Личная жизнь Климента въ Моравіи сравнительно мало намъ извѣстна, такъ какъ она была неотдѣлима отъ общей жизни, которою жили его учители и сотрудники. И лишь по мѣрѣ того, какъ онъ самъ изъ ученика становится учителемъ, какъ все болѣе вноситъ въ служеніе славянскому просвѣщенію личнаго почина, его образъ очерчивается болѣе индивидуальными чертами, а его біографія пріобрѣтаетъ все больше подробностей фактическаго характера.

Недостатокъ положительныхъ біографическихъ извѣстій о Климентѣ въ первую половину его жизни восполняется лишь отчасти объединеніемъ мелкихъ замѣчаній, разсѣянныхъ вскользь въ разныхъ мѣстахъ источниковъ. Уже происхожденіе и національность его покрыты мракомъ неизвѣстности. Краткое житіе производитъ родъ его отъ европейскихъ мизовъ, которыхъ оно отожествляетъ съ болгарами. Послѣдній терминъ въ эпоху написанія житія уже давно сталъ употребляться не только для обозначенія этническаго типа, явившагося изъ сліянія болгаръ со славянами, но и въ качествѣ замѣны болѣе древняго словѣне И если преданіе о болгарскомъ или славянскомъ происхожденіи Климента рѣшился внести въ краткое житіе состави-

тель—грекъ, то отсюда можно заключить о широкой распространенности въ его дни этого преданія. Въ XVIII вѣкѣ Аѳанасіемъ Паросскимъ была пущена въ оборотъ догадка о греческомъ происхожденіи Климента, но на чемъ она основывалась,—остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Въ научной литературѣ возникло нѣсколько предположеній о происхожденіи его. За болгарское происхожденіе категорически высказывались Шафарикъ и Бодянскій [1]). Это мнѣніе было принято многими учеными [2]). Миклошичъ, исходя изъ названія Климента епископомъ словѣнскимъ въ надписаніи нѣкоторыхъ поученій, полагалъ, что родиной его была Паннонія [3]). В. И. Ягичъ истолковываетъ въ смыслѣ южно-славянскаго происхожденія выраженіе пространнаго житія: *πρῶτος ἐπίσκοπος ἐν βουλάρῳ γλώσσῃ* (XX) [4]). П. А. Лавровъ, принимая во вниманіе указаніе пространнаго житія, что Климентъ съ молодыхъ лѣтъ постоянно находился при Меѳодіи, видитъ въ немъ славянина болгарскаго или македонскаго [5]). Баласчевъ не удовлетворяется ни однимъ изъ указанныхъ предположеній и допускаетъ возможность даже греческаго происхожденія Климента [6]).

Но немногочисленныя данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи для рѣшенія этого вопроса, прежде всего исключаютъ всякую возможность видѣть въ Климентѣ грека по происхожденію. Напротивъ, есть основанія утверждать, что онъ былъ природнымъ славяниномъ. Важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ похвальное слово его св. Кириллу. Только природный славянинъ могъ выражаться такъ, какъ выражается здѣсь Климентъ: **Бѣжѧ многогѣны твои ѥзыкъ, имже**

---

[1]) *Шафарикъ*. Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи. *Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.* 1848, № 7, стр. 45; *Бодянскій*, О времени происхожд. слав. письменъ.

[2]) *Шевыревъ*, Исторія русск. слов. ч. I, стр. 215; *Пр. Филаретъ*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви, т. III, стр. 379; *Палаузовъ*, Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, 73; *Викторовъ*, Кир.-Мео. сборн., 3≈8, и мн. др.

[3]) Die christliche Terminologie der slavischen Sprach., S. 7. Такой же взглядъ высказанъ и *К. Иречкомъ*. См. Ottův, Slovník naučný, t. XIV, p. 382.

[4]) *Iagić*, Zur Entstehungsg. d. kirchensl. Sprache, S 62.

[5]) Климентъ, еп. Словѣнскій, XXXIX стр; *Изв. Отдѣл русск. яз. и слов. Ак. наукъ*, 1901, т. VI, кн. 1, стр. 267.

[6]) *Баласчевъ*, Климентъ словѣнски, XIV.

моемꙋ (вар. по сп. Савваитова: нашемоу) ѩзыкоу трꙋбезвѣщанаго бл҃тва ѕарѣ вьснакшн... Бл҃же ѕлатоѕарнѣн твон оучн, нюже моима (вар. нашима) оучима слѣпота нераѕоумиа ѡтата бы... Бл҃же пр҃тѣ твон рѧцѣ, нюже сьнде моемоу (вар. нашемоу) ѩзыкоу бѡраѕумиа тѫта... Тако и сь прѣбл҃женын ѿць и оучитель ѩзыка моего (нашего) [1])... Нѣтъ никакихъ основаній отвергать принадлежность этой похвалы Клименту. Его имя стоитъ въ надписаніи въ сп. Савваитова, а стиль и отдѣльныя выраженія близко напоминаютъ собою другія подлинныя слова Климента. Съ другой стороны, указываемый нѣкоторыми изслѣдователями примѣръ Ѳеофилакта, который, будучи грекомъ, будто-бы называлъ въ письмахъ болгаръ „своимъ народомъ“, не можетъ здѣсь найти себѣ примѣненія. Ѳеофилактъ изрѣдка допускаетъ такія выраженія только—какъ оффиціальный представитель болгарской церкви и какъ житель Болгаріи; Климентъ весь горитъ любовью къ словѣнскому языку, въ смыслѣ славянской національности, и совершенно сливается съ нимъ.

Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, паннонскимъ, восточно-болгарскимъ или македонскимъ славяниномъ былъ Климентъ. Титулъ „словѣнскій“ не обозначаетъ непремѣнно „паннонскій“, какъ высказывался Миклошичъ, и потому нисколько не обязываетъ видѣть родину Климента въ Панноніи. Это было общимъ именемъ какъ западныхъ, такъ и южныхъ славянскихъ племенъ, области которыхъ у византійцевъ издавна назывались Σκλαβινίαι. Нѣкоторыя біографическія черты заставляютъ видѣть въ Клементѣ такого же пришельца въ Моравію и Паннонію, какими были и его учители. Болгарская легенда такъ характеризуетъ отношеніе его къ Меѳодію: *τὸν γὰρ τούτου βίον ὡς οὐδεὶς ἄλλος ἐγίνωσκεν, οἷα ἐκ νέου ἔτι καὶ ἁπαλοῦ ἐκείνῳ παρηκολουθηκὼς καὶ ὀφθαλμοῖς πάντα τὰ τοῦ διδασκάλου παρειληφώς*, „онъ зналъ жизнь его такъ, какъ никто другой, потому что, еще отъ юности и съ раннихъ лѣтъ послѣдовавши за нимъ, видѣлъ все своими глазами, что касается учителя“ (XXII). Во время катастрофы, постигшей учениковъ Меѳодія въ Моравіи послѣ его смерти (885), Климентъ былъ уже не молодымъ человѣкомъ, потому что молодые священники и діаконы изъ учениковъ Меѳодія, по согласному свидѣтельству житій Климента и Наума, были

[1]) Кир.-Меѳ. сборн. 1865 г., стр. 309 —318.

проданы евреямъ, между тѣмъ какъ онъ съ болѣе пожилыми духовными лицами подвергся только изгнанію изъ Моравіи. Въ 916 году онъ умеръ глубокимъ старикомъ, отказывавшимся уже, по слабости силъ, отъ епископской каѳедры. Если Меѳодій явился въ Моравію не раньше 862 года, то отсюда ясно, что юность Климента и даже вообще молодые годы его падаютъ на время до моравской миссіи. Слѣдовательно, юношеское знакомство Климента съ Меѳодіемъ заставляетъ искать его родину вдали отъ Панноніи и Моравіи, въ средѣ южныхъ славянъ. Можно думать, что Меѳодій и при избраніи себѣ преемника на моравскую каѳедру предпочелъ моравянина Горазда Клименту именно вслѣдствіе не-моравскаго и не-паннонскаго происхожденія послѣдняго изъ нихъ. Но выраженіе *βουλγάρῳ γλώσσῃ ἐπίσκοπος* не даетъ права дѣлать заключеніе о происхожденіи его изъ народа болгарскаго, если подъ послѣднимъ разумѣть новый этническій типъ, образовавшійся путемъ сліянія славянскихъ племенъ съ пришлымъ болгарскимъ элементомъ. Житіе Климента, какъ и другіе памятники, появившіеся уже послѣ окончательной славянизаціи болгаръ, обыкновенно отожествляютъ *βουλγαρικός* съ *σθλοβενικός*, замѣняя первымъ второе, такъ что *βουλγαρικὴ γλῶσσα* въ житіи не больше, какъ позднѣйшая подстановка вмѣсто *σθλοβενικὴ γλῶσσα*. Отсюда, если въ приведенномъ выраженіи, дѣйствительно, содержится указаніе на происхожденіе Климента, то *βουλγάρῳ γλώσσῃ ἐπίσκοπος* нужно признать равнозначущимъ съ „епископомъ словѣнскаго народа“ или „словѣнскимъ епископомъ“. Въ такомъ значеніи слава *βουλγάρῳ* самымъ рѣшительнымъ образомъ убѣждаетъ насъ житіе Наума, тѣсно связанное съ древнеславянскимъ житіемъ Климента. Біографъ Наума о Маркѣ Дѣвольскомъ говоритъ: **ѵстѣкѣтїи єпїскопь вь словенскїи єзыкь бѣ Дѣволы.** Слѣдовательно, съ наибольшей степенью вѣроятности слѣдуетъ видѣть въ Климентѣ не болгарина, а славянина, причемъ близость его еще въ юности къ Меѳодію обнаруживаетъ, что родина его находилась вблизи родины Меѳодія, среди славянъ византійскихъ, жившихъ въ Македоніи,—у Солуня или въ томъ „княженіи словенскомъ“, въ которомъ Меѳодій служилъ воеводой. Онъ, такимъ образомъ, происходилъ изъ тѣхъ славянъ, которые, принадлежа къ византійской имперіи, составляли передовой постъ славянства и

ли роль передаточнаго пункта по части „добрыхъ законовъ“, исходившихъ изъ Византіи.

Раннее знакомство съ Меѳодіемъ имѣло для Климента очень важное значеніе,—оно опредѣлило все направленіе его дальнѣйшей жизни. Но, будучи близокъ къ Меѳодію, онъ не могъ остаться незнакомымъ и съ его братомъ. Въ древнѣйшемъ спискѣ похвальнаго слова Кириллу онъ, между прочимъ, прославляетъ его, какъ своего просвѣтителя, такими словами: **Ѥ҆́же многопрѣсвѣтлоє лице твоє озарѣсѧ ѿ сѫ́таго дх҃а имѣ́же моемоу̀ лицоу̀ бг҃оразоумьнын свѣ́тъ кьсни и многобѣ́жиꙗ лъсть искорѣнисѧ.** Съ нѣкоторой вѣроятностью можно думать, что эти слова имѣютъ автобіографическій смыслъ,—въ нихъ можно видѣть указаніе на обращеніе автора отъ язычества (=многобожной лести) въ христіанство Кирилломъ Философомъ. При этомъ, принимая во вниманіе широкое знакомство Климента съ св. Писаніемъ и церковной литературой, слѣдуетъ заключить, что его крещеніе состоялось еще въ юности, задолго до выступленія на литературное поприще. Свободное владѣніе всѣми пріемами современнаго византійскаго проповѣдничества свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ не былъ ораторомъ-самоучкой, но получилъ хорошее по тому времени образованіе. Найти себѣ хорошихъ учителей славянину византійскому въ то время нетрудно было не только въ Константинополѣ или Солуни, но и во многихъ провинціальныхъ монастыряхъ имперіи. Сами греки охотно содѣйствовали новообращеннымъ инородцамъ въ полученіи образованія.

Святые братья имѣли удивительную силу привлекать къ себѣ людей и группировать вокругъ себя послѣдователей, сочувствовавшихъ ихъ предпріятію. Въ пространномъ житіи Кирилла есть, важное для насъ, упоминаніе о тѣхъ „споспѣшникахъ“, которые участвовали уже въ молитвѣ передъ изобрѣтеніемъ письменъ въ Константинополѣ (XIV гл.). Этихъ „споспѣшниковъ“ опредѣленнѣе характеризуетъ житіе Меѳодія словами: **иже бѣахоу того же доуха, иего же и сн** (V гл.). Сопоставленіе этихъ упоминаній съ извѣстіемъ житія Климента объ исключительной близости его къ Меѳодію, благодаря которой онъ съ юныхъ лѣтъ зналъ жизнь своего учителя, какъ никто другой, дѣлаетъ несомнѣннымъ, что Климентъ былъ въ числѣ первыхъ, самыхъ приближенныхъ къ Меѳодію, „споспѣшниковъ“. Воодушевленіе „духомъ“ Кирилла и Ме-

ѳодія, проникавшее Климента, сказалось въ его похвальномъ словѣ Кириллу, полномъ искренняго чувства и сознанія важности той цѣли, къ которой стремились его учители. Эта цѣль прекрасно выражена въ томъ мѣстѣ житія Кирилла, гдѣ передается посланіе царя Михаила къ Ростиславу: **дкл ны** (славяне) **прнтетесл велнцѣхъ цзыцѣхъ, нже слакать бога сконмъ цзыкомъ** (XIV). На ближайшія обстоятельства, при которыхъ отправились въ Моравію споспѣшники свв. братьевъ, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ Хиландарская повѣсть. Говоря объ отправленіи ихъ изъ Константинополя въ Болгарію, которая подъ перомъ Аѳанасія Паросскаго замѣняетъ Моравію, *Οὐρ. Κρ.* добавляетъ: *ἔχοντες πᾶσαν ὑπηρεσίαν βασιλικήν*, „имѣя всякую услугу царскую“. Эта подробность придаетъ оффиціальный характеръ всему посольству и показываетъ, что и споспѣшники не были простыми только сотрудниками—любителями, но имѣли данное имъ опредѣленное назначеніе. Заботами византійской церкви о просвѣщеніи окружающихъ народовъ для миссіонерской дѣятельности обыкновенно избирались лучшіе люди, большею частью изъ монашествующихъ [1]). Сотрудники солунскихъ братьевъ были именно такими людьми.

---

[1]) По свидѣтельству *продолжателя Ѳеофана*, послѣ окончательнаго сближенія Болгаріи съ византійской церковью къ болгарамъ были посланы императоромъ благочестивые монахи, подвизавшіеся въ вершинахъ и на горахъ. *Migne*, Patrol., ser. gr., t. CIX, c. 358. *Генезій* говоритъ о посольствѣ къ болгарамъ послѣ принятія христіанства для утвержденія христіанской вѣры избранныхъ архіереевъ:... *ἐκπεμφθέντων ἐκεῖσε ἀρχιερέων τινῶν ἐλλογίμων τὰ τῆς χριστιανικῆς πίστεως ἐγκρατύνασθαι.* Ib., c. 1115. Византійская миссія вообще носила на себѣ идеальный характеръ и имѣла своимъ источникомъ не только инициативу царя, но и патріарха. Въ одномъ изъ своихъ писемъ п. Фотій поощряетъ Антонія, архіепископа Босфорскаго, къ обращенію въ христіанство іудеевъ Понтскихъ. *Migne*, Patrol., gr., t. CII, c. 828. По житію Антонія, патр. Константинопольскаго (*Καυλεάς*), заботливость его простиралась на скиѳовъ, ѳракійцевъ и мизовъ. *Assemani*, Calend. univ. eccles., t. VI, p. 125—6. Повидимому, эти два Антонія—одно и то-же лицо, бывшее до патріаршества архіеп. Босфорскимъ. Есть письма Фотія къ Аѳанасію, которому, по догадкѣ *В. И. Григоровича*, поручено было вліять на сѣверные народы. См. ст. его: „Какъ выражались отношенія Константинопольской церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и къ болгарамъ въ десятомъ столѣтіи?“ Годичный актъ въ Новороссійскомъ университетѣ 1866 года, стр. 47—8. Хотя византійская церковь, вообще чуждая духа крайняго прозелитизма, не такъ широко развивала свою миссію, какъ западная, но общій характеръ и сила византійскихъ вліяній цѣнились въ Европѣ очень высоко. Это

Участіе въ посольствѣ Климента, какъ и другихъ, вѣроятно, споспѣшниковъ изъ славянъ, было особенно цѣнно для дѣла въ виду ихъ природнаго знанія славянскаго языка и любви къ славянству. Намъ неизвѣстно количество споспѣшниковъ, отправившихся съ своими учителями къ западнымъ славянамъ. Несомнѣнно только, что они оставались тамъ до самой смерти Меѳодія, такъ какъ при погребеніи послѣдняго богослуженіе совершалось не только на латинскомъ и славянскомъ языкахъ, но и на греческомъ, на которомъ могли служить преимущественно ученики южно-славянскаго или греческаго происхожденія [1]). Въ Моравіи число споспѣшниковъ увеличилось присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ образованныхъ мораванъ „того же духа“, между которыми извѣстенъ Горазд. Въ результатѣ тамъ явилась группа людей, изъ грековъ и славянъ, проникнутыхъ вѣрой въ возможность самобытнаго національнаго развитія славянства и рѣшившихся общими усиліями создать славянское богослуженіе и славянскую литературу. По своему характеру эта группа представляла правильно организованную школу, въ духѣ византійскихъ научныхъ кружковъ, съ опредѣленной системой сотрудничества и распредѣленіемъ литературнаго труда.

Климентъ принадлежалъ къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей въ этомъ кружкѣ послѣ свв. братьевъ. Рядомъ съ нимъ стоятъ имена Горазда, родомъ мораванина, полиглотта свѣдущаго въ трехъ языкахъ—славянскомъ, греческомъ и латинскомъ (Жит. Мео. XVII и Болг. лег. XII), Наума, друга и, можетъ быть, брата Климентова, Ангелярія, Саввы (Болг. лег. II) и Лаврентія (ib. XII) [2]). Біографъ Климента

сознавалъ не только Ростиславъ Моравскій, но и такой замѣчательный идеалистъ между германскими императорами, какъ Оттонъ, который въ письмѣ къ Герберту съ величайшимъ уваженіемъ отзывается о греческой наукѣ, изяществѣ и греческомъ геніи.

[1]) **Слоужбоу церковиую латынськы и грѣчѣскы и словѣнськы сътвориша** Жит. Мео. XVII. Догадка Гинцеля, что **и грѣчѣскы** есть вставка (Die pann. Legende setzt noch *graece* hinzuaugenscheinlich ohne allen Grund, da es in Mähren ebenso wenig griechische als gemeinden gab. *Ginzel*, K. und M., 92), ни на чемъ не основана.

[2]) Имя Лаврентія въ XII гл. жит. Клим. замѣняетъ собою имя Саввы, но мы думаемъ, что это двѣ самостоятельныхъ личности. Въ почаевскомъ сп. сказанія Храбра оба имени стоятъ рядомъ.

называетъ ихъ „корифеями хора“, опредѣляя этимъ особенно важное значеніе ихъ въ ряду другихъ послѣдователей Кирилла и Меѳодія. Какъ „корифей хора“, Климентъ въ Моравіи всецѣло былъ преданъ дѣлу своихъ учителей. Въ самомъ монашескомъ имени его слышится отголосокъ знаменательнаго въ исторіи первоучителей событія—обрѣтенія мощей св. Климента Римскаго и перенесенія ихъ въ Римъ. Какъ извѣстно, въ честь этого святого построена въ Моравіи, Чехіи, а также по пути въ Венецію и къ Риму цѣлая сѣть храмовъ [1]), въ числѣ которыхъ нѣкоторые, вѣроятно, были построены еще и при жизни славянскихъ апостоловъ. Въ честь его названъ былъ его именемъ и любимѣйшій ученикъ Меѳодіевъ при постриженіи въ монашество, которое, слѣдовательно, онъ принялъ уже послѣ хозарской миссіи и обрѣтенія мощей Климента Римскаго.

Уже въ моравскій періодъ жизни своей Климентъ былъ священникомъ. Житіе опредѣленно называетъ его *Κλήμης πρεσβύτερος* (XII гл.), говоря о дѣятельности его въ Моравіи, а въ разсказѣ о переходѣ въ Болгарію дѣлаетъ любопытное замѣчаніе о томъ, что онъ и его спутники получили отъ Бориса священническія одежды (*στολάς τε οἰκείας ἱερεῦσι δοὺς*— гл. XVI). Онъ могъ быть рукоположенъ въ священники еще до моравской миссіи въ Солуни или Константинополѣ; его могъ рукоположить въ Моравіи Меѳодій, оставившій послѣ смерти своей до 200 служителей алтаря (гл. VI). Но есть наибольшія основанія относить его рукоположеніе къ Риму, ко времени путешествія туда съ мощами св. Климента Римскаго первоучителей (867—9). Пространное житіе Кирилла упоминаетъ о посвященіи въ Римѣ учениковъ первоучителей: **и посемъ повелѣ папежь двѣма епѣкама, формосѣ и гондрихѣ сѣтити словѣньскыа оученикы** (гл. XVII), а житіе Меѳодія точнѣе опредѣляетъ число посвященныхъ: **и повелѣ** (апостоликъ) **сватити отъ оученикъ словѣнскъ три попы, а два анагноста** (гл. VI). Авторъ болгарской легенды распространяетъ разсказъ паннонскихъ житій нѣкоторыми подробностями, можетъ быть, на основаніи славянскаго житія Климента. Онъ говоритъ, что папа Адріанъ

---

[1]) Sborník Velehradský I, 1880, p. 207—213. H. Jireček, Kaple a kostily sv Klimenta.

„изъ числа лицъ, сопутствовавшихъ святымъ (Кириллу и Меѳодію), тѣхъ, которые, по засвидѣтельствованію ихъ учителей, были довольно свѣдущи въ языкѣ славянскомъ и отличались благочестивой жизнью, однихъ удостоилъ степени пресвитеровъ, другихъ сдѣлалъ діаконами, а нѣкоторыхъ— иподіаконами“ (гл. III). Сообщеніямъ славянскихъ и греческаго житій соотвѣтствуетъ и показаніе Итальянской легенды: consecraverunt.... et ceteros eorum discipulos in presbyteros et diaconos (c. VIII). Свидѣтельства всѣхъ источниковъ, так. обр., сходятся въ томъ, что въ Римѣ состоялось рукоположеніе нѣсколькихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. Но на кого, какъ не на Климента, могли прежде всего указать проповѣдники, при выборѣ достойнѣйшихъ кандидатовъ священства и по образованію, и по знанію славянскаго языка, и по возрасту? Прямое указаніе на присутствіе въ Римѣ Климента, „ученика иже бысть епископъ въ ликіи“ (=Велики), во время пребыванія тамъ свв. братьевъ даетъ „Успеніе Кирилла“, памятникъ, съ историческими сообщеніями котораго слѣдуетъ считаться [1]).

Недостатокъ біографическаго матеріала не даетъ возможности возстановить дальнѣйшія обстоятельства жизни Климента въ Моравіи и, если онъ всегда сопутствовалъ Меѳодію, въ Панноніи, ни даже точно опредѣлить долю его личнаго участія въ переводческой дѣятельности. Но, судя по послѣдующей напряженной дѣятельности его въ Болгаріи, можно утверждать, что эта доля была весьма значительна.

---

[1]) Наше предположеніе о томъ, что Климентъ еще въ Моравіи былъ епископомъ (Богосл. Энциклопедія подъ ред. *Н. Н. Глубоковскаго*, т. XI, стр. 144), послѣ болѣе тщательнаго анализа болгарской легенды, должно быть отвергнуто. Единственнымъ основаніемъ для этого предположенія могло бы быть показаніе легенды о томъ, что еще до полученія епископской каѳедры Величской онъ поставлялъ достойнѣйшихъ изъ своихъ учениковъ въ діаконскую и пресвитерскую степени (XVIII). Но это, безъ сомнѣнія, рег ὕστερον πρότερον. Однакожъ, нужно думать, что въ Моравіи, дѣйствительно, у Меѳодія было нѣсколько суффраганов. Изъ нихъ извѣстенъ одинъ Вихингъ; можетъ быть, въ ихъ числѣ былъ и Горазд. Изъ посланія папы Іоанна VIII видно, что Меѳодій ощущалъ потребность въ викарныхъ епископахъ еще въ 880 году. *Дитмаръ* говоритъ, что Святополкъ episcopos in sua regione Marierum (Moravia) dicta, habuit. Объ этомъ см. у *Sasinek*, Čechy v X století, v Praze, 1886, p. 23—24.

Во весь свой ростъ впервые встаетъ передъ нами историческій образъ Климента въ той трагедіи, которая произошла въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія и которая сдѣлалась печальнымъ завершеніемъ великаго предпріятія солунскихъ братьевъ и ихъ споспѣшниковъ. Эта трагедія, въ зависимости отъ несовершенства источниковъ, до сихъ поръ остается не вполнѣ выясненной. Многими историками, не только разсматривающими ее подъ угломъ зрѣнія ультра-католическихъ пристрастій, но и совершенно объективными, каковъ † Е. Е. Голубинскій, она представляется въ смягченномъ видѣ или даже совсѣмъ отрицается. Но такъ какъ въ жизни Климента она имѣла чрезвычайно важное значеніе, послуживъ причиной его перехода въ Болгарію, то на ней намъ нужно остановиться съ особеннымъ вниманіемъ.

Въ послѣдніе годы жизни Меѳодія произошли два событія, имѣвшія огромное вліяніе на судьбу славянской церкви въ Моравіи послѣ его смерти. Это—посѣщеніе имъ Константинополя и разрывъ его съ Святополкомъ Моравскимъ. Безъ этихъ событій моравская катастрофа не была бы понятной.

О путешествіи Меѳодія изъ Моравіи въ Константинополь разсказываетъ его житіе, по которому онъ встрѣтилъ тамъ самый радушный пріемъ со стороны царя и патріарха (XIII). Намекъ на это путешествіе, на нашъ взглядъ—совершенно основательно, усматривается нѣкоторыми изслѣдователями (Лапотромъ, Ягичемъ, Пастернекомъ и др.) также въ письмѣ папы Іоанна VIII отъ 881 года въ словахъ: cum deo duce reversus fueris, „когда ты при помощи Божіей возвратишься“ [1]). Оно состоялось по окончаніи дѣла съ подложнымъ письмомъ папы Іоанна VIII, разоблаченнымъ благодаря папскому письму къ Меѳодію отъ 23 апрѣля 881 г., и падаетъ на

---

[1]) A. *Lapôtre*, L' Europe et le Saint—Siège à l' époque carolingienne, I: Le pape Jean VIII. Paris 1895, p. 157; *Jagić*, Zur Entsteh., S. 41; *Pastrnek*, Dějiny slov. apost., str. 119; *Снопекъ* видитъ въ этихъ словахъ указаніе на возвращеніе Меѳодія въ Римъ (List pap. Hadriana, str. 35). Догадку о посѣщенныхъ Меѳодіемъ попутно странахъ—Хорватіи, Далмаціи, Драча—см. у *Иречка*, Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. Wien, 1901, S. 49. *Рипичъ* думаетъ, что Меѳодій путешествовалъ собственно въ Болгарію, но вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтилъ и Царьградъ. *Ritig*, Povijest i pravo slovenštine u crkvenom bogoslužju, sv. I, Zagreb, 1910, str. 80 и сл.

882—4 гг. Значеніе этого путешествія опредѣляется тѣмъ исключительнымъ церковно-юридическимъ положеніемъ, въ которомъ находился съ своей славянской паствой Меѳодій въ теченіе всей своей дѣятельности въ Моравіи. Вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ онъ вначалѣ трудился здѣсь въ качествѣ оффиціальнаго представителя восточной церкви. Оба они были учителями не только въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова, но и въ спеціальномъ, въ смыслѣ церковныхъ должностныхъ лицъ, какими были *διδάσκαλοι* въ Константинопольской церкви [1]). Историческіе источники не даютъ основаній заключать, чтобы въ это время уже Моравія была формально окончательно включена въ Пассовскую или иную епархію. Она представляла собою въ церковномъ отношеніи res nullius, т. е. область, въ которой могли проповѣдывать духовныя лица изъ разныхъ народностей [2]). Правда, здѣсь распространяло христіанство и совершало богослуженіе преимущественно нѣмецкое духовенство на основаніи права проповѣди, которое было признано моравскимъ княземъ Моймiромъ вмѣстѣ съ признаніемъ имъ надъ собою власти франкскаго короля [3]). Но вмѣстѣ съ нѣмецкими священниками здѣсь трудились и итальянскіе [4]). Солунскіе братья вмѣстѣ съ своими учениками, посланные сюда константинопольскимъ патріархомъ, трудились на основаніи права, даннаго имъ Ростиславомъ. Но впослѣдствіи, когда ближайшія цѣли византійской миссіи по введенію славянскаго богослуженія и автокефальной іерархіи были осуществлены, Меѳодій, сдѣлавшись архіепископомъ Моравіи, призналъ надъ собою каноническую юрисдикцію папы. Его подчиненіе папѣ было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бо́льшей про-

---

[1]) Что они трудились въ качествѣ учителей, слѣдуетъ изъ просьбы Ростислава о присылкѣ епископа и учителя (Жит. Кир. XIV), изъ упоминанія о развитіи Божія ученія (Жит. Кир. XV) и изъ предсмертнаго завѣщанія Константина брату не оставлять ученія (Жит. Мее. VIII). Объ учителяхъ, какъ опредѣленномъ званіи въ клирѣ восточной церкви,— см. Leunclavii, Jus graeco-romanum, p. 143—*περὶ διδασκάλων*.

[2]) *Rilij*, Povijest i pravo slov., str. 6.

[3]) *Fäulhammer*, Die Beziehungen Ludw. d. Deut. zum Gr.—Mähr. Reich. Czernowitz, 1862, S. 13. *К. Я. Гротъ*, Моравія и Мадьяры съ пол. IX до начала X вѣка, СПБ., 1881, стр. 119.

[4]) Это видно изъ фульдскихъ анналовъ, подъ 874 г. См. *Гинцеля*, Geschichte d. Slavenapostel, S. 31, и у *Ритига*, цит. соч., 6.

странственной близости Моравіи къ Риму, чѣмъ къ Константинополю, и церковно-правовой принадлежности этой территоріи къ римскому патріархату. Кромѣ того, борьба съ сильнымъ въ странѣ нѣмецкимъ духовенствомъ за литургическое употребленіе славянскаго языка оказалась возможной только при условіи защиты со стороны папы, хотя бы то и вынужденной политическими условіями момента.

Живя на папской территоріи, онъ подчинялся папѣ, но душой онъ былъ всецѣло связанъ съ восточной церковью и въ своей дѣятельности слѣдовалъ ея духу и практикѣ, насколько это возможно было сочетать съ условіями мѣстной церковной жизни. Подобно своему брату, называвшему себя на смертномъ одрѣ цѣсарю слугою (Ж. К. гл. XVIII), онъ также передъ смертью благословляетъ цѣсаря; св. Писаніе онъ прѣложи... отъ грѣчьска языка къ словѣньскъ (Ж. М. гл. XV); послѣ смерти его отпѣваютъ не только на славянскомъ и латинскомъ языкахъ, но и на греческомъ. Богослуженіе въ Моравіи совершалось по восточному обряду. Какъ видно изъ житія Меѳодія и другихъ источниковъ, папа Адріанъ, оказавшій славянскимъ первоучителямъ торжественный пріемъ въ Римѣ, освятилъ тѣ богослужебныя славянскія книги, которыя свв. братья принесли съ собой изъ Моравіи. По этимъ книгамъ славянская служба совершалась еще до путешествія свв. братьевъ въ Римъ. Это видно изъ послѣдовательности мыслей XV главы житія Кирилла, гдѣ вслѣдъ за упоминаніемъ о переводѣ всего церковнаго чина добавлено: и отвѣрзошася, по пророчьскомоу словесн, души глоухыхъ, оуслышатн книжныя словеса... А въ это время они дѣйствовали, какъ уполномоченные Константинопольскаго двора и патріарха, внѣ всякой связи съ Римомъ и западной церковью, и потому, безспорно, могли слѣдовать и слѣдовали только восточному обряду и греческимъ книгамъ. Слѣдовательно, и въ посланіи къ Ростиславу и Коцелу папа говоритъ только о восточной литургіи. Очень возможно, что нѣкоторые отдѣлы богослужебныхъ книгъ были переведены и съ латинскаго, какъ можно заключать объ этомъ изъ Пражскихъ глаголическихъ отрывковъ XI в. [1]) и другихъ дан-

[1]) Другіе церковнославянскіе тексты западнаго обряда, въ томъ числѣ и Кіевскіе Отрывки, по всей вѣроятности, относятся къ позднѣйшему времени. См. *А. И. Соболевскій*, Матеріалы и изслѣдованія въ области слав. филологіи и археологіи, СПБ., 1910, стр. 105.

ныхъ, но западный обрядъ въ славянскомъ богослуженіи допускался лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ и случаяхъ, вѣроятно—какъ уступка крайнимъ ревнителямъ западной церкви [1]).

Но по мѣрѣ того, какъ Меѳодій все больше и больше развивалъ свою дѣятельность, все больше и больше усиливались интриги противъ него со стороны нѣмецкаго духовенства. И извилистая политика папъ, то разрѣшавшихъ, то запрещавшихъ славянское богослуженіе, отдавала его въ жертву нѣмецкому духовенству, которое могло достигнуть преобладанія въ странѣ лишь путемъ уничтоженія славянскаго богослуженія.

Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ западной церкви Меѳодій и его послѣдователи нигдѣ не могли найти себѣ устойчивой почвы для укрѣпленія наиболѣе дорогого имъ дѣла—славянскаго богослуженія, безъ котораго теряло смыслъ для нихъ и самое пребываніе въ Моравіи. Опору могла оказать имъ только Византія, въ лучшихъ представителяхъ которой возникла и самая идея національныхъ церквей. И вотъ нѣсколько ослабѣвшая съ годами духовная связь Меѳодія съ византійской церковью обновилась послѣ путешествія его въ Константинополь и свиданія съ императоромъ Василіемъ Македонянином и патріархомъ Фотіемъ. Послѣдніе, въ виду недавняго отпаденія къ Риму Хорватіи и усиленныхъ попытокъ Рима привлечь къ себѣ Болгарію, естественно и сами хотѣли возобновить прерванныя сношенія съ славянской Моравіей, для чего благопріятной почвой былъ восточный обрядъ въ славянскомъ богослуженіи. Со стороны ихъ, поэтому, заявлено было новое полное признаніе славянскаго языка въ богослуженіи и даже оставлены были,—очевидно, для дальнѣйшаго распространенія среди славянъ церковнаго и политическаго вліянія Византіи,—изъ спутниковъ Меѳодія священникъ и діаконъ съ славянскими книгами. Принимая признаніе и одобреніе той сторонѣ своей дѣятельности, къ которой отрицательно относилось мѣстное нѣмецкое духовенство и измѣнчиво—папство, моравскій архіепископъ тѣмъ

---

[1]) Свидѣтельство Зальцбургскаго анонима о славянскомъ богослуженіи въ Паннонiи не обладаетъ такой ясностью, чтобы можно было говорить здѣсь о западномъ обрядѣ. О немъ у *Пастернека*, стр. 95.

самымъ закрѣплялъ духовную связь своей паствы съ Византіей. Но дѣло здѣсь пошло, повидимому, гораздо дальше одной только духовной связи. За послѣдніе 3—4 года жизни Меѳодія до насъ не дошло никакихъ папскихъ документовъ, и часто повторяемое мнѣніе о томъ, что онъ въ это время наслаждался миромъ, ничѣмъ не доказывается. По крайней мѣрѣ посланія папы Стефана VI представляютъ собою уже нѣчто не совсѣмъ ожиданное даже съ точки зрѣнія политики предшествующихъ папъ. Въ посланіи къ Святополку не только окончательно запрещается славянское богослуженіе, но и подробно излагаются какъ разъ тѣ пункты ученія западной церкви—объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына и о субботнемъ постѣ,—въ которыхъ она начинала окончательно расходиться съ восточной, при чемъ Меѳодій осуждается за лжеученіе, противное римской церкви, и за анаѳему на Вихинга. Но всего интереснѣе для насъ производимая Стефаномъ оцѣнка дѣятельности Меѳодія съ точки зрѣнія канонической, особенно если сопоставить эту оцѣнку съ тѣмъ отзывомъ о канонической сторонѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ, который былъ сдѣланъ раньше папою Адріаномъ II (869—870). Послѣдній писалъ: **она же** (Кириллъ и Меѳодій) **увѣдѣкша апостольскаго стола достоѩща наша страны, кромѣ канона не сотвористѣ нинѣсоже, но къ намъ придосте** (Жит. Меѳ. VIII). Не то мы читаемъ въ инструкціи папы Стефана VI посламъ. Говоря о поставленіи Меѳодіемъ Горазда въ преемники себѣ, онъ обвиняетъ Меѳодія въ противорѣчіи постановленіямъ всѣхъ святыхъ отцовъ: successorem, quem Methodius subimet contra omnium sanctorum patrum statuta constituere presumpsit ne ministret,.. interdicite. [1]) Хотя обѣ эти оцѣнки имѣютъ въ виду частные факты изъ дѣятельности Меѳодія, но, безусловно, онѣ отражаютъ за собою и вообще точку зрѣнія на него папъ въ разные моменты. И обвиненіе его въ нарушеніи святостеческихъ постановленій, съ точки зрѣнія папы, представляется намъ совершенно справедливымъ. Хотя Меѳодій и былъ архіепископомъ автокефальнымъ, но его независимость отъ Пассавскаго, Зальцбургскаго или иного епископа не из-

[1]) Изданіе инструкціи у *Эвальда*, Neues Archiv der Geseschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, 1880, B. V., cap. XIV инструкціи.

бавляла его отъ зависимости отъ римскаго патріарха. Слѣдовательно, поставленіе преемника, въ смыслѣ-ли простого назначенія и предъизбранія его, или въ смыслѣ даже возможнаго возведенія его въ епископскій санъ, безъ всякихъ сношеній съ Римомъ, со стороны Меѳодія слѣдуетъ признать незаконнымъ, но подъ однимъ условіемъ: если власть папы сохранила для него до конца свою обязательную силу. Точно также беззаконіемъ слѣдуетъ признать и другой рѣшительный поступокъ Меѳодія: преданіе анаѳемѣ Вихинга. По каноническимъ правиламъ, одинъ епископъ самостоятельно не можетъ судить другого, какъ бы ни велика была его вина. Самъ Меѳодій въ Панноніи подвергся соборному суду. Наконецъ, и непринятіе субботняго поста, съ точки зрѣнія церковной дисциплины, было съ его стороны тоже своего рода сопротивленіемъ Риму. Объяснить всѣ эти смѣлые поступки можно, допустивъ одно изъ двухъ: или Меѳодій, порвавъ съ папой, въ концѣ жизни дѣйствовалъ совершенно независимо, пренебрегши всѣми канонами церковными, и потому, дѣйствительно, является нарушителемъ „постановленій всѣхъ святыхъ отцовъ“; или же, отвергши юрисдикцію Рима, онъ признавалъ надъ собою и надъ вѣрной ему паствой церковную власть восточной церкви, на которую и сталъ опираться въ своей дѣятельности. Первому объясненію совершенно противорѣчитъ высокій нравственный обликъ святителя, обладавшаго къ тому же уваженіемъ ко всѣмъ установленіямъ церковнымъ, осмотрительнаго и послѣдовательнаго въ своихъ поступкахъ. Всѣ основанія имѣетъ для себя второе объясненіе.

Соотношеніе фактовъ рѣшительно показываетъ, что источникъ своихъ каноническихъ полномочій, превышавшихъ компетенцію одного, хотя бы то и автокефальнаго, архіепископа, Меѳодій нашелъ тамъ, гдѣ онъ нашелъ полное признаніе и поддержку наиболѣе дорогому ему дѣлу славянскаго богослуженія, т. е., въ Константинополѣ. Измученный нѣмецкимъ духовенствомъ, предоставленный въ борьбѣ съ нимъ больше самому себѣ, чѣмъ активной поддержкѣ папъ, онъ къ концу жизни постепенно порывалъ съ Римомъ и оживлялъ свои связи съ Константинополемъ. Личная нравственная связь архіепископа съ восточной церковью постепенно, со времени путешествія его въ Константино-

поль, выростала въ каноническую связь Моравской церкви съ нею. Можетъ быть, эта связь не успѣла отлиться еще въ точныя церковно-юридическія нормы, но она была уже до такой степени надежной, что дала основаніе ему во всѣхъ указанныхъ случаяхъ дѣйствовать рѣшительно и въ согласіи съ духомъ церкви восточной. Съ точки зрѣнія такого представленія дѣла пріобрѣтаютъ себѣ удовлетворительное объясненіе тѣ ожесточенныя преслѣдованія, которымъ подверглись со стороны латино-нѣмецкаго духовенства ученики Меѳодія послѣ его смерти. Съ точки зрѣнія такого представленія дѣла становится понятной и та заботливость, которую проявила Византія въ отношеніи къ судьбѣ славянскаго духовенства, проданнаго евреями въ Венецію. Наконецъ, не однимъ только настойчивымъ употребленіемъ славянскаго языка въ богослуженіи и непринятіемъ Filioque и субботняго поста объясняется и рѣзкій тонъ посланія Стефана VI. Уже эти вины Меѳодія въ глазахъ папы объединялись въ единомысліе его съ восточной церковью, съ которой и канонически начинала сливаться моравская паства. Поэтому въ посланіи папа позволяетъ себѣ презрительно называть Моравскаго архіепископа просто Methodius безъ присовокупленія обычныхъ въ оффиціальныхъ посланіяхъ—archiepiscopus et frater noster, подобно тому, какъ папа Николай осужденному Фотію адресовалъ письмо съ надписью viro Photio. Стефанъ VI называетъ безумнымъ того, кто хулитъ римскую церковь, грозитъ проклятіемъ Меѳодію за то, что онъ изрекъ его въ порицаніе католической вѣрѣ, многозначительно восхваляетъ Святополка за то, что онъ, *не блуждая по другимъ мѣстамъ*, пожелалъ получить наставленія въ вѣрѣ отъ самой римской церкви. Очевидно, сношенія Меѳодія съ Константинополемъ, особенно въ виду окончательнаго перехода Болгаріи подъ власть восточной церкви, представлялись папѣ угрожающими его владычеству надъ Моравіей, отсюда—и всѣ рѣзкости знаменитой папской буллы.

Другое обстоятельство, способствовавшее разгрому славянской церкви, состоитъ въ разрывѣ между Меѳодіемъ и Святополкомъ, происшедшемъ въ концѣ жизни Меѳодія. Имя Святополка въ исторіи славянской церкви пріобрѣтаетъ совершенно другое освѣщеніе, чѣмъ въ славянской исторіи

вообще. Историки представляютъ его умнымъ и могущественнымъ правителемъ, укрѣпившимъ и далеко расширившимъ свое государство [1]). Но въ связи съ дѣятельностью Меѳодія и его учениковъ онъ много теряетъ своей обаятельности. Здѣсь онъ оказывается недальновиднымъ правителемъ, орудіемъ въ рукахъ нѣмецкой партіи и, въ частности, викарнаго епископа Вихинга, человѣка своекорыстнаго, приближеннаго къ нѣмецкому королю Арнульфу. Цѣлый рядъ данныхъ обнаруживаетъ, что онъ, цѣня, подобно Ростиславу, самостоятельность моравской церкви, былъ совершенно равнодушенъ къ славянскому языку въ богослуженіи. О пристрастіи его, равно какъ и вообще аристократическаго класса Моравіи, къ латинскому богослуженію заключаемъ изъ словъ папы Іоанна VIII, обращенныхъ къ нему въ посланіи 880 г.: si tibi et judicibus tuis placet missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum tibi solemnia celebrentur. Дѣйствительно, Святополкъ неохотно посѣщалъ славянское богослуженіе, предпочитая ему латинское. Только этимъ можно объяснить извѣстный изъ житія Меѳодія случай, когда онъ убѣждалъ князя явиться къ нему съ войскомъ на литургію въ день св. Петра и Павла, обѣщая ему за это побѣду надъ врагами (гл. XI). Въ соотвѣтствіе съ этими данными нужно поставить и то обстоятельство, что Святополкъ, какъ видно изъ цитированнаго выше письма Іоанна VIII, самъ обратился къ этому папѣ съ запросомъ относительно правовѣрія Меѳодія,—слѣдовательно, онъ сомнѣвался даже въ законности славянскаго языка, которому такъ ревностно служилъ Меѳодій.

Таковы факты, свидѣтельствующіе о пренебрежительномъ отношеніи князя къ славянскому богослуженію. Въ чемъ объясненіе ихъ? Извѣстно, что западные писатели въ средніе вѣка часто называли православныхъ словомъ pagani—язычники. Такимъ именемъ въ частности называли на западѣ православныхъ славянъ съ ихъ церковно-славянскимъ языкомъ въ богослуженіи, при чемъ съ словомъ pagani, что собственно значитъ простой, деревенскій народъ, соединялось представленіе объ ихъ народномъ богослужебномъ

[1]) *Bretholz*, Geschichte Mährens, B. I, Brünn, 1893, S. 44—58. *Ѳ. И. Успенскій*, Первыя слав. монархіи на сѣверо-западѣ. СПБ., 1872, стр. 71 сл.

языкѣ [1]). Такимъ отношеніемъ къ церковно-славянскому языку проникнуты были главнымъ образомъ высшіе классы западныхъ славянъ и ихъ князья. Достаточно вспомнить чешскихъ князей, преслѣдовавшихъ славянскій языкъ и восточный обрядъ въ богослуженіи въ XI вѣкѣ. Святополкъ, слѣдовательно, представляетъ собою въ этомъ отношеніи далеко не исключительный примѣръ большаго пристрастія къ общепризнанному культурному языку, латинскому, чѣмъ къ простонародному славянскому. Питая слабость ко всему нѣмецкому, въ частности—къ иностранцамъ военнаго и духовнаго сословія, онъ видѣлъ въ народной церкви и славянскомъ богослуженіи учрежденіе низшаго порядка, пріятное лишь неразвитымъ массамъ [2]). При такихъ условіяхъ въ отношеніяхъ Святополка къ Меѳодію существовала нѣкоторая двойственность: онъ не могъ не уважать его личности, но относился съ совершенной холодностью къ его трудамъ. Эта холодность съ теченіемъ времени должна была перейти прямо въ раздраженіе противъ святителя, потому что князь былъ „рабомъ женскихъ похотей“, а Меѳодій въ этомъ отношеніи, не въ примѣръ нѣмецкому духовенству, не отличался снисходительностью къ людскимъ порокамъ (см. Жит. М. XI гл.; ср. Ж. К. XV гл.). Отсюда—равнодушіе князя къ происканъ нѣмецкаго духовенства противъ архіепископа;

---

[1]) *Мацеевскій*, Исторія первобытной церкви у славянъ, пер. Евецкаго. Варшава, 1840, стр. 167—8 и 235—6.

[2]) За это превозноситъ Святополка до небесъ проф. Брюкнеръ, по мнѣнію котораго уничтоженіе славянской литургіи въ Моравіи было мудрѣйшимъ и величайшимъ, какое только знаетъ исторія, благодѣтельнымъ для славянства дѣломъ могучаго и знаменитаго Святополка. *Brückner*, Thesen zur Cyrillo-Methodianischen Frage. *Arch. f. Sl. Phil.*, B. XXVIII. Очевидно, берлинскій славистъ въ вопросѣ о значеніи національнаго языка для развитія народа стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ и Святополкъ. Однако, не говоря уже о прочемъ, нельзя забывать, что отъ обширнѣйшаго и могущественнаго Моравскаго государства, спустя 20 лѣтъ послѣ смерти Меѳодія, не осталось почти ничего, между тѣмъ какъ славяне, культивировавшіе свой языкъ въ литературѣ, пережили всѣ безчисленныя невзгоды и сохранили до нашихъ дней свою національную и политическую самостоятельность. Причина этого, разумѣется, не въ языкѣ, но онъ былъ всегда однимъ изъ могучихъ возбудителей національной и политической энергіи у славянскихъ народностей.

отсюда, съ другой стороны,—увѣщанія и обличеніе со стороны послѣдняго по адресу князя. Въ результатѣ всего въ концѣ жизни своей Меѳодій, какъ мы видѣли, или провозгласилъ на Святополка вмѣстѣ съ Вихингомъ анаѳему, или по крайней мѣрѣ сдѣлалъ самую рѣшительную угрозу ея. Для такого заключенія даетъ основанія посланіе Стефана VI, въ которомъ папа послѣ упоминанія объ анаѳемѣ Меѳодія сразу же реабилитируетъ князя и народъ, объявляя ихъ невинными передъ судомъ Духа Святаго. Другія указанныя раньше свидѣтельства, и особенно легенда Христіана, подтверждаютъ это заключеніе. Опору Меѳодію для борьбы съ княземъ могла дать опять Византія. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ ему пригодились посланія Адріана и Іоанна VIII, которые предоставляли ему право противниковъ славянскаго богослуженія, если на нихъ не подѣйствуетъ увѣщаніе, предавать отлученію [1]).

Такимъ образомъ, оживленіе церковныхъ связей школы Меѳодія съ Византіей въ послѣдніе годы его жизни сопровождалось разрывомъ его съ Римомъ, нѣмецкимъ духовенствомъ и Святополкомъ. Какъ разъ въ это время, съ 882 до 884 года, Святополкъ воевалъ съ нѣмецкимъ королемъ Арнульфомъ, вступившимъ въ союзъ съ врагами грековъ—болгарами, и вражда моравскаго народа къ нѣмцамъ и болгарамъ содѣйствовала симпатіямъ къ грекамъ. Разрывъ Меѳодія съ западной церковью былъ настолько глубокъ, что въ западныхъ памятникахъ послѣдующаго времени, особенно

---

[1]) Съ предполагаемымъ осужденіемъ Святополка со стороны Меѳодія стоятъ, повидимому, въ нѣкоторомъ противорѣчіи два сообщаемые источниками факта: освященіе архіепископомъ церкви въ Брнѣ въ 884 г., въ присутствіи Святополка, и то, что передъ смертью архіепископъ призвалъ благословеніе не только на „цѣсаря“ и клириковъ, но и на князя. Но латинская запись объ освященіи церкви въ Брнѣ, открытая Monse и изданная впервые *Бочкомъ*, послѣ доказательствъ *Brandl'я*, считается подложной. *Pastrnek*, Cyr. a Meth., p. 124. Благословеніе же Меѳодія по адресу „князя“, если подъ „княземъ“ нужно непремѣнно разумѣть Святополка и если это соотвѣтствуетъ дѣйствительности (составитель житія Меѳ. въ общемъ очень благосклоненъ къ Святополку), свидѣтельствуетъ о томъ, что миролюбивый архіепископъ или незадолго до смерти снялъ съ князя анаѳему, или что онъ и раньше ограничился только угрозой ея. Нельзя забывать при этомъ, что самъ Святополкъ не присутствовалъ ни при послѣднемъ прощаніи Меѳодія, ни при погребеніи его.

въ посланіи 900 г. баварскихъ епископовъ и на Сплетскомъ соборѣ 925 года самостоятельное существованіе славянской церкви представляется временемъ церковнаго мятежа, даже языческаго отступленія отъ церкви, а самъ Меѳодій является отступникомъ, еретикомъ, аріаниномъ, церковнымъ татемъ и разбойникомъ...

Св. Меѳодій сошелъ въ могилу 6 апр. 885 года. Послѣ его смерти въ Моравіи рѣзко обозначились двѣ партіи духовенства: одна — латино-нѣмецкая, во главѣ съ отлученнымъ Вихингомъ, опиравшаяся на поддержку папы и симпатіи князя; другая — славянская, опиравшаяся на Византію, во главѣ съ Гораздомъ и Климентомъ [1]). Намъ неизвѣстны всѣ подробности борьбы между этими партіями, потому что болгарская легенда въ изображеніи ея суживаетъ историческую перспективу сообразно съ своей полемической тенденціей. Изъ всей совокупности источниковъ видно, что борьба между партіями касалась признанія архіепископомъ Горазда или Вихинга, вопроса о славянскомъ богослуженіи и вопроса о Filioque и субботнемъ постѣ. Всѣ эти подробности имѣли принципіальное значеніе: онѣ сводились къ борьбѣ національной славянской церкви, покровительствуемой Константинополемъ, съ космополитическимъ Римомъ, къ борьбѣ православнаго догмата съ католическимъ, восточнаго обряда съ западнымъ. Въ моментъ, когда раздѣленіе восточной и западной церкви уже вполнѣ опредѣлилось, но еще не достигло своего окончательнаго завершенія, исторія поставила кружокъ учениковъ Меѳодія, во главѣ съ Гораздомъ и Климентомъ, въ положеніе передовыхъ борцовъ съ западомъ. Это положеніе оказалось болѣе тяжелымъ, чѣмъ въ какомъ былъ Меѳодій. Послѣдній, по крайней мѣрѣ до путешествія въ Константинополь, находился въ канонической связи съ Римомъ. Теперь эта связь была разрушена,

---

[1]) Цѣлый рядъ соображеній и догадокъ о борьбѣ славянскихъ учениковъ съ представителями западной церкви имѣется въ Кирилло-Меѳодіевской литературѣ, особенно въ изслѣдованіяхъ—*Лавровскаго, Leger, Рачкаго, Сасинка, Малышевскаго* (по полнотѣ и обстоятельности изображенія дѣла его трудъ о Кириллѣ и Меѳодіи превосходитъ изслѣдованія другихъ), *Ягича, Пастернека, Снопка, Ритига, Лаврова* (см. глубоко-содержательныя рецензіи его на соч. Пастернека, *Визант. Врем.* 1903, т. X, вып. 3—4, и Снопка, *Журн. мин. нар. пр.* 1907, авг.).

и уголокъ восточной церкви, пріютившійся въ Моравіи, на папской территоріи, но связанный и догматически, и канонически съ Византіей, долженъ былъ испытать осаду со всѣхъ сторонъ: со стороны папы, его легатовъ, латино-нѣмецкаго духовенства и даже со стороны Святополка. Сигналъ для борьбы этихъ двухъ партій былъ данъ посланіемъ къ Святополку папы Стефана и посылкой для устройства церковныхъ дѣлъ папскихъ легатовъ—епископа Доминика и пресвитеровъ Іоанна и Стефана, которые отъ имени папы должны были по инструкціи потребовать внесенія въ символъ Filioque, замѣны славянскаго богослуженія латинскимъ и устраненія Горазда отъ дѣлъ архіепископіи впредь до прибытія его въ Римъ. Моравскимъ архіепископомъ назначался Вихингъ. Ученики Меѳодія отказались выполнить требованія папы. Завязалась борьба, въ которой особенно важное значеніе пріобрѣла полемика съ „треязычной“ и „іопаторской“ ересями.

Исключительность латинскаго языка въ богослуженіи западной церкви въ IX вѣкѣ была общепринятой, и ученіе о законности богослужебнаго употребленія только трехъ языковъ—латинскаго, греческаго и еврейскаго—успѣло пріобрѣсти догматически выраженную форму. Ихъ священное значеніе стало обосновываться на треязычной надписи на крестѣ Спасителя [1]). Въ древнѣйшую эпоху исторіи церкви, дѣйствительно, общественное богослуженіе совершалось на греческомъ, латинскомъ и сирохалдейскомъ языкахъ, потому что эти языки на территоріи распространенія христіан-

---

[1]) „Треязычная ересь“ въ эпоху Кирилла и Меѳодія была общеизвѣстной на западѣ теоріей. Защитниковъ ея памятники называютъ „треязычниками“ или „пилатниками“. Жит. Кир. XV; Жит. Мее. VI. Кириллъ въ предсмертной молитвѣ проситъ Бога погубить „треязычную ересь“. Жит. Кир. XVIII. Объ этомъ ученіи упоминаютъ также похвала Кириллу, службы свв. братьямъ, богослужебныя пѣснопѣнія, указанныя выше (см. стр. 79—80), сказаніе Храбра, русская лѣтопись, Хиландарская повѣсть (*Оѳр. Кр.*[3], *отд.* 72). Патр. Фотій говоритъ: *Λέγουσι (φράγγοι) μὴ δεῖν ἄλλαις γλώσσαις τὸ θεῖον γεραίρεσθαι, εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταύταις διαλέκτοις· ἑβραϊστὶ, ἑλληνιστὶ, ῥωμαϊστί.* Opisculum contra Francos, изд. Гергенрётера въ Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia, pag. 62—67. Цитата заимствована изъ ст. *Снопка* въ Zbornik u Slavu V. Jagica, p. 284 sqq. Снопекъ приписываетъ Opusculum contra Francos Льву, архіепископу Охридскому, но серьезныхъ основаній, на нашъ взглядъ, для этого нѣтъ

ства были господствующими въ литературѣ и общежитіи. Но съ теченіемъ времени этотъ естественный историческій фактъ возведенъ былъ въ фанатическій принципъ. Въ западной церкви, въ Римѣ, Галліи, Испаніи и Африкѣ, латинскій языкъ пріобрѣлъ исключительное право на богослужебное употребленіе. Такимъ способомъ поддерживалось всеобъемлющее латинское господство на западѣ и создавался противовѣсъ притязаніямъ народнаго элемента на самостоятельность въ церковной жизни. Впервые заявленіе о трехъ языкахъ въ богослуженіи было сдѣлано Исидоромъ Севильскимъ († 636); потомъ въ VIII вѣкѣ оно стало развиваться въ франко-германской имперіи [1]). Правда, нѣкоторыя отдѣльныя лица на Западѣ, какъ Карлъ Великій, умѣли возвыситься надъ этимъ ученіемъ до признанія за каждымъ человѣкомъ права молиться Богу на своемъ языкѣ [2]), но на дѣлѣ на народныхъ языкахъ допускалась лишь проповѣдь, молитвы, а также объясненіе символа вѣры и молитвы Господней [3]). Въ сущности и это было уже уступкой назрѣвшей необходимости, дальше которой не позволялось никому двигаться. Однакожъ, славянамъ моравскимъ и паннонскимъ, благодаря энергіи Ростислава и разрѣшенію папы Адріана II, вынужденнаго на этотъ шагъ для удержанія подъ своей властью Моравіи и Панноніи,—удалось получить себѣ богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Когда же впослѣдствіи, послѣ колебаній папства, послѣдовало безусловное запрещеніе славянскаго богослуженія со стороны папы Стефана VI, ученики Меѳодія, лишенные поддержки Святополка, очутились лицомъ къ лицу съ страшно враждебной себѣ силой

---

[1]) Fontes rer. boh. I, p. 30. Подробнѣе—у *Рачкаго*, *Воронова*, *Малышевскаго*, *Ягича* и др.

[2]) На соборѣ 794 года во Франкфуртѣ было сдѣлано постановленіе: Ut nullus credat, quod nonnisi in tribus linguis Deus orandus sit, quia in omni lingua Deus adoratur.

[3]) Франкскими соборами конца VIII и начала IX вѣка примѣненіе народнаго языка въ этихъ случаяхъ даже узаконялось. Составлялись цѣлые сборники проповѣдей для народа, первоначальныхъ молитвъ, объясненій молитвы Господней и символа вѣры на народныхъ языкахъ. Сборники эти носили названіе Cathechesis theotisca. Передъ нами одинъ изъ такихъ сборниковъ на древне-нѣмецкомъ языкѣ—Incerti monachi Weissenburgensis catechesis theotisca, seculo IX conscripta, ed. *Eccardus* MDCCXIII.

въ лицѣ латино-нѣмецкаго духовенства. Борясь противъ славянскаго богослуженія, послѣднее не только преслѣдовало принципъ папской политики, направленной къ объединенію латинскимъ языкомъ всѣхъ христіанъ, но и обнаруживало стремленіе соблюсти своего рода равновѣсіе въ проявленіи народныхъ началъ въ жизни различныхъ національностей. Когда попытка Карла Великаго сплотить подъ властью императора всѣ разноплеменные народы запада оказалась неудачной, во второй половинѣ IX вѣка эти народы—нѣмцы, французы сѣвера и юга, итальянцы—стали все болѣе и болѣе заявлять себя, какъ особыя національности, проявлять себя въ развитіи своихъ языковъ и созданіи собственныхъ литературъ. И вотъ какъ разъ въ то время, когда въ Моравіи совершался переводъ на народный языкъ священныхъ книгъ и уже въ церквахъ раздавалась славянская литургія,—на народныхъ языкахъ—нѣмецкомъ и романскомъ—тоже создавались и увѣковѣчивались, при помощи латинскаго письма, первыя литературныя произведенія—Heliand, Krist, Evangelienbuch Отфрида, стихотворное житіе св. Евлаліи—первенецъ французской литературы—и др. Хотя эта зарождавшаяся литература тоже носила на себѣ религіозный характеръ, но о замѣнѣ въ богослуженіи нѣмецкимъ или французскимъ языкомъ латинскаго не могло быть и рѣчи [1]). Такимъ образомъ, моравскіе славяне, этотъ варварскій народъ, стоявшій далеко позади нѣмцевъ въ умственномъ и гражданскомъ развитіи, неожиданно опередилъ всѣ народы Европы въ проявленіи своего національнаго бытія. Могло ли потерпѣть такую привилегію славянскаго языка, а слѣдовательно—и славянской національности, не только папство и латино-нѣмецкое духовенство, но и франкское государство, если языкъ этотъ, какъ видно изъ папскихъ посланій, считался варварскимъ, если даже самое христіанство моравянъ за десять лѣтъ до при-

---

[1]) Факту употребленія въ богослуженіи на народныхъ языкахъ проповѣди, символа вѣры, молитвъ и ихъ толкованій, а также отрывковъ изъ свящ. писанія, въ большинствѣ случаевъ передѣланныхъ въ псалмы,—нельзя придавать слишкомъ большого значенія. Во всякомъ случаѣ значеніе это преувеличивается, на основаніи *Binterim*, Pragmat. Geschichte d. deutschen Consil. B. III, S. 180, даже у русскихъ ученыхъ—*Горскаго* (Кир.-Меѳ. Сб., 35), *Воронова* (Главн. пст., 272—3), особенно проф. *Знаменскаго* (*Правосл. Соб.* 1885, I, стр. 383).

хода къ нимъ солунскихъ братьевъ, на Майнцкомъ соборѣ 882 г. нѣмецкими епископами было признано грубымъ (rudis adhuc christianita) [1])? Усилія Климента, Горазда и ихъ сотрудниковъ защитить славянскій языкъ были при такихъ условіяхъ безплодны. Треязычная ересь восторжествовала, и славянскій языкъ въ Моравіи былъ осужденъ на постепенное замираніе и то только въ литературѣ внѣ-богослужебнаго содержанія [2]).

---

[1]) *Gfrörer*, Geschichte der ost-und westfrankischen Carolingen, Freiburg, 1847, B. I, S. 450.

[2]) Вмѣстѣ съ изгнаніемъ изъ Моравіи учениковъ Меѳодія славянская литургія и славянская письменность не умерли здѣсь сразу, но осуждены были на постепенное угасаніе. Сохранились слѣды и памятники славянской литературы Моравскаго происхожденія, часть которыхъ, несомнѣнно, должна быть пріурочена къ послѣмеѳодіевскому періоду. *А. И. Соболевскій* указалъ и разсмотрѣлъ значительное количество памятниковъ, моравизмы которыхъ заставляютъ предполагать ихъ моравское происхожденіе. (Тексты моравскаго происхожденія, *Русск. Фил. Вѣст.* 1900 г.). Прэф. *Пекаржъ* въ разборѣ легенды о св. Вячеславѣ предполагаетъ для этой и моравской легендъ какой-то общій славянскій источникъ, содержаніемъ котораго была исторія борьбы Меѳодія за славянское богослуженіе (*Čas. Česk. Hist.*, VIII, p. 403). Онъ могъ явиться въ Моравіи. Далеко не всѣ славянскіе памятники того времени уцѣлѣли, потому что латино-нѣмецкое духовенство, по всей вѣроятности, предавало ихъ уничтоженію. (См. *Sasinek*, O cirkvenim dějepise Slovanů, p. 32), подобно тому, какъ въ XI вѣкѣ латинскіе монахи, овладѣвъ въ Чехіи Сазавскимъ монастыремъ, спалили на кострѣ всѣ славянскія книги. Преемницей Моравіи въ развитіи славянской литургіи и письменности оказалась Чехія. Такіе памятники, какъ Пражскіе глаголическіе отрывки, легенды о св. Людмилѣ и Вячеславѣ на слав. языкѣ, славянское житіе св. Прокопія, до насъ не дошедшее, такіе историческіе факты, какъ славянское богослуженіе въ монастырѣ Сазавскомъ, запрещеніе славянскаго богослуженія въ 967 г. папою Іоанномъ XIII при открытіи епископской каѳедры въ Прагѣ, неудачная попытка короля Вратислава ввести славянское богослуженіе въ Чехіи (1079—80 г.), изгнаніе аббата Божетѣха съ славянскими книгами, такія наблюденія, какъ слѣды славянской терминологіи въ чешскихъ богослужебныхъ книгахъ, такіе остатки старины и обряда, какъ православная молитва „Господи помилуй",—всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о бо́льшей степени развитія, чѣмъ до послѣдняго времени принято было думать, славянской письменности и славянскаго богослуженія въ Чехіи. Въ сосѣдней съ Чехіей Польшѣ также нѣкоторое время существовала славянская литургія и славянская письменность, и, если вѣрить лѣтописцу Длугошу, лишь въ его время послѣдняя славянская церковь Кракова была превращена въ латинскую. Е. *Новиковъ*, Православ. у чеховъ, М. 1848;

Другимъ предметомъ столкновенія между славянскимъ и латино-нѣмецкимъ духовенствомъ былъ вопросъ объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына. Въ этомъ вопросѣ ученики Меѳодія, какъ и онъ, были противниками латинской прибавки Filioque въ символѣ вѣры и держались православнаго ученія. Представлять ихъ защитниками Filioque, въ смыслѣ-ли простого признанія этого ученія, или внесенія его въ символъ, не позволяютъ ни пространныя житія свв. братьевъ, ни службы въ честь ихъ, ни посланіе папы Стефана, ни житіе Климента, ни житіе Наума [1]). Если папа Іоаннъ VIII

Sasinĕk, Čechy v X stol.; *Мацеевскій*, Истор. перв. церкви у сл.; *И. С. Пальмовъ*, Кирилло-Меѳодіевскія преданія у ю.-западн. славянъ латинскаго обряда, *Христ. Чтеніе* 1885 г., ч. I, 741 и сл.; *Jagić*, Zur Entstehungs. p. 54—58; *Pastrnek*, Dějiny slov apošt., p. 136 и слѣд.; *А. И. Соболевскій*, Матеріалы и изслѣдованія въ области слав. филологіи и археологіи, 106—9, и др. Въ славянскихъ земляхъ при Эльбѣ и Балтійскомъ морѣ нѣмецкіе монахи разныхъ орденовъ должны были искоренять славянскую церковь вплоть до самаго XV вѣка. *Вороновъ*, Нѣмецко-латинская пропаганда у славянъ Полабскихъ въ X—XI вв. *Труды К. Д. Акад.* 1871, т. IV, стр. 2 и сл., также *Гильфердингъ*, Исторія балтійскихъ славянъ, и др. Живучесть славянскаго богослуженія у западныхъ славянъ была настолько сильна, что среди нѣмцевъ впослѣдствіи появилась даже теорія, оправдывавшая славянскій языкъ, какъ языкъ богослужебный. *Е. Е. Голубинскій* въ рукописномъ сочиненіи „Свв. Констант. и Меѳодій“ указалъ на рукопись Вѣнской имп. библіотеки 1384 года, содержащую въ себѣ сдѣланный въ этомъ году, по приказанію герцога Альберта III, нѣмецкій переводъ одного латинскаго Раціонала (=церк. устава), въ предисловіи къ которому изложено ученіе о языкахъ, имѣющихъ право на богослужебное употребленіе. Такими языками здѣсь считаются—греческій, латинскій и *виндскій*, т. е., *славянскій* (Винды=славяне, см. *Шафарикъ*, Слав. древн. въ русск. переводѣ, т. I, кн. 2), занявшій мѣсто языка еврейскаго, будто-бы отвергнутаго за невѣріе евреевъ. Объ этой ркп.—у *Lambecii*, Commentariorum de Bibliotheca Vindob. lib. VI, ed. 2, p. 588,

[1]) Латинское ученіе о Filioque въ жит. Мео. называется *іопаторской* ересью (XII). Видѣть здѣсь какое-либо иное еретическое ученіе, вслѣдъ за г. Сиопкомъ, нѣтъ рѣшительно ни малѣйшихъ основаній. Противъ этого говоритъ уже одинъ коммонитаріумъ Стефана VI, гдѣ излагается, въ противовѣсъ лжеученію (superstitioni) Меѳодія, именно ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Терминъ *іопаторская* ересь происходитъ отъ формулы, выражающей исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына—ἐκ Πατρὸς καὶ Υἱοῦ или Υἱοῦ καὶ Πατρός. Онъ не совсѣмъ точно опредѣляетъ сущность этого ученія. Υἱοπάτωρ, υἱοπατορία въ древней церковной литературѣ прилагалось къ савелліанству (*Sophocles*, Greek lexicon of the

нашелъ Меѳодія согласнымъ въ ученіи съ римской церковью, то отсюда не то слѣдуетъ, что Меѳодій исповѣдывалъ Filioque, а то, что сами папы еще тогда не внесли въ символъ Filioque и вообще не выработали окончательнаго отношенія къ этой прибавкѣ [1]). Въ наукѣ уже достаточно выяснены причины, по которымъ этотъ папа оправдалъ Меѳодія отъ обвиненій въ неправомъ ученіи [2]), и поколебать этого объясненія неопровержимыми доводами противникамъ его, даже Снопку, не удалось. Съ одной стороны, въ IX в. римская церковь не внесла еще въ текстъ символа вѣры Filioque; съ другой— нѣмецкая церковь, слѣдуя постановленію Толедскаго и другихъ соборовъ конца VIII вѣка, внесла уже эту прибавку. Папа воспользовался такимъ положеніемъ дѣла и оправдалъ Меѳодія. Вопросъ о принадлежности Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ къ партіи фотіанъ или игнатіанъ, постоянно выдвигаемый католическими учеными, не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу объ ихъ согласіи или несогласіи съ православнымъ ученіемъ о св. Духѣ. Еслибы они всѣ были даже противниками Фотія, то отсюда совсѣмъ не слѣдовало бы заключеніе объ ихъ сочувствіи ученію о Filioque, потому что игнатіане въ догматическомъ ученіи о св. Духѣ рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ фотіанъ. Но несомнѣнно, что вся моравская дружина во главѣ съ учителями безусловно не только не была враждебной Фотію, но и находилась съ нимъ въ дружественныхъ идейныхъ отношеніяхъ. Глава миссіи Константинъ былъ его личнымъ другомъ. Фотій былъ тотъ патріархъ, который отправилъ Кирилла и Меѳодія сначала къ хозарамъ, а послѣ къ морава-

---

roman and byzant. periods. New—York—Leipzig, 1893, art. *Υιοπάτωρ*). Противники Filioque воспользовались этимъ терминомъ, вложивъ въ него другой смыслъ Нужно попутно отмѣтить, что *υἱοπατορία* въ савелліанскомъ смыслѣ въ древне-слав. переводѣ поученій Кирилла Іерусал. передается чрезъ **сыноотьс** (Ркп. Син. б. № 478, л. 33 об.).

1) Это положительно извѣстно относительно Николая I, Адріана II. Іоанна VIII, Марина, Адріана III. *Hergenröther*, Photius, Patriarch von Constantinopel, Regensb. 1869, B. I, S. 704—711. Такъ же представляетъ дѣло даже въ высшей степени тенденціозный *Снопекъ*, Konst.—Cyrillus und Methodius, S. 291 sqq.

2) *Hergenröther*, B. II, S. 621—623; *Бильбасовъ*, Кир. и Меѳ. I, 87—92; *Воронцовъ*, Главн. источн., 254; *Dümmler*, Die Pannonische Legende, S. 195, и др.

намъ. Онъ принималъ участіе въ пріемѣ Меѳодія незадолго до смерти послѣдняго. Въ его же патріаршество нашли себѣ радушный пріютъ въ Константинополѣ и ученики Меѳодія, проданные въ Венецію. Моравскіе проповѣдники были чужды крайнему увлеченію внутренними партійными счетами, происходившими въ византійской церкви, и весь интересъ свой сосредоточивали на развитіи славянскаго богослуженія и созданіи близкой народу іерархіи. Но они, конечно, не могли оставаться равнодушными къ догматическому разномыслію восточной и западной церквей въ вопросѣ о св. Духѣ, такъ какъ въ это время вѣроисповѣдныя различія при столкновеніи греческаго и латинскаго духовенства занимали и самихъ славянъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и извѣстные вопросы болгаръ и отвѣты папы Николая. Если при жизни Меѳодія папы еще колебались внести Filioque въ символъ, то послѣ его смерти Стефанъ VI окончательно узаконилъ это нововведеніе для моравской церкви [1]). На долю Климента и его сотрудниковъ, поэтому, выпало трудное и отвѣтственное дѣло защиты православнаго символа вѣры въ неприкосновенности противъ папскаго распоряженія на папской же территоріи и вообще защиты православнаго ученія о св. Духѣ отъ западнаго нововведенія.

Изъ житія Климента намъ извѣстенъ въ подробностяхъ одинъ эпизодъ борьбы—публичный диспутъ относительно исхожденія св. Духа и отъ Сына, продолжавшійся нѣсколько дней сряду и носящій на себѣ обычныя черты средневѣковыхъ богословскихъ споровъ (VIII—XI). Въ преніяхъ во главѣ партіи православной выступили два лица: моравянинъ Гораздъ, оффиціальный представитель славянской паствы, какъ кандидатъ въ архіепископы, и пресвитеръ Климентъ. Послѣднему житіе его впервые въ этомъ выступленіи приписываетъ активную роль. Онъ выступилъ диспутантомъ, какъ человѣкъ самый образованный въ средѣ учениковъ Меѳодія и краснорѣчивый—ἀνὴρ λογιώτατος, какъ называетъ его житіе (XII). Его способность полемизировать на бого-

---

1) Обычно окончательное введеніе прибавки въ символъ Filioque приписывается папѣ Формозу, но для Моравіи ее узаконилъ уже Стефанъ VI. *Snopek*, op cit. S 291 sqq.

словскія темы воспиталась на аналогичныхъ состязаніяхъ, которыя неоднократно приходилось вести его учителямъ и которыхъ свидѣтелемъ онъ былъ.

Наконецъ, въ религіозный споръ въ качествѣ судьи былъ вовлеченъ Святополкъ. Хотя западное духовенство обладало правомъ собственнаго суда (privilegium fori), но важность вопроса и полная дезорганизація моравской церкви, не имѣвшей общепризнаннаго главы, дѣлали участіе князя неизбѣжнымъ. Оно находило себѣ и юридическое оправданіе въ перенесеніи дѣла изъ религіозной сферы въ область политическую. „Они обратились—говоритъ житіе Климента о нѣмецкихъ священникахъ—къ послѣднему своему убѣжищу, къ скверному Святополку, и клевещутъ на православныхъ, будто-бы *они замышляютъ произвести возмущеніе и могутъ возстать противъ его власти*, если не будутъ согласоваться въ ученіи съ властителемъ, потому что *держаться противнаго ученія есть вмѣстѣ и противоборствовать* (IX). Такая точка зрѣнія на разномысліе въ религіозныхъ вопросахъ была подсказана нѣмецкому духовенству папскимъ посланіемъ къ Святополку, гдѣ Меѳодій прямо обвиняется въ сѣяніи вражды. (Methodium namque supersticioni, non edificationi, contencioni non paci insistentem audientes plurimum mirati sumus). Святополкъ, будучи человѣкомъ невѣжественнымъ въ религіозныхъ вопросахъ, предписалъ рѣшить споръ присягой.

Этотъ видъ суда Божія, очень распространенный въ западной Европѣ въ средніе вѣка, представляетъ собою древнюю принадлежность и славянскаго права, находившую себѣ широкое примѣненіе не только въ процессахъ уголовныхъ и гражданскихъ, но и религіозныхъ. Въ присягѣ различались двѣ стороны: подтвердительная присяга истца и очистительная присяга отвѣтчика. За истцомъ или обвинителемъ признавалось преимущественное право на присягу. Отъ его воли зависѣло—присягнуть-ли самому, или пустить на роту отвѣтчика. Такъ какъ въ моравскомъ процессѣ въ роли истца было нѣмецкое духовенство, то оно воспользовалось своимъ правомъ, присяги, и важный для моравянъ вопросъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ осужденія славянскаго духовенства. „Іопаторская“, какъ и „треязычная“, ересь въ Моравіи восторжествовала. Скорбь побѣжденныхъ вылилась въ лирическомъ сѣтованіи на „еретиковъ“ (жит. Наума), „лютыхъ

еретиковъ“ (Тропарь св. Димитрію), проникшемъ и въ богослужебные тексты.

Осужденные ученики Меѳодія, въ томъ числѣ и Климентъ, подверглись жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны восторжествовавшей партіи. Ихъ мучили, нагими волочили по терновнику, раздѣтыхъ подвергали непріятному дѣйствію холоднаго воздуха, держали въ тюрьмѣ (XI—XII). Вся эта суровая расправа близко напоминаетъ собою тѣ преслѣдованія, которымъ подвергался со стороны нѣмецкаго духовенства Меѳодій и которыя, слѣдовательно, въ то время были обычнымъ явленіемъ. Папа Іоаннъ въ письмѣ къ Германриху, епископу Пассавскому, упрекаетъ этого прелата въ томъ, что онъ поступалъ съ Меѳодіемъ съ жестокостью, превышающею свирѣпость тирана и дикихъ звѣрей, что подолгу держалъ его подъ открытымъ небомъ на холодѣ и подъ непогодою (sub divo diutius acerrima hiemis et nimborum immanitate castigans), насильно, подъ угрозами кнута, тащилъ его на соборъ [1]), не говоря уже о тюремномъ заключеніи, извѣстномъ и изъ житія Меѳодія.

Дальнѣйшая судьба учениковъ Меѳодія не для всѣхъ ихъ сложилась одинаково: потерявъ въ Моравіи права гражданства, одни изъ нихъ были проданы и очутились на венеціанскомъ рынкѣ, другіе, вмѣстѣ съ Климентомъ, подверглись изгнанію.

О продажѣ учениковъ Меѳодія біографъ Климента обмолвился лишь одной фразой въ нѣсколько словъ: *ὅσοι δὲ τῶν πρεσβυτέρων καὶ διακόνων ἦσαν νεώτεροι, τούτους δὴ τοῖς Ἰουδαίοις ἐπώλουν* (XI). Этому упоминанію, вѣроятно, суждено было бы затеряться среди многочисленныхъ прикрасъ и преувеличеній житія Климента, еслибы житіе Наума не убѣждало насъ въ томъ, что это—не вымыселъ, а дѣйствительный эпизодъ въ историческихъ лѣтописяхъ славянства. Житіе Наума разсказываетъ: **еретіци ѡкы моуѫше мнѡго х дроугые продаше жидомь ихъ цѣнѣ. презвитеры и дїакони. ты же жидове поемше и вѣдоше къ коньтьскомъ, и вънѣгда продахоу є по строєнїю бжїю прїндѣ же тогда їрь моужь къ коньтьскомь. ѡ коньстантинѣ града їре дѣло дѣлае. и звѣздѣкъ о нїи. и ѡкыихъ искоупи їрь моужъ и ѡкыихъ тако поемъ. къ**

1) *Neues Archiv d. Gesellsch. f. ältere deutsche Geschichte*, 1880, V. 2, S. 303—4.

константїнъ градъ. и скꙋпи ѡ нихъ прꙋю Кꙋсилїю. и устроивше ѥ имъ къ скоꙋ ѹнꙋ. и сими прєзвитєры и дїꙗконы. ижоже и прєжє бѣше. и оурокы дашє. никтожє къ работоу нє ѹиратъ. нь окїи къ константинꙋ градꙋ. прєсѣкъ кадѣи покои прїѧше. ѡкыи къ кльгарскоу зємлю пришєдшє съ кланкою ѹстїю покои прїѧше. Всѣ подробности этого интереснаго разсказа— живые факты IX—X в., которые въ своихъ общихъ чертахъ могутъ быть подтверждены и на основаніи другихъ источниковъ.

Нѣсколько загадочнымъ съ перваго взгляда представляется обращеніе въ неволю славянскихъ священниковъ въ виду недостаточности ихъ вины, если даже подвести ее подъ категорію политическаго преступленія. Но въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, нашла себѣ примѣненіе та средневѣковая юридическая формула, на основаніи которой преступникъ наказывался полнымъ лишеніемъ своей правоспособности и, въ случаѣ, если не подвергался казни, выдавался на произволъ князя и другихъ лицъ. Это наказаніе представляетъ собою принадлежность древняго славянскаго и, въ частности, моравскаго права [1]). Оно входило также въ понятіе *потока* Русской Правды и *матене* Виндольскихъ законовъ. Этому наказанію подлежали предатели князя и убійцы княжихъ людей, членовредители и, наконецъ, присужденные къ денежной пенѣ, но не имѣвшіе средствъ къ ея уплатѣ. Примѣненіе такого наказанія къ религіозному разномыслію, истолкованному къ тому же въ смыслѣ злоумышленія противъ княжеской власти, вполнѣ соотвѣтствуетъ суровости тѣхъ мѣръ, которыя примѣнялись противъ представителей инороднаго элемента въ извѣстной церкви при борьбѣ изъ-за церковнаго преобладанія. Что продажи въ рабство не избѣгали у западныхъ славянъ и духовныя лица, это видно изъ житія св. Вячеслава [2]). Въ моравскомъ дѣлѣ судьба осужденныхъ была предоставлена выигравшей сторонѣ, потому что князь въ это время находился въ отлучкѣ, и болгарская легенда подчеркиваетъ, что еслибы онъ былъ дома, то, несмотря на свое сочувствіе нѣмцамъ, не допустилъ бы

---

1) *Hermengild Jireček.* Slovanské právo v Čechách a na Moravě, v Praze, 1863, I, p. 197.

2) **Аще ли же которын попинъ продамъ придетъ к немꙋ, и онъ искꙋпаше.** Fontes rer. bohem. I, 130. *H. Jireček,* Slov. pravo, p. 197.

такихъ жестокостей, такъ какъ все-же уважалъ добродѣтель святыхъ мужей (XIII). [1]).

Роль евреевъ во всей этой исторіи также подтверждается исторіей. Съ давнихъ временъ они поселились въ Моравіи и успѣли къ X вѣку тамъ пріобрѣсти вліятельное положеніе, благодаря своимъ богатствамъ [2]). Ихъ спеціальностью была преимущественно торговля, въ частности — торговля невольниками и рабами [3]). Къ 903—7 гг. относится одинъ таможенный листъ, въ которомъ опредѣляются пошлины на разные предметы ввоза изъ Моравіи къ нѣмцамъ. Здѣсь между прочимъ назначается плата за привозъ невольницъ и невольниковъ спеціально для евреевъ, приходившихъ вмѣстѣ съ другими купцами изъ Моравіи и другихъ странъ на рынокъ въ франкское государство [4]). Какъ видно изъ житія Войтѣха, его возмущала торговля изгнанниками и рабами, которую производили въ его время евреи [5]). Въ средневѣковыхъ законодательствахъ Европы права евреевъ на торговлю христіанами неоднократно подвергались ограниченіямъ и даже запрещенію. Въ Чехіи евреи были лишены этого права Владиславомъ I въ 1124 г. [6]).

Далѣе, Венеція, куда были доставлены для продажи ученики Меѳодія, дѣйствительно, была однимъ изъ самыхъ видныхъ торговыхъ центровъ, откуда живой человѣческій товаръ, въ томъ числѣ славянскіе рабы и евнухи, направлялся въ разныя страны, даже въ Африку къ сарацинамъ [7]). Во

---

[1]) На совѣсти Святополка долженъ былъ лежать особенно фактъ продажи евреямъ славянскихъ священниковъ, такъ какъ еще при Карлѣ Вел. спеціальной задачей христіанскаго государя на западѣ считалось наблюденіе, чтобы христіане не продавались въ рабство „невѣрнымъ“. Извѣстно разъяснительное письмо папы Адріана I на запросъ Карла о томъ, какъ смѣли продавать христіанъ въ рабство невѣрнымъ *Jaffe*, Regesta pontificum romanorum, Berol. 1851, IV, p. 201.

[2]) *H. Jireček*, Slov. pravo, I, 82—83.

[3]) О роли евреевъ въ торговлѣ вообще въ средніе вѣка на востокѣ и западѣ—у W. *Heyd*'a, Histoire du commerce du Levan au moyen âge, Leipzig, 1885, I, p. 125—128.

[4]) *Fr. Sasinek*, Dejiny drievnich národov na úsemí terajšieho Uhorska, V Skalici, 1867, p. 209.

[5]) *H. Jirecek*, Slov. pravo, I, p. 83.

[6]) Ib., p. 82.

[7]) *В. И. Ламанскій*, О славянахъ въ Малой Азіи, стр. 194—5.

второй половинѣ IX вѣка торговля рабами-христіанами здѣсь достигла такихъ размѣровъ, что, по свидѣтельству дожа Андрея Дандоло, перваго венеціанскаго историка, дожъ Орсо Партиципаццо, современникъ Василія Македонянина, вмѣстѣ съ сенатомъ издалъ декретъ, запрещавшій эту торговлю (876) [1]). Но практическаго значенія декретъ дожа Орсо не имѣлъ, такъ какъ впослѣдствіи онъ былъ нѣсколько разъ, именно въ 945 и 960 гг., возобновляемъ особыми грамотами съ яснымъ указаніемъ на евреевъ, какъ на торговцевъ рабами [2]). Выкупъ славянскихъ невольниковъ изъ рабства „мужемъ царевымъ“ и водвореніе ихъ въ Константинополь совершены были при Василіи Македонянинѣ. Венеціанскимъ дожемъ въ это время былъ Іоаннъ Партиципаццо. Хотя онъ въ 883 году заключилъ союзъ съ Карломъ Толстымъ и порвалъ сношенія съ византійскимъ дворомъ, но греческая партія въ Венеціи, заинтересованная въ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей, опираясь на соправителя дожа, все время поддерживала связи съ греками [3]). Поэтому присутствіе въ Венеціи въ 886 году царскаго посла представляется дѣломъ совершенно естественнымъ.

Однихъ изъ своихъ единовѣрцевъ онъ просто выкупилъ, другихъ взялъ съ собой въ Константинополь и представилъ царю. Выкупъ невольниковъ изъ рабства и оказанный имъ въ Византіи радушный пріемъ были слѣдствіемъ не только извѣстной расположенности Василія къ славянамъ, но и непосредственной связи между паствой Меѳодія и патріархомъ Фотіемъ, установившейся со времени ихъ свиданія въ 883—4 гг. Возстановленные въ своихъ іерархическихъ правахъ нѣкоторые славянскіе священники и діаконы остались въ Константинополѣ и получали здѣсь жалованье (=уроки), разумѣется, за

---

[1]) Quo tempore (876) mercatores Veneti lucri cupidi a piratis et latrunculis mancipia comparabant, et transfretantes de eis commercium faciebant. Cui manifesto facinori Duces obviare dispositi una cum clero et populo Venetiarum pie decreverunt, ne quis de mancipiis commercium faciat, vel in navibus recipiat, imponentes graves poenas contrafacientibus. *Muratori* Rerum italicarum scriptores, a. MDCCCCIII, XII, p. 186.

[2]) *Tafel und Thomas*, Urkunden zur älteren Händels u. Staatsgeschichte d. Republik Venedig. 1856, I, N VII.

[3]) *Gfrörer*, Byzantinische Geschichten. I. Geschichte Venedigs von seiner Gründung bis zum Jahre 1084. Graz, 1872. S. 208—218.

тѣ же просвѣтительные труды на пользу славянства, для которыхъ были оставлены тамъ раньше, при посѣщеніи Константинополя Меѳодіемъ, ихъ моравскіе сотрудники. Другіе отправились въ Болгарію, гдѣ также были встрѣчены съ великой честью. Послѣдніе сдѣлались одними изъ передаточныхъ двигателей славянскаго просвѣщенія, черезъ которыхъ кирилло-меѳодіевская традиція переносилась въ Болгарію. Получившіе свободу, но не отправившіеся съ „мужемъ царевымъ“ въ Константинополь, были обречены на самое бѣдственное положеніе, пока не нашли себѣ пріюта въ сосѣднихъ съ Венеціей славянскихъ земляхъ. Не имъ ли преимущественно и принадлежатъ въ богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ лирическія сѣтованія на свою горестную судьбу и странствованія по чужимъ землямъ?

Болѣе пожилыя духовныя лица, въ томъ числѣ и Климентъ, подверглись изгнанію изъ предѣловъ Моравіи. Прямымъ основаніемъ для этого у латино-нѣмецкаго духовенства было предписаніе папы Стефана: изгнать изъ Моравіи всѣхъ, кто воспротивится запрещенію славянскаго богослуженія [1]). Столь жестокая мѣра была обычнымъ явленіемъ въ борьбѣ изъ-за церковнаго преобладанія въ новокрещенныхъ земляхъ. Въ посланіяхъ Адріана и Іоанна VIII, благопріятныхъ для славянскаго духовенства, та же мѣра рекомендуется въ отношеніи къ противникамъ славянскаго богослуженія. И это не было одной только простой формулой папскихъ посланій, потому что изгнаніе побѣжденныхъ соперниковъ изъ спорной церковной территоріи имѣло мѣсто не только въ Моравіи, но немного раньше и въ Болгаріи; только тамъ потерпѣвшей стороной было латинское духовенство, а побѣдителями греки. Въ 870 году латинскіе священники были изгнаны изъ предѣловъ Болгаріи, какъ писалъ папа Адріанъ II, „съ великимъ позоромъ“ [2]).

---

[1]) Contumaces autem et inobedientes, contencioni et scandalo insistentes, post primam et secundam admonicionem si se minime correxerit, quasi zizaniorum seminatores ab ecclesiae gremio abici sancimus, et ne una ovis morvida totum gregem contaminet nostro vigore refrenari et a vestris finibus procul excludi praecipimus. *Бильбасовъ*, Кир. и Меѳ., I, 142—3.

[2]) Presbyteri nostri—писалъ папа-Игнатію—jussi sint e regione Bulgarum cum gravi ignominia et dedecori expelli, ipsique illinc episcopi cum non mediocri contemptu exigi, *Migne*, Patrol., s. lat., t. CXXII, c. 1311 sqq.

Но кромѣ этого ученики Меѳодія подлежали изгнанію изъ Моравіи и на основаніи дѣйствія чисто гражданскаго закона,—того же, по которому ихъ младшіе сотрудники были проданы въ рабство. Тѣ и другіе лишены были правъ гражданства и покровительства законовъ. Изгнаніе въ чужую землю въ средневѣковыхъ законодательствахъ выросло изъ общинныхъ обычаевъ и приняло форму древне-римскаго ignis et aquae interdictio—лишеніе воды и огня. По древнему германскому и франкскому праву, преступникъ становился vogelfere, fridlos (внѣ міра) и, какъ таковой, дѣлался безправнымъ объектомъ насилія и мести, вслѣдствіе чего вынуждался къ удаленію изъ данной мѣстности и пріисканію новаго отечества. Съ изгнанникомъ запрещалось имѣть какія-либо сношенія, давать ему ѣсть или пить, а его имущество подвергалось *грабежу* [1]). Соединеніе всѣхъ этихъ признаковъ видимъ и въ мѣрѣ наказанія, постигшей моравскихъ изгнанниковъ: у нихъ расхищали домы, морили ихъ голодомъ, „никому не позволяли бросить ни одного куска хлѣба рабамъ Христа“ (XIII). Они вынуждены были укрываться отъ взоровъ всѣхъ, терпя нужду въ пищѣ и одеждѣ (XIV). Окончательное изгнаніе ихъ, сопровождавшееся различными истязаніями, было произведено военнымъ конвоемъ нѣмецкихъ солдатъ, которыхъ житіе Климента характеризуетъ, какъ людей грубыхъ и жестокихъ. Участіе въ изгнаніи наемныхъ нѣмцевъ потребовалось потому, что симпатіи моравскаго народа были всецѣло на сторонѣ славянскаго духовенства. Замѣчаніе русскаго лѣтописца: „ради быша словѣне, іако слышаша величія божія своимъ языкомъ“—вполнѣ приложимо, разумѣется, и къ славянамъ моравскимъ. О сосѣднихъ съ ними паннонцахъ, находившихся въ сходныхъ условіяхъ, изъ свидѣтельства Зальцбургскаго анонима положительно извѣстно, что, благодаря дѣлу Меѳодія, они возненавидѣли богослуженіе на латинскомъ языкѣ, хотя оно имѣло здѣсь уже 75-лѣтнюю давность. Такая же любовь къ славянскому богослуженію чешскаго простого народа вынужденно засвидѣтельствована папою Григоріемъ VII въ письмѣ къ Вратиславу II, который ходатайствовалъ передъ папой о

---

[1]) *Bar.* Geschichte des deutschen Strafrechts. S. 124.

допущеніи славянскаго богослуженія [1]). Но моравскій народъ при Святополкѣ безсиленъ былъ сдѣлать что-либо противъ настроенія князя и военной силы. Солдаты вывели осужденныхъ за предѣлы столицы, въ придунайскія области, по всей вѣроятности, на степную равнину между Тиссой и Дунаемъ, отдѣлявшую предѣлы моравскаго государства отъ Болгаріи, и тамъ бросили ихъ на произволъ судьбы [2]).

Такъ печально завершилось великое дѣло свв. братьевъ въ Моравіи. Во всемъ этомъ дѣлѣ Клименту, какъ мы видѣли, принадлежитъ самое почетное мѣсто: вначалѣ—какъ сотруднику первоучителей, затѣмъ, послѣ смерти Меѳодія, какъ руководителю православной партіи и защитнику славянской литургіи, наконецъ, какъ мученику, потерпѣвшему преслѣдованія и изгнаніе за идею славянскаго просвѣщенія.

II. Болгарскій періодъ жизни и дѣятельности св. Климента (885-6—916 гг.) въ связи съ условіями современной государственной и церковной жизни Болгаріи.

Количество послѣдователей Меѳодія, подвергшихся изгнанію изъ Моравіи, было настолько значительно, что совмѣстное путешествіе по Моравіи и за ея предѣлами для нихъ оказалось невозможнымъ. Двигаясь вмѣстѣ, они постоянно своей численностью привлекали бы къ себѣ вниманіе населенія и рисковали бы вызвать дальнѣйшія преслѣдованія со стороны агентовъ власти. Осторожность заставила ихъ разлучиться другъ съ другомъ, разбиться на небольшія партіи и, скрывая свой путь, направиться въ разныя сосѣднія страны (XIV). Въ славянскихъ вставкахъ въ богослужебныя книги ихъ путешествіе представляется именно, какъ разсѣяніе по чужимъ землямъ и странамъ. А составитель второго по времени написанія житія Наума, пользовавшійся кромѣ житія Климента какимъ-то еще другимъ, внушающимъ къ себѣ довѣріе, источникомъ, подробнѣе разсказываетъ объ этомъ разсѣяніи: **Таже раселше се оны по Мысиѭ** (= Мизіи), **а оны**

---

[1]) Namque enim ad excusationem juvat, quod quidam religiosi viri hoc, quod simpliciter populus quaerit, patienter tulerunt... *Erben*, Regesta Bohemiae et Moraviae, Pragae, 1855, № 162.

[2]) *Малышевскій*, Кир. и Меѳ., стр. 398.

по Далматію и Дакіи, и слово божіе оумножише по всѣдѣ сторѣцѣю. нлыи же и климентъ придошѣ къ странахъ нлирискыхъ и хлмндонскыхъ и къ Лнкаше дѣкольское при краи езера охрітскаго [1]). Дѣйствительно, широко раскинувшееся Велико-Моравское государство, включавшее въ свои предѣлы области Чеховъ, Сербовъ Лужичанъ, Словаковъ, Краковскую Польшу и (съ 884 г.) Паннонію, непосредственно соприкасалось на югѣ съ Болгаріей, въ которую входили и Мизія, и Дакія, и Иллирикъ, а на югозападѣ съ далматинской (засавской) Хорватіей. Въ эти сопредѣльныя страны и направились Моравскіе изгнанники. Что касается далматинскихъ сербовъ и хорватовъ, то, на основаніи извѣстныхъ данныхъ, считается болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что славянское богослуженіе перешло къ нимъ изъ Моравіи и Панноніи еще при жизни Меѳодія [2]). Теперь, послѣ его смерти, сюда направилась и часть его учениковъ; сюда же должны были явиться изъ сосѣдней Венеціи и тѣ товарищи ихъ, которые, благодаря своей кровной связи съ далматинскими хорватами, не нашли въ себѣ побужденій слѣдовать за царскимъ посломъ въ далекій Константинополь. И кирилло-меѳодіевская традиція, укрѣпленная здѣсь учениками свв. братьевъ, оказалась настолько живучей, что славянскаго богослуженія впослѣдствіи не могли здѣсь искоренить ни зависимость отъ Рима, ни соборы въ Сплѣтѣ и Салонѣ (925, 928, 1059, 1063 и др.), ни усилія католическихъ епископовъ, ни даже провозглашеніе Меѳодія еретикомъ. Вслѣдствіе непосредственной близости Далматіи и приморья къ Зетѣ, одновременно,—и тоже, вѣроятно, черезъ учениковъ Меѳодія,—проникла славянская письменность и къ зетскимъ сербамъ.

Часть моравскихъ изгнанниковъ, преимущественно изъ числа наиболѣе дѣятельныхъ учениковъ Меѳодія, во главѣ съ Климентомъ, устремились на югъ Балканскаго полуострова, въ Болгарію. Намъ неизвѣстно, куда направился моравянинъ Гораздъ, такъ какъ отождествленіе его съ Агаѳономъ, епископомъ сербской Моравы, не имѣетъ для себя никакихъ серьезныхъ основаній, а преданіе объ его дѣятельности въ

---

[1]) *Гласникъ*, 1885, кн. 63, стр. 3.

[2]) *Jagić*, Zur Entstehungsg., 44; *Pastrnek*, Cyr. a Meth., 119—120; *Голубинскій*, Св. Конст. и Меѳ., 41.

Македоніи выросло на почвѣ отождествленія имени Горазда съ Еразмомъ, проповѣдывавшимъ христіанство въ области древней Дассаретиды въ царствованіе Діоклетіана и Максиміана [1]). Неизвѣстно также, гдѣ нашли себѣ пріютъ Савва и Лаврентій [2]). Возникновеніе культа седмичисленниковъ

---

[1]) *Шафарикъ* привелъ два доказательства въ пользу мнѣнія о томъ, что Гораздъ трудился въ западной Болгаріи: во-первыхъ, показаніе греческаго каталога болгарскихъ архіепископовъ около 1156 года, гдѣ Гораздъ помѣщенъ въ числѣ архіепископовъ болгарскихъ между Меѳодіемъ и Климентомъ, и во-вторыхъ, храмъ и монастырь его имени, находящіеся, по извѣстіямъ Григоровича, близъ Берата албанскаго, гдѣ будто-бы почиваютъ и его мощи (Расцвѣтъ слав. письм. *Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Р.*, 1848, № 7, стр. 49). Но свѣдѣнія Дюканжева каталога относительно первыхъ болгарскихъ архіепископовъ, какъ показали его комментаторъ *Zachariae von Lingenthal* и *Голубинскій*, не внушаютъ къ себѣ довѣрія и имѣютъ въ своей основѣ свободно истолкованное житіе Климента. *Zachariae v. Ling.*, Beiträge zur Geschichte der Bulg. Kirche, S. 11. *Голубинскій*, Кратк. оч., 39. Что же касается храма и монастыря въ честь Горазда, то извѣстіе Григоровича о нахожденіи ихъ въЕратѣ изслѣдованіемъ *Анѳима Алексуди* не подтверждается (*Περιγραφὴ τῆς παλαιᾶς μητροπόλεως Βελεγράδων ἐν Κορυτσᾷ*, стр. 112), и *Голубинскій* прямо отрицаетъ существованіе тамъ такого монастыря. Кратк. оч., 659. Пріуроченіе памяти Горазда къ Берату объясняется отожествленіемъ имени Горазда съ Еразмомъ, проповѣдывавшимъ христіанство въ древности въ области, гдѣ жили дассаретиды, и въ столицѣ ихъ Лихнидѣ (=Охридѣ). Подъ вліяніемъ житія Климента и преданія о дѣятельности седмичисленниковъ еще составители москопольскаго изданія службъ вмѣстѣ съ службами и житіями въ честь славянскихъ святыхъ помѣстили и житіе Еразма. Ученый изслѣдователь *Hahn*, описывая церковь Еразма, уже отожествлялъ его съ славянскимъ Гораздомъ. *Hahn*, Reise durch die Gebiete des Drin und Bardar, S. 123; такое же отожествленіе допустили *Григоровичъ*, *Дриновъ* и др. Очеркъ путеш., 101; *Ж. М. Н. Пр.* 1885 г. апр., стр. 184. И только *Алексуди* и *Баласчевъ* отнеслись критически къ этому отожествленію и совершенно основательно заподозрили фактъ пребыванія Горазда въ Македоніи. *Ἀλεξούδη*, 112; *Баласчевъ* въ *Сборн. за нар. умотв.* XV, Критика, стр. 8 сл. Сомнительнымъ, поэтому, представляется и преданіе о мощахъ Горазда, хранящихся будто-бы въЕратѣ. Или это преданіе явилось результатомъ того же отожествленія двухъ лицъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга шестисотлѣтнимъ періодомъ времени, или мощи Горазда были перенесены изъ другого мѣста въЕратъ впослѣдствіи.

[2]) *Стредовскій* въ своей Исторіи Моравской церкви насчитываетъ другихъ учениковъ, которыхъ свв. братья посылали для проповѣди въ разныя страны. Онъ говоритъ: tales sunt apostolorum nostrorum missionarii: Besrad in Pannonia, Wiznog in Sarmatia, Jandow in Dacia, Nowrak

въ Македоніи не даетъ прочныхъ основаній для утвержденія, что ихъ дѣятельность протекала именно въ этой области, потому что онъ сложился подъ вліяніемъ трудовъ Климента и Наума и—на основѣ болгарской легенды.

Несомнѣнными спутниками Климента по пути изъ Моравіи въ Болгарію были Наумъ и Ангеларъ. Вмѣстѣ съ ними онъ пошелъ изъ Моравской столицы по направленію къ Дунаю. Послѣ непродолжительной остановки въ одномъ селѣ, перейдя равнину между Дунаемъ и Тиссой, повидимому, не принадлежавшую тогда ни Болгаріи, ни Моравіи [1]), путешественники переплыли Дунай и явились въ Бѣлградъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ придунайскихъ городовъ. Въ то время не только Бѣлградъ, но и большая половина нынѣшняго сербскаго королевства отъ Бѣлграда и Раса на востокъ находились подъ властію Болгаріи. Слѣдовательно, на своемъ пути Климентъ и его спутники за предѣлами Моравіи встрѣтились прежде всего съ сербскимъ населеніемъ. Оставаться имъ пришлось здѣсь недолго. Но направленіе пути, по которому они шли въ Болгарію, должны были избрать за ними и другіе многочисленные послѣдователи Меѳодія, изгнанные изъ Моравіи, которыхъ имена до насъ не сохранились. Этотъ путь хорошо былъ извѣстенъ вообще моравскимъ выходцамъ, которые вынуждены были, по разнымъ причинамъ, покидать Моравію. Они обычно селились въ окрестностяхъ Бѣлграда и Браничева и по Моравѣ [2]). На этомъ основаніи не будетъ рискованнымъ предположеніе, что славянская грамотность въ сербскія области была занесена, вмѣстѣ съ движеніемъ изъ Моравіи на югъ Балканскаго полуострова, приверженцами славянской литургіи, т. е., если не самимъ Климентомъ съ его спутниками, то другими группами учениковъ Меѳодія.

Причины, заставившія самаго виднаго представителя сла-

---

in Russia. in Alpibus valachicis Moznopon, Oslaw in veteri Quadia, nunc Silesia. *Strzedowskij*, Morawia sacra, tom. II, 8, p. 231. Это мѣсто приводится у *Нарушевича* (Hist. nar. polsk, t. VI, p. 16) и *Лелевеля* (Polska wiekow sredn, t. I, p. 293). Откуда взялось это извѣстіе, объяснить не можемъ.

[1]) *Гротъ*, Моравія и Мадьяры, 137.

[2]) *Miklosich*, Die slav. Elemente im Madjarischen. Wien 1871 (=Denkschr. der Wiener Akad., phil.-hist. Cl., XIX); *Иречекъ*, Ист. болг., 203.

вянскаго кружка устремиться съ своей дѣятельностью именно въ область Болгаріи, не были случайными. Важнѣйшая изъ нихъ заключалась въ тѣхъ связяхъ между моравской православной школой Меѳодія и Болгаріей, которыя эпизодически поддерживались между ними и непосредственно, и черезъ посредство Константинополя, культивировавшаго славянскую письменность для распространенія ея среди балканскихъ славянъ съ цѣлью укрѣпить между ними свое церковное господство. Другой причиной была пространственная близость Болгаріи съ Моравіей, непосредственно соприкасавшейся съ нею. Когда, спустя 20 слишкомъ лѣтъ, Моравія была разгромлена мадьярами (907 г.), тѣснимые мораване двинулись какъ разъ по тѣмъ же направленіямъ, по какимъ разошлись ихъ отвергнутые наставники, и Болгарія по преимуществу оказалась пристанищемъ для своихъ сосѣдей. Объ этомъ упоминаетъ древнѣйшее житіе Наума: **не по мнозѣ же лѣтѣ придоше оугри печенѣгы езыкъ. и поплѣнише землю й и опоустише ю. иже ко не поплѣнише оугри. то къ блъгары бѣжаше** [1]), находя себѣ блестящее подтвержденіе въ свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго, который въ числѣ народовъ, принявшихъ къ себѣ послѣ мадьярскаго погрома моравскихъ бѣглецовъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ болгаръ: *καὶ οἱ ὑπολειφθέντες τοῦ λαοῦ διεσκορπίσθησαν προσφυγόντες εἰς τὰ παρακειμένα ἔθνη, εἴς τε τοὺς Βουλγάρους καὶ Τούρκους καὶ Χρωβάτους* [2])... Нужно попутно замѣтить, что это движеніе моравскаго населенія было второй волной, перенесшей изъ Моравіи въ болгарскіе, сербскіе и хорватскіе края славянскую письменность, чѣмъ объясняется, вѣроятно, и наличность сохранившихся болгарскихъ и сербскихъ редакцій моравскихъ текстовъ, можетъ быть даже и послѣ-меѳодіевской эпохи. Наконецъ, переходъ Климента въ Болгарію былъ вызванъ и естественнымъ влеченіемъ его къ мѣсту своей родины или, по крайней мѣрѣ, въ области, сопредѣльныя съ нею. За 23—4 года, проведенные имъ въ Моравіи, въ жизни византійскихъ славянъ, къ которымъ онъ принадлежалъ по рожденію, произошла знаменательная перемѣна: большинство изъ нихъ изъ подданныхъ имперіи превратились въ под-

---

[1]) Изд. *Лаврова*, 5.

[2]) De Administrando Imperio, ed. Bonn., cap. 41, p. 176.

данныхъ болгарскаго князя, и Болгарія такимъ образомъ сдѣлалась для Климента новой родиной, вторымъ отечествомъ.

Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ вполнѣ понятными не только побужденія, заставившія его перейти въ Болгарію, но и то, что и его появленіе здѣсь, и его дѣятельность не были чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ для князя Бориса и преданныхъ ему правителей. Когда Климентъ въ сопровожденіи Наума и Ангелара пришелъ въ Бѣлградъ, военный правитель города—ὑποστράτηγος, носившій почетный титулъ или званіе Боритакана (*Βοριτακάνος*), оказавъ имъ самый радушный пріемъ, отправилъ ихъ,—повидимому въ столицу,—къ Борису, какъ нѣкоторый „драгоцѣнный даръ“ [1]). Боритакану было извѣстно, что въ это время князь такихъ людей, по выраженію житія, „жаждалъ“ и „съ великимъ усердіемъ искалъ“ (XVI). Слѣдовательно, идея просвѣщенія Бол-

---

[1]) Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что слово *Βοριτακάνος* заключаетъ въ себѣ титулъ или званіе тюркскаго происхожденія. Но составъ этого слова не вполнѣ ясенъ,—точнѣе, не ясно, что слѣдуетъ видѣть во второй части его: *ταρκάνος*-ли, какъ въ *Βουλίας ταρκάνος* (Constant. Porphyr. De cerem. aulae, II, ed. Bonn., p. 681), *Καλου-ταρκάνος* (Theoph., ed. Bonn., p. 413), *Ολγου-ταρκάνος* (пограничный столбъ Симеона), или *κάνος, κάνας*, т. е., ханъ, какъ въ *Καμπα-γανος* (Patr. Niceph., ed. Bonn., p. 79). Точно также нельзя считать вполнѣ выясненнымъ, представляютъ ли собою въ указанныхъ сложныхъ словахъ *Βουλιας, Καλου, Ολγου*, а слѣдовательно и *Βορι*—различные титулы, какъ думаетъ проф. Златарскій, или же собственныя имена, какъ думаетъ Баласчевъ. Скорѣе всего *Βοριτακάνος*—соединеніе титула *ταρκάνος* (ср. тарханъ въ турецко-татарскомъ языкѣ, гдѣ оно обозначаетъ высшее званіе) съ собственнымъ именемъ *Βορι* (имя самаго Боритакана или князя Бориса), потому что въ *Βουλίας-ταρκάνος* первая половина слова *Βουλιας*, какъ видно изъ житія св. Маріи Новой, есть собственное имя архонта Буліи или Вуліи, поставленнаго Симеономъ во время греко-болгарской войны защищать Визу. Изъ другого названія Боритакана — ὑποστράτηγς видно, что это былъ человѣкъ, носившій довольно высокое военное званіе. Вопросу о званіи *ταρκάνος*, съ обращеніемъ вниманія и на *Βοριτακάνος*, посвящено въ литературѣ достаточно вниманія, особенно въ полемикѣ гг. Златарскаго и Баласчева по поводу вновь открытыхъ въ Болгаріи надписей. *Баласчевъ*, Новонайденията надпись отъ времето на ц. Симеонъ, *Български Прѣгледъ*, год. IV, кн. XII, стр. 61—78; критич. ст. *Златарскаго* въ *Сборн. за нар. умотв*, 1898, XV, стр. 30—32. *Ѳ. И. Успенскій*, статьи въ *Изв. Русск. Арх. Инст. въ К—лѣ*, 1898, III, 187; 1905, X, 199—200; также *Баласчевъ* въ *Изв. Инст. въ К—лѣ*, 1899, IV, стр. 219; *Минало*, ч. I, кн. I, стр. 80.

гаріи славянской письменностью, подъ вліяніемъ проникавшей въ Болгарію славянской грамоты и подъ впечатлѣніемъ моравскихъ событій, еще до прихода Климента жила въ сознаніи князя и близкихъ къ нему лицъ, но для ея осуществленія не доставало энергичныхъ и просвѣщенныхъ людей, которые бы взяли на себя организацію труднаго дѣла. Князь Борисъ, познакомившись со своими гостями и съ ихъ исторіей, принялъ ихъ съ величайшей радостью. Онъ оказалъ имъ почести, снабдилъ соотвѣтствующими духовному сану одеждами, отвелъ удобныя жилища и доставилъ все необходимое. Княземъ, по словамъ житія, овладѣло желаніе каждый день бесѣдовать съ ними, узнавать отъ нихъ древнія повѣствованія и житія святыхъ и устами ихъ перечитывать то, что находится въ писаніяхъ (XVI). Недостатка въ греческихъ книгахъ и въ греческихъ проповѣдникахъ у Бориса въ это время уже не было; латинскія богослужебныя книги уже были окончательно имъ отвергнуты. Бесѣды съ Климентомъ и его сотрудниками касались, разумѣется, славянской грамоты и славянскаго богослуженія, а книги, по которымъ они читали для князя священное писаніе и житія святыхъ, были, разумѣется, славянскими.

Итакъ, въ болгарской столицѣ Климентъ былъ оцѣненъ по достоинству. Князь рѣшилъ опереться на него для осуществленія ясно поставленной цѣли: славянскаго просвѣщенія страны и введенія въ ней славянскаго богослуженія. Но дѣло требовало постепенности и подготовки. И славянскіе проповѣдники, прежде чѣмъ приступить къ организаціи дѣла, знакомили съ славянскими книгами болгарскихъ вельможъ. Съ согласія князя, на нѣкоторое время Климентъ и Наумъ поселились въ домѣ сановника Э(с)хача, а Ангеларъ сталъ жить въ домѣ другого вельможи— Часлава. Здѣсь Ангеларъ вскорѣ скончался. Климентъ и Наумъ оставались у Э(с)хача до назначенія перваго изъ нихъ учителемъ въ область Кутмичивицу.

Изложенныя свѣдѣнія относительно первоначальнаго момента пребыванія Климента въ Болгаріи нуждаются въ болѣе точномъ объясненіи нѣкоторыхъ своихъ подробностей для вѣрнаго представленія послѣдующаго хода событій. Прежде всего возникаетъ вопросъ о томъ, какъ долго оставался Климентъ при дворѣ князя и въ домѣ Э(с)хача. Этотъ

вопросъ не находитъ для себя прямого отвѣта въ житіи, и его рѣшеніе тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ, касающихся хронологіи событій въ біографіи Климента. Впрочемъ, большинство этихъ вопросовъ, взятыхъ въ цѣломъ, находитъ для себя вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе въ данныхъ житія Климента и древнѣйшаго житія Наума, прекрасно уже обобщенныхъ П. А. Лавровымъ [1]).

Съ общей хронологіей событій не согласуется лишь упоминаніе біографа о томъ, что *восьмой* годъ учительства Климента былъ *послѣднимъ* годомъ жизни Бориса (XIX). Какъ видно изъ приписки къ переводу словъ Аѳанасія Александрійскаго, смерть Бориса относится къ 907 году [2]). Съ этой датой восьмой годъ учительства Климента могъ бы совпадать тогда, еслибы назначеніе его учителемъ въ Кутмичивицу состоялось около 899 года. Такъ и думалъ Палаузовъ, предполагая, что у Бориса и его вельможъ онъ гостилъ цѣлыхъ 13 лѣтъ [3]). Но показанія житія въ этомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ явную несообразность: въ 899 году княжескій престолъ въ Болгаріи уже давно занималъ Симеонъ послѣ четырехлѣтняго царствованія Владиміра, между тѣмъ какъ житіе опредѣленно говоритъ, что посольство Климента учителемъ въ Кутмичивицу состоялось въ царствованіе Бориса, который и далъ ему это порученіе. Итакъ, восьмой годъ учительства Климента не могъ совпадать со временемъ смерти Бориса. Онъ относится къ болѣе раннему времени и, какъ видно изъ житія Климента, является въ то же время первымъ годомъ епископской дѣятельности Климента. Этотъ годъ съ точностью опредѣляется на основаніи данныхъ древняго житія Наума. Послѣдній, по свидѣтельству этого житія, былъ назначенъ учителемъ Кутмичивицы на мѣсто Климента одновременно съ назначеніемъ Климента епископомъ Величскимъ. Пробывъ *семь* лѣтъ учителемъ, онъ удалился въ построенный имъ на Охридскомъ озерѣ монастырь и, проживъ тамъ *десять* лѣтъ, скончался за *шесть* лѣтъ до смерти Климента, т. е., въ 910 году. Отсюда слѣдуетъ, что въ монастырь онъ удалился въ 900 году,

---

[1]) Житіе св. Наума, стр. 41—42.

[2]) *Горскій и Невоструевъ*, Опис. ркп. Моск. Синод. библ. II, 2, стр. 32—33.

[3]) *Палаузовъ*, Вѣкъ болг. царя Симеона, стр. 79, прим. 69.

а на учительство былъ посланъ Симеономъ въ 893 году. Такимъ образомъ, 893 годъ и былъ годомъ вступленія Климента на епископскую каѳедру и послѣднимъ, т. е., восьмымъ годомъ учительства его въ Кутмичивицѣ.

Почему же Ѳеофилактъ связалъ этотъ годъ съ моментомъ смерти Бориса?

На основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ извѣстно, что Борисъ не умеръ на престолѣ, но, отказавшись отъ него въ 888—9 г. въ пользу старшаго своего сына Владиміра, удалился въ монастырь. Но Владиміръ велъ порочную жизнь и былъ склоненъ къ язычеству. Поэтому князь-инокъ, спустя четыре года, снова одѣлъ военный поясъ и княжескія регаліи, ослѣпилъ его и передалъ бразды правленія младшему сыну—Симеону, а самъ опять принялъ священную одежду и возвратился въ монастырь [1]). Это произошло въ 892—3 году [2]). Между тѣмъ въ житіи Климента свѣдѣнія объ этихъ князьяхъ страдаютъ одною общею погрѣшностью: тамъ дѣло представляется такъ, что Владиміръ вступилъ на престолъ *послѣ смерти* Бориса, а Симеонъ—*послѣ смерти* Владиміра. Ясно, что авторъ, поверхностно относившійся къ своимъ источникамъ, принималъ оставленіе княземъ престола за смерть его. Естественно думать, что и, говоря объ окончаніи служенія Климента въ качествѣ учителя, онъ вмѣсто того, чтобы сказать о послѣднемъ годѣ управленія Бориса, упомянулъ о послѣднемъ годѣ его жизни. Правда, въ сказаніи о Тиверіупольскихъ мученикахъ извѣстія Ѳеофилакта о тѣхъ же князьяхъ отличаются сравнительно большей точностью и обстоятельностью, но и тамъ, разсказывая о вступленіи на престолъ Владиміра при жизни Бориса, а Симеона при жизни Владиміра, онъ ни однимъ словомъ не обмолвился объ обстоятельствахъ, которыми сопровождалось сверженіе Владиміра. Недоговоренность въ

---

[1]) Въ хроникѣ Регинона разсказывается: quem (Владиміра) mox absque difficultate cepit, oculosque ejus effodit et in carcerem misit; deinde convocato omni regno suo, filium juniorem regem constituit, interminatus coram omnibus similia fore passurum, si in aliquo a recta christianitate deviaret. Текстъ у *Соколова*, Изъ древней ист. болгаръ, 222.

[2]) О смѣнѣ этихъ трехъ царствованій см. *Иречекъ*, Исторія болгаръ. *Голубинскій*, Краткій оч., 6; *А. Л. Погодинъ*, Исторія Болгаріи, Спб., 1910, стр. 29.

сказаніи о тиверіупольскихъ мученикахъ и историческую невѣрность въ житіи Климента нельзя считать случайными. Аналогичными неточностями и неправильностями характеризуются и нѣкоторыя другія извѣстія о вступленіи на престолъ Владиміра и Симеона, какъ, напримѣръ, разсказъ о чудѣ святого Георгія надъ болгариномъ [1]). Съ славянской точки зрѣнія передавать событія въ ихъ подлинномъ видѣ было неудобно, такъ какъ они въ невыгодномъ свѣтѣ представляли бы новокрещеннаго князя Бориса, показывая, что и послѣ крещенія онъ не чуждъ былъ жестокости. А извѣстія Ѳеофилакта стоятъ въ зависимости отъ славянскихъ источниковъ. Гораздо большей полнотой и достовѣрностью въ этомъ отношеніи отличаются западные хронисты.

Если, такимъ образомъ, восьмой годъ учительской миссіи Климента падаетъ на 893 годъ, то начало ея,—вопреки мнѣніямъ Шафарика, Новаковича, Ягича и другихъ [2]), отодвигающихъ его на нѣсколько лѣтъ впередъ,—должно быть отнесено къ 886 году. Эта дата, въ свою очередь, ведетъ къ заключенію, что вся моравская катастрофа, преслѣдованіе славянскаго богослуженія и переходъ Климента съ сотрудниками въ Болгарію, подъ стремительнымъ напоромъ враговъ славянства, произошли въ скоромъ времени послѣ смерти Меѳодія и—съ удивительной быстротой. Все это совершилось на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и никакъ не болѣе одного года. Этому заключенію характеръ безусловной достовѣрности придаетъ то обстоятельство, что сотрудники Климента, одновременно съ его изгнаніемъ проданные въ рабство, совершивъ неблизкое путешествіе въ Венецію и оттуда еще болѣе отдаленное—въ Константинополь, были при-

---

[1]) *Х. М. Лопаревъ*, Чудо св. Георгія о болгаринѣ, СПБ., 1894.

[2]) *Шафарикъ* высказалъ мнѣніе, что Климентъ назначенъ былъ учителемъ „спустя нѣсколько лѣтъ послѣ прихода въ Болгарію". Расцвѣтъ слав. письм. *въ Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1848, VII, стр. 45; *Новаковичъ* думаетъ, что учительство его въ Кутмичивицѣ началось около 888 г. *Први основи*, стр. 56, 60; *Јагић* въ Zur Entstehungsg. полагаетъ, что преслѣдованіе славянской литургіи въ Моравіи началось приблизительно черезъ два года послѣ смерти Меѳодія; тогда и Климентъ перешелъ въ Болгарію, откуда вскорѣ отправился и въ Македонію. *П. А. Лавровъ* относитъ моравскую катастрофу и переходъ Климента въ Болгарію къ 886 году. *Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ*, т. VI (1901), кн. 1. Рецензія на Entsteh. Ягича (отд. отт. 20—21); Житіе Наума, 41—2.

няты здѣсь императоромъ Василіемъ Македонянином, который умеръ 28 или 29 августа 886 г. Какъ ни были правильны и удобны по тому времени морскія сношенія Италіи съ Византіей, но для всего этого путешествія отъ моравской столицы до Константинополя, съ остановкой въ Венеціи, понадобилось нѣсколько мѣсяцевъ, такъ что выѣздъ ихъ изъ Моравіи въ первой половинѣ 886 г. или даже въ концѣ 885 можно считать несомнѣннымъ [1]).

Соотношеніе отмѣченныхъ хронологическихъ датъ показываетъ далѣе, что при дворѣ Бориса и въ домѣ его вельможи Климентъ едва ли оставался и одинъ годъ. Его пребываніе здѣсь было временнымъ и, по ясному разсчету князя, служило лишь переходомъ къ болѣе широкому служенію. Отпуская его вмѣстѣ съ Наумомъ въ домъ Э(с)хача и выражая желаніе, чтобы имъ здѣсь былъ оказанъ радушный пріемъ, князь прибавилъ: „пока мы окончательно не устроимъ при нихъ всего, что нужно сдѣлать“ (*ἄχρις ἂν ἐπ' αὐτοῖς τελείως τὸ πρακτέον οἰκονομήσωμεν* XVI).

Небольшой періодъ времени, проведенный Климентомъ при дворѣ князя и у Э(с)хача, заставляетъ опредѣлять и мѣсто жительства послѣдняго гдѣ-нибудь вблизи столицы—Преславы. Новаковичъ высказалъ мнѣніе, что Э(с)хачъ и Чаславъ жили въ западной половинѣ державы Бориса, вблизи Охридскаго озера, на томъ основаніи, что, по свидѣтельству бератскаго митроп. Анѳима, мощи Ангелара, умершаго—по житію Климента—въ домѣ Часлава, покоятся въ Бератѣ (=албанскомъ Бѣлградѣ или Велеградѣ), недалеко отъ Охридскаго озера [2]). Но гипотеза Новаковича ослабляется уже тѣмъ, что существованіе самаго Берата албанскаго въ IX—X вѣкѣ представляется сомнительнымъ. Въ хризовулѣ императора Василія II въ числѣ городовъ, существовавшихъ въ X—XI в., упоминается епископія *Βελεγράδων* и городъ *Βελάγραδα*. Но эта епископія локализируется не въ Албаніи, а въ сѣверной области болгарскаго царства, и *Βελάγραδ* отождествляется съ нынѣшней сербской столицей, съ чѣмъ въ сущ-

---

[1]) Объ условіяхъ сношенія Византіи съ Италіей см. у *Лавровскаго*, Кир. и Меѳ., стр. 22. и *Малышевскаго*, Кир. и Меѳ., стр. 347.

[2]) *Περιγραφὴ τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Βιλεγράδων, ἐν Κερκύρᾳ*, 1868, *σ.* 112. *Новаковић*, Први основи, стр. 64—5.

ности согласенъ и Новаковичъ [1]). Слѣдовательно, естественнѣе предполагать, что Чаславъ, какъ и Э(с)хачъ, жили и принимали славянскихъ проповѣдниковъ въ восточной Болгаріи. Сказаніе же о мощахъ Ангелара въ Бѣлградѣ Албанскомъ сложилось вмѣстѣ съ развитіемъ въ Македоніи культа седмичисленниковъ подъ вліяніемъ упоминанія въ житіи Климента о Бѣлградѣ сѣверномъ, подобно тому, какъ подъ вліяніемъ житія Еразма явилось пріуроченіе къ Берату сказаній о жизни и мощахъ Горазда, вслѣдствіе созвучія именъ этихъ двухъ святыхъ.

Итакъ, не прошло и одного года со времени прихода Климента въ Болгарію, какъ онъ покинулъ домъ гостепріимнаго болгарскаго вельможи и отправился въ область юго-западной Болгаріи для распространенія тамъ славянской грамоты и организаціи дѣла славянскаго просвѣщенія. Причины, вызвавшія этотъ переходъ, не были случайными. Онѣ должны были зависѣть, съ одной стороны, отъ различныхъ этнографическихъ особенностей населенія восточной и западной Болгаріи, съ другой—отъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось введеніе христіанства и славянскаго богослуженія при Борисѣ въ его государствѣ.

Область болгарскаго государства въ концѣ царствованія Бориса достигла небывалыхъ до тѣхъ поръ размѣровъ. Владѣнія Бориса выходили далеко за предѣлы нынѣшней Болгаріи, обнимая Македонію и другія западныя провинціи, восточную часть нынѣшняго сербскаго королевства и нѣкоторыя южныя области теперешней Румыніи, по ту сторону Дуная. Границы Болгаріи того времени, хотя и не выяснены точно, но приблизительно, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, опредѣляются довольно ясно. На сѣверѣ болгарская граница простиралась отъ устья Дуная по направленію къ Родопскимъ горамъ, на востокѣ, послѣ того, какъ греки уступили Борису Загоріе,—до Бургаса и Дебельта. Западная граница тянулась отъ Бѣлграда до Раса приблизительно по сербской Моравѣ и Ибару. На югѣ болгарское государство въ Македоніи и Албаніи простиралось не менѣе, какъ по города Истибъ, Дѣволъ и Охриду включительно, при чемъ на юго-западѣ во власти Византіи, какъ и позже, при

[1]) Прва основи, 146. Ср. *Гласъ српске Акад.*, LXXVI, стр. 42.

Симеонѣ, оставалась только небольшая береговая полоса по Адріатическому морю, занятая Драчской провинціею [1]).

Въ этнографическомъ отношеніи область Болгарскаго государства во второй половинѣ IX вѣка далеко не представляла собою полнаго единства. Еще Шафарикъ различалъ въ эпоху Кирилла и Меѳодія двѣ болгарскія вѣтви,—не по языку, впрочемъ, а по мѣсту жительства,—называя одну изъ нихъ славянами болгарскими, а другую, къ которой онъ причислялъ между прочимъ славянъ македонскихъ и ѳракійскихъ,—греческими [2]). Дѣйствительно, Болгарія въ эпоху перенесенія въ нее славянской письменности въ этнографическомъ отношеніи раздѣлялась на двѣ половины: восточную и западную. Но различіе между ними было выражено рѣзче, чѣмъ допускалъ Шафарикъ. Оно касалось состава населенія и этническихъ особенностей его, а также діалектическихъ особенностей славянскаго языка. Почтенному сербскому историку Новаковичу принадлежитъ попытка выяснить всесторонне вопросъ о составѣ и свойствахъ болгарскаго населенія той эпохи, въ связи съ исторіей дѣла Климента. Но недостатокъ фактическихъ данныхъ у него слишкомъ произвольно восполняется гипотетическими построеніями, особенно въ вопросѣ объ особенностяхъ языка македонскихъ славянъ. Его книга („Први основи“) была встрѣчена критикой не вполнѣ радушно [3]). Однакожъ, мысль объ отличіи восточнаго населенія Болгаріи, еще не достигшаго тогда полной ассимиляціи собственно—болгарскаго и славянскаго элементовъ, отъ чистыхъ славянскихъ племенъ Македоніи, доведенная до опредѣленной степени умѣренности, должна быть признана не произвольной гипотезой, а требованіемъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. Одни изъ нихъ уже указаны Новаковичемъ; другія будутъ привлечены къ дѣлу нами ниже.

Итакъ, что-же представляло собою прежде всего населеніе

---

[1]) *Шафарикъ*, Слав. древн., т. II, 1 стр. 262—5; *Иречекъ*, Ист. болг., стр. 131; *Голубинскій*, Кратк. оч., стр. 213 и сл; *Балашевъ*. Бѣлѣжки върху веществ. култура на старо българското ханство. София, 1902, стр. 78.

[2]) Слав. древн., т. II, кн. II, 333—344; II—кн. I, 326—392.

[3]) *V. J(agić)*, *Arch. f. sl. Phil.* 1894, B. XVI, S. 235 sqq.; *Т. Д. Флоринскій*, *Кіевск. Унив. Изв.*, стр. 413 сл. Болѣе благосклонно отнесся къ гипотезѣ Новаковича *П. А. Лавровъ*.

восточной половины Болгарскаго государства при Борисѣ и какую почву создавало оно для дѣятельности Климента?

Какъ извѣстно, уже къ половинѣ VII вѣка славянскія племена окончательно заняли почти весь Балканскій полуостровъ, поглотивъ въ себѣ остатки ѳрако-иллирійскаго населенія, издавна здѣсь жившаго. Но дальнѣйшая судьба славянскихъ племенъ на востокѣ и западѣ полуострова была неодинаковою. Восточные славяне во второй половинѣ VII вѣка были оторваны отъ западныхъ поселеніемъ болгаръ, которые, явившись впервые на Балканскомъ полуостровѣ около 680 года, въ скоромъ времени заняли все пространство между Дунаемъ и Балканами, основавъ здѣсь свое царство. Наиболѣе вѣроятнымъ въ настоящее время слѣдуетъ считать мнѣніе, по которому болгары были народомъ финскаго происхожденія, рано и сильно подчинившимся вліянію кочевыхъ тюркскихъ племенъ. Изъ смѣшенія древне-болгарскихъ и славянскихъ элементовъ мало-по-малу и выработался этническій типъ, воспринявшій въ себя черты болѣе культурныхъ славянъ, но получившій имя побѣдителей. Древне-болгарская примѣсь не имѣла большого вліянія на основныя свойства и языкъ славянскаго населенія, но все-же она существовала и въ древнѣйшее время болгарской исторіи сильно давала себя чувствовать. Въ царствованіе Бориса ассимиляція этихъ двухъ племенныхъ элементовъ еще не завершилась и находилась въ процессѣ своего развитія, при чемъ ускоренію этого процесса всего болѣе содѣйствовало принятіе христіанства и распространеніе славянской письменности. Наличность чисто-болгарскихъ элементовъ въ населеніи при Борисѣ доказывается у Новаковича и согласныхъ съ нимъ историковъ извѣстіями о неславянскихъ обычаяхъ въ отвѣтахъ папы Николая I на вопросы Бориса (двоеженство, мусульманскія книги, употребленіе конскаго хвоста въ видѣ военнаго знамени, идолы, языческія жертвоприношенія), неславянскими именами нѣкоторыхъ болгарскихъ князей, неславянскими именами вельможъ, упоминаемыхъ въ житіи Климента, и другими аналогичными данными. Правда, эти данныя нѣкоторыми объясняются, лишь какъ немногочисленные слѣды болгарскаго вліянія въ славянской жизни. Но они должны пріобрѣсть гораздо большее значеніе, въ смыслѣ показателей живучести древне-болгарскаго

типа, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ историческихъ фактовъ. Въ исторіи почти двухсотлѣтняго періода, отдѣляющаго Бориса отъ начала сближенія славянской и болгарской народностей, извѣстно немало подробностей, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ теченіе всего VIII-го и въ первой половинѣ IX-го в. эти народности еще между собой различались. Лѣтописцы византійскіе называли государей болгарскихъ государями болгаръ и славянъ. Въ договорахъ различаются славяне, подчиненные царю, и тѣ, которые были подчинены болгарамъ. Изъ житія св. Димитрія Солунскаго видно, что въ VIII в. отличался языкъ болгарскій отъ языка славянскаго [1]). Въ продолженіе всего VIII вѣка славяне не только не слились съ болгарами до потери своей національной обособленности, но даже иногда еще искали случая оторваться отъ подданства болгарской державѣ. Это имъ отчасти удалось послѣ пораженія византійцами болгарскаго хана Телеца (762—3 г.), результатомъ чего было добровольное массовое переселеніе славянъ, числомъ до 208,000 (въ варіантѣ только 18 т.), изъ Болгаріи въ предѣлы византійской имперіи на сѣверный берегъ Малой Азіи (Никифоръ) [2]). Въ VIII в. въ правящихъ сферахъ образовались двѣ партіи, которыя, хотя и возникли на чисто политической почвѣ, но въ своей основѣ, вѣроятно, не лишены были, какъ думаетъ проф. В. Н. Златарскій, и этническаго характера [3]). Онѣ боролись между собой за равноправное участіе въ государственномъ управленіи. Въ началѣ IX в. на пиру у Крума ясно различались вельможи славянскіе отъ вельможъ болгарскихъ [4]). Французскимъ анналистамъ

[1]) Объ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ данныхъ см. у *Rambaud*, L'empire grec au dixième scècle., Paris 1870, p. 320. Ср. *Новаковић*, Први основи. 24 сл. Также *Божид. Прокић*, Постанак једне словенске царевине у Маћедонији у X в. *Глас Српске Акад.* 1908, 76, стр. 213 сл.

[2]) Подробнѣе у *Баласчева*, Върху държавното и военно устройство на старобългарската държава, *Минало*, 1909, год. I кн. 2. стр. 209—10.

[3]) Студии по българска история, *Период. Спис.* кн. LXIII, стр. 67 сл.

[4]) Θеофанъ разсказываетъ о Крумѣ:... *πίνειν εἰς αὐτὸ (τὸ ὀστοῦν) τοὺς τῶν Σκλαβίνων ἄρχοντας ἐποίησεν ἐγκαυχώμενος* (Theoph., ed. Bonn., p. 764), т. е. Крумъ, возгордившись, устроилъ такъ, что славянскіе вельможи пили изъ черепа (посеребреннаго). Если даже здѣсь имѣются въ виду вельможи славянскихъ племенъ, подвластныхъ Византіи, то и тогда это свидѣтельство косвенно доказываетъ, что болгарскіе вельможи въ то время далеко еще не ославянились.

отношенія славянъ къ болгарамъ представлялись въ видѣ союза (Bulgarorum societas) [1]). Но нѣкоторыя славянскія племена, на которыхъ власть распространилась довольно поздно, давали отпоръ своимъ побѣдителямъ даже еще и въ первой половинѣ IX в. Такъ, жившіе на сѣверо-западѣ тимочане и браничевскіе славяне, бодричи и кучане—вели борьбу съ Омортагомъ (княж. съ 817 г.). Нѣкоторые изъ нихъ жаловались на насилія болгаръ Людовику Благочестивому, при чемъ часть тимочанъ въ 818 г. заявила о своемъ тяготѣніи къ франкамъ, а бодричи, жившіе у Баната и у устьевъ Моравы, въ 824 г. просили у Людовика помощи противъ болгаръ [2]). Арабскіе писатели, особенно писатель первой половины IX в. Muslim b. Abú Muslim al garmi, свидѣтельствуютъ о существованіи у болгаръ ихъ особенныхъ языческихъ обычаевъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ отличаютъ ихъ отъ славянъ [3]). Въ культурной жизни Болгаріи въ первую половину IX в. сохраняла еще свою силу древне-болгарская стихія Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на остатки столицы хановъ, въ которой жизнь—по археологическимъ даннымъ—была близка еще къ степной, значительное количество надписей, развалины громадныхъ сооруженій, открытыя въ сѣверо-восточномъ углу Болгаріи и изученныя Русскимъ Археолог. Институтомъ въ Константинополѣ [4]). Даже въ X в., когда по общему убѣжденію изслѣдователей, болгарскій элементъ былъ окончательно поглощенъ славянскимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ еще доживали свой вѣкъ носители стараго болгарскаго типа, не тронутаго ни славянствомъ, ни христіанской культурой. У Ліутпранда есть описаніе одного болгарскаго посланника, котораго онъ видѣлъ въ Константинополѣ въ 968 году: „этотъ человѣкъ, говоритъ онъ, былъ остриженъ по-варварски, какъ какой-нибудь венгръ, носилъ желѣзную цѣпь и былъ, какъ я точно слышалъ, катехуменъ

[1]) *К. Јиречек*, Историја Срба, перевео *Јован Радонић*, I, Београд, 1911, стр. 185. Здѣсь и дальше пользуемся сербскимъ переводомъ прекраснаго труда Иречка.

[2]) Объ этихъ и др. фактахъ см. у *Иречка*, op. cit., стр. 185 сл.

[3]) Извѣстіе Муслима у *J. Marquart*, Osteuropäische und ostasiatische Steifzüge, S. 204—5. Цитата и перепечатка, которой и пользуемся, въ ж. *Минало*, 1909, I, 2, стр. 211. Тамъ и подробности.

[4]) Матеріалы для болг. древностей. Абоба-Плиска (=*Изв. Русск Арх. Инст. въ К—лѣ*, т. X. 1905).

и еще не крещенъ“ [1]). Количество подобныхъ данныхъ можно было бы значительно увеличить, но и приведенныхъ достаточно, чтобы не считать ихъ случайными. Въ соотвѣтствіе съ ними слѣдуетъ еще поставить остатки старо-болгарскаго языка, проникшіе въ славянское или греческое письмо. Въ Чаталарской надписи Омортага [2]), въ „Именникѣ первыхъ болгарскихъ князей“ [3]), въ послѣсловіи черноризца Тудора [4]), какъ извѣстно, событія датируются особыми числами (ехть бехти, диломъ твиремъ, шегоръ вечемъ, верени алемъ и т. д.), восходящими къ старо-болгарскому циклу, недавно приведенному въ систему I. B. Bury и В. Н. Златарскимъ [5]). Въ древне-славянскихъ рукописяхъ сохранился цѣлый рядъ молитвъ и заговоровъ, въ которыхъ славянскія выраженія перемѣшаны съ словами и цѣлыми фразами, восходящими также, повидимому, къ языческому болгарскому творчеству [6]). Наконецъ, мы считаемъ чрезвычайно важнымъ въ разсматриваемомъ отношеніи то обстоятельство, что въ литературныхъ памятникахъ Симеонова вѣка и даже ближайшаго къ нему времени славянскія письмена, славянскія книги, славянскій языкъ, славянскіе переводы, славянскій родъ нигдѣ не называются *болгарскими*,—что было бы естественно, еслибы болгары и славяне въ то время уже совсѣмъ потеряли сознаніе своей національной обособленности, и наоборотъ, болгарскій князь, болгарское царство, болгарскій родъ нигдѣ не называются *славянскими* [7]).

---

[1]) *Liutprandi* Relatio de legatione Constantinopol. § 19. *Migne*, Patr. gr., t. 136, c. 917.

[2]) *Изв. Русск. Арх. Инст. въ К—лѣ*, т. X, стр. 545.

[3]) *А. Н. Поповъ*, Обзоръ хронографовъ русской ред., М. 1866, I, стр. 25—26.

[4]) *Калайдовичъ*, Іоаннъ Экз., стр. 98.

[5]) *Bury*, The Chronological Cycle of the Bulgarians. *Byz. Zeitschr.* XIX, 1910, 1—2, S. 127—144; *В. Н. Златарски.* Имали-ли българитѣ свое лѣтоброение? *Спис. на българската Акад. на наукитѣ*, кн. I, кл. истор.-фил., 1911, стр. 1—92.

[6]) Изданіе такихъ молитвъ и заговоровъ въ ж. *Starine*, кн. XIII (1881), стр. 150—163; *Варш. Унив. Изв.* 1900, № 5; *Записки Новор. Унив.*, 1908, т. 111, отчетъ проф. *М. Г. Попруженка*, стр. 4. Къ сожалѣнію, текстъ ихъ остается необъясненнымъ; онъ заслуживалъ бы вниманія знатоковъ восточныхъ языковъ.

[7]) Изъ множества относящихся сюда мѣстъ приведемъ нѣсколько. Въ припискѣ Тудора Доксова къ переводу словъ св. Аѳанасія читаемъ:

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ко времени прихода Климента въ Болгарію въ сѣверо-восточной ея части противоположность этнографическихъ элементовъ въ сознаніи населенія еще не сгладилась. Болгарская стихія въ области культуры и языка еще не была поглощена славянской и доживала свой вѣкъ подъ давленіемъ той внутренней живой силы, которой полны были славянскія племена, объединенныя государственной организаціей побѣдителей. Въ процессѣ ассимиляціи болгарской народности съ славянской до прихода Климента, помимо обычныхъ бытовыхъ условій, особенно важную роль играли два обстоятельства: въ положительномъ смыслѣ—постепенная христіанизація населенія, въ отрицательномъ — старый аристократическій строй болгарскаго государства. Какъ извѣстно, христіанство начало постепенно распространяться въ Болгаріи задолго до окончательнаго принятія его при Борисѣ, еще съ VIII вѣка, особенно среди славянскаго населенія и въ придворныхъ болгарскихъ сферахъ. Новая религія всего болѣе сглаживала племенныя различія между славянами и болгарами, давая окончательный перевѣсъ славянскому племени, которое приведено было къ преобладающей роли всею совокупностью историческихъ обстоятельствъ. Но именно по этой-то причинѣ къ христіанству издавна въ высшей степени враждебно относилось большинство болгарскихъ бояръ, которые стояли на стражѣ своихъ родовыхъ привилегій. Давно уже установлено, что древне-болгарское царство отличалось аристократическимъ устройствомъ, въ силу котораго высшую власть послѣ князя здѣсь имѣлъ совѣтъ шести знатныхъ, затѣмъ слѣдовали внутренніе и внѣшніе бояре [1]). Но еще въ VIII в.

повелѣніемъ кнаꙁа нашего болгарскꙗ. именемъ сїмеона прѣложи ѩ епископ Константин к҃ словенскъ ꙗꙁыкъ (*Горскій-Невоструевъ*, Опис. ркп. Син. б., II, 2, стр. 32—33). Госпо҃ нашъ кнаꙁ болгарскъ. именем Борис (Ib.). Переводъ хроники І. Малалы носитъ заглавіе: Книгы ꙁаконъ҃ Божїа Ветхаго... прѣложеныа отъ гречьскаго ꙗꙁыка къ словеньскыи при кнаꙁи блъгарьстѣмъ сѵмеомъ сынѣ Борисин (*Калайдовичъ*, Іоаннъ экз. болг., стр. 178). Въ одномъ изъ проложныхъ сказаній о первоуч. Меѳодіи Борису усвояется названіе: блъгаромь отъ Бога кнаꙁь Борысь; ср. греч. титулъ князя Маломіра въ надписи: ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων (*Изв. Р. Арх. Инст. въ К—лѣ*, X, стр. 196). Употребленіе „болгарскій“ вм. „славянскій“, какъ въ житіяхъ Климента, относится къ болѣе позднему времени.

[1]) *Иречекъ*, Ист. болг., стр. 164.

между государями и боярами завязалась борьба, благодаря которой даже наслѣдственность ханской власти смѣнилась выборной системой. Хотя въ IX в. наслѣдственная княжеская власть снова восторжествовала, но притязанія боярскихъ родовъ не были поражены окончательно, и IX вѣкъ унаслѣдовалъ отъ предшествующаго времени цѣлый рядъ смутъ и неурядицъ. Во всей этой борьбѣ между княжеской властью и аристократическимъ сословіемъ очень важное значеніе имѣли христіанство и возраставшее преобладаніе славянскаго элемента. И то, и другое служило прекрасной поддержкой для княжеской власти и было очень невыгодно для бояръ, потому что благодаря тому и другому боярскіе роды все больше и больше лишались своихъ привилегій, связанныхъ съ ихъ особеннымъ сословнымъ положеніемъ въ государствѣ. И боярская партія старалась всячески парализовать распространеніе христіанства и связанное съ нимъ возвышеніе славянской народности. Борьбой между христіанской и языческой партіями объясняются многія смуты въ исторіи Болгаріи IX в., жестокое преслѣдованіе христіанъ при Омортагѣ, наконецъ, частая смѣна хановъ [1]).

Языческая партія была еще настолько сильна и при Борисѣ, что, какъ извѣстно изъ Бертинской лѣтописи, по поводу принятія христіанства болгарскіе вельможи подняли противъ князя возстаніе. Они возбудили народъ и собрали десять комитатовъ вокругъ дворца съ цѣлью умертвить князя. Однако, Борисъ усмирилъ мятежъ и казнилъ 52 вельможъ [2]). При этомъ, несомнѣнно, опору себѣ онъ нашелъ въ славянской части населенія, наиболѣе склонной къ христіанству. Но вмѣстѣ съ подавленіемъ движенія не исчезла при дворѣ языческая боярская партія. Она существовала и при Климентѣ. Объ этомъ можно съ достовѣрностью заключать изъ нѣсколькихъ фактовъ. Какъ только Борисъ сложилъ бразды правленія, его преемникъ Владиміръ, какъ видно изъ хроники Регинона, заявилъ себя приверженцемъ язычества и

[1]) О болгарскихъ князьяхъ см. спеціальное изслѣдованіе проф. *В. Н. Златарскаго*, *Период. Спис.*, LIV, стрр. 755—778, Студии по българска история. Также *Ѳ. И. Успенскій*, *Изв. Р. Арх. Инст. въ К—лѣ*, VI, стр. 239 сл.; X, стр. 194 сл.

[2]) *Pertz*, I, Annal. Bertin., p. 473.

стремился всѣми средствами склонить новопросвѣщенный народъ къ языческимъ обрядамъ, такъ что отецъ вынужденъ былъ лишить его престола и ослѣпить [1]). Наклонность Владиміра къ язычеству не могла бы проявиться въ столь рѣзкой формѣ, еслибы она не находила себѣ поддержки въ придворныхъ сторонникахъ древней религіи. Даже Симеону Борисъ счелъ нужнымъ сдѣлать угрозу, что въ случаѣ отступленія отъ христіанства съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ съ его братомъ. До какой степени глубоко въ приверженцахъ старины жили языческія симпатіи, объ этомъ можно заключать изъ отвѣтовъ папы Николая I, откуда видно, что болгарскіе священники и много лѣтъ спустя послѣ возстанія противъ князя бояръ не допускали мятежниковъ къ таинству покаянія, несмотря на то, что они уже раскаивались въ своемъ поступкѣ.

Такимъ образомъ, въ моментъ прихода Климента въ сѣверо-восточную Болгарію, съ одной стороны, старо-болгарскій этническій элементъ населенія еще не былъ окончательно поглощенъ славянскимъ, съ другой—приверженцы язычества были еще въ силѣ не только въ низшихъ классахъ населенія, но—что особенно важно—и въ высшемъ боярскомъ кругу. При такихъ условіяхъ для славянской письменности и для славянскаго богослуженія, съ которыми явился сюда Климентъ, въ концѣ IX в. здѣсь была еще не вполнѣ благопріятная почва. Приверженцы языческой старины не могли и къ славянскому богослуженію отнестись иначе, какъ только отрицательно. Еслибы Климентъ здѣсь сразу началъ свою дѣятельность, она могла бы вызвать взрывъ негодованія и произвести новое движеніе среди защитниковъ старины и особенно въ боярскомъ кругу. Самъ Борисъ, какъ дальновидный правитель, прекрасно понималъ значеніе славянскаго языка въ богослуженіи и для объединенія своей державы, и для усиленія своей власти, и для противодѣйствія сильному византійскому вліянію. Но изъ опасенія новыхъ осложненій въ столицѣ и ея окрестностяхъ, онъ долженъ былъ направить моравскихъ изгнанниковъ туда, гдѣ для ихъ дѣятельности была болѣе благопріятная почва.

---

[1]) *Pertz*, I, Reginonis Prumiensis chronicon, p. 58. Перепечатка и русскій переводъ у *М. Соколова*, Изъ древн. ист. болгаръ, 220—2.

Въ такомъ видѣ историческія данныя заставляютъ насъ представлять обстоятельства, которыми сопровождался переходъ Климента въ западную Болгарію. Въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ представленнымъ положеніемъ дѣла находятся свѣдѣнія о первоначальныхъ моментахъ жизни Климента въ Болгаріи, изложенныя въ его житіи. Изъ послѣдняго видно, что прежде чѣмъ миссіонерское слово Климента и его спутниковъ коснулось народной массы, они привлекли къ себѣ пристальное вниманіе окружающихъ Бориса вельможъ. Первымъ обратилъ на нихъ вниманіе *ὑποστράτηγος* бѣлградскій Боритаканъ. Затѣмъ, когда Борисъ сталъ знакомиться съ ними и ихъ книгами, ими сильно заинтересовались тѣ окружающія князя лица, которыхъ біографъ Климента описательно называетъ: *ὅσοι ἦσαν περὶ αὐτὸν γένους τε ὄγκῳ καὶ πλούτου βάρει τῶν ἄλλων προέχοντες*, т. е., „тѣ, которые отличались передъ прочими знаменитостью рода и большимъ богатствомъ“. Говоря объ одномъ изъ нихъ—Э(с)хачѣ, авторъ далѣе приписываетъ ему достоинство (*ἀξίωμα*) сановника—*σαμφής*. Вопреки мнѣнію Миклошича, считавшаго это слово славянскимъ [1]), ему слѣдуетъ приписать тюркское происхожденіе (ср. тюркск. šan, перешедшее въ слав. **санъ**, въ смыслѣ достоинство, честь [2]). Оно было однимъ изъ многочисленныхъ высшихъ древне-болгарскихъ званій, которое носили представители власти—бояре, и *σαμφής* житія напрашивается на сравненіе съ Sampsi (Alexius Sampsi Hunno) въ перечисленіи „знаменитыхъ бояръ“, присутствовавшихъ въ качествѣ болгарскихъ пословъ на Константинопольскомъ соборѣ 869—70 г. [3]). Такимъ образомъ, сановники, отличавшіеся знатностью рода и богатствами, къ числу которыхъ принадлежалъ и *σαμφής* Э(с)хачъ, были тѣ самые **болыры** или **болѣры**, *βολιάδες βοϊλάδες* (у византійцевъ и въ древнихъ болгарскихъ надписяхъ), которые составляли высшее сословіе

[1]) In Du Cange frustra quaeres; est vero vox slavia **санъѣнн** *ἀξιωματικός* a **санъ** *ἀξίωμα*. Vita Clem., p. XVII.

[2]) Проф. *К. Пречекъ*, отмѣчая тюркск. происхожденіе этого слова, видитъ его также въ составѣ болгарскихъ именъ: *Пресіамъ* (сынъ Звиницы), *Пρουσιανός* (сынъ ц. Іоанна Владислава XI в.), *Ἀλουσιανός*. *Arch. f. sl Phil.*, 1899, B. XXI, S. 609. Дѣйствительно, едва-ли *Пресіамъ*=*Пресвѣтлый*, что̀ допускаетъ и *А. Л. Погодинъ*, Ист. болг., стр. 17.

[3]) *Mansi*, Sacrorum conciliorum nova et ampl. collectio. Vol. XVI, c. 158.

въ Болгаріи [1]). Они не только, какъ мы видѣли, играли активную роль въ судьбахъ болгарскаго государства, но тѣ изъ нихъ, которые успѣли склониться на сторону князя, принимали участіе даже и въ устроеніи церковныхъ дѣлъ. Послѣднее видно изъ попытокъ папы Іоанна VIII склонить на свою сторону Бориса черезъ этихъ вліятельныхъ лицъ [2]). И вотъ когда Климентъ явился ко двору князя съ готовностью распространять въ Болгаріи славянское письмо, литературу и богослуженіе, одни изъ вельможъ (Э(с)хачъ, Чаславъ, Домета) вслѣдъ за княземъ отнеслись къ дѣлу весьма сочувственно. Но были и другіе, приверженцы старины, для которыхъ и христіанство было вынужденно терпимымъ зломъ, а тѣмъ болѣе нежелательною была христіанская письменность на языкѣ славянскихъ массъ. Они не составляли большинства, и князь не находилъ для себя нужнымъ считаться съ мнѣніемъ этихъ людей. Но за ними могли послѣдовать приверженцы старины изъ болгарскаго народа, и въ результатѣ можно было ожидать новыхъ волненій. И дѣйствительно, по житію, многіе вельможи приглашали къ себѣ славянскихъ учителей, „но святые, избѣгая возмущенія—*τοῖς ἁγίοις μέντοι τὸν ὄχλον φεύγουσιν*,—многозначительно повѣствуетъ житіе, и вмѣстѣ стараясь дѣлать угодное князю, не рѣшались вступать въ домы частныхъ лицъ“, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда это дѣлалось съ разрѣшенія князя (XVI). Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній думать, чтобы князь опасался какихъ-нибудь происковъ со стороны неблагосклоннаго къ церковно-славянскому языку греческаго духовенства. Передъ княземъ стояла опасность возмущенія со стороны болгарскихъ ревнителей старины, особенно же со стороны той же боярской аристократіи, которая тридцать лѣтъ тому назадъ произвела возмущеніе противъ введенія христіанства.

Внутренняя связь между этими двумя моментами царствованія Бориса выразилась въ одномъ любопытномъ распоряженіи его, о которомъ разсказываетъ житіе. Посылая Кли-

[1]) Свѣдѣнія о боярахъ у *В. Н. Златарскаго*, Два извѣстни български надписи отъ IX в. *Сборникъ за народни умотвор.*, 1898, XV, стр. 142.

[2]) Ep. 76 ad Petrum comitem ex nobilibus Bolgaris. *Jaffé*, Regesta pontificum romanorum. Berolini 1851. № 2359.

мента учителемъ въ Кутмичивицу, Борисъ предложилъ ему въ даръ три превосходные дворца въ Дѣволѣ, принадлежавшіе роду комитовъ: τοῦ γένους τῶν κομήτων (XVII). Разумѣется, на этотъ даръ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на оффиціальное вознагражденіе Клименту за труды учительства. Но откуда въ распоряженіи Бориса могли оказаться въ недавно имъ пріобрѣтенной Македоніи дворцы, принадлежавшіе роду комитовъ? Бертинская лѣтопись разсказываетъ о казни 52-хъ бояръ—proceres, стоявшихъ во главѣ десяти возмутившихся комитатовъ—comitatus. Вполнѣ естественно заключить, что κόμητες житія Климента соотвѣтствуютъ „комитамъ"—proceres, руководившимъ возстаніемъ. Для насъ въ этомъ случаѣ не важно, были-ли комиты (κόμητες) начальниками административныхъ округовъ, или они были представителями военнаго и политическаго устройства болгарской орды, или просто носителями графскихъ титуловъ. Если, казнивъ ихъ, Борисъ, какъ видно изъ отвѣтовъ папы Николая, предалъ уничтоженію даже ихъ семейства, то несомнѣнно, что смертная казнь сопровождалась конфискаціей ихъ имѣній. Теперь князь распорядился этими имѣніями въ пользу церкви и духовенства. Можно думать, что и Наумъ получилъ часть конфискованныхъ имѣній, такъ какъ онъ построилъ на южной сторонѣ Охридскаго озера свой монастырь, по свидѣтельству второго изъ его житій, при содѣйствіи Бориса [1]). Передача конфискованнаго у мятежниковъ имущества представителямъ славянскаго просвѣщенія свидѣтельствуетъ о вполнѣ сознательномъ направленіи политики Бориса. Безпощадно преслѣдуя проявленія оппозиціи со стороны крайнихъ защитниковъ болгарской народности, онъ оказывалъ явное покровительство славянскому просвѣщенію, которое вело къ окончательной славянизаціи Болгаріи.

Обратимся теперь къ западной половинѣ Болгарскаго государства, которую при Борисѣ составляла Македонія со смежными частями сосѣднихъ областей — Эпира или Албаніи, древней Дарданіи и средней Дакіи. Славянскія племена начали селиться въ этихъ областяхъ очень рано. Факты, относящіеся къ этому заселенію, достаточно извѣстны, чтобы

[1]) См выше, стр. 93, прим. 3.

ихъ нужно было здѣсь перечислять. Въ V—VII вв. славяне густой массой распространились не только по всей Македоніи и Иллирику, но даже и въ Θессаліи и Пелопоннесѣ [1]). Уже въ началѣ VIII в. вся Македонія, кромѣ, можетъ быть, ея восточной и западной окраинъ, была сплошь занята славянами. У византійскихъ писателей эти области назывались σκλαβινίαι, у Θеофана — „славянскими провинціями“. Большинство славянскихъ племенъ до покоренія ихъ болгарами признавали надъ собою верховную власть византійскихъ царей, платили имъ подати и несли военную службу. Но были славяне и независимые отъ Византіи, какъ показываютъ ихъ войны съ имперіей.

Болгары начали выходить изъ границъ своей первоначальной державы, между Дунаемъ и Балканами, въ VIII в. Первыя попытки ихъ овладѣть Македоніей, по свидѣтельству византійскихъ историковъ, относятся къ 750—8 гг. и къ 776 и слѣд. годамъ, но всѣ онѣ оказались безуспѣшными. Расширеніе Болгаріи на юго-западъ началось съ Крума, который въ 809 г. захватилъ восточную часть Македоніи до р. Струма. Но уже въ 811 г. она вновь обращена была въ Ромейскую провинцію. Болѣе удачнымъ былъ походъ Пресіама (княж. до 852 г.) въ восточную часть Македоніи. Его кавханъ Исвулъ занялъ область по среднему теченію рѣки Месты, гдѣ жило славянское племя смолѣнъ. Присоединеніе къ Болгаріи Македоніи, Эпира или Албаніи, древней Дарданіи и средней Дакіи произошло при Борисѣ. Этими мѣстностями болгары овладѣли по частямъ. По свидѣтельству монаха Георгія, Борисъ вторгнулся съ сѣвера въ тему Солунскую еще до крещенія [2]). Хронологія болгарскихъ завоеваній въ юго-западной Македоніи и прилегающихъ областяхъ, за недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ, остается невыясненной. Вѣроятно только, что при Борисѣ еще до крещенія Болгаріи ей принадлежали всѣ упомянутыя области съ Охридскимъ озеромъ и Дѣволомъ на югѣ, простиравшіяся на западѣ до Драчской провинціи. Такъ заставляютъ думать свидѣтельства византійскихъ писателей, сообщающихъ, что Борисъ при креще-

---

[1]) *А. Васильевъ*, Славяне въ Греціи, *Визант Врем.*, 1898, т. V, стр. 417—418.

[2]) Theophanes Contin., ed. Bonn., p. 818.

ніи далъ грекамъ обѣщаніе постоянно имѣть съ ними братскій миръ и что потомъ во все время своего правленія онъ ненарушимо соблюдалъ свое обѣщаніе. О принадлежности къ болгарскому государству Македоніи и ближайшихъ областей въ эпоху Климента помимо житія его заключаемъ и изъ другихъ данныхъ. Ибн-Даста, говоря о пути отъ Солуня на западъ въ Римъ, черезъ лѣсистую страну скáлибовъ (славянъ), обитающихъ въ деревянныхъ домахъ, прибавляетъ, что они приняли христіанство во время царя Б—сýса (=Бориса) [1]). На соборѣ 870 года римскіе легаты, отстаивая права Рима на Болгарію, ссылались на то, что послѣдняя занимаетъ старыя иллирійскія провинціи—utramque Epirum, novam videlicet, veteramque, totamque Thessaliam atque Dardaniam, которыми издавна владѣлъ апостольскій престолъ [2]). Сказаніе о тиверіупольскихъ мученикахъ также представляетъ Македонію при Борисѣ уже во власти болгарской. Впослѣдствіи, при Симеонѣ, власть болгаръ въ этихъ мѣстностяхъ была окончательно упрочена и расширена еще дальше на западъ и востокъ.

Такимъ образомъ, незадолго до прихода въ Болгарію Климента, македонскіе славяне подпали подъ власть Болгаріи, и власть эта все усиливалась и расширялась. При Симеонѣ юго-западная граница Болгаріи захватывала огромнымъ изгибомъ всю почти Македонію и прилегающій къ ней край Албаніи ниже Охридскаго озера и на югѣ проходила въ разстояніи трехъ километровъ отъ Солунскихъ воротъ, какъ показываетъ недавно найденная надпись при Нариш—кёй.

Въ этнографическомъ отношеніи населеніе западной Болгаріи, въ особенности Македоніи, въ IX в. представляло собою славянскій типъ въ самомъ чистомъ видѣ. Здѣсь не было той пестроты въ населеніи и тѣхъ болгаро-тюркскихъ элементовъ въ жизни, которые характерны для восточной Болгаріи. Если въ немъ и была примѣсь ѳрако-иллирская и валашская, то въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Вліяніе тюркско-болгарскаго элемента, если и коснулось македонскихъ славянъ, то

---

[1]) *В. Р. Розенъ*, Императоръ Василій Болгаробойца. СПБ., 1883, стр. 145—6.

[2]) *Migne*, Patrol. lat., t. 128, c. 1391 sq.

въ самой незначительной степени. Вотъ почему македонскіе славяне должны были значительно отличаться отъ восточныхъ болгаръ, типъ которыхъ складывался въ двухсотлѣтнемъ процессѣ взаимныхъ отношеній побѣдителей и побѣжденныхъ. Этнографическая обособленность западной половины Болгаріи при Борисѣ и Симеонѣ доказывается краснорѣчивыми фактами изъ ея послѣдующей исторіи. Вскорѣ послѣ смерти Симеона, при слабомъ владычествѣ его сына Петра, другой его сынъ, лишенный наслѣдства, монахъ Михаилъ, задумавъ возстаніе противъ своего коронованнаго брата, нашелъ самую благопріятную почву для возстанія именно въ Македоніи (929). Въ 931 г. вспыхнуло въ Македоніи возстаніе славянъ противъ болгаръ, и нѣкоторыя племена на сѣверъ отъ Македоніи, отдѣлившись отъ болгарскаго княжества, подъ предводительствомъ князя Часлава, образовали самостоятельную державу. Наконецъ, въ 963—9 г. мы видимъ здѣсь особое македонско-славянское царство, изгнавшее болгаръ и поставившее себѣ царемъ валаха Шишмана [1]). Такимъ образомъ, въ періодъ почти столѣтняго подчиненія Македоніи болгарамъ, она не только не потеряла своей этнографической обособленности, но и пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отдѣлиться отъ Болгаріи.

Племенныя особенности македонскихъ и вообще западно-болгарскихъ славянъ не вполнѣ ясны. Существуетъ обширная литература, посвященная вопросу о томъ, къ какому славянскому племени—болгарскому или сербскому—принадлежатъ македонскіе славяне древняго и новаго періода [2]). Къ сожалѣнію, въ попыткахъ рѣшить этотъ вопросъ у самыхъ почтенныхъ сербскихъ и болгарскихъ ученыхъ проявляется слишкомъ много патріотическихъ увлеченій,

[1]) Подробнѣе о различіи славянскаго населенія Македоніи и восточной Болгаріи—у *Новаковича*, Први основи, гл. I, стр. 13—49, и III, особ. стр. 105—6. *Бож. Прокић*, Постанакъ једне слов. царевине. *Гласъ*, 76, стр. 224—236.

[2]) Изъ сочиненій, посвященныхъ македонскому вопросу, отмѣтимъ нѣсколько новѣйшихъ, въ котор. см. и всю обширную литературу вопроса: *Кънчовъ*, Македония. Соф. 1900; *Нидерле*, Македонскиятъ вопросъ. Соф. 1902; *Цвијић*, Основе за географију и геологију Македоније и Старе Србије. Београ. 1906, I—II; *Ischircoff*, Étude ethnographique sur les slaves de Macédoine. Paris 1908.

чтобы могли получиться вполнѣ прочные и всѣми признанные результаты. Однакожъ, если отнестись совершенно безпристрастно къ тому обильному матеріалу, который накопился въ послѣднее время для рѣшенія македонскаго вопроса со стороны его историческихъ основаній, можно составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное историческое представленіе о славянскомъ населеніи, въ средѣ котораго протекала дѣятельность Климента.

Изъ отрывочныхъ свѣдѣній византійцевъ извѣстно, что съ VII вѣка Македонію занимали славянскія племена: Стримонцы, жившіе на Струмѣ, Берзиты или Бърсяки, жившіе на сѣверъ отъ Охридскаго озера, Смолѣне, жившіе по среднему теченію р. Месты, Рухнины—на югъ отъ Смолѣнъ, Сагудаты и Драговичи, жившіе вблизи Солуня. Изъ сосѣднихъ славянъ ѳессалійскихъ извѣстны Велесичи, а изъ эпиротскихъ—Войничи. Нѣтъ возможности составить себѣ вполнѣ ясное представленіе о передвиженіяхъ этихъ племенъ на Балканскомъ полуостровѣ, но можно говорить съ увѣренностью о томъ, что въ IX вѣкѣ они уже прочно сидѣли на указанныхъ мѣстахъ [1]). Племенныя особенности всѣхъ македонскихъ славянъ опредѣляются преимущественно на основаніи данныхъ нѣсколькихъ родовъ: историческихъ свидѣтельствъ, этнографическихъ признаковъ и особенно показаній языка.

Уже приведенныя историческія свидѣтельства показываютъ, что въ сознаніи современниковъ населеніе Македоніи не отождествлялось съ восточно-болгарскими славянами. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что современные византійцы различали на Балканскомъ полуостровѣ Романію, Болгарію и Славинію или Склавинію, при чемъ подъ послѣдней и разумѣлись собственно славянскія земли западной половины полуострова. Эта мѣстность поставлена на ряду съ другими областями у Георгія Амартола. Въ нашей начальной лѣтописи различаются даже „Илюрикъ“, „Словене“ и „Лухнитія“ (Лихинда). Если не ошибаемся, первые случаи названія македонскихъ славянъ „болгарами“ находятся у Ѳеофилакта.

---

[1]) Объ исторіи разселенія слав. племенъ—у *Дринова*, Засел. балк. полуостр.; *Нидерле*, „Происхожденіе и разсел. Славянъ“ въ сборникѣ: „Что нужно знать о славянахъ“; у него-же, Slovanské starošitnosti II—I; *Иречка*, Ист. Срб.; *** (=Иречка?), Новитѣ възгледи върху заселяването на балк. полуостровъ отъ словѣнитѣ, *Минало*, 1911, год. II, кн. 5 и 6.

Но всѣ эти данныя, свидѣтельствуя объ относительномъ отличіи западно-болгарскаго населенія отъ восточнаго, еще не дают ничего для болѣе частной характеристики перваго изъ нихъ. Этой цѣли служатъ главнымъ образомъ данныя этнографическія и особенно лингвистическія. Языкъ македонскихъ славянъ, ихъ обычное право, вѣковая обстановка быта отличаются и понынѣ чрезвычайнымъ консерватизмомъ, что объясняется малымъ развитіемъ здѣсь городовъ и преобладаніемъ земледѣльческой жизни. Изученіе современной Македоніи въ указанныхъ отношеніяхъ приводитъ наиболѣе безпристрастныхъ изслѣдователей къ признанію въ языкѣ, правѣ и бытѣ ея двухъ стихій, изъ которыхъ одна роднитъ македонскихъ славянъ съ болгарами, другая—съ сербами. Наиболѣе удовлетворительное объясненіе этой двойственности состоитъ въ томъ, что тѣ славянскія племена, которыя съ древнихъ поръ поселились здѣсь, будучи чистыми славянами, представляли собой средній типъ, переходный отъ восточно-болгарскихъ племенъ къ сербамъ.

Особенно ясно сказывается это на языкѣ македонскихъ славянъ. Послѣдній, разумѣется, въ общемъ до такой степени близокъ къ восточно-болгарскому языку, что его можно разсматривать какъ его діалектъ. Такія характерныя примѣты, какъ носовые гласные или *жд*, *шт*, одинаково свойственны обоимъ нарѣчіямъ, какъ и древнему церк.-славянскому языку. Но уже классификація средне-болгарскихъ текстовъ [1]) свидѣтельствуетъ о различіи, существовавшемъ съ древнѣйшихъ временъ въ языкѣ западно-болгарскаго и восточно-болгарскаго населенія. Съ другой стороны, безпристрастныя наблюденія Лаврова, Облака, Иречка, Ягича, Калины надъ историческимъ языкомъ и современными говорами Македоніи вскрываютъ въ нихъ значительное количество признаковъ, прямо роднящихъ его съ сербскимъ языкомъ. Отмѣтимъ нѣсколько изъ нихъ. На всей территоріи Македоніи въ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдается произношеніе, въ которомъ *у* соотвѣтствуетъ *ж*; очень часто *ѣ*=*е*. Въ смягченіи зубныхъ передъ j въ македонскихъ говорахъ часто слышится *к* и *г*, болѣе близкія къ сербскимъ ћ и ђ, чѣмъ къ болгарскому *шт* и *жд*, не говоря уже о тѣхъ

1) Проф. *Б. Цоневъ*, Класификация на българскитѣ книжовни паметници. Соф. 1905.

случаяхъ, когда изслѣдователи (Облакъ, Новаковичъ) находятъ вмѣсто нихъ именно сербскіе звуки [1]). Къ числу сербизмовъ въ области формъ относятся дѣепричастія на *ки* (Облакъ). Словарный матеріалъ македонскихъ говоровъ, какъ извѣстно, также полонъ словъ, родственныхъ или совпадающихъ съ сербскими. Въ славянской номенклатурѣ и въ собственныхъ именахъ обращаютъ на себя вниманіе также нѣкоторыя указанія на существованіе сербскаго элемента въ племенномъ составѣ населенія Македоніи. Въ названіяхъ македонскихъ племенъ Драговичи, Воиничи, Велесичи и др.—окончаніе на *ичи*, свойственное сербскому языку и неизвѣстное болгарскому; то же слѣдуетъ сказать и объ окончаніяхъ на *кь* (Марко Кралевикь) въ фамиліяхъ западно-болгарскихъ [2]). Всѣ эти и многія другія черты въ языкѣ македонскихъ славянъ ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснять сербскимъ литературнымъ вліяніемъ. Онѣ являются естественнымъ слѣдствіемъ близости этого населенія къ сербскому племени. Ихъ показанію соотвѣтствуетъ свидѣтельство Константина Багрянороднаго о первоначальномъ поселеніи сербовъ въ Македоніи, вблизи Солуня, хотя и отвергаемое нѣкоторыми историками, но заслуживающее вниманія къ себѣ. Нѣтъ серьезныхъ основаній, вслѣдъ за Новаковичемъ, сближать чуть не до отождествленія древній языкъ македонскихъ славянъ съ нарѣчіемъ „панноно-моравскихъ славянъ“, а слѣдовательно, и эти двѣ народности. Но не можетъ уже подлежать сомнѣнію, что древній церковно-славянскій языкъ имѣлъ въ своей основѣ языкъ македонскихъ славянъ и стоялъ къ нему ближе, чѣмъ къ какому-бы то ни было другому славянскому нарѣчію.

Въ культурномъ отношеніи западно-болгарскіе славяне были выше восточныхъ, вслѣдствіе болѣе свободнаго распространенія между ними византійскаго вліянія. Македонскія племена, вслѣдъ за другими славянами, входившими въ составъ имперіи, были издавна вовлечены въ сферу византійскихъ интересовъ и находились подъ вліяніемъ визан-

---

1) *Новаковић*, Први основи, 109 и др.; *Oblak*, Macedonische Studien въ *Sitzungsb. d. K. A. d. Wiss.*, Phil.-hist. cl, Bd. CXXXIV.

2) *П. А. Лавровъ*, рец. на кн. *А. Л. Погодина* Изъ исторіи слав. передвиженій, *Журн. мин. нар. просв.* 1901, ч. 336, стр. 483—7.

тійской культуры, нравовъ и обычаевъ. Христіанство распространялось среди нихъ различными путями. Оно пустило корни здѣсь гораздо раньше крещенія Болгаріи. „Надобно хорошо отличать — говорилъ еще Шафарикъ—обращеніе (въ христіанство) болгаръ отъ обращенія славянъ поселившихся въ земляхъ Греческой имперіи: одно съ другимъ мало или вовсе ничего не имѣетъ общаго“ [1]). Дѣйствительно, параллельно съ успѣхами византійскаго оружія и дипломатіи шли успѣхи и церковной пропаганды среди македонскихъ славянъ. Нѣкоторые историческіе факты заставляютъ думать, что въ IX вѣкѣ до прихода Климента въ Македоніи уже почти всѣ славяне были христіанами. Относительно пелопонесскихъ славянъ, сосѣдившихъ съ македонскими и поставленныхъ въ сходныя условія, извѣстно, что они приняли христіанство еще въ началѣ IX в. [2]). Въ Македоніи также къ началу IX в. христіанство укрѣпилось настолько, что въ это время уже существовали здѣсь епископіи, открытыя спеціально для славянъ. По свидѣтельству Симеона Логоѳета, Крумъ послѣ разграбленія Македоніи и Ѳракіи (809) переселилъ за Дунай жителей этихъ провинцій вмѣстѣ съ ихъ епископами. Македонскимъ славянамъ приходилось даже быть источникомъ распространенія христіанства среди восточныхъ болгаръ. Болгарскій князь Мортагонъ (съ 815 г.) жестоко каралъ христіанъ, переселенныхъ изъ Ѳракіи и Македоніи, какъ виновниковъ распространенія христіанства. Эти переселенцы были славяне, потому что тогда уже вся Македонія сплошь была занята славянскимъ населеніемъ.

Этнографическими особенностями населенія западной Болгаріи, его сравнительной культурностью и успѣхами въ немъ христіанства и объясняется главная причина, по которой Македонія оказалась мѣстомъ дѣятельности Климента. Македонскіе славяне, жившіе въ сторонѣ отъ старыхъ болгарскихъ традицій, лучше сохранившіе цѣльность своего національнаго типа, были наиболѣе благопріятной средой для осуществленія той задачи, которую исторія въ концѣ IX в. поставила передъ Болгаріей. Климентъ не былъ просто мис-

---

[1]) Слав. древн., т. II, кн. I, стр. 292 сл.

[2]) *Васильевъ*, Славяне въ Греціи, *Виз. Врем.*, V, стр. 424.

сіонеромъ Македоніи въ обычномъ смыслѣ этого слова, и не распространеніе христіанства среди славянъ было главной цѣлью его трудовъ, такъ какъ населеніе Македоніи и смежныхъ областей уже до него было крещено. Въ своей дѣятельности на первый планъ онъ ставилъ просвѣщеніе народа славянскимъ книжнымъ ученіемъ, введеніе славянскаго богослуженія, приготовленіе національной іерархіи. Всѣ эти подробности объединялись въ одно великое дѣло—созданіе въ Болгаріи славянской національной церкви, основанной на живомъ народномъ началѣ. Въ этомъ дѣлѣ были двѣ стороны: одна—глубоко-религіозная, другая—внѣшняя, государственная. Народный языкъ въ богослуженіи и литературѣ, это—огромная сила, охраняющая вѣру. Безъ него самая христіанская проповѣдь была бы лишена своего жизненнаго значенія. Такъ понимали смыслъ своей дѣятельности свв. Кириллъ и Меѳодій. Такимъ пониманіемъ своего дѣла вдохновлялся, разумѣется, и Климентъ, какъ ихъ преданнѣйшій ученикъ. Но кромѣ этого, съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ въ Болгарію, онъ сдѣлался лицомъ близкимъ къ Борису и сталъ трудиться въ полномъ согласіи съ планами князя. Борисъ къ этому времени, въ поискахъ наиболѣе пригодной для Болгаріи церкви, успѣлъ уже три раза измѣнить направленіе своей церковной политики, переходя отъ греческой церкви къ римской (866—870) и отъ послѣдней снова къ греческой. Теперь ему предносилась во всей своей жизненной силѣ идея національной церкви съ народнымъ языкомъ и національной іерархіей, какъ вѣрной основы политической самостоятельности, единства и культурнаго роста Болгаріи. Эта идея обѣщала полный успѣхъ славянскому элементу въ Болгаріи, который уже становился носителемъ государственности и опорой князю въ борьбѣ съ отживавшей старо-болгарской аристократіей. Планомѣрность предпріятія требовала, чтобы начала славянской церкви и славянскаго просвѣщенія были положены прежде всего тамъ, гдѣ для нихъ уже были готовыя данныя: расположенность населенія къ славянскому языку, какъ къ родному, относительная культурность его, развитіе христіанства, зачатки грамотности. Всѣ эти условія были налицо въ западной Болгаріи, и Климентъ здѣсь приступилъ къ дѣятельности.

Сначала онъ трудился въ качествѣ учителя, а затѣмъ въ

качествѣ епископа. Остановимся теперь ближе на отдѣльныхъ подробностяхъ того и другого періода жизни святителя.

О назначеніи Климента учителемъ житіе его разсказываетъ: *Μιχαὴλ... διαιρεῖ μὲν τὴν Κουτμιτζιβίτζαν* [вар. *Κ—τζιτίτζαν, Κ—νιτζίναν* Охр. сп.] *ἐκ τοῦ Κοτοκίου, προϊστᾷ δὲ αὐτῆς Δοβετᾶν* [вар. *Δομετᾶν* Охр. сп.] *παραλύσας αὐτὸν τῆς διοικήσεως, παραδίδωσι δὲ τῷ Δοβετᾷ* [вар. *Δομετᾷ*] *τὸν μακάριον Κλήμεντα, μᾶλλον δὲ τὸν Δοβετᾶν* [вар. *Δομετᾶν*] *Κλήμεντι, ἢ τό γε ἀκριβέστερον εἰπεῖν, ἑκάτερον ἑκατέρῳ, τὸν μὲν ὡς τὰ πάντα ὑπήκουν, τὸν δ' ὡς ὑπουργῷ τούτῳ πρὸς τὰ θελητέα χρησόμενον. διδάσκαλος γὰρ ὁ Κλήμης τῆς Κουτμιτζιβίτζας* [вар. *Κ—νίτζας*] *ἐστέλλετο*... (XVII). Наличность варіантовъ въ приведенномъ текстѣ заставляетъ дѣлать между ними выборъ, уже опредѣлившійся передъ нами раньше: *Κουτμιτζιβίτζα* слѣдуетъ предпочесть другимъ названіямъ области; христіанскому имени *Δομετᾶ*—Домета или Дометіанъ—слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ неопредѣленнымъ *Δοβετᾶ*. Далѣе, выраженіе: *παραλύσας αὐτὸν τῆς διοικήσεως*—нельзя понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ его переводчики и комментаторы житія: „освободивъ его (Домету) отъ управленія". Какой смыслъ было бы назначать Домету начальникомъ Кутмичивицы и въ то же самое время освобождать его отъ дѣлъ управленія? Здѣсь рѣчь идетъ объ административномъ выдѣленіи области Кутмичивицы изъ Котокія въ соотвѣтствіи съ церковнымъ выдѣленіемъ этой области въ вѣдѣніе Климента, какъ учителя, такъ какъ церковное устройство на востокѣ, по каноническимъ правиламъ (напр. 17 пр. Халкид. соб.) и традиціи, по возможности сообразовалось съ гражданскимъ и земскимъ порядкомъ. Въ такомъ случаѣ *παραλύσας αὐτὸν τῆς διοικήσεως* (=diocesis) должно обозначать то, что Борисъ изъялъ Дометіана изъ подчиненія областному управленію,—другими словами говоря, что Кутмичивица во главѣ съ Дометіаномъ въ гражданскомъ отношеніи была выдѣлена въ самостоятельную область. Слѣдовательно, весь приведенный текстъ можно передать такими словами: „Михаилъ... выдѣляетъ изъ Котокія Кутмичивицу и поставляетъ надъ нею начальникомъ Домету (или Дометіана), изъявъ его изъ подчиненія областному управленію; Дометѣ же даетъ блаженнаго Климента, или лучше Домету поручаетъ Клименту, а еще вѣрнѣе ска-

зать—одного другому: одного, какъ исполнителя во всемъ другого, какъ человѣка, имѣющаго воспользоваться содѣйствіемъ такого помощника для достиженія желаемой цѣли. Ибо Климентъ посылается учителемъ Кутмичивицы"...

Что же это за область Кутмичивица, въ которой трудился Климентъ въ качествѣ учителя?

Мѣстоположеніе и границы ея точно не извѣстны и возстановляются только въ общихъ чертахъ и приблизительно, такъ какъ кромѣ житія Климента ни въ одномъ памятникѣ не встрѣчается этотъ географическій терминъ. Вполнѣ опредѣленными историческими воспоминаніями учительская дѣятельность его пріурочивается къ юго-западной части Македоніи, точнѣе—къ мѣстности, расположенной вблизи Охридскаго озера, гдѣ еще при Борисѣ онъ построилъ свой монастырь. Въ предѣлы, въ которыхъ протекала его учительская дѣятельность, входили и другія мѣстности, упоминаемыя въ житіи: Дѣволъ и Главиница, гдѣ онъ получилъ въ даръ дворцы комитовъ. Мѣстоположеніе этихъ мѣстностей болѣе или менѣе извѣстно, но протяженіе и границы ихъ не вполнѣ ясны.

Дѣволъ, греч. *Δεάβολις* или *Διάβολις*, служило названіемъ рѣки, двухъ городовъ и области. Рѣка Дѣволъ протекаетъ на югѣ отъ Охридскаго и Преспанскаго озеръ, проходитъ поперекъ Албаніи и, по соединеніи съ Узумомъ, впадаетъ въ Адріатическое море съ именемъ Семени или Ергента. Городовъ съ названіемъ Дѣволъ въ настоящее время извѣстно два: городокъ, находящійся на лѣвомъ берегу р. Дѣвола, на югъ отъ Охриды и на сѣверо-западъ отъ Касторіи, и развалины города, называемыяЕски-Дѣволъ или Старый Дѣволъ и лежащія недалеко на юго-западъ отъ городка Дѣволъ [1]). Послѣдній соотвѣтствуетъ древнему малому Дѣволу, а развалиныЕски-Дѣвола—великому Дѣволу (впослѣдствіи *Σελασφόρος*, или слав. Звѣзда). Область Дѣволъ расположена была вокругъ этихъ городовъ, къ югу отъ Маличскаго и Преспанскаго озеръ. Сѣверная граница этой области непосредственно соприкасалась съ Охридской областью, такъ какъ св. Наумъ, жившій, несомнѣнно, въ Дѣвольскихъ предѣлахъ, въ то же время имѣлъ свой монастырь „на исходѣ

---

[1]) *Голубинскій*, Краткій очеркъ, 59.

Бѣлаго (=Охридскаго) озера". Какъ далеко простиралась область Дѣволъ на югъ, востокъ и западъ, опредѣленно сказать трудно. Въ началѣ X вѣка при младшемъ современникѣ Климента — епископѣ Маркѣ Дѣвольская область составляла самостоятельную епископію. Въ хризовулѣ имп. Василія II (1018—19) Дѣволъ причисляется къ касторійской епархіи вмѣстѣ съ Колоніей и Воюцой, съ которыми, слѣдовательно, Дѣвольская область и граничила на югѣ и югозападѣ.

Городовъ и селъ, извѣстныхъ съ именемъ Главиницы, еще Григоровичъ указалъ три: а) на сѣверъ отъ Охриды, близъ Издеглавія, которое лежитъ въ долинѣ Дебърца, на востокѣ отъ Дрина, между Деброю и Стругою въ казѣ (=уѣздѣ) Дебрца; б) на югѣ отъ монастыря св. Наума; в) на пути отъ Эльбасана до Дураццо [1]). Послѣдняя Главиница и есть, по Григоровичу, та, о которой упоминаетъ краткое житіе Климента. Однакожъ, тѣ историческія свидѣтельства о Главиницѣ, которыя были отнесены къ этой Главиницѣ Григоровичемъ, другими учеными, на основаніи болѣе тщательнаго изслѣдованія дѣла, пріурочиваются къ Главиницѣ, локализируемой еще южнѣе. Голубинскій указываетъ Главиницу въ южной Албаніи, ниже Авлоны, на мысу Акрокеравніи [2]). Городъ Главиница, расположенный здѣсь, по его мнѣнію, имѣется въ виду и въ хризовулѣ Василія II. Новаковичъ обращаетъ особенное вниманіе на договоръ крестоносцевъ 1204 года, гдѣ упоминается въ ряду прочихъ названій Clomenissa vel Glavenissa de Vagnetia. Вагнетія простиралась между Адріатическимъ моремъ и границами Янинской, Дѣвольской и Охридской областей. Поэтому Главиницу Новаковичъ локализируетъ южнѣе Акрокеравніи, къ которой относилъ ее Голубинскій. Старая Главиница, по Новаковичу, находилась на лѣвой сторонѣ Каламы, противъ Корфу, гдѣ сохранились развалины стараго города, называемаго Palaea Venetia [3]).

---

[1]) *Григоровичъ*, Изысканія о слав. апостолахъ, *Журн. мин. нар. просв.*, 1847, т. 53, стр. 26; ср. Очеркъ путешествія, 104—105.

[2]) *Голубинскій*, 60 стр.

[3]) *Новаковић*, Први основи, стр. 71; *Гласъ Срп. кр. Акад.*, 76 т., стр. 11 слѣд.

Такимъ образомъ, поиски древняго города Главиницы породили въ литературѣ разнообразіе мнѣній [1]). Вѣроятно, изъ нихъ впослѣдствіи окажется наиболѣе правильнымъ то, которое найдетъ себѣ подтвержденіе въ археологическихъ данныхъ, особенно, если удастся археологамъ или путешественникамъ найти упоминаемые въ краткомъ житіи Климента каменные столбы съ надписями о немъ, подобно тому, какъ уже найдены въ Македоніи другіе аналогичные монументы. Однакожъ, на основаніи непосредственнаго сосѣдства Главиницы Климента съ Дѣволомъ вообще можно считать несомнѣннымъ, что она находилась въ юго-западномъ углу Македоніи или въ южной Албаніи, въ одной изъ мѣстностей, указываемыхъ Голубинскимъ и Новаковичемъ. Судя по частымъ упоминаніямъ о ней въ средневѣковыхъ памятникахъ и по тому, что она была епархіальнымъ городомъ, слѣдуетъ думать, что съ именемъ Главиницы, кромѣ города, извѣстна была цѣлая область. По хрисовуламъ Василія II, въ главиницкую епархію входили, кромѣ собственно Главиницы, также Неониска, не поддающаяся опредѣленію, и Канина, сохранившійся донынѣ городъ въ южной Албаніи, недалеко отъ берега Адріатическаго моря, на юго-востокъ отъ Авлоны. Съ этой Каниной и соприкасались непосредственно предѣлы Главиницы.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Кутмичивица, какъ область, сближаемая въ пространномъ житіи съ Охридой, Дѣволомъ и Главиницей, которыя въ нее входили, расположена была въ юго-западной части Македоніи и въ предѣлахъ южной Албаніи. Окончательно подтверждается это сообщеніемъ древняго житія Наума о томъ, что послѣ назначенія Климента епископомъ Величскимъ Симеонъ „**пѣстн Плоуых подроуѣ кмоу въ нѣго мѣсто на хунтелство**“, а мѣстомъ дѣятельности Наума, несомнѣнно, тоже былъ Дѣволъ и окрестности Бѣлаго (=Охридскаго) озера.

Но этимъ далеко еще не рѣшается вопросъ о томъ, насколько обширна была территорія, занимаемая Кутмичивицей. Въ ученой литературѣ существуетъ нѣсколько рѣшеній

---

[1]) Другія мнѣнія и ихъ разборъ см. у *Йор. Иванова*, Епархиитѣ въ Охридската архиеп. прѣзъ нач. XI в. *Спис. на Бълг. Ак. на наук.* I (1911), стр. 103—108.

его. У Шафарика территорія Кутмичивицы обозначается линіями отъ Вардара и Скопья до Авлоны, Акрокеравнійскихъ горъ, Костура и Водены [1]). Мнѣніе Шафарика было принято авторитетнѣйшими учеными: Рачкимъ, Цахаріе—ф. Лингенталемъ, Ягичемъ и др. [2]). Новаковичъ первый значительно сузилъ предѣлы этой области. Жупа Кутмичивица, по его мнѣнію, простиралась на юго-западъ отъ Охриды къ Берату и Авлонѣ и на югъ къ Главиницѣ—Коницѣ, занимая пространство между этими областями, но не включая ихъ въ себя цѣликомъ, какъ не включая и Дѣвола [3]). Баласчева не удовлетворили ни догадка Шафарика, ни тѣмъ болѣе соображенія Новаковича. Онъ значительно расширилъ территорію Кутмичивицы до полнаго отожествленія ея съ позднѣйшей Охридской архіепископіей, т. е., почти со всей западной Болгаріей. Основаніемъ для такого смѣлаго заключенія у Баласчева служитъ сообщеніе житія о томъ, что, будучи учителемъ Кутмичивицы и имѣя до 3500 учениковъ, Климентъ послалъ по 300 человѣкъ изъ нихъ въ каждую енорію (ἐνορία), что на языкѣ тогдашнихъ византійцевъ, по Баласчеву, означало епархію. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что количество епархій, входившихъ въ Кутмичивицу, простиралось до 12. Сопоставляя этотъ выводъ съ хризовуломъ Василія II, Баласчевъ перечисляетъ и епархіи, входившія въ Кутмичивицу. Кромѣ Охридской архіепископіи сюда принадлежали епархіи: бѣлицкая, битольская, касторійская, главиницкая, сервійская, веррійская, воденская, мгленская, брѣгальницкая или струмицкая, скопская и призрѣнская [4]).

Гипотезы Новаковича и Баласчева представляютъ собою двѣ противоположныя крайности, съ которыми одинаково трудно согласиться читателю.

Новаковичъ отодвигаетъ Кутмичивицу на крайній югъ и

[1]) Расцвѣтъ слав. письм., *Чтенія въ Общ. Ист. и Др. росс.*, 1848, VII, стр. 45—46.

[2]) *Rački*, Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Meth., p. 376; *Цахаріе-фонъ-Лингенталь* въ комментаріи къ „Каталогу болг. архіепископовъ“ (Memoires de l' académie imperiale de sciences de St. Peterb., ser. VII, t. VIII, № 3 1864). *Jagić*, Zur Entsteh., S. 60.

[3]) Први основи, 78.

[4]) Климентъ, еп. Словѣнски, XXI—XXII.

исключаетъ изъ нея не только Дѣволъ, но, повидимому, и Охриду, и—только на томъ основаніи, что Борисъ подарилъ Клименту мѣста для отдыха около Охриды и Главиницы (*κατ' Αχρίδα καὶ Γλαβενίτζαν* XVII). Основаніе—слишкомъ незначительное для того, чтобы нужно было указанныя мѣстности искать внѣ предѣловъ Кутмичивицы и заключать только объ ихъ смежности съ нею.

У Баласчева, расширившаго предѣлы Кутмичивицы до размѣровъ 12-ти позднѣйшихъ македонско-албанскихъ епархій, дано слишкомъ много свободы недоказаннымъ предположеніямъ. Предполагается полное тожество церковнаго устройства и количества епархій при Климентѣ и въ моментъ опубликованія хризовуловъ Василія (1018—1019 г.). Между тѣмъ болѣе, чѣмъ сто-тридцатилѣтній періодъ, раздѣляющій эти два момента болгарской исторіи, разумѣется, не могъ не оказать своего дѣйствія на распредѣленіе епархій и церковное управленіе. Изъ древняго житія Наума, напр., видно, что въ первой половинѣ X в. существовала особая дѣвольская епархія, а въ хризовулѣ Дѣволъ уже включается въ касторійскую епископію. Нѣкоторыя изъ перечисляемыхъ Баласчевымъ епархій едва-ли даже и принадлежали Болгаріи въ царствованіе Бориса. Категорически это можно отрицать относительно веррійской епархіи. До Симеона она находилась въ зависимости отъ солунской митрополіи, и только послѣ успѣшной войны его съ Византіей и ограниченія правъ солунскаго митрополита (ок. 904 г.) перешла въ болгарскую церковь [1]). Наконецъ, только преднамѣренное желаніе насчитать 12 епархій побудило Баласчева включить въ ихъ число и призрѣнскую, о которой въ древнѣйшихъ источникахъ нѣтъ никакихъ упоминаній и которая въ первый разъ упоминается только при архіепископѣ сербскомъ Евстаѳіи II (1292—1309) [2]).

Итакъ, Кутмичивица была меньше той огромной территоріи, которую намѣтилъ для нея Баласчевъ, но больше предѣловъ, предположенныхъ Новаковичемъ. Границы ея, указанныя Шафарикомъ, слѣдуетъ признать болѣе всего при-

[1]) *Ѳ. И Успенскій*, Пограничный столбъ между Византіей и Болгаріей при Симеонѣ. *Изв. Русск. Арх. Инст. въ К—лѣ*, 1898, III, стр. 189.

[2]) *Голубинскій*, Кр. оч., 469 стр.

ближающимися къ дѣйствительности, но всецѣло успокоиться на его мнѣніи нельзя, уже потому, что оно высказано въ слишкомъ категорической формѣ и не подкрѣплено соотвѣтствующими данными.

Какъ видно изъ простр. житія, Кутмичивица представляла собою область, выдѣленную Борисомъ, въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи, изъ болѣе широкой территоріи. Этому сообщенію житія соотвѣтствуютъ свидѣтельства о Климентѣ другихъ источниковъ. Краткое житіе говоритъ о возведеніи его въ епископы „всего Иллирика и обладающаго землею народа болгарскаго“ (VI гл.), т. е., значительной части Болгаріи. Въ каталогѣ болгарскихъ архіепископовъ о Климентѣ сказано, что ему было поручено *Борисомъ* наблюдать за третьей частью болгарскаго государства (*ἐφορᾶν καὶ τὸ τρίτον μέρος τῆς Βουλγαρικῆς βασιλείας*) и дальше точно обозначены размѣры этой области [1]). Хотя свидѣтельства обоихъ источниковъ относятся въ нихъ къ періоду епископскаго служенія Климента, но эта ошибка здѣсь легко обнаруживается, вслѣдствіе попутнаго упоминанія о Борисѣ, какъ о современникѣ событія или какъ о лицѣ, давшемъ Клименту указанное порученіе. А при Борисѣ онъ еще не былъ епископомъ; онъ былъ только учителемъ. Сопоставляя показанія простр. житія съ каталогомъ болгарскихъ архіепископовъ, можно видѣть, что выдѣленіе Кутмичивицы для просвѣтительныхъ трудовъ Климента и выдѣленіе третьей части болгарскаго государства для попеченія о ней, это— одинъ и тотъ же актъ церковнаго дѣленія Болгаріи, совершенный Борисомъ. Поэтому есть основаніе отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ сообщенію каталога о размѣрахъ предоставленной Клименту области. Здѣсь она обозначается линіей: *ἀπὸ Θεσσαλονίκης ἄχρις Ἰεριχῶ καὶ Καννίνων ἤτοι Ταση πιάτου.* Іерихо и Канина—города въ южной Албаніи, недалеко отъ берега Адріатическаго моря, южнѣе Авлоны. Слѣдовательно, Кутмичивица занимала всю юго-западную часть Македоніи и Албаніи, отъ Солуня и до Адріатическаго побережья на западъ. Южная граница ея тянулась отъ Солуня до Іерихо, проходя, дѣйствительно, согласно съ мнѣніемъ Шафарика, черезъ Касторію и Водену. Но какъ да-

[1]) См. выше, стр. 102.

леко простиралась она на сѣверъ, выше Охридскаго озера, сказать опредѣленно нельзя [1]).

Кутмичивица была выдѣлена изъ болѣе обширной области—Котокія (*ἐκ τοῦ Κοτοκίου*). Какой смыслъ имѣло это выдѣленіе?

---

[1]) Самое названіе Кутмичивица-Кутмичевица—или славянскаго происхожденія и образовалось отъ слова *кут* (ср. серб. кутъ, лужицк. kut, польск. kąt, чеш. kaut, словинск. kot) въ значеніи *уголъ*, или албанскаго—и должно быть сближено съ албанскимъ мѣстнымъ обозначеніемъ Κjυτ̄ε̄νίτζα отъ Κjυτσι—тоск. Kjoutéti—названіе города. Принимая этотъ географическій терминъ за славянскій (ср. Шипк-ов-ица, Серг-ев-ица, Митр-ов-ица), можно думать, что Κουτμιτζιβίτζα образовалось чрезъ посредство названія жителей Македонскаго угла—*кутмичи* (м. б. кут(ь)личи; ср. сербск. кутао, род. кутла ковшъ).

[2]) Со времени Шафарика принято относить слово *Κοτόκιος* (—*ον*) къ числу неизвѣстныхъ словъ болгарскаго (тюркскаго) происхожденія. Однако, съ этимъ едва-ли можно согласиться. Когда исчерпаны всѣ возможности разгадать смыслъ этого загадочнаго термина, передъ которымъ опустились руки не одного изслѣдователя, остается, по крайней мѣрѣ, намѣтить возможныя данныя для будущаго рѣшенія его. Не исключена возможность славянскаго происхожденія его въ виду близости его съ словомъ кутъ (ср. малор. *кутокъ*). Но мы думаемъ, что разгадку его слѣдуетъ искать не въ славянской, а въ византійской терминологіи. У византійскихъ писателей нерѣдко встрѣчается въ географическомъ значеніи терминъ *κατωτικός* (—*όν*) или *κατοτικός* (—*όν*), который иногда принимаетъ очень близкую къ *κοτόκιος* форму *κατωκός* (—*όν*), отмѣченную Ламбросомъ и Ѳ. И. Успенскимъ у Михаила Акомината. (*Λαμπρος, Μιχαὴλ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιάτου τὰ σωζομένα, ἐν Ἀθήναις* 1879—1880, II, 131; *Ѳ. И. Успенскій*, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи, *Журн. мин. нар. просв.*, 1883, ч. 225, стр. 60—61). Слово это—простонародное. *Καὶ κατωτικὰ Ἑλλάδα ὁ κοινὸς λόγος φησίν*...—говоритъ Евстаѳій. (*Ducange*, Glossarium ad script. med. et inf. Graecit. [1], I, p. 624). Оно употребляется въ двоякомъ смыслѣ: а) общепринятое значеніе его—нижній или южный относительно Константинополя. (*Ducange*, ib., p. 624), а затѣмъ, по Тафелю, вообще *κατοτικοί*—loca inferiora habitantes (*Tafel*, De Thessalonica ejusque agro, Berolini, 1839, p. 462); б) въ другомъ смыслѣ, который Тафелемъ устанавливается съ знакомъ вопроса, *κατοτικοί* равнозначаще съ homines rurales, простые деревенскіе люди, обитатели деревень. (*Tafel*, ib.) Если *Κοτόκιος* житія Климента есть, дѣйствительно, видоизмѣненное *κατωτικός—κατωκός—κατοκός*, то оно или однозначаще съ *κατωτικὰ μέρη, κατωτικὰ χῶραι*, и тогда является географическимъ терминомъ для обозначенія вообще южной части Балканскаго полуострова. (Въ такомъ смыслѣ *κατωτικὰ μέρη* и под. выраженія встрѣчаются у Ѳеофана, Константина Порфиророднаго, Михаила Акомината. См. у Дюканжа, Тафеля, Ламброса, Успенскаго, цитированныя изданія. У Михаила Акомината съ именемъ *κατοτικοί* извѣст-

М. С. Дриновъ сдѣлалъ предположеніе, что вся болгарская церковь при Борисѣ была раздѣлена на три части съ отдѣльнымъ архіепископомъ для каждой изъ нихъ [1]). Но его догадка послѣдующими изслѣдованіями не оправдалась. Въ частности выдѣленіе юго-западной части Болгаріи въ вѣдѣніе Климента положительно не могло имѣть въ основѣ своей принципъ епархіальнаго дѣленія, потому что Климентъ въ это время не былъ ни архіепископомъ, ни даже епископомъ. Есть основаніе думать, что въ западной половинѣ Болгаріи въ это время еще не установлена была правильная организація церковнаго устройства, такъ какъ переходъ македонскихъ славянъ подъ власть Болгаріи, выражавшійся первоначально лишь въ платѣ податей болгарскому князю, не влекъ за собою непосредственнаго перехода духовенства, которое уже тамъ было, подъ власть болгарской іерархіи. Между греческимъ духовенствомъ и Болгаріей изъ-за церковнаго устройства въ Македоніи на первыхъ порахъ велась борьба, о которой свидѣтельствуетъ тотъ любопытный фактъ, что нѣкоторыя македонскія епархіи,

---

ны округи Аѳинскій и Ѳиванскій); или оно употреблено въ смыслѣ области, заселенной грубымъ, деревенскимъ народомъ, и въ такомъ случаѣ имѣетъ болѣе общее значеніе болгарскихъ или славянскихъ поселеній. Если наша догадка можетъ претендовать на вѣроятность, тогда въ соотвѣтствіе съ *Κοτόχιος* (—*or*) можно поставить и выраженіе „Долняя земля", которымъ называется нынѣшняя Македонія въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ, напр., въ грамотѣ ц. Константина Асѣня Вирпинскому монастырю (*Г. А. Ильинскій*, Грамоты болг. царей, М., 1911, стр. 112), или въ слав. переводѣ Хроники Манассіи (*А. Чертковъ*, О перев. лѣт. Манассіиной, М. 1841, стр. 45). Этимъ именемъ Македонія и до сихъ поръ называется въ народныхъ пѣсняхъ, въ отличіе отъ „Горней земли", подъ именемъ которой воспѣвается Болгарія Придунайская. По всей вѣроятности и Кадокія Солунской легенды, и Кѫдокъ Вирпинской грамоты—не что иное, какъ *Κατωκός*, испорченное вслѣдствіе постояннаго обращенія въ простонародной рѣчи. Не настаивая на безусловной вѣрности такого объясненія термина *Κοτόχιος* (—*or*) и предлагая его лишь какъ одно изъ возможныхъ, мы, однако, думаемъ, что едва-ли можно инымъ путемъ объяснить этотъ неудобопонятный терминъ. Такимъ образомъ, возможно, что словомъ *Κοτόχιος* въ житіи названы въ общемъ смыслѣ южные предѣлы Балканскаго полуострова или въ частности Македоніи, изъ области которой Борисомъ и была выдѣлена Кутмичивица.

[1]) По мнѣнію М. С. Дринова, моравскій архіепископъ управлялъ западной частью Болгаріи, величскій—юго-западной, преславскій—восточной. „Исторически прегледъ на българска-та цьрква", 1869, стр. 27.

безспорно входившія въ это время въ болгарскую территорію, продолжаютъ настойчиво вноситься греками въ списки епархій Константинопольскаго престола. При такихъ условіяхъ при Борисѣ въ Болгаріи особенно ясно сознавалась важность введенія славянской литургіи и созданія національной іерархіи. И предоставляя Клименту юго-западную часть своей державы, онъ посылалъ его туда не въ качествѣ опредѣленнаго церковнаго администратора, а въ качествѣ лица, которому поручено было систематическое устроеніе національной славянской церкви.

Въ Кутмичивицѣ Климентъ трудился въ качествѣ **учителя**, но не въ общемъ смыслѣ этого слова, а въ особенномъ, спеціальномъ. Въ восточной церкви съ этимъ званіемъ соединялась особая должность, носители которой занимали очень видное мѣсто въ клирѣ. Они избирались изъ лицъ, достойныхъ по своей жизни и извѣстныхъ даромъ слова, дѣлились на нѣсколько категорій и преподавали Слово Божіе въ церквахъ и внѣ ихъ, въ патріаршихъ школахъ и народныхъ собраніяхъ. Должность эта была настолько почетною, что высшіе дидаскалы въ торжественныхъ случаяхъ и выходахъ патріарховъ занимали мѣсто рядомъ съ высшими сановниками [1]). Въ Византіи званіе учителя было просто переживаніемъ института древней церкви, но въ новопросвѣщенныхъ странахъ оно имѣло и большое практическое значеніе. Такъ, въ древности въ армянской церкви существовали учители—„вардапеты“, которые пользовались огромнымъ вліяніемъ на церковныя дѣла [2]). Въ новопросвѣщенныхъ славянскихъ странахъ этотъ институтъ съ самаго начала на-

---

[1]) Объ учителяхъ въ Константинопольской церкви—у *Ducange*, Glossarium ad script. graecit, p. 306; *Leunclavii*, Jus graeco-romanum, p. 143. О Львѣ Мунгѣ, охридскомъ архіепископѣ, въ каталогѣ болг архіепископовъ сказано: *χρηματίσας διδάσκαλος τῶν ἐθνῶν* .Лекень (Oriens christ. II, 294) и *Ассемани* (Kalendaria V, 163) переводятъ эти слова: qui magistri gentium officio fungebatur. Въ славянской письменности заслуживаетъ вниманія нареченіе славянскимъ учителемъ Кирилла Философа, разсказанное въ проложномъ житіи его. Прологъ, сент. полов., подъ 14 февраля. *Поповъ*, Изборн. слав.-русск. статей, внесенныхъ въ хроногр. русской ред. М. 1869, стр. 137—8.

[2]) *Н. Марръ*, Аркаунъ, монгольское названіе христіанъ. *Визант. Врем.*, 1905, т. XII, стр. 61.

шелъ себѣ широкое примѣненіе, какъ это видно изъ исторіи солунскихъ братьевъ и изъ упоминаній объ учителяхъ въ древнихъ памятникахъ славянской письменности. Климентъ еще въ Моравіи былъ въ числѣ „стоявшихъ на степени учителей“ (XII гл.). То же положеніе осталось за нимъ и въ Болгаріи. При наличности здѣсь греческой іерархіи, при недоброжелательномъ отношеніи къ славянскому богослуженію со стороны болгарскихъ языческихъ элементовъ, институтъ славянскихъ учителей былъ въ Болгаріи учрежденіемъ чрезвычайнаго церковнаго и государственнаго значенія. Имъ создавался сильный противовѣсъ всякимъ противодѣйствіямъ славянскому просвѣщенію, и послѣднее при Борисѣ и Симеонѣ во многомъ было обязано ему своими успѣхами. Отсюда становится понятнымъ, почему Климентъ, не будучи даже еще епископомъ, простиралъ свое вліяніе на обширную область, включавшую въ себя нѣсколько епархій, имѣлъ большое вліяніе на церковныя дѣла и поддерживалъ близкія связи съ княземъ Борисомъ. Разумѣется, для всего этого было много данныхъ и въ его высокой личности, полной неослабѣвающей энергіи, энтузіазма и высокой нравственной силы. Но учительство ставило его въ такое каноническое положеніе, которое, даже при существованіи греческой іерархіи въ Болгаріи, сообщало практическую силу его вліянію и трудамъ. Званіе учителя, какъ лица, принадлежавшаго къ клиру, создавало ему и матеріальныя условія, благопріятныя для спокойнаго труда, о чемъ не забылъ упомянуть его заботливый біографъ. Борисъ распорядился о томъ, чтобы само населеніе заботилось о средствахъ къ жизни для своего дидаскала, и князь первый подарилъ ему нѣсколько домовъ въ окрестностяхъ Охридскаго озера (XVII) [1]).

Итакъ, дѣятельность Климента въ званіи учителя была моментомъ огромной важности въ дѣлѣ устроенія славянской церкви и въ развитіи славянскаго просвѣщенія въ Болгаріи, а выдѣленіе Кутмичивицы было просто образованіемъ отдѣльнаго учительскаго округа, предоставленнаго его попеченію. Кутмичивица, какъ учительскій округъ, продол-

[1]) Въ Византіи дидаскалы также содержались благодаря заботамъ правительства и населенія. Такъ, по закону Алексѣя Комнина, они получали по 3 ф. золота и по 50 мѣръ зернового хлѣба. *Leunclavii*, op. cit., p. 143.

жала оставаться опредѣленной церковной единицей и послѣ возведенія Климента въ санъ епископа, потому что на его мѣсто сразу же былъ назначенъ учителемъ Наумъ. Кромѣ этого, очень важнаго по составу населенія, округа были, разумѣется, и другіе округи, какъ кромѣ Климента и одновременно съ нимъ были и другіе учители. Изъ извѣстныхъ болгарскихъ дѣятелей просвѣщенія древнѣйшей эпохи учительское званіе и учительскую дѣятельность, въ томъ же смыслѣ, какъ и Клименту, слѣдуетъ приписать замѣстителю Климента въ Кутмичивицѣ—Науму и пресвитеру, а впослѣдствіи епископу, Константину. Въ стихотворной азбучной молитвѣ послѣдній говоритъ о своемъ отношеніи къ Кириллу и Меѳодію: **шьстьчьмь нынѣ по слѣду ѹчителю. имѣни ею и дѣлу послѣдѹя.** Двойств. число „ею“ не позволяетъ думать, чтобы здѣсь содержалось указаніе автора на свою соименность съ Константиномъ Философомъ по собственному имени, тѣмъ болѣе, что въ припискѣ къ переводу словъ Аѳанасія онъ называется ученикомъ Меѳодія, а не Константина. Естественно думать, что онъ говоритъ о соименности своей съ обоими братьями по званію (=„имени“) „учителя“, которое носили и они. Въ Византіи различались учители Евангелія *(ὁ διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου)*, учители апостола *(ὁ δ. τοῦ ἀποστόλου)* и учители псалтири *(ὁ δ. ψαλτηρίου)*, избиравшіе своей спеціальностью изученіе одной изъ этихъ книгъ и объяснявшіе послѣдовательно въ церкви для народа дневныя чтенія изъ нихъ [1]). Болгарія, во всемъ подражавшая Византіи, не могла не усвоить себѣ и этого раздѣленія учительскихъ спеціальностей, но, разумѣется, далеко не каждый учитель, по условіямъ своихъ трудовъ, долженъ былъ такъ спеціализироваться. Константинъ, однако, судя по переведенному имъ, съ собственными добавленіями, „Учительному Евангелію“, былъ именно учителемъ Евангелія *(=ὁ διδάσκαλος εὐαγγελίου)*.

Семилѣтній слишкомъ періодъ (886—893) дѣятельности Климента въ качествѣ учителя совпалъ съ послѣдними годами правленія Бориса и неудачнымъ княженіемъ Владиміра. Послѣдній, разумѣется, не могъ быть особенно внимательнымъ къ Клименту и его дѣлу. Но вся дѣятельность святи-

[1]) *Ducange*, op. cit., p. 306.

теля развивалась по тому пути, на который привели его не только завѣты первоучителей, но и опредѣленная программа князя Бориса. Кромѣ того, въ самомъ населеніи македонскомъ было достаточно данныхъ, чтобы стремленія Климента встрѣтили тамъ самый радушный откликъ, и созданіе національной церкви съ славянской литургіей и грамотой превратилось въ живое народное дѣло. Клименту принадлежитъ здѣсь прежде всего искорененіе уцѣлѣвшихъ остатковъ язычества. Слушателямъ-христіанамъ онъ, какъ учитель-проповѣдникъ, объяснялъ „спасительныя заповѣди“ и „божественные догматы“ (XVIII). Но главнымъ дѣломъ его въ этотъ періодъ была организація славянскихъ школъ, въ которыхъ велось систематическое обученіе славянской грамотѣ и церковной литературѣ. Это было фундаментомъ всего дѣла, задуманнаго Климентомъ и Борисомъ. Съ именемъ Климента слѣдуетъ связать основаніе въ Болгаріи школъ нѣсколькихъ родовъ. Еще живя въ восточной Болгаріи, при дворѣ князя, онъ вмѣстѣ съ другими учениками свв. братьевъ началъ старательно знакомить князя и преданныхъ ему вельможъ съ славянскими книгами, и княземъ, по словамъ житія, „овладѣло сильное желаніе каждый день (*καθ' ἑκάστην*) бесѣдовать съ ними, узнавать отъ нихъ древнія повѣсти и житія святыхъ и устами ихъ перечитывать то, что находится въ писаніяхъ“ (XVI). Впослѣдствіи, при Симеонѣ, княжескій дворъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ центровъ славянскаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, въ царствованіе и Бориса и Симеона въ Болгаріи постепенно складывалась придворная княжеская школа по образцу аналогичныхъ учрежденій, существовавшихъ при византійскомъ и западныхъ дворахъ того времени. Если даже въ эпоху Бориса она существовала еще только эпизодически, въ видѣ несистематическихъ собраній славянскихъ дѣятелей просвѣщенія, то во всякомъ случаѣ Климента приходится неизбѣжно признать первымъ устроителемъ болгарской придворной школы. О продуктивности этой школы въ раннѣйшую пору ея существованія можно судить по тому, что высокій интересъ къ славянскому просвѣщенію обнаружился не только въ самомъ Борисѣ и въ приближенныхъ къ нему вельможахъ, но и въ нѣкоторыхъ старшихъ членахъ княжеской фамиліи. Родной братъ новопросвѣщеннаго князя—„честный человѣкъ Дуксъ черноризецъ“ былъ од-

нимъ изъ ревнителей славянской письменности [1]). Если княжеская школа, сорганизовавшаяся подъ вліяніемъ Климента въ послѣдніе годы правленія Бориса, заявила себя въ исторіи широкимъ развитіемъ своей дѣятельности лишь въ царствованіе Симеона, то причина этого кроется въ невѣжествѣ и безпорядочности неудачнаго князя Владиміра, отрекшагося отъ христіанства и равнодушнаго къ славянскому просвѣщенію.

Юго-западная Македонія обязана была Клименту организаціей школъ двухъ родовъ—училищъ для взрослыхъ и для дѣтей. Какъ видно изъ житія, обученіе славянской грамотѣ взрослыхъ имѣло главнымъ образомъ цѣль практическую—приготовленіе славянской іерархіи, клира и учителей славянской грамоты для народа. Результатомъ напряженныхъ трудовъ Климента было очень значительное количество его учениковъ, изъ которыхъ однихъ избранныхъ насчитывалось до 3500 человѣкъ. Всѣ они принадлежали къ клиру, и потому были освобождены отъ государственныхъ повинностей. Изъ нихъ поставлялъ онъ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ и пресвитеровъ; въ каждомъ округѣ (*καθ ἑκάστην δὲ ἐνορίαν*) отправленіе дѣлъ поручалось тремъ стамъ учениковъ" (XVIII). Это сообщеніе житія, къ сожалѣнію, въ высшей степени не ясно. Если 3500 учениковъ распредѣлялись по 300 человѣкъ на каждую енорію, то выходитъ, что эта организація славянскихъ дѣятелей обнимала своей сѣтью около 12 енорій. Но что такое енорія? Въ языкѣ византійскихъ писателей этотъ терминъ могъ означать собою различныя церковныя единицы, начиная отъ цѣлой епархіи и кончая отдѣльнымъ приходомъ. Мы уже видѣли, что разсчетъ Баласчева, который въ одной только западной половинѣ Болгаріи насчиталъ 12 епархій, существовавшихъ будто бы уже при Борисѣ, не подтверждается историческими данными. Остается предположить одно изъ двухъ. Или Кутмичивица, не имѣвшая еще вполнѣ правильнаго епархіальнаго устройства, была раздѣлена Климентомъ для удобства

[1]) Что Дуксъ былъ братомъ Бориса, заключаютъ на основаніи приписки въ Чивидальскомъ евангеліи: Hic sunt nomina de Bulgaria: in primis rex illorum Michael et frater ejus Dox... См. ст. *В. Н. Златарскаго* Студии по българска-та история. Кой е билъ Тудоръ черноризецъ Доксовъ? *Български Прегледъ*, 1897, год. IV, кн. 1, стр. 42 сл.

на 12 частей, въ которыхъ и насчитывалось огромное количество славянскихъ членовъ клира и учителей. Или, если изъ Кутмичивицы вліяніе Климента распространялось на всю Болгарію, то ученики его были разосланы по всѣмъ епархіямъ, число которыхъ при Борисѣ, по мнѣнію Е. Е. Голубинскаго, было приблизительно около 10-ти, — цифра очень близкая къ 12. Число 300 клириковъ для каждаго изъ небольшихъ округовъ юго-западной Македоніи было бы очень велико, между тѣмъ для епархіи,—если имѣть въ виду, что въ это число вмѣстѣ съ духовными лицами и церковнослужителями входили также учители, миссіонеры и путешествующіе проповѣдники, — его считать такимъ нельзя [1]). Не будетъ, поэтому, слишкомъ рискованнымъ думать, что выросшая на юго-западной окраинѣ Болгаріи, среди чистаго славянскаго населенія, школа славянскихъ учениковъ Климента при Борисѣ стала поставлять славянскихъ дѣятелей не только въ западныя, но и въ восточныя епархіи.

Въ школахъ для дѣтей, подъ руководствомъ Климента, юные славяне обучались славянскому чтенію, письму и наукамъ. Онъ самъ училъ дѣтей грамотѣ, „при томъ различно, по свидѣтельству очевидца; однимъ показывалъ начертаніе письменъ, другимъ объяснялъ смыслъ написаннаго; иныхъ руководилъ и упражнялъ въ письмѣ..., а иногда въ одно время дѣлалъ два дѣла, занимаясь письмомъ и уча какой-нибудь наукѣ дѣтей“ (XVIII). Содержаніемъ этой „науки“ (*μαθήματα*) для овладѣвшихъ уже грамотой служилъ, разумѣется, по образцу византійскихъ школъ того времени, матеріалъ религіозный. Но попутно можно отмѣтить еще одну черту, которая была присуща школѣ Климента. Въ систему самаго элементарнаго обученія здѣсь входило сообщеніе свѣдѣній о происхожденіи и виновникахъ славянской письменности. Драгоцѣнное указаніе на эту сторону преподаванія въ древнѣйшихъ славянскихъ школахъ не трудно извлечь изъ свидѣтельства современника Климента — черноризца Храбра. Въ „Сказаніи о письменахъ“ онъ съ гордостью

заявляетъ, что въ его время всякій славянскій букарь (=грамотей) отчетливо зналъ историческія и хронологическія данныя о составленіи Константиномъ и Меѳодіемъ азбуки и о переводѣ священныхъ книгъ. **Аще ли въпросиши словѣньскыя боукаря гл҃а. кто ны писмена сткорилъ есть, или книгы прѣложилъ: то кыси вѣдать, и ѿвѣщлкше рекжть· сты҃и Кѡстантинъ философъ маринделыи Кирилъ. тъ намь писмена сткори и книгы прѣложи. и Меѳодиѥ братъ его. И аще въпросиши, въ кое врѣмя: то вѣдать и рекжть, ꙗко въ врѣмена Михаила цр҃ѣ грѣчьскаго, и Корнса кнаꙁа блъгарьскаго, и Растица кнаꙁа (моравьска) и Коцела кнаꙁа блатѣйска. въ лѣта жс ѿ сꙁданиꙗ кѣсаго мира sт҃ыѧ** [1]). Приведенныя свѣдѣнія о происхожденіи славянской грамоты съ древнихъ временъ не только преподавались въ южно-славянскихъ и русскихъ школахъ, но въ древне-русскихъ учебныхъ часословахъ и псалтыряхъ, перешедшихъ на Русь отъ южныхъ славянъ. сохраняли даже подлинныя выраженія изъ сказанія Храбра [2]). Отсюда становится въ высшей степени возможнымъ предположеніе, что у Храбра они записаны въ той же самой формѣ, въ какой ихъ слышали въ древнѣйшихъ болгарскихъ школахъ, организація которыхъ принадлежитъ Клименту. Образъ солунскихъ братьевъ въ Болгаріи въ это время былъ полонъ самаго высокаго обаянія. Ихъ духъ виталъ и въ древнѣйшихъ болгарскихъ училищахъ, вдохновляя первыхъ тружениковъ славянскаго просвѣщенія.

Въ 892 г. княжескій престолъ въ Болгаріи занялъ Симеонъ, и это событіе отразилось большой перемѣной и въ біографіи Климента: вскорѣ (893 г.) онъ былъ возведенъ въ санъ епископа. Царствованіе Симеона было замѣчательной эпохой въ исторіи Болгаріи [3]). Въ это время болгарское го-

---

[1]) *С. Г. Вилинскій*, Сказаніе черн. Храбра о письменахъ слав., Одесса, 1901, изд. текста, стр. 44—45.

[2]) *А. Петровъ*, Пятидесятилѣтіе научной разработки слав. источн. для біогр. Кир. и Мее., Москва, 1894, стр. 27—28.

[3]) Литература, посвященная Симеону и его царствованію, довольно значительна. Особеннаго вниманія заслуживаютъ труды: *Палаузовъ*, Вѣкъ болг. ц. Симеона; *Голубинскій*, Кр. оч.; *Дриновъ*, Южные славяне и Византія въ X в. 1875, М.; *И. Кузнецовъ*. Писмата на Льва Магистра и Романа Лакапина. *Сборн. за нар. умотвор.* т. XVI, 1900; *А. Л Погодинъ*, Истор. Болгаріи, стр 29—38; *Иречекъ*, Ист. болгаръ, стр. 198—218, Ист. Срба, стр. 189 и др. Новая хронологія событій, которую даетъ проф. *Златарскій*, не вошла въ научный оборотъ и нуждается въ подтвержденіи.

сударство достигло небывалыхъ еще размѣровъ и огромнаго политическаго могущества. Епископскій періодъ дѣятельности Климента падаетъ собственно на первую половину правленія Симеона († 27-го мая 927 г.), но уже и тогда успѣхи болгарскаго оружія создали въ высшей степени благопріятную почву для духовнаго развитія Болгаріи. Одержавъ вскорѣ по вступленіи на престолъ (892 г.) побѣду надъ мадьярами, Симеонъ обратилъ всѣ свои силы противъ Византіи, которая какъ разъ въ это время нарушила миръ съ Болгаріей, продолжавшійся въ теченіе царствованія Бориса. Борьба его съ Византіей была очень успѣшна. Въ 893 г. при Болгарофигонѣ онъ нанесъ грекамъ сильное пораженіе. Въ результатѣ наступилъ 20-лѣтній миръ (893—912—13 гг.), давшій возможность спокойно развиваться внутреннимъ силамъ Болгаріи. Въ дальнѣйшемъ политическія отношенія Болгаріи и Византіи складывались въ одномъ направленіи: по мѣрѣ того, какъ возростало могущество первой, послѣдняя все больше и больше дѣлала ей уступокъ и въ территоріальномъ и въ государственномъ отношеніяхъ. Съ 912 до 927 года между ними тянется цѣлый рядъ войнъ. Около пяти разъ Симеонъ держалъ въ осадѣ даже Константинополь и два раза бралъ столицу Ѳракіи—Адріанополь, хотя оба раза возвращалъ ее обратно Византіи. Успѣхи его оружія простирались до такой степени, что, какъ извѣстно, онъ провозгласилъ себя даже василевсомъ, на что до тѣхъ поръ не рѣшался ни одинъ славянскій князь.

По своимъ личнымъ свойствамъ Симеонъ былъ вполнѣ достойнымъ сыномъ своего знаменитаго отца. Біографъ Климента говоритъ о немъ: „онъ былъ рожденъ Михаиломъ по образу его и по подобію и сохранилъ въ себѣ неподдѣльныя черты душевной доброты... Онъ восполнилъ то, что оставалось недоконченнымъ послѣ отца: усилилъ проповѣданіе слова Божія и построеніемъ церквей утвердилъ непоколебимо православіе и проложилъ широкій и безпрепятственный путь закону Божію“ (XIX). Болгаринъ по рожденію, грекъ по образованію, получившій прекрасное воспитаніе въ Константинополѣ, онъ хорошо сознавалъ значеніе славянской національной церкви и славянской литературы для развитія своей державы. Въ этомъ отношеніи онъ былъ полной противоположностью Святополку Моравскому. Оффиціальнымъ язы-

комъ при немъ въ Болгаріи былъ языкъ греческій: имъ онъ самъ свободно пользовался, какъ видно изъ переписки его съ патр. Николаемъ Мистикомъ; на греческомъ языкѣ даже болгарскіе солдаты привѣтствовали своего царя. И въ то же время дворъ Симеона былъ однимъ изъ центровъ славянской письменности, вокругъ котораго группировались славянскіе писатели, переписчики и переводчики. Житіе Климента представляетъ Симеона послѣдовательнымъ завершителемъ дѣла созданія національной церкви, задуманнаго Борисомъ. И онъ, дѣйствительно, былъ такимъ. Это объясняется не одной только просвѣщенностью его, но и усилившимся преобладаніемъ славянскихъ элементовъ въ государствѣ, которое отъ нихъ пріобрѣтало весь свой національный обликъ. Тѣ силы, которыя при Борисѣ были враждебны или недостаточно благопріятствовали самобытному развитію славянской культуры, при Симеонѣ мало-по-малу должны были потерять свое значеніе. Недоброжелательное отношеніе къ славянской грамотѣ со стороны родовой болгарской аристократіи и ея приверженцевъ было постепенно сломлено, потому что самая эта аристократія была подавлена усиленіемъ княжеской власти. Старо-болгарскій элементъ все болѣе и болѣе терялся въ массѣ увеличивавшагося славянскаго населенія. Соперничество греческаго духовенства съ нарождавшейся славянской іерархіей не могло задержать роста послѣдней, потому что въ области политическихъ отношеній Болгарія пріобрѣтала перевѣсъ надъ Византіей. Такимъ образомъ, планъ Бориса относительно созданія въ Болгаріи славянской національной церкви съ славянскимъ просвѣщеніемъ при Симеонѣ въ очень значительной степени былъ осуществленъ. Изъ центра славянскаго просвѣщенія—юго-западной Македоніи—еще въ царствованіе Бориса по всему государству стали распространяться ученики Климента, носители просвѣщенія, а также низшіе члены іерархіи—священники и діаконы. Для полнаго торжества національныхъ началъ въ болгарской церкви требовалось теперь, чтобы славянскимъ сдѣлался и епископатъ. И Симеонъ рѣшилъ возвести на епископскую каѳедру прежде всего того, чьими трудами главнымъ образомъ было постепенно подготовлено это торжество національнаго принципа въ болгарской церкви и духовной культурѣ. Когда успѣшная дѣятельность Климента

сдѣлалась извѣстна Симеону, онъ пригласилъ его къ себѣ и, очарованный всей его личностью, его энергіей и даже привлекательной наружностью, поставилъ его епископомъ Дремвицы или Велицы (XX).

Епископскій титулъ Климента: *ἐπίσκοπος Δρεμβίτζας* (вар. *Δρεμβετίτζας*) *ἤτοι Βελίτζας* представляетъ огромный интересъ, какъ указаніе на мѣсто первоначальнаго введенія славянскаго епископата въ Болгаріи и по своей связи съ вопросомъ о центрахъ славянскаго просвѣщенія въ царствованіе Симеона. Къ сожалѣнію, мѣстоположеніе и границы этой епархіи окутаны мракомъ неизвѣстности, и опредѣленіе ихъ связано съ большими трудностями. Церковное устройство въ Болгаріи въ царствованіе Бориса и Симеона, вслѣдствіе недостатка точныхъ данныхъ, въ настоящее время такъ же мало выяснено, какъ и гражданское устройство ея. Главный источникъ, на основаніи котораго дѣлаются заключенія объ епархіяхъ при Борисѣ и Симеонѣ, это—хризовулы Василія Болгаробойцы, данные имъ послѣ покоренія болгарскаго царства въ 1019—20 г. Но мы уже видѣли, что за столѣтній слишкомъ періодъ произошли очень значительныя перемѣны не только въ количествѣ епархій, но и въ ихъ распредѣленіи и въ мѣстахъ епископскихъ каѳедръ. Если сравнить данныя для заключенія объ епархіальномъ дѣленіи Болгаріи, содержащіяся въ хризовулахъ Василія II, съ тѣми данными, которыя сохранились въ надписяхъ въ построенномъ Самуиломъ храмѣ св. Ахилла въ Преспѣ, то легко можно видѣть, какъ измѣнчиво было въ X в. не только распредѣленіе по епархіямъ болгарскихъ городовъ, но даже и названіе архіерейскихъ каѳедръ [1]).

Епархія *Δρεμβίτζας ἤτοι Βελίτζας* въ числѣ болгарскихъ епархій не встрѣчается ни въ преспанской надписи, ни въ хризовулѣ Василія II, ни въ другихъ славянскихъ и греческихъ памятникахъ. Отсюда съ увѣренностью можно утверждать, что уже въ X в. она не существовала въ видѣ самостоятельной каѳедры и съ прежнимъ именемъ, но что она или совсѣмъ была упразднена вскорѣ послѣ смерти Климента,

[1]) Самостоятельная каѳедра *Гераклея* надписи входитъ въ хризовулѣ въ *битольскую* епархію съ именемъ *Пелагоніи*; *Сардика* надписи — въ хризов. *Τριάδιτζα*; въ надписи *Главьница*—въ хризов. *Кефалочія* и т. д.

или вошла въ другую епархію и слилась съ нею, или продолжала существовать, но съ совершенно другимъ именемъ. Желая сдѣлать свою посильную попытку проникнуть въ ея темную исторію и пріурочить епископскій титулъ Климента къ опредѣленному географическому мѣсту, позволимъ себѣ сначала привести различныя мнѣнія по этому вопросу, высказанныя въ ученой литературѣ.

а) Одно изъ этихъ мнѣній принадлежитъ Шафарику и Голубинскому, которые опредѣляли мѣстоположеніе величско-дремвицкой епархіи въ восточной части Македоніи. По Шафарику, она находилась „въ землѣ Драговичей, гдѣ теперь протекаетъ рѣчка Велица отъ горы Велицы, мимо селенія того же имени, и впадаетъ въ Струмицу“ (теперь Кара-су). Слѣдовательно, эта епархія, по его мнѣнію, совпадала съ тиверіупольской или струмицкой [1]). Голубинскій сопоставляетъ слова каталога Дюканжа о Климентѣ: *ἐπίσκοπος Τιβ[ε]ριουπόλεως ἤτοι Βελίκης* и болгарской легенды: *Дрεмдѣцѣ ѥтоу Вѣлѣцѣ* и поправляетъ *Дрεмдѣцѣ* на *Строумдѣцѣ*. Въ результатѣ у него получается, что епископія тиверіупольская или струмицкая носила еще имя *Вѣлѣцѣ*, которое Голубинскій читаетъ Бѣлицы. Она такъ называлась будто-бы по горному хребту Бѣлицѣ (=Velitza на иностранныхъ картахъ), который тянется между рѣками Стримономъ и Вардаромъ, въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. По мнѣнію Голубинскаго также—Климентъ былъ епископомъ именно этой струмицко-бѣлицкой епархіи [2]). Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи („Св. Константинъ и Меѳодій“) онъ отодвигаетъ мѣсто епископскаго служенія Климента еще дальше на востокъ, въ епархію драмицкую, упоминаемую въ каталогѣ Льва Мудраго (у *Ралли и Потли* V, 483). Не находя основаній относить эту епархію къ числу болгарскихъ, Голубинскій сдѣлалъ предположеніе, что Климентъ былъ епископомъ Константинопольскаго патріархата. „И такъ какъ въ надпи-

---

[1]) Расцвѣтъ слав. письмен. *Чтенія* 1848, 7, 45.

[2]) *Голубинскій*, Кратк. оч., стр. 63. Ср. согласное съ этимъ мнѣніе ак. *Ягича* въ *Arch. für slav. Phil.* IV, 118: „...Weil die Thätigkeit des Clemens vorzüglich in *Bregalnica* concentrirt war“. Проф. *Иречекъ* въ „Ист. болг.“ также высказался за локализацію епархіи Климента въ бассейнѣ рѣки Струмицы (стр. 196).

саніи словъ онъ называется епископомъ словенскимъ, а не болгарскимъ, то послѣднее даже и вѣроятнѣе" (стр. 57).

b) Дриновъ видѣлъ въ титулѣ Климента *Величкій* отголосокъ его предшествующей дѣятельности въ Моравіи. Сложное названіе: епископъ Великія или Великы Моравы—въ Болгаріи было сокращено чрезъ опущеніе существительнаго и явилось въ сокращенномъ видѣ—Величкій [1]).

c) Новаковичъ, вслѣдъ за Цахаріе-ф.-Лингенталемъ [2]), опредѣляетъ мѣстоположеніе величкой епархіи на основаніи каталога Дюканжа, гдѣ границы ея обозначены линіями отъ Солуня до Іерихо (=Oricum), Канины и Тасипіата (на границѣ Албаніи, противъ Канины). Предполагая, что Солунь въ каталогѣ употреблено въ смыслѣ области, а не города, Новаковичъ локализируетъ епархію Климента въ предѣлахъ отъ Солунской области до Валонскаго приморья, между Валоной, Аргирокастромъ и Бератомъ, и думаетъ, на основаніи созвучія именъ, что она помѣщалась въ Дринополѣ, въ окрестностяхъ Аргирокастра на Дринѣ, вблизи Велы, такъ какъ въ актахъ Константинопольской патріархіи подъ 1367 годомъ упоминается епископія *Δρεμβίτζης καὶ τῆς Βελᾶς* [3]).

d) Послѣднее слово въ нашемъ вопросѣ принадлежитъ Баласчеву. Исходя изъ того, что епархіи на востокѣ будто-бы заимствовали свои названія отъ именъ не только городовъ, но и рѣкъ (*ἐπίσκοπὴ Βρυσιλιτζῆς, ἐπίσκοπος Μοβρίσθου*), онъ производитъ титулъ Величкій отъ названія рѣки Велика. Съ этимъ именемъ до сихъ поръ извѣстенъ одинъ изъ притоковъ Вардара, въ верхнемъ своемъ теченіи называемый иначе Трѣской. Онъ протекаетъ на сѣверъ отъ Охридскаго озера и орошаетъ Кичевскую область. Наименованію *Δρεμβίτζα* Баласчевъ усвояетъ значеніе совершенно отличное отъ *Βελίτζα*. По его мнѣнію, *Δρεμβίτζα*, это—греческій выговоръ и транскрипція славянскаго Дѣбрца или Дебрца, подъ которымъ разумѣется область, расположенная на западъ отъ Кичево и на сѣверъ отъ Охриды. Такимъ образомъ, велич-

---

[1]) *Журн. мин. нар. пр.*, ч. 238, стр. 191—192.

[2]) *Z. v. Lingenthal*, Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Kirche. Mémoires de l' Académie de St. Petersb., 1864, p. 13—14.

[3]) *Новаковић*, Први основи, 81—88.

ская епархія, по заключенію болгарскаго ученаго, обнимала области Дебърца, Кичево и Пологъ, т. е., центральную часть Балканскаго полуострова. Акад. Ягичъ признаетъ очень удачнымъ производство титула Величкій отъ рѣки Велички и даже иллюстрируетъ фактъ образованія епископскихъ титуловъ отъ наименованія рѣкъ новыми примѣрами (епископъ Моравскій на Сербской Моравѣ, епископъ Топличьскій, епископъ Зетьскій). Но производство *Δρεμβίτζα* отъ Дъбърца ему кажется не вполнѣ достовѣрнымъ, и вопросъ объ этомъ наименованіи онъ признаетъ неподдающимся категорическому рѣшенію, такъ какъ съ такимъ же правомъ можно *Δρεμβίτζα* сблизить съ Дримница (близъ Вентрокскаго озера) или Трескиште [1].

Такимъ образомъ, если не считать гипотезы Дринова отличающейся крайней искусственностью, передъ нами три различныя локализаціи епархіи Климента: въ восточной Македоніи, на юго-западъ отъ Охридскаго озера и на сѣверо-востокъ отъ него. Всѣ онѣ имѣютъ въ своемъ основаніи не реальныя историческія данныя, а простыя созвучія въ названіяхъ епархіи Климента и различныхъ мѣстностей Македоніи. Наиболѣе случайнымъ изъ этихъ созвучій кажется то, на которомъ строитъ свою догадку Новаковичъ: такихъ созвучій, какъ *Δρυστοπόλεως καὶ τῆς Βελᾶς*, и даже болѣе близкихъ къ *Δρεμβίτζας ἤτοι Βελίτζας*, въ географической номенклатурѣ Македоніи можно бы указать не мало. Самое соединеніе Дринополя и Велы въ одну каѳедру принадлежитъ позднѣйшему времени. Кромѣ того, едва-ли даже въ эпоху Симеона эти города входили въ болгарскую территорію.

Для отождествленія Велицы или Велики съ Тиверіуполемъ также нѣтъ достаточныхъ основаній. Правда, въ каталогѣ Дюканжа читаемъ: *ἐπίσκοπος Τιβεριουπόλεως ἤτοι Βελίκας*, но извѣстно, что этотъ каталогъ во многихъ пунктахъ не можетъ служить источникомъ для исторіи. Тиверіупольская или струмицкая епархія ни въ хризовулѣ Василія II, ни въ другихъ источникахъ нигдѣ не называется величской. На нашъ взглядъ, отождествленіе Тиверіуполя съ епископской

[1] *Балашевъ*, стр. XXV—XXXIV; *Jagić*, Zur Entsteh., S. 60—61; ср. *Pasinek*, Dějiny slov. apošt., p. 149—150.

каѳедрой Климента является результатомъ простого недоразумѣнія, и любопытно, что составителя древняго каталога болгарскихъ архіепископовъ, современника Комниновъ, ввело въ заблужденіе, повидимому, то же обстоятельство, что и историковъ 19 вѣка. Въ окрестностяхъ Тиверіуполя, въ бассейнѣ рѣки Струмы, было очень распространено географическое названіе Бѣлащица, Бѣласица или Бѣлица. Этими именами назывались и въ настоящее время называются горный хребетъ между Вардаромъ и Струмой, рѣка, впадающая въ Струму, поле въ ея бассейнѣ и село, о которомъ упоминаетъ Шафарикъ [1]). Варіантъ Бѣлица, самый распространенный, у византійскихъ писателей иногда передавался черезъ *Βέλιτζα*, т. е., пріобрѣталъ графическую форму, совпадающую съ именемъ въ епископскомъ титулѣ Климента [2]). На основаніи этого совпаденія составитель Дюканжева каталога, вѣроятно, и отождествилъ епископскую каѳедру Климента съ Тиверіуполемъ, видоизмѣнивши, подъ вліяніемъ какого-то еще источника, *Βέλιτζα* въ *Βελίκα*. Но если въ отношеніи къ нему наше объясненіе дѣла является лишь предположеніемъ, то въ отношеніи къ историкамъ новаго времени оно должно быть признано несомнѣннымъ фактомъ. Въ иностранныхъ, французскихъ и нѣмецкихъ изслѣдованіяхъ и картахъ Бѣлица въ бассейнѣ Струмы всегда передается, подъ вліяніемъ греч. *Βέλιτζα*, черезъ Velitza [3]). Подъ вліяніемъ этого Шафарикъ, кажется, первый, независимо отъ Дюканжева каталога, и локализировалъ епархію Климента въ Струмицкой области. Голубинскій придерживался той же локализаціи, но онъ, въ соотвѣтствіи съ правильными названіями мѣстностей близъ Струмицы, превратилъ и въ титулѣ Климента *Βελίτζα* въ Бѣлица. Но это смѣшеніе Бѣлицы (отъ корня бѣл, что указываетъ на бѣлыя каменныя горы) съ Велицей или Великой (отъ корня

---

[1]) *Кънчовъ*, „Рѣка Струма“ въ ж. *Книжици за прочитъ*, кн. VIII—X 1891, стр. 156—7. *С. П. Верковичъ*, Топографическо-этнографич. очеркъ Македоніи, СПБ., 1889, стр. 35—6. *П. Р. Славейковъ*. Библиотека „Св. Климентъ“, кн. I, стр. 30.

[2]) Ср. также *Бѣласица*, по греч. *Βελάτζα*. *Tomaschek*, Sitzungsberichte Wien. Akad. d. Wissensch., Hist.-Phil. Class., Bd. IX, S. 33.

[3]) *Desdevises du-Desert*, Géographie ancienne de la Macédoine, Paris, 1862, p. 29, 30, 44, 50, и у другихъ географовъ.

велик), безсознательно допущенное Шафарикомъ и сознательно—Голубинскимъ, должно быть отвергнуто самымъ рѣшительнымъ образомъ. Мѣстностей съ именемъ Бѣлицы—горъ, рѣкъ, селъ, равнинъ—въ Болгаріи и Македоніи можно насчитать около десятка [1]), и никогда это имя не переходитъ въ Велица или Велика. Между тѣмъ епископская каѳедра Климента носила названіе Велика или Велица, а не Бѣлица. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что въ Ассемановомъ Евангеліи и въ надписаніи нѣкоторыхъ словъ онъ совершенно опредѣленно по-славянски называется епископомъ Величскимъ [2]). Слѣдовательно, и его епархію нѣтъ основаній связывать съ Тиверіуполемъ или Струмицей.

За Баласчевымъ нельзя не признать большой заслуги въ томъ отношеніи, что въ поискахъ величской епархіи онъ открылъ совершенно новый горизонтъ, сблизивъ ея названіе съ именемъ рѣки Великой—Трѣски. Но онъ утверждаетъ, что въ древнее время нѣкоторыя славянскія епархіи вообще получали свои наименованія не только отъ городовъ, но и отъ рѣкъ. Успокоившись на этомъ положеніи, онъ не ощутилъ въ себѣ побужденій предпринять дальнѣйшихъ разысканій епархіи величской. А между тѣмъ это положеніе Баласчева нельзя считать соотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности. Епархіи брѣгальницкая и моравская, на которыя ссылается Баласчевъ, а также топличская и зетская, которыя приводитъ ак. Ягичъ, получили свое названіе совсѣмъ не отъ рѣкъ Брѣгальницы и Моравы (сербской), Топлицы и Зеты, но отъ городовъ или областей того же имени, существованіе которыхъ подтверждается историческими свидѣтельствами [3]). Слѣдовательно, указаніе Балас-

[1]) *Кънчовъ*, Македония. София, 1900, стр. 303.

[2]) Напр., похв. слово Іоанну Крест.—сп. Хлуд. библ. № 195, л. 207; слово въ нед. цвѣтн.—Бѣлгр. Нар библ. № 437, л. 231.

[3]) Городъ *Моравъ* лежалъ при впаденіи р. Моравы въ Дунай. О немъ упоминаютъ Кедринъ и др. византійцы. См. *Голубинскій*, Краткій очеркъ, 34—35. Есть основанія думать, что именемъ Морава называлась цѣлая область—часть Горней Мизіи. *Byz. Zeitschr.* II, S. 52—53; *Јиречекъ*, Ист. Срба, стр. 119. Городъ *Брѣгальница*, существовавшій въ видѣ села еще въ половинѣ 18 вѣка (*Migne*, Patrol., ser. gr., t. 125, c. 442, предисл. къ исторіи Тиверіуп. муч.), находился на р. Брѣгальницѣ (*Голубинскій*, Кр. оч., 35). Область *Топлица*, обнимающая нынѣшнюю Куршумлію и верх-

чева на рѣку Велику могло бы открывать лишь виды для поисковъ области или города того же имени на сѣверо-востокъ отъ Охриды. Но ни области, ни города, которые бы назывались Великой, въ этой мѣстности до сихъ поръ не извѣстно, и, судя по изслѣдованіямъ, посвященнымъ исторической географіи Балканскаго полуострова, они едва-ли когда-нибудь здѣсь и существовали.

Въ то же время нельзя считать установленнымъ, что названіе Велика, упоминаемое въ нѣкоторыхъ славянскихъ памятникахъ XIII—XIV в., относится къ р. Трѣскѣ, какъ утверждаетъ Баласчевъ [1]), а не къ верхнему теченію Вардара, какъ думалъ Шафарикъ [2]). Это названіе встрѣчается: a) въ хроникѣ Даніила 44, b) въ грамотѣ Константина Асѣня Вирпинскому монастырю, c) въ хризовулѣ краля Стефана церкви Богородицы у Трескавца [3]). Изъ содержанія указанныхъ памятниковъ ясно не видно, Трѣска или Вардаръ имѣется здѣсь въ виду. Въ грамотѣ Константина Асѣня рядомъ съ Великой стоитъ мѣстность Тетово (**та низь Клнкы до Хтетокскы кралдѵ** [4]), расположенная сѣвернѣе Трѣски на верховьяхъ Вардара. Слѣдовательно, не исключена возможность, что названіе Велика распространялось не только на Трѣску,

нюю часть бассейна р. Топлицы, вспоминается между землями, которыя получилъ въ удѣлъ Стефанъ Нѣманя при раздѣлѣ съ братомъ своимъ (*Гласъ Српске Акад.*, т. 76 (1908), стр. 35). *Голубинскій* предполагаетъ, повидимому, и городъ Топлицу: „Топлица, нѣтъ сомнѣнія, находилась гдѣ-нибудь на рѣкѣ того же имени“ (Кратк. оч., 67). *Зетой*, какъ извѣстно, называлась Діоклея, отъ р. Зеты, протекающей въ этомъ краѣ (*К. Гротъ*, Извѣст. Конст. Багр. о сербахъ и хорватахъ, СПБ. 1880, стр 169). Разумѣется, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ названія епархій совпадаютъ съ именами рѣкъ, но епархіи получаютъ свое названіе не отъ рѣкъ, а отъ одноименныхъ областей или городовъ.

[1]) Клим. Слов., стр. XXVII.

[2]) Слав. древн., II—I, стр. 371—372.

[3]) *Даничић*, Рјечникъ, д. I, стр. 107; *Гласникъ*, XIII, стр. 373; *Г. А. Ильинскій*, Грамоты болг. царей, стр. 16 сл. *Иречекъ* въ „Ист. болг.“ какъ будто склоненъ былъ отнести названіе *Велика* скорѣе къ Трѣскѣ, чѣмъ къ Вардару (стр. 53,—здѣсь же и указаніе на упомянутые и др. источники), но въ статьѣ „Христіанскій элементъ въ топографич. номенклатурѣ балканской земли“ онъ, снова возвращаясь къ вопросу, оставляетъ его открытымъ: „Велика—говоритъ онъ—идентична съ верхнимъ Вардаромъ или съ его притокомъ Трѣской“. *Период. Спис.* 55—56, стр. 247.

[4]) *Г. А. Ильинскій*, стр. 16 сл.

ву и на верхнее теченіе Вардара, который еще въ классическомъ мірѣ назывался великимъ (у Гомера *δῖος ἀμύμων τε*[1]).

Переходя теперь къ попыткѣ иного возможнаго рѣшенія вопроса, нужно начать съ сведенія къ единству различныхъ именъ и варіацій епископскаго титула Климента. Въ простр. житіи два названія *Δρεμηΐτζα* и *Βελίτζα* соединены черезъ *ἤτοι*. Посредствомъ этого союза въ епископскихъ титулахъ обыкновенно соединялись названія двухъ различныхъ мѣстностей, которыя управлялись однимъ епископомъ. Чаще всего это было въ тѣхъ случаяхъ, когда епископская каѳедра перенесена была изъ одного мѣста въ другое: тогда епархія,—а не епархіальный городъ,—имѣла двойное имя: болѣе древнее и болѣе новое [2]). Этимъ объясняется соединеніе двухъ названій и въ титулѣ Климента. Изъ нихъ болѣе древнее—*Δρεμηΐτζα*, а болѣе новое—*Βελίτζα*, что видно не только изъ порядка, въ какомъ они стоятъ въ житіи, но и изъ того, что и въ Ассеманновомъ Евангеліи, и въ оглавленіяхъ нѣкоторыхъ поученій, и въ Дюканжевомъ каталогѣ Климентъ называется Величскимъ. *Δρεμηΐτζα* осталось лишь какъ пережитокъ прошлаго и сохранилось въ полномъ оффиціальномъ титулѣ, который приводится единственно въ простр. житіи. Въ отношеніи къ *ἐπίσκοπος Βελίτζας* варіантами являются: **епископъ великъскъ** Ассеманова Ев. и поученій, епископъ **великіи** (=Велики) въ „Успеніи Кирилла“ и *ἐπίσκοπος Βελίκας* въ Дюканжевомъ каталогѣ. Всѣ эти варіанты, со включеніемъ въ ихъ число и *ἐπ. Βελίτζας*, восходятъ, разумѣется, къ первоначальному **Велики** или **Велика**=греч. *Βελίκα*, при чемъ *ἐπίσκοπος Βελίτζας* слѣдуетъ считать буквальной греческой передачей славянскаго **епископъ Велицѣ**, какъ и вообще греч. *Βελίτζα* явилось подъ вліяніемъ косв. падежей отъ **Велика** со смягченіемъ. *Δρεμηΐτζα* и *Δρεβενίτζα* (Охр. сп.)—два варіанта одного и того же мѣстнаго названія и оба, вѣроятно, представляютъ его въ испорченномъ видѣ; повидимому, не только у переписчиковъ греч. житія, но и у составителя его съ этимъ терминомъ не соединялось никакихъ опредѣленныхъ географическихъ представленій.

Чтобы разгадать смыслъ епископскаго титула Климента и

---

[1]) *Tafel*, De Thessalonica, p. 293.

[2]) *Tafel*, De Thessalonica, p. 70—71.

объяснить его географическое значеніе, нужно совершенно отрѣшиться отъ одной предвзятой мысли, которая направляетъ поиски епархіи Климента въ ту же мѣстность или вблизи той мѣстности, гдѣ протекала и его учительская дѣятельность. Въ историческомъ преданіи, издавна живущемъ въ болгарской церкви, епископское служеніе Климента пріурочивается къ Охридѣ, и даже самъ онъ представляется епископомъ Охридскимъ. Это преданіе сложилось подъ вліяніемъ двухъ историческихъ фактовъ: во-первыхъ, того, что Охрида была центромъ славной учительской дѣятельности Климента; во-вторыхъ, того, что Климентъ былъ епископомъ болгарскимъ вообще. Смѣшенію въ народной памяти этихъ двухъ различныхъ періодовъ дѣятельности его и пріуроченію ихъ обоихъ къ Охридѣ много содѣйствовали, разумѣется, и памятники его жизни въ Охридѣ: монастырь, построенная имъ церковь и его гробница. Когда въ XI—XII вв. болгарскіе архіепископы—греки, жившіе въ Охридѣ, вынуждены были вести борьбу съ настойчивыми попытками константинопольскихъ патріарховъ ограничить автокефальныя права болгарской церкви, однимъ изъ средствъ для поднятія ея авторитета было возвысить прошлое болгарской архіепископской каѳедры—Охриды. Историческій образъ Климента, окруженный цѣлымъ роемъ преданій, былъ однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ воспоминаній Охриды. И если, въ цѣляхъ возвышенія болгарской церкви, ея представители въ это время не останавливались не только предъ измышленіемъ фактовъ, но даже и передъ фальсификаціей документовъ [1]), то могли-ли они не воспользоваться воспоминаніями о Климентѣ, который трудился и почивалъ въ Охридѣ, и не сдѣлать изъ него охридскаго іерарха? Какъ было уже показано прежде, въ XII—XIII вв. охридскіе архіепископы—греки поднимаютъ его культъ изъ области народныхъ переживаній въ сферу широкаго церковнаго чествованія, пишутъ его житія, составляютъ въ честь его службы. Въ пространномъ житіи онъ еще называется только епископомъ Величско-Дремвицкимъ, и нѣтъ даже и намека на Охриду, какъ на мѣсто епископскаго служенія его. Но въ краткомъ житіи уже тенденціозно заявляется, что возведенный на епископскій пре-

[1]) *Голубинскій*, Кр. оч., стр. 106—114; 281—288.

столъ, „онъ проводилъ жизнь въ Лихнидѣ (=Охридѣ), городѣ иллировъ, митрополіи окружныхъ городовъ" (VII гл.). Наконецъ, въ службахъ онъ уже прямо называется епископомъ Болгарскимъ въ Охридѣ (*ἐπισκόπου Βουλγαρίας τοῦ ἐν τῇ Ἀχρίδι*) или просто Климентомъ Охридскимъ. Такимъ образомъ, сближеніе епископской дѣятельности Климента съ Охридой развивалось постепенно, вмѣстѣ съ постепеннымъ возвеличеніемъ Охриды и превращеніемъ ея въ преемницу Первой Юстиніаны. Параллельно съ этимъ и подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ пріобрѣлъ широкое развитіе въ Охридѣ и поэтическій культъ седмичисленниковъ (ср. выше, стр. 147—8). Поэтому при опредѣленіи мѣста, гдѣ трудился Климентъ въ качествѣ епископа, нужно оставить въ сторонѣ всѣ преданія и тенденціозныя измышленія объ Охридѣ и, строго различая періодъ учительской дѣятельности святителя отъ епископскаго, подойти къ вопросу непосредственно и безъ предубѣжденій, на основаніи только безусловно достовѣрныхъ показаній пространнаго житія [1].

Пространное житіе не только не даетъ ни малѣйшихъ основаній искать епископскую каѳедру Климента вблизи Охриды, въ юго-западной Македоніи, но наоборотъ—сильно располагаетъ думать, что она находилась вдали отъ нея. Касаясь учительскаго періода его дѣятельности, авторъ житія подробно разсказываетъ о томъ, какъ плодотворна была эта дѣятельность въ юго-западной Македоніи, какъ широко раскинулась она въ окрестностяхъ Охриды и Главиницы, какую массу сотрудниковъ привлекъ къ себѣ Климентъ. Его ученики въ количествѣ 3500 человѣкъ, распредѣляясь по 300 на каждую енорію (*ἐνορία*), охватили своимъ просвѣтительнымъ служеніемъ 12 енорій въ примыкающихъ къ Охридѣ мѣстностяхъ. Но вотъ, по волѣ Симеона, прославившійся славянскій учитель, послѣ семилѣтнихъ трудовъ въ Охридѣ, поставляется епископомъ Велики или Дремвицы. И что-же? „Нашедши,—говоритъ его біографъ далѣе,—что народъ этой еноріи (*τῆς ἐνορίας*) совершенно (*παντάπασι*) не-

---

[1]) Отъ вліянія этихъ преданій не могутъ отрѣшиться и донынѣ нѣкоторые изслѣдователи. Д-ръ *Ритигъ* говоритъ: „...Дремвицкая или велицкая епископія Климента не можетъ быть другой, кромѣ позднѣйшей охридской митрополіи". *Ritig*, Povijest i pravo slov., p. 119.

знакомъ съ словомъ Божіимъ и писаніями и не наставленъ ни въ чемъ (μηδὲν λειπόμενον), что украшаетъ церковь..., онъ постоянно поучалъ и постоянно устроялъ, изгоняя невѣжество, упорядочивая безпорядочное..., научалъ клиръ церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопѣній и молитвъ, въ народѣ укрѣплялъ умы и утвержденіе вѣры ихъ полагалъ на камени праваго служенія христіанскаго, потому что они были невѣжественными и просто сказать—скотоподобными" (XXI). Не слѣдуетъ-ли отсюда со всею очевидностью, что величская епархія не только не входила въ районъ предыдущей дѣятельности Климента, но даже не была въ числѣ тѣхъ енорій, гдѣ сотнями насчитывались его ученики? Между тѣмъ это было бы совершенно немыслимо, еслибы она граничила съ охридской областью или была расположена, по крайней мѣрѣ, вблизи ея.

Правда, будучи епископомъ Величскимъ, онъ сохранялъ связи съ Охридой и живо интересовался духовнымъ состояніемъ своей прежней паствы (XXIV). Особенно близокъ былъ ему, какъ строителю, охридскій монастырь, который онъ очень любилъ благодаря его живописному положенію и по которомъ даже скучалъ (οὗ τοῦ κάλλους ἐρῶν διαφόρως εἶχεν Ib.). Однакожъ, сказать вмѣстѣ съ г. Баласкевымъ, что изъ области своей епископіи онъ „часто ходилъ" въ Охриду, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Въ простр. житіи есть упоминаніе о двухъ посѣщеніяхъ имъ Охриды за двадцатитрехлѣтній періодъ епископства, при чемъ первое изъ нихъ, вслѣдствіе неясности выраженій, слѣдуетъ отнести къ епископскому періоду лишь предположительно. Въ концѣ житія авторъ говоритъ о дарѣ чудотвореній, которымъ былъ надѣленъ Климентъ, и тутъ же разсказываетъ объ исцѣленіи двухъ разслабленныхъ, прибавляя, что это чудо онъ совершилъ по пути изъ Главиницы (вар. Велицы—Охр. сп.) въ Охриду (XXIV). Второе имѣло мѣсто уже передъ самой смертью, когда, послѣ отказа отъ епископской дѣятельности и настойчивыхъ просьбъ царя Симеона, онъ далъ свое согласіе на продолженіе этой дѣятельности и для отдыха отправился въ охридскій монастырь, гдѣ заболѣлъ и вскорѣ скончался (XXVI). Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ никакихъ намековъ, на основаніи которыхъ

можно было бы говорить о близости величской епископіи къ Охридѣ [1]).

Такимъ образомъ, отсутствіе въ простр. житіи какихъ-либо указаній на мѣсто епископской дѣятельности Климента и крайняя сомнительность позднѣйшихъ пріуроченій ея къ Охридѣ или ея окрестностямъ должны развязать у изслѣдователя руки въ опредѣленіи мѣста величко-дремвицкой епископіи. Въ поискахъ послѣдней не мало было оказано вниманія различнымъ названіямъ македонскихъ мѣстностей въ Болгаріи, созвучнымъ съ Велицей и Дремвицей. Но до сихъ поръ очень мало удѣлено вниманія историческому свидѣтельству о существованіи въ IX—X в. совершенно одноименныхъ епископій въ области константинопольскаго патріархата. Въ спискѣ епископій, извѣстномъ съ именемъ Льва Мудраго, упоминаются двѣ епископіи подъ именемъ *Вε-*

[1]) Отношенія Климента къ охридскому монастырю интересовали и составителя житія, хотя онъ не отдавалъ себѣ отчета ни въ мѣстоположеніи Велицы, ни въ степени ея близости или отдаленности отъ Охриды. Разсказывая объ оставленіи Климентомъ своихъ творевій въ монастырѣ житіе прибавляетъ: „который онъ построилъ въ Охридѣ, еще при жизни Бориса, прежде нежели совершенно принялъ епископію величскую" (XXIII). Говоря далѣе о томъ, что Климентъ завѣщалъ раздѣлить его имущество и книги пополамъ между епископіей (*ἐπισκοπῇ*, т. е., каѳедральной церковью,—при которой обыкновенно жили епископы и доходами которой содержался клиръ,—и монастыремъ, житіе выразительно прибавляетъ: *καὶ τοῦτο γὰρ κανονικῶν*—„и это канонически", т. е, согласно съ канонами. Такимъ образомъ, составитель житія Климента, вслѣдъ за древнимъ біографомъ его, какъ будто хочетъ оправдать его и въ томъ, что онъ, будучи епископомъ, имѣлъ свой монастырь, и въ томъ, что онъ завѣщалъ этому монастырю половину имущества. Дѣло въ томъ, что въ IX—X в. восточную церковь живо занималъ вопросъ о правѣ епископовъ имѣть собственные монастыри, такъ какъ содержаніе такихъ монастырей сопровождалось истощеніемъ епископій. На Константинопольскомъ соборѣ 861 г. епископамъ категорически запрещено было строить свои монастыри. „Да не будетъ позволено никому изъ епископовъ созидать особенный для себя монастырь, къ разоренію своей епископіи"—говоритъ 7 правило К—аго собора. Но Климентъ стоялъ на канонической почвѣ: во 1-хъ, онъ построилъ свой монастырь въ Охридѣ еще до полученія епископской каѳедры (и это является рѣшительнымъ доказательствомъ того, что онъ изъ Моравіи пришелъ и трудился въ качествѣ учителя—еще не будучи епископомъ); во 2-хъ, монастырь былъ одѣленъ въ одинаковой мѣрѣ съ епископіей, что, при обиліи подарковъ, которые получалъ Климентъ (XXVI), не было убыточно для епископіи.

Λιγγίδος, которое мы вправѣ ввести въ кругъ указанныхъ прежде варіантовъ славянскаго названія Велика: одна изъ нихъ входитъ въ число епископій ѳракійской филиппопольской митрополіи (*Φιλιππουπόλεως, Θράκης*), другая—въ митрополію македонскую филиппскую (*Φιλίππων, Μακεδονίας* [1]). Сверхъ этого, по свидѣтельству того же каталога, въ филиппопольской митрополіи была еще каѳедра *Δρομίτζα* [2]), очень близко напоминающая своими звуками *Γρεμίτζα*, почти совпадающая съ нею (срав., напр., *Στρουμίτζα* и *Στρομβίτζα* у Ѳеофилакта, въ письмѣ 32, по изд. Meursii). Еслибы можно было съ значительной долей увѣренности сказать, что хотя бы одна изъ этихъ Великъ или Велицъ въ царствованіе Бориса и Симеона перешла, въ числѣ другихъ епархій, отъ Византіи къ Болгаріи, то ничто не препятствовало бы локализировать епископію Климента въ филиппской или филиппопольской митрополіи, въ области восточной Болгаріи. Въ такомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣлъ бы несомнѣнный фактъ существованія епископіи съ именемъ Велики, и не было бы никакой надобности пускаться въ сомнительныя этимологическія построенія, въ рискованныя сближенія епископскаго титула Климента съ мало созвучными названіями мѣстностей, съ городами, которые, можетъ-быть, никогда не назывались Великой или Велицей, съ рѣками, которыя на самомъ дѣлѣ могли не имѣть никакого отношенія къ разыскиваемой епископіи.

Велика, входившая въ митрополію филиппскую, не могла быть епископіей Климента, потому что владѣнія Бориса и Симеона въ побережной Македоніи (по бер. Бѣл. моря) оффиціально не простирались на востокъ далѣе Стримона. Область по нижнему теченію этой рѣки въ нач. X вѣка составляла особую Стримонскую тему, которая находилась подъ управленіемъ особаго византійскаго императорскаго стратига [3]). Но область филиппопольскаго митрополита расположена была какъ

---

[1]) *Parthey*, Hieroclis Synecdemus, p. 122, 123, 218, 219; *H. Gelzer*, Georg. Cypr., Nova Tactica, p. 79, 80. Городъ *Φιλίπποι* и его митрополія находились на краю восточной Македоніи, далѣе Сереса, на берегу Адріатическаго моря, близъ Кавалы.

[2]) *Parthey*, op. cit., p. 122, 218.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ Каменіата. *Migne*, Patr., t. 109, c. 551.

разъ въ мѣстности, гдѣ въ эпоху Симеона проходила граница между Болгаріей и Византіей. По каталогу Льва Мудраго, къ филиппопольской митрополіи принадлежало 10 епископій. Изъ нихъ четыре—*Ἀγαθονείας*, *Λιτίτζης* (Литица близъ Димотики), *Σκουταρίου*, *Λεύκης* (совр. Левка) — были расположены къ юго-востоку отъ Филиппополя по направленію къ Адріанополю. Епископія *Ἰωαννίτζων* находилась въ восточныхъ Родопахъ. Епископская каѳедра *Κοστάντια*—Костенецъ или Костеница, извѣстный городъ съ крѣпостью, расположенный на верховьяхъ р. Марицы, южнѣе Самокова. Остальныя епископіи—*Δραϊτζης*, *Βελικίας* и *Βουκοΰζων*—находились вблизи Костеницы и Іоанницы, къ западу отъ Филиппополя, по заключенію проф. Пречка—въ сосѣднихъ Родопахъ [1]).

Обращаясь теперь къ границѣ, которая въ эпоху Симеона отдѣляла южную Болгарію отъ Византіи, припомнимъ, что Голубинскій, а за нимъ и Пречекъ, на основаніи всей совокупности данныхъ, представляютъ ее въ видѣ ломаной линіи, которая простиралась отъ Бургаса вдоль Балканъ чрезъ Веррею (=Эски Загора) до крѣпостцы *Константіи* (=*Κοστάντια*=Костеница), *переѣзжала верховья Марицы, поворачивала* (идя мимо Татаръ-Базарджика и Чепены) *на юго-западъ, на Родопскія горы, Родопами спускалась на Стримонъ*, который пересѣкала около нынѣшняго Демиръ-Гиссара, съ Стримона на Вардаръ, съ Вардара на нижнюю Быстрицу [2]). Уже представленная въ такомъ видѣ пограничная черта греко-болгарскихъ владѣній захватываетъ западныя епархіи филиппопольской митрополіи. Но вѣдь эта линія имѣетъ лишь условное значеніе, не опредѣляя точно, къ какому государству относился тотъ или иной пограничный пунктъ. По мнѣнію М. С. Дринова, южная граница Болгаріи „начиналась приблизительно южнѣе Бургаса на Черномъ морѣ, *проходила*

[1]) Мы почерпаемъ географическія и историческія свѣдѣнія объ епархіяхъ филиппопольской митрополіи изъ изданій: *Ἐγχειρίδιον περὶ τῆς ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως, ἢ περιγραφὴ αὐτῆς συντεθεῖσα ὑπὸ τοῦ οἰκονόμου Κυρίου Κωνσταντίνου ἱερέως, ἐν Βιέννῃ*, 1819; *Ἱστοριογεωγραφικὴ περιγραφὴ τῆς Ἐπαρχίας Φιλιππουπόλεως παρὰ Γ. Τσουκαλᾶ τοῦ Ζακυνθίου, ἐν Βιέννῃ*, 1851; *Jireček*, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel, Prag, 1877, S. 72; Cesty po Bulharsku, p. 283, 517—18.

[2]) *Голубинскій*, Кр. оч., 7; *Пречекъ*, 217—218.

между Адріанополемъ и Филиппополемъ чрезъ всю Ѳракію до Родопскихъ или Доспатскихъ горъ; далѣе сворачивала на югъ и по вершинамъ этихъ горъ спускалась къ окрестностямъ г. Сереса“ [1])... При такомъ представленіи дѣла не только большинство епископій филиппопольской митрополіи, но и самый центръ ея—городъ Филиппополь—пришлось бы отнести къ Болгаріи. Дриновъ думаетъ, что граница Болгаріи въ X в. проходила южнѣе Филиппополя, на основаніи свидѣтельства византійскаго историка Льва Діакона, который въ своемъ разсказѣ о походѣ Святослава противъ болгаръ и грековъ въ 967—971 г. представляетъ Филиппополь болгарскимъ городомъ. По словамъ Льва Діакона, Святославъ послѣ взятія Филиппополя приказалъ посадить на колъ до двадцати тысячъ плѣнныхъ и этой свирѣпостью совершенно обезоружилъ болгаръ и заставилъ ихъ безусловно покориться [2]). Мы не рѣшаемся, на основаніи этого сообщенія, утверждать категорически, что Филиппополь входилъ въ X в. въ болгарское царство, но изъ него ясно видно, что болгарскія поселенія находились вблизи этого города.

Итакъ, величская и драмицкая епархіи, въ числѣ другихъ епархій, расположенныхъ въ Родопахъ, въ эпоху перваго болгарскаго царства находились на самой границѣ болгаро-византійскихъ владѣній. Но извѣстно, что въ царствованіе Симеона, охваченнаго завоевательными предпріятіями, греко-болгарская граница подвергалась частымъ измѣненіямъ и, въ зависимости отъ успѣховъ болгарскаго оружія, все больше и больше сокращала владѣнія имперіи. Едва-ли можно считать случайнымъ то обстоятельство, что годъ полученія Климентомъ величско-дремвицкой епархіи совпадаетъ съ первой войной Симеона съ византійцами, которымъ онъ нанесъ сильное пораженіе при Болгарофигонѣ (993). Какъ извѣстно, византійцы послѣ пораженія обязались платить ежегодную дань болгарамъ. Получилъ-ли Симеонъ при этомъ какую-нибудь территоріальную уступку, неизвѣстно, но, разумѣется,

[1]) *М. С. Дриновъ.* Южные славяне и Византія, стр. 79.

[2]) *Ὁ δὲ Σφενδοσλάβος, ταῖς κατὰ τῶν Μυσῶν νίκαις ἐπὶ μέγα αὐθαίνετος περιδεὴς καὶ καταπλῆγας Μυσοὺς τῇ ἐμφύτῳ ἀπανθρωπίᾳ κατεργασάμενος (ἦσαν γὰρ τὴν Φιλίππου πόλιν τῷ πολεμεῖν ἑξελὼν, διαμυρίους τῶν ἐν τῷ ἄστει ληφθέντων ὤμῆς καὶ ἀπανθρώπως ἀνασκολοπίσας, καὶ ταύτῃ τὸ ἀντίξουν ἅπαν ἐκδειματώσας καὶ θεῖται ὑπόσπονδον).* Leonis Diaconi Hist. libri decem, ed. Bonnae, p. 105

побѣда должна была упрочить власть Болгаріи въ пограничныхъ пунктахъ Ѳракіи. Естественно было, поэтому, Симеону, укрѣпивши здѣсь свою власть, послать сюда епископомъ знаменитаго македонскаго учителя славянъ.

Однако, далеко не всѣ епископіи, перешедшія отъ Византіи въ болгарскую территорію, сразу и охотно признавались греками за достояніе болгарской церкви. Въ интересахъ болгаръ, разумѣется, было утвердить свое господство во всѣхъ своихъ областяхъ не только въ государственномъ, но и въ церковномъ отношеніи. Но греки продолжали считать нѣкоторыя вновь пріобрѣтенныя болгарами епископіи своими и вносили ихъ въ списки своихъ каѳедръ. Особенно это относится къ тѣмъ епископіямъ, которыя непосредственно соприкасались съ греческими и такимъ образомъ ограничивали права византійскихъ митрополитовъ. Въ этомъ отношеніи очень краснорѣчивой оказывается исторія епископской каѳедры Верріи. Греко-болгарская граница въ Македоніи, проходившая въ двадцативерстномъ разстояніи на сѣверъ отъ Солуня, дѣлала веррійскую епископію болгарской. И дѣйствительно, ея имя сохранилось въ алтарѣ храма св. Ахилла на Преспѣ, построеннаго Самуиломъ, гдѣ устроены были каѳедры для епископовъ болгарскаго царства [1]). Между тѣмъ въ каталогахъ византійскихъ каѳедръ, въ томъ числѣ и въ каталогѣ Льва Мудраго, она неизмѣнно значится въ числѣ епископій солунской митрополіи [2]). Это противорѣчіе не можетъ вызвать сомнѣнія не въ пользу Болгаріи, какъ не можетъ наталкивать и на поиски въ болгарскихъ областяхъ другой Верріи, уже потому, что у Кедрина есть извѣстіе о принадлежности солунской Верріи къ Болгаріи при Самуилѣ [3]). Наконецъ, интересно отмѣтить, что даже и такая, безспорно болгарская, епископія, какъ охридская (ὁ Λευκιδῶν) внесена въ каталогъ Льва Мудраго въ число епархій диррахійскаго митрополита (*Parthey*, p. 125).

То же самое случилось и съ епископіями Βελιχείας и Δραμίτζας, расположенными на ѳракійской границѣ. Изъ житія

---

[1]) *Изв. Р. Арх. Инст. въ К-лѣ*, III (1898), ст. *Ѳ. И. Успенскаго*, стр. 189; IV (1899), ст. *П. Н. Милюкова*, стр. 51.

[2]) *Parthey*, op. cit, p. 100, 109, 136, 208, 205.

[3]) *Ѳ. И. Успенскій*, *Изв. Р. Арх. Инст. въ К-лѣ*, цит. мѣсто.

Климента мы заключаемъ, что эти двѣ каѳедры, въ объединенномъ видѣ, съ именемъ *Δρεμμίτζας ἤτοι Βελίτζας* (*—κας,—κείας*) входили въ область болгарскаго государства. Но это сильно ограничивало права филиппопольскаго митрополита, область котораго значительно сокращалась. И составитель каталога Льва Мудраго, по всей вѣроятности—современникъ Климента, не задумался внести ихъ, въ видѣ двухъ самостоятельныхъ каѳедръ, въ списокъ филиппопольской митрополіи [1]).

Но здѣсь нельзя оставить въ сторонѣ одного недоумѣнія, которое неизбѣжно возникаетъ при мысли о томъ, что обѣ интересующія насъ епископіи послѣ смерти Климента какъ будто совсѣмъ прекратили свое существованіе, такъ какъ ихъ не знаетъ ни болгарская, ни византійская послѣдующая исторія. Что касается Драмицы—Древицы, то это понятно: уже и при Климентѣ она не была самостоятельной каѳедрой и вносилась въ титулъ величскаго епископа лишь, какъ воспоминаніе прошлаго. Но что̀ сталось съ Великой—Велицей? Вмѣстѣ съ этимъ обращаетъ на себя вниманіе и другое любопытное обстоятельство. Судя по расположенію другихъ извѣстныхъ епархій филиппопольской митрополіи, *Βελιχεία* филиппопольская находилась въ сѣверныхъ Родопахъ. Но анализируя группировку епископій филиппской митрополіи, мы заключаемъ, что другая каѳедра *Βελιχεία*, входившая въ эту послѣднюю митрополію, должна была находиться тоже въ Родопахъ,—на что̀ указалъ уже проф. К. Иречекъ [2]), но только ближе къ Филиппамъ (нын. Филибеджикъ), т. е. въ южной области Родопскихъ горъ. Такимъ образомъ, въ IX—X в. на небольшомъ протяженіи западной Ѳракіи и восточной Македоніи существуютъ двѣ

[1]) Послѣ занятія непріятелями византійскихъ земель, греческіе епископы продолжали считаться настоящими пастырями своихъ епархій, ожидая введенія порядка въ оставленныхъ ими мѣстахъ. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно удалялись въ Константинополь. Если епископъ умиралъ, а его епархія оставалась въ рукахъ завоевателей, то на его мѣсто могъ назначаться даже новый епископъ. Каноническимъ основаніемъ для такого порядка служило 37 правило Трулльскаго собора. *Арх. Іоаннъ*, Опытъ курса церк. законовѣдѣнія, СПБ., 1851, II, стрр. 403—406.

[2]) *Период. Спис.* кн. 55—56 (1898), стр. 247.

епархіи съ однимъ и тѣмъ же именемъ, и не сохранилось никакихъ слѣдовъ существованія хотя бы одного города или области съ именемъ *Βελιχεία-Βελίτζα*, какъ будто они совсѣмъ исчезли съ лица земли. Существовали-ли такіе города или области и, если нѣтъ, то откуда получили свое названіе двѣ одноименныя и пространственно близкія епархіи?

Ключъ къ рѣшенію этого вопроса, кажется, можетъ дать исторія первоначальнаго учрежденія славянскихъ епархій въ византійской имперіи. Когда славяне стали массами занимать земли имперіи, ихъ вторженія, какъ и вторженія другихъ варваровъ, вносили разрушеніе, разумѣется, и въ церковный строй Византіи. Но долго славяне имперіи не могли оставаться язычниками, потому что къ принятію христіанства ихъ склоняли и общеніе съ греками и самый фактъ подчиненія императору. Они постепенно становились христіанами, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они группировались особенно сгущенными массами, для нихъ учреждались особыя епархіи, изъ которыхъ однѣ открывались вновь, а другія являлись изъ преобразованія болѣе древнихъ [1]). Въ томъ и другомъ случаѣ спеціально славянскія епархіи пріобрѣтали и славянскія названія. Такъ какъ въ жизни византійскихъ славянъ большое значеніе имѣла ихъ племенная группировка, то она стала отражаться и на церковномъ строѣ имперіи: нѣкоторыя епархіи учреждались для отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, отъ имени которыхъ онѣ получали и свои названія. Такимъ путемъ славянскія племенныя имена вошли въ титулы византійскихъ епископовъ.

Въ каталогѣ Льва Мудраго упоминается цѣлый рядъ епархій съ названіями славянскихъ племенъ. Въ числѣ епископовъ, подчиненныхъ солунскому митрополиту, здѣсь упоминается *ὁ τῶν Δρουγουβιτείων=Δρουγουβιτίας=Δρουγουβίου*—драговичей [2]), жившихъ близъ Солуня, въ западной части вардарской равнины [3]), а также *Σερβίων* [4])—сербовъ, посе-

[1]) Роль славянскаго элемента въ Византіи въ достаточной степени уже выяснена. См. *Ѳ. И. Успенскій*, *Ж. мин. нар. пр.*, ч. 225; *А. Васильевъ Виз. Врем.* 1898, т. 5; *Gelzer*, Die Genesis d. byzantinischen Themenverfassung, Leipzig, 1899; *Станојевић*, Византія и Срби, 1903—6.

[2]) *Parthey*, op. cit., p. 100, 109, 208 и др.; *Gelzer*, Georg. Cypr., p. 68.

[3]) *М. С. Дриновъ*, Заселеніе балк. полуостр., стр. 168 сл.

[4]) *Parthey*, ib.; *Gelzer*, ib.

лившихся въ южной Македоніи, гдѣ и въ настоящее время находится городъ Сервія (=Србица [1]). Въ составъ епископій филиппской митрополіи, къ которой принадлежала и одна изъ Велицъ, входила каѳедра *Σμολίτου*—смолѣнъ [2], славянскаго племени, жившаго по среднему теченію рѣки Месты, въ неприступныхъ Родопахъ [3]. Въ область Ларискаго митрополита входила каѳедра *Ἐζήρου* —езеритовъ (*Ἐζερίτου* [4]), обитавшихъ по склонамъ Тайгета [5]. Изъ того, что всѣ эти названія становятся извѣстны намъ только изъ каталога Льва Мудраго, видно, что епископскія каѳедры, которыя здѣсь нужно разумѣть, были открыты для славянъ уже тогда, когда христіанство среди нихъ пустило болѣе глубокіе корни, и—не раньше IX вѣка [6]. Нужно прибавить, что учрежденіе епархій для отдѣльныхъ племенъ у новокрещенныхъ народовъ и соотвѣтствующія племенныя имена въ епископскихъ титулахъ не были въ средніе вѣка исключительной принадлежностью славянъ. Какъ видно изъ списка епархій Константинопольскаго престола (VIII в.), опубликованнаго Де-Бооромъ, изъ семи епископовъ, подчиненныхъ готскому митрополиту (въ Крыму) три носили названія по именамъ племенъ: *ὁ Λοτζήρου*, *ὁ Ὀγογούρου* и *ὁ Οὔτζου* [7].

Всѣ эти данныя наводятъ на мысль, что и епископскій титулъ *Βελικείας=Βελίκας=Βελίτζας*=Келицкій, для котораго всѣ попытки найти соотвѣтствующіе епархіальные города оказались тщетными, также ведетъ свое происхожденіе отъ названія одного изъ славянскихъ племенъ. Имѣемъ въ виду племя *Βελεγεζῆται, Βελεγιζῖται*—велегезиты или велесичи. Всѣ свѣдѣнія объ этомъ племени ограничиваются сообщеніемъ житія св. Димитрія Солунскаго о томъ, что они жили въ окре-

---

[1]) *К. Гротъ*, Извѣстія Конст. о сербахъ, стр. 93.

[2]) *Parthey*, p. 123, 219; *Gelzer*, p. 80.

[3]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о смолѣнахъ и ихъ епископіи—у *Йорданова Иванова*, Бълг. старини, стр. 1—6.

[4]) *Parthey*, p. 121.

[5]) *А. Васильевъ*, *Визант. врем.*, т. V, стр. 424.

[6]) Епископіи драговичей и езеритовъ становятся извѣстными съ 879 г. *Еп. Филаретъ*, Св. вел. Димитрій и солунскіе славяне, *Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.*, 1848, № 6, стр. 42.

[7]) *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, t. XII, S. 519—534. О локализаціи этихъ епископствъ — *Ю. Кулаковскій*, Къ исторіи готской епархіи въ VIII в. *Ж. м. н. пр.*, ч. 315, стр. 187 сл.

стностяхъ Θессалійскихъ Θивъ и Димитріады, на побережьѣ залива Воло и участвовали въ осадѣ Солуня въ 676 году, но во время другой осады этого города славянами сохраняли миръ съ солунянами. Составъ имени *Βελεγεζῆται* не вполнѣ понятенъ, такъ какъ предположить во второй части его корень гость едва-ли возможно [1]). Но первая основа его вполнѣ ясна, это—**велий, великъ** [2]). Для сближенія съ нимъ *Βελικεία*= *Βελίτζα* можно указать нѣсколько основаній. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что названіе епархіи въ формѣ единственнаго числа, напоминающей собою географическій терминъ, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ варіаціяхъ племенныхъ названій другихъ епископій: *Δραγοβίτια*, *Δραγοβέτια* (у Кодина) при *Δρουγουβιτείων*, *Δρουγουβίτων* или *τὰ Σερβία* при *Σερβίων*. Дѣйствительно, сохранились мѣстныя названія, связанныя съ именемъ велегезитовъ, приближающіяся къ *Βελίτζα*, а одно даже совсѣмъ совпадающее съ нею. Шафарикъ находилъ, что родовое имя интересующаго насъ племени, въ томъ видѣ, какъ оно приводится въ житіи св. Димитрія, испорчено, а въ болѣе чистомъ видѣ сохранилось въ названіи города Велестино, который расположенъ въ Θессаліи при озерѣ Бебейскомъ [3]). Еще ближе къ *Βελίτζα* названіе *Βελζητία*, приводимое Θеофаномъ въ его хроникѣ [4]). Толкователи этого мѣста не сомнѣваются въ томъ, что *Βελζητία* ведетъ свое начало отъ имени *Βελεγεζῆται* (=предпол. *Βελεζῆται* [5]), но точная локализація ея оказывается довольно затруднительной. Стриттеръ отнесъ эту Вельзитію во Θракію [6]), Тафель отожествилъ ее съ Велестино [7]), Фальмерайеръ искалъ ее на сѣверѣ отъ Аѳинъ, но гдѣ именно, въ сѣверной-ли Аттикѣ, въ Беотіи, или Θессаліи, онъ точно не показалъ, хотя онъ допускалъ распространеніе велегезитовъ во всѣхъ указанныхъ областяхъ [8]). Мнѣніе Фальмерайера.

---

[1]) Такъ осмысливалъ это слово *Шафарикъ*, Слав. древн., II—I, стр. 374. Ср. *Иречка* (Ист. Срба, 91), не согласнаго съ Шафарикомъ.

[2]) *Иречекъ*, op. cit., стр. 91; сн. *Микало*, кн. 5—6, стр. 89.

[3]) *Шафарикъ*, Слав. древн.. II—I, стр. 374.

[4]) *Theophanis* Chronogr., ed. Paris, p. 400.

[5]) *Ер. Филаретъ*, *Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р.*, 1848, № 6, стр. 28.

[6]) *Stritteri*, Memoriae populorum, MDCCLXXI, p. 250.

[7]) *Tafel*, De Thessalonica, p. LXXVIII. Мнѣніе Тафеля принято *А. Васильевымъ*, Славяне въ Греціи, *Виз. Врем.*, V, стр. 419.

[8]) *Fallmerayer*, Welchen Einfluss hatte die Besetzung Griechenlands durch

несомнѣнно, болѣе всего соотвѣтствуетъ послѣдовательности разсказа Ѳеофана, заставляющаго локализировать Вельзитію—область велегезитовъ—въ мѣстностяхъ, близкихъ къ Аѳинамъ [1]). Но для насъ всего важнѣе сообщеніе извѣстнаго географа Мелетія о томъ, что мѣсто въ Фокидѣ, называемое „древнія Ѳивы", носило еще другое имя,—то самое, которое находится въ титулѣ Климента, т. е. *Βελίτζα*. Описывая географію Фокиды, онъ говоритъ:... *Τὸ Τιθρώνειον, πόλις ἐν Πεδίῳ κειμένη, τῆς ὁποίας ὁ τόπος καλεῖται ταυτὸν Παλαιαὶ Θῆβαι, ἢ καὶ Βελίτζα* [2]). Можетъ быть, *Βελζητία* Ѳеофана и *Βελίτζα* Мелетія обозначаютъ собою одно и то же мѣсто или два смежныя. Но еслибы это было и не такъ,—что для насъ не важно,—можно считать несомнѣннымъ, что древнія Ѳивы названы Велицей по имени той славянской вѣтви, которая обитала въ Ѳессаліи и простиралась и на югъ, въ предѣлы Беотіи и Фокиды.

Отсюда мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что и болѣе сѣверная *Βελίτζα—Βελιχεία* того же происхожденія и должна быть разсматриваема, какъ племенное названіе мѣстности въ Родопахъ, гдѣ также могли обитать велегезиты. Этимъ объясняется и наличность нѣсколькихъ епископій съ именемъ Велицы и, если можно такъ выразиться, ея ползучесть по Балканскому полуострову. Аналогію Велицѣ въ этомъ отношеніи представляетъ другое племенное названіе—драговичей, которые сообщили свое имя не только одной изъ епископій солунской митрополіи, но и филиппопольскому митрополиту (*ἔξαρχος πάσης Εὐρώπης καὶ Δραγοβιτίας*) [3]).

Признаемся, что соединеніе съ именемъ *Βελίτζα* этнографическаго смысла есть лишь гипотеза. Но еслибы даже ей суждено было раздѣлить печальную судьбу своихъ пред-

---

die Slawen auf das Schicksal der Stadt Athen und Landschaft Attika? Stuttgart und Tübingen, S. 87 sq. О пребываніи велесичей въ Беотіи и Аттикѣ съ увѣренностью говорилъ и *Гильфердингъ*, Собр. соч., т. I. стр. 24—25.

[1]) Ѳеофанъ разсказываетъ, что славянскій начальникъ Вельзитіи *ὁ τῶν Σκλαβινῶν τῆς Βελζητίας ἄρχων*) Акамиръ, побуждаемый населеніемъ Греціи (*ὑπὸ τῶν Ἑλλαδικῶν*), задумалъ освободить сыновей Константина Копронима, изгнанныхъ Ириной въ Аѳины, и одного изъ нихъ провозгласить императоромъ. Однако, заговоръ былъ безуспѣшенъ. Цит. мѣсто

[2]) *Μελετιου Γεωγραφια παλαια και νεα, τ. Β, εν Βενετιᾳ*, 1807, стр. 322.

[3]) *Parthey*, op. cit., p. 134.

шественницъ, посвященныхъ этому загадочному термину, отъ такого исхода дѣла нисколько не пострадала бы предложенная локализація епископской каѳедры Климента.

Возвращаясь теперь къ послѣдней, остается сказать еще нѣсколько словъ о дремвицко-величской епархіи въ связи съ церковнымъ устройствомъ Болгаріи въ древнѣйшую эпоху. Исторію болгарской церкви въ царствованіе Бориса и Симеона слѣдуетъ представлять въ видѣ постепеннаго увеличенія количества епархій и частаго измѣненія ихъ границъ въ зависимости отъ расширенія болгарскаго государства. Уже при Борисѣ число ихъ было значительно. Въ періодъ церковнаго подчиненія Болгаріи Риму, какъ видно изъ Фульдской лѣтописи (подъ 867 г.), латинскіе епископы „наполняли уже всю страну“ [1]), и, по свидѣтельству римскихъ пословъ на соборѣ 869 г., освятили тамъ „много церквей“ [2]). Вмѣстѣ съ принятіемъ отъ грековъ архіепископа Борисъ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, принялъ отъ него и „многихъ епископовъ“ [3]), такъ что папа Адріанъ въ 871 г. жаловался на то, что новый архіепископъ поставилъ для Болгаріи „многихъ епископовъ“ [4]). Если, такимъ образомъ, быстрый ростъ епископскихъ каѳедръ при Борисѣ бросался въ глаза даже современникамъ, то количество ихъ могло быть даже больше 10-ти, предположенныхъ Голубинскимъ [5]). На территоріи, занятой болгарами, до ихъ прихода уже существовали и храмы, и греческое духовенство; послѣ принятія христіанства имъ пришлось отчасти воспользоваться уже готовыми храмами, отчасти строить новые, отчасти возобновлять съ основанія (ἐκ βάθρων) разрушенные ими же [6]). О семи соборныхъ, т. е. каѳедральныхъ, епископскихъ храмахъ (ναοὶ καθολικοί), построенныхъ Борисомъ, упоминаетъ арх. Ѳеофилактъ и въ житіи Климента, и въ одномъ изъ своихъ писемъ [7]). Что касается Македоніи, то тамъ Болгарія явилась прямой наслѣдницей того церковнаго устройства, кото-

[1]) *Pertz*, Monumen. Germaniae, I, p. 380.

[2]) *Migne*, Patr., ser. lat., t. 129, c. 18 sqq.

[3]) *Голубинскій*, Кр. оч., 46.

[4]) Jaffé, Regesta pont. romanorum, №№ 2236 и 2237.

[5]) Кратк. оч., стр. 47.

[6]) Объ этомъ говоритъ Ѳеофилактъ въ повѣсти о тиверіуп. мученикахъ *Migne*, Patr., ser. gr., t. 126, c. 202, § 35.

[7]) Жит. Клим. XXIII; *Migne*, Patr., ser. gr., t. 126, c. 529.

рое было создано Византіей, насколько оно, разумѣется, могло сохраниться въ переходное время. Слѣдовательно, косвенное указаніе житія Климента на существованіе въ Болгаріи при Борисѣ около 12 епархій (=енорій) должно быть признано вполнѣ вѣроятнымъ. Съ теченіемъ времени, при Борисѣ и особенно при Симеонѣ, количество ихъ увеличилось. Къ сожалѣнію, съ увѣренностью можно назвать только пять епархій изъ существовавшихъ при Борисѣ (проватскую, дебельтскую, брѣгальницкую, охридскую, бѣлградскую [1]). При немъ же или уже при Симеонѣ въ болгарскую церковь вошли струмицкая, дѣвольская и величская. Но такъ какъ размѣры перваго болгарскаго царства опредѣлились вполнѣ уже при Симеонѣ, то остается признать возможнымъ, что значительная часть тѣхъ епархій, которыя на этой территоріи были спустя столѣтіе послѣ Симеона, въ неизвѣстномъ намъ видѣ существовали уже и при немъ. Величская епархія находилась приблизительно на половинѣ пути отъ Охриды къ Преславѣ. Всякая попытка опредѣлить болѣе точно ея мѣстоположеніе въ настоящее время была бы безуспѣшной. Ближайшими къ ней епархіями были брѣгальницкая, струмицкая, моровиздская, вельбуждская и тріадицкая. Хотя документально извѣстно лишь относительно первыхъ двухъ, что онѣ входили при Симеонѣ въ болгарскую церковь, но такъ какъ юго-восточная граница Болгаріи въ это время простиралась отъ Константиніи черезъ Родопы и пересѣкала Стримонъ въ нижнемъ теченіи его около Демиръ-Гиссара, то среднее и верхнее теченіе Стримона и области на сѣверъ отъ него были въ рукахъ болгаръ. Слѣдовательно, и остальныя изъ указанныхъ епархій также принадлежали Болгаріи. Есть основанія думать, что существовали какія-то владѣнія болгарской церкви и въ южныхъ Родопахъ за Стримономъ, потому что Θеофилактъ въ исторіи тивер. мучениковъ упоминаетъ о явленіи св. Германа при Борисѣ ἐπὶ τῆς Βουλγαρικῆς χώρας [2]), а монастырь этого подвижника находился за Стримономъ на Востокѣ [3]).

---

[1]) Основанія см. у *Голубинскаго*, стр. 47.

[2]) *Migne*, Patr., gr., t. 126, § 37.

[3]) Acta Sanctorum, май III, стр. 160, и appendix. Здѣсь, кромѣ Германа, патр. Константинопольскаго (715—730), упоминается игуменъ Германъ, основатель монастыря Косинница недалеко отъ Сереса. По смыслу сказа-

Область въ сѣверныхъ Родопахъ, гдѣ расположена была дремвицко-величская епархія, занята была издавна славянскими племенами, такъ какъ изъ десяти епархій, входившихъ въ филиппопольскую митрополію, три носили славянскія имена, а двѣ въ своихъ названіяхъ имѣли славянскія окончанія (*—ица* [1]). Но въ населеніи здѣсь была значительная примѣсь и болгарскаго элемента [2]). Во всякомъ случаѣ на новомъ мѣстѣ епископскаго служенія Климента не было такой чистоты славянскаго населенія, какая отличаетъ юго-западную Македонію. Но потребность въ духовномъ просвѣщеніи и славянской литургіи живо ощущалась и здѣсь. Въ сосѣдней Брѣгальницѣ славянское богослуженіе было введено еще при Борисѣ. Впослѣдствіи расположенный вблизи сѣверныхъ Родопъ Рыльскій монастырь сдѣлался однимъ изъ центровъ религіозной жизни болгарскаго народа. Къ сожалѣнію, въ послѣдующей исторіи этого края, изъ-за котораго пролито немало болгарской и греческой крови, теряются слѣды просвѣтительной дѣятельности Климента [3]).

Предложенной локализаціей епархіи Климента и перемѣщеніемъ ея изъ юго-западной Болгаріи на востокъ, въ сопредѣльныя съ Македоніей области Ѳракіи, проводится болѣе рѣзкая грань между періодами учительской и епископской его дѣятельности, чѣмъ какую обычно принято между ними проводить. Къ сожалѣнію, епископскому служенію Климента въ простр. житіи посвящено фактическихъ свѣдѣній меньше, чѣмъ учительскому. Но и этихъ свѣдѣній достаточно, чтобы историческій образъ Климента—епископа предсталъ передъ нами, по крайней мѣрѣ, въ своихъ общихъ чертахъ.

Вступленіе Климента на епископскую каѳедру отмѣчено

нія Ѳеофилакта, этотъ монастырь при Борисѣ принадлежалъ Болгаріи. Не беремся объяснить существовавшихъ здѣсь въ то время церковныхъ отношеній Болгаріи и Византіи, но полагаемъ, что граница Болгаріи въ восточной Македоніи установлена еще не точно.

[1]) *Jireček*, Heerstrasse, S. 72.

[2]) О заселеніи Филиппополя болгарами разсказываетъ Ѳеофилактъ. *Migne*, Patr., gr., t. 126, исторія тивер. муч., § 28.

[3]) Впрочемъ, въ области Родопъ сохранились слѣды ранняго культа седмичисленниковъ. Недалеко отъ Пещеры находятся развалины старой церкви, посвященной имъ. *Теодоровъ*, Българска литература, Пловдивъ, 1896, стр. 88.

біографомъ его, какъ цѣлая эпоха въ исторіи болгарской церкви. Простр. житіе говоритъ: *καὶ οὕτω δὴ Βουλγάρῳ γλώσσῃ πρῶτος ἐπίσκοπος ὁ Κλήμης καθίσταται* (XX). Такъ какъ положительно извѣстно, что правильно организованный епископатъ во главѣ съ архіепископомъ явился въ Болгаріи еще въ 870 году [1]), то, на основаніи приведеннаго мѣста, разумѣется, нельзя считать Климента первымъ болгарскимъ епископомъ вообще [2]). Но въ зависимости отъ двоякаго значенія, которое соединяется со словомъ *γλῶσσα*,—языкъ—рѣчь и языкъ—народъ, народность,—этому выраженію въ научной литературѣ придается двоякій смыслъ: или тотъ, что Климентъ былъ первымъ епископомъ, совершавшимъ богослуженіе на болгарскомъ, т. е. славянскомъ языкѣ [3]), или тотъ, что онъ былъ первымъ епископомъ болгарскаго [4]) или славянскаго происхожденія [5]).

Истинный смыслъ указаннаго выраженія до извѣстной степени можетъ проясниться изъ сопоставленія его съ подобными же выраженіями въ древне-славянскихъ памятникахъ. И прежде всего слѣдуетъ сравнить его съ тѣмъ мѣстомъ древняго житія Наума, гдѣ идетъ рѣчь о Маркѣ Дѣвольскомъ. Біографъ Наума говоритъ: **нже и такоже сего кліментъ оучєнікъ быкъ. Мѧрко єпископъ быкъ къ Дєволѣхѣ єпископїи. четыредєсѧтїи єпископъ къ словєнскїи єзыкъ бы Дєволы** [6]). Между житіемъ Наума и древне-славянскимъ житіемъ Климента, легшимъ въ основу его греческаго житія, существуетъ тѣсная связь, которая дѣлаетъ вполнѣ возможными два вывода въ отношеніи къ интересующему насъ выраженію. Во-первыхъ, въ *βουλγάρῳ γλώσσῃ* слѣдуетъ видѣть обычную подстановку вмѣсто *σθλοβενικῇ γλώσσῃ*; во-вторыхъ, греческое сочетаніе *βουλγάρῳ* (=*σθλοβενικῇ*) *γλώσσῃ ἐπίσκοπος*, это—то же, что въ житіи Наума **епископъ къ словѣнскїи єзыкъ**. Но что значитъ **языкъ** въ этомъ, характерномъ

[1]) *Голубинскій*, Кр. оч., 33.

[2]) Такую мысль придаютъ этому выраженію русскій переводъ *Меньшикова* и болгарскій—*Паревнія* и *Матова*; такъ думалъ и *Бильбасовъ* (К и М., II, стр. 361).

[3]) *Вороновъ*, Главн. ист., 200—201; *Новаковичъ*, стр. 55; *Балашевъ*, стр. XXXVII.

[4]) *Jagić*, Zur Entst., S. 62.

[5]) *П. А. Лавровъ*, Рецензія на Zur Entsteh, отд. отт, стр. 26.

[6]) Изд. *П. А. Лаврова*, стр. 6.

для древне-славянскаго языка, сочетаніи? Оно въ свою очередь напрашивается на сравненіе съ такими выраженіями, какъ оучитєли и пастꙑнꙑкы кѣры къ ꙑзꙑкъ свои (Жит. Кир.); радъ вдоу тамо, лиѣ имоуть боукы къ ꙑзꙑкъ свои (Жит. Кир.); сказаи кънигы къ ꙑзꙑкъ нашь (Жит. Меѳ.). Если епископь къ словѣньскїи єзꙑкъ напоминаетъ собою по способу выраженія пастꙑнꙑкы къ ꙑзꙑкъ свои или боукы къ ꙑзꙑкъ свои, то ясно, что интересующая насъ греческая фраза значитъ не то, что Климентъ дѣлается первымъ епископомъ *славянскаго происхожденія*, а то, что „Климентъ дѣлается первымъ епископомъ *славянскаго языка* (или—въ отношеніи славянскаго языка)", первымъ епископомъ, отправлявшимъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ и вообще культивировавшимъ славянскій языкъ въ литературѣ и церкви. Едва-ли даже Климентъ и могъ быть названъ въ житіи первымъ епископомъ славянскаго происхожденія, потому что изъ славянскаго народа выходили епископы и до него. Если древній біографъ Климента, его ученикъ и современникъ, могъ не знать о патріархѣ константинопольскомъ Никитѣ (766—780), родомъ славянинѣ (ἀπὸ Σκλάβων [1]), то ему, какъ лицу, хорошо освѣдомленному въ современныхъ національно-іерархическихъ отношеніяхъ, не могло остаться неизвѣстнымъ, что и въ самой Болгаріи въ концѣ царствованія Бориса былъ епископомъ славянинъ Сергій (Sergius Slavus), занимавшій каѳедру въ Бѣлградѣ на Дунаѣ [2]). Были, вѣроятно, и другіе епископы изъ славянъ до Климента, но по духу они не были его предшественниками. Они ничѣмъ не отличались отъ грековъ, были проникнуты духомъ византійской культуры и совершали службу на греческомъ языкѣ.

Славянскій языкъ въ богослуженіи былъ самымъ живымъ нервомъ юной болгарской церкви, сообщавшимъ ей живой характеръ. Этотъ національный принципъ въ церковной жизни сталъ пріобрѣтать особенную силу тогда, когда, наконецъ, и епископомъ, представителемъ высшей іерархіи, сдѣлался славянинъ, посвятившій всю свою жизнь славянскому просвѣщенію. Его заслуга передъ славянской народ-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Ѳеофанъ. См. *Иречекъ*, Ист. Сръба, стр. 168.

[2]) О немъ упоминаетъ папа Іоаннъ VIII въ письмѣ къ Борису 878 г. *Mansi*. Sacrorum concilior. collectio. t. XVII. c. 64.

ностью была для всѣхъ очевидна, и потому ему было присвоено еще названіе **Словѣнскыи єпископъ** [1]), какъ первому въ Болгаріи іерарху, писавшему, проповѣдывавшему, служившему на языкѣ славянскихъ массъ, систематически подготовлявшему для нихъ и весь славянскій клиръ. Благодаря Клименту, ряды славянскаго духовенства въ Болгаріи стали быстро увеличиваться, славянскій епископатъ сталъ расти. Въ глазахъ современниковъ и въ историческомъ воспоминаніи потомства онъ сдѣлался первымъ славянскимъ епископомъ приблизительно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ св. Константинъ Философъ пріобрѣлъ названіе **прьвааго наставьника и оучитела словѣньскоу языкоу** [2]).

Вмѣстѣ съ переходомъ Климента на епископскую каѳедру сузилась территорія его дѣятельности, но новая, невспаханная нива потребовала неменьшихъ трудовъ, чѣмъ и Кутмичивица. На новомъ мѣстѣ славянское населеніе оказалось еще менѣе просвѣщеннымъ и обученнымъ Слову Божію, чѣмъ въ юго-западной Болгаріи. И Климентъ, „не давая сна очамъ, ни вѣждамъ дреманія“, всѣми испытанными уже средствами старался изгонять въ народѣ невѣжество, укрѣплять вѣру и распространять славянское просвѣщеніе. Вводя славянское богослуженіе и воспитывая имъ народныя массы, онъ для этихъ цѣлей стремился всячески къ тому, чтобы славянскій клиръ стоялъ на высотѣ своего призванія: „научалъ клиръ церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопѣній и молитвъ, такъ что, наконецъ, клирики его епископіи (τῆς ἐπισκοπῆς) были ничѣмъ не ниже другихъ, славившихся въ этомъ родѣ, а скорѣе болѣе всѣхъ

[1]) См. надписанія проповѣдей его, напр., въ ркпп.—Тр.-Серг. Лавры № 12, л. 23 об.; Соф. Нар. библ. (въ Болг.) № 508, л. 42 об.; Львв. Нар. Дом. № 6, л. 99.

[2]) Надписаніе простр. житія св. Константина Философа. *Утен. въ Общ. Ист и Др. Р.*, 1863, кн. II, Паннонскія житія, стр. 3 и др. Къ этому нужно прибавить, что въ историческихъ преданіяхъ тщательно хранилось впослѣдствіи и имя перваго болгарскаго архіепископа изъ грековъ, занявшаго Охридскую каѳедру послѣ цѣлаго ряда архіепископовъ-славянъ около половины XI в.—Львв. Η *Βουλγάρῳ γλώσσῃ πρῶτος ἐπίσκοπος* въ примѣненіи къ Клименту напрашивается на сопоставленіе съ *πρῶτος ἐκ Ῥωμαίων* (въ Дюканжовомъ каталогѣ, *Gelzer*, Der Patriarchat von Achrida, 1902, Leipzig, S. 6) или *πρωτοπρόβλητος* (въ дѣяніяхъ Константинопольскаго собора 1156 г., *Голубинскій*, Кр. оч., стр. 41) въ примѣненіи ко Льву Охридскому.

украшались всѣми похвальными свойствами“ (XXI). Во время епископскаго же служенія, какъ, вѣроятно, и раньше, онъ занимался составленіемъ проповѣдей на всѣ праздники какъ риторическаго, такъ и безыскусственнаго характера. Послѣднія изъ нихъ, „простыя и ясныя, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченнаго, понятны были и для самаго простого болгарина“ (XXII). Они разсчитаны были на тѣхъ священниковъ, которые, выучившись только читать по гречески, не понимали греческихъ сочиненій, а ихъ содержаніе было приспособлено къ неразвитому сознанію новокрещеннаго народа. Благодаря Клименту, въ болгарскихъ храмахъ вмѣстѣ съ Евангеліемъ, молитвами и пѣснопѣніями на родномъ языкѣ раздалась совершенно удобопонятная проповѣдь, обличавшая язычество, громившая „дѣла сатанина, идоложертвія, братоненавидѣніе, клевету, татьбы, разбои, пьянство, клятвопреступленіе, волшебство“; услышались назидательныя повѣсти объ угодникахъ Божіихъ и подвижникахъ, которымъ нужно слѣдовать, „почитающе житія ихъ въ святыхъ (славянскихъ) книгахъ“ (Поуч. на пам. апост. и на воскр.).

Заботясь о духовномъ просвѣщеніи своей паствы, Климентъ былъ внимателенъ даже и къ успѣхамъ матеріальной культуры въ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ трудился. Некультивированная почва въ Болгаріи оставалась малопроизводительной, въ смыслѣ отсутствія плодородія и непригодности для пищи дикихъ растеній. „Такъ какъ во всей сторонѣ на почвѣ болгарской росли только дикія деревья и не доставало плодовъ, годныхъ для употребленія, онъ и это благодѣяніе даровалъ ей, вывезши изъ страны греческой всякаго рода садовыя деревья и сдѣлавши дикія растенія чрезъ прививаніе плодовитыми“ (XXIII). Изъ этого можно заключать, какъ широка была программа дѣятельности славянскаго просвѣтителя. „Такъ онъ заботился—говоритъ біографъ, характеризуя его труды—о пользѣ душъ и о томъ, чтобы всѣми способами расширить церковь Господню“ (XXIII).

Съ неуклонными усиліями взрастить національное самосознаніе и духовную культуру въ Болгаріи въ Климентѣ соединялись высокія личныя свойства, сообщавшія этимъ усиліямъ особенную жизнеспособность. Какъ показываютъ его сочиненія, онъ былъ очень начитанъ въ византійской духовной литературѣ. Но постоянное обращеніе съ книгой не при-

вело его къ оторванности отъ жизни. Въ немъ постоянно жила любовь къ ближнему. „Онъ былъ—картинно выражается житіе—отцомъ сиротъ и помощникомъ вдовъ, всѣми способами заботившимся о нихъ; дверь его всегда была открыта для всякаго бѣдняка, и странникъ не ночевалъ у него за воротами“ (XXI). Горячо преданный своему дѣлу, самоотверженный, день и ночь погруженный въ трудъ, онъ примѣромъ своей жизни, высотой своего духа пробуждалъ въ народѣ живыя христіанскія настроенія. Нельзя пройти молчаніемъ, что въ сферу его воспитательныхъ пріемовъ входило даже воздѣйствіе на эстетическія чувства недавнихъ варваровъ—болгарскихъ славянъ. Какъ видно изъ сочиненій Климента, онъ самъ способенъ былъ вдохновляться паѳосомъ религіозной лирики; по замѣчанію біографа, его плѣняла красота охридскаго монастыря (XXIV), расположеннаго на берегу, дѣйствительно, живописнѣйшаго въ мірѣ озера. Неудивительно, поэтому, что, строя храмы въ Охридѣ, онъ старался самой красотою зданій смягчить суровость своихъ духовныхъ чадъ (XXIII). Отчасти разсчитаны были на эстетическіе запросы слушателей также и его панегирики священнымъ лицамъ, написанные въ духѣ произведеній современной греческой поэзіи, и тѣ пѣснопѣнія на славянскомъ языкѣ, которыми онъ, по свидѣтельству простр. житія (Охр. сп.), наполнилъ болгарскіе храмы.

Всѣ эти черты дѣятельности и личности святителя объединяются въ высокій историческій образъ, который долженъ быть поставленъ на одну ступень съ величайшими іерархами восточной церкви.

Но наиболѣе цѣнное и индивидуальное историческое значеніе его состоитъ въ томъ, что весь подвигъ его жизни въ Болгаріи былъ самымъ важнымъ моментомъ въ образованіи здѣсь національной церкви и славянской духовной культуры. Къ этой цѣли въ его дѣятельности было направлено вліяніе школы, понятной книги, роднаго слова и живого примѣра. Славянской грамотой, проповѣдью и богослуженіемъ закрѣплены были самыя глубокія основы славянскаго національнаго самосознанія Македоніи и ославянившейся восточной Болгаріи, и не Клименту-ли въ очень значительной степени обязаны эти страны стойкостью своихъ національныхъ стремленій, проходящихъ чрезъ всю ихъ многостра-

дальную исторію? Если въ церковномъ воспоминаніи онъ чтится, какъ величайшій святитель славянской церкви, то въ историческомъ освѣщеніи онъ по праву оцѣнивается, какъ великій родоначальникъ болгарской культуры, стоящій рядомъ съ князьями Борисомъ и Симеономъ...

Трудился Климентъ до глубокой старости. Когда же прожитые годы и понесенные труды обезсилили его настолько, что онъ уже не въ силахъ былъ съ прежней энергіей заниматься дѣлами каѳедры, онъ обратился къ Симеону съ просьбой уволить его отъ архіерейскихъ обязанностей. Ему хотѣлось послѣдніе дни свои провести въ тиши монастырскаго уединенія, въ своей обители. Но для князя, высоко цѣнившаго святителя, было тяжело видѣть на величской каѳедрѣ другое лицо. Онъ убѣдилъ его посвятить и послѣдніе дни прежнимъ трудамъ, указывая на общую любовь къ нему со стороны клира и народа. И Климентъ изъявилъ готовность продолжать епископское служеніе. Изъ столицы, повидимому—для отдыха, онъ отправился въ Охриду въ свой монастырь. Но здѣсь вскорѣ его постигла болѣзнь. Впрочемъ, потребность дѣла, которую онъ постоянно носилъ въ себѣ, выразилась и въ это время въ переводѣ значительной части цвѣтной тріоди. Смерть Климента послѣдовала въ 916 году. Его тѣло было погребено въ построенномъ имъ Пантелеимоновскомъ монастырѣ, въ гробѣ, сдѣланномъ собственными его руками, по правую сторону трапезы (XXVII). По духовному завѣщанію, все имущество и книги почившаго были раздѣлены поровну между епископіей и монастыремъ (XXVI).

Канонизованъ былъ Климентъ очень рано, но не сразу послѣ смерти, потому что составитель житія Наума называетъ его только „блаженнымъ“, а не святымъ. Въ святцахъ Ассеманова Евангелія, памятника XI в., онъ уже упоминается, какъ святой [1]). Авторъ наличной редакціи простр. житія въ заключительной молитвѣ обращается къ св. Клименту съ словами: *εἰρήνην τῷ σῷ λαῷ χαριζόμενος, ἵνα σοι καὶ τὰς ἑορτὰς*

[1]) Первые болгарскіе святые канонизованы были сравнительно рано. Кромѣ Климента въ XI в. въ числѣ святыхъ уже почитался князь Борисъ. Ѳеофилактъ въ исторіи тиверіуп. мучениковъ говоритъ, что Богъ прославилъ останки князя Бориса. Въ житіи Климента Борисъ называется „освященнымъ княземъ“ (*ἡγιασμένος ἄρχων* XIX). Уже патр. Николай въ 25 письмѣ къ Симеону называетъ его отца „святымъ“ (см. ниже).

ὑστέρων ἐν πάσῃ ἐκκλησίᾳ (XXIX). Слѣдовательно, во время составленія житія чествованіе памяти Климента въ болгарской церкви уже существовало. Θеофилактъ кромѣ житія почтилъ его и службой.

Въ различныхъ памятникахъ и источникахъ память св. Климента пріурочивается къ нѣсколькимъ днямъ въ году. Въ Ассемановомъ Евангеліи, въ славянскомъ переводѣ краткаго житія [1]), въ греческой рукописной аколуѳіи Бодлева [2]), въ охридской храмовой надписи XIV вѣка [3]) имя Климента упоминается подъ 27 іюля, когда празднуется также память свв. седмичисленниковъ; въ надписаніи краткаго житія, найденнаго Григоровичемъ въ греч. минеѣ XIII в.—подъ 26 или 27 іюня [4]). Но московпольское изданіе греческихъ службъ и изданныя Баласкевымъ славянскія службы въ заглавіи своемъ пріурочены къ 25 ноября. Наконецъ, въ изданіяхъ Аѳанасія Паросскаго и синаксаристѣ святогорца Никодима, а за нимъ и у Дукакиса, житіе Климента помѣщается подъ 22 ноября [5]).

Если, по свидѣтельству простр. житія, погребеніе святителя состоялось 27 іюля, то отсюда понятно, почему этотъ день преимущественно привлекъ къ себѣ церковное воспоминаніе о святителѣ: этотъ день празднуется, какъ день смерти его. 26 или 27 іюня явилось вслѣдствіе смѣшенія съ 27 іюля Пріуроченіе памяти Климента къ 25 ноября произошло не потому, что, какъ объяснялось иногда, этотъ день былъ днемъ рожденія его [6]), но вслѣдствіе обычая относить воспоминанія о новыхъ святыхъ къ днямъ чествованія одно-

---

[1]) *Баласкевъ*, К. С., кѣ; *Й. Ивановъ*, Вълг. стар., стр. 60.

[2]) *Баласкевъ*, К. С., стр. ѧ.

[3]) *Εἰς ὄνομα τοῦ ἁθέντου ἡμῶν θαυματουργοῦ μεγάλου ἀποστόλου Κλήμεντος... μηνὶ ἰουλίῳ κζ'* (27). *Μαργαρίτης Γ. Λημπιτσης* въ соч. *Μακεδονικὰ μέρος γ'...*, стр. 581.

[4]) Оч. путеш., изд. 2, стр. 156, и *Ж. м. н. пр.* 1847, ч. 53, стр. 14.

[5]) Однако, въ изданіяхъ *Никодима* и *Дукакиса* есть оговорка, что въ рукописномъ синаксаристѣ, который хранился въ Протатѣ (аѳонскомъ), память Климента помѣщена подъ 27 іюля.

[6]) Въ одной греческой рукописной минеѣ XIV в., принадлежащей Британскому музею, подъ 25 ноября замѣчено: *τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ τὴν γέννησιν ἑορτάζομεν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ θαυματουργοῦ Κλήμεντος ἐπισκόπου Βουλγαρίας τοῦ ἐν τῇ Ἀχρίδι.* Тамъ же прибавлено, что 27 іюля празднуется успеніе его. *Delehaye*, Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae—Propylaeum ad A. SS. Bruxellis 1902, Novembr., p. 255.

именныхъ древнихъ святыхъ или даже просто вслѣдствіе смѣшенія Климента Величскаго съ Климентомъ, папою Римскимъ, память котораго празднуется въ этотъ день. Такое смѣшеніе встрѣчается и въ надписаніи поученій славянскаго проповѣдника въ нѣкоторыхъ спискахъ ихъ. Такъ, въ сборн. Чудова мон. XVI в. № 62 (264) похвала на Успеніе Божіей Матери надписывается именемъ „Климента, епископа Римскаго“ [1]). Что же касается изданій Аѳанасія Паросскаго и синаксариста Никодима, то они связываютъ память Климента съ 22 ноября, вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія этого числа съ 25. При этомъ нужно замѣтить, что въ болгарской церкви Климентъ, дѣйствительно, чествовался два раза въ годъ—27 іюля и 25 ноября,—и только недавно охридскій (впослѣдствіи битольскій) митрополитъ Григорій положилъ конецъ двукратному празднованію, оставивъ для чествованія лишь 27 іюля [2]).

III. Обстоятельства развитія славянскаго просвѣщенія въ Болгаріи въ концѣ IX и началѣ X столѣтій и участіе въ немъ св. Климента.

Предыдущее изложеніе показало, что дѣятельность св. Климента въ Болгаріи была однимъ изъ самыхъ живыхъ источниковъ славянскаго просвѣщенія въ царствованіе Бориса и Симеона, какъ въ смыслѣ развитія здѣсь славянской грамотности и книжности, такъ и въ смыслѣ примѣненія ихъ къ потребностямъ болгарской церкви и культуры. До сихъ поръ отдѣльныя подробности изъ области книжныхъ и писательскихъ трудовъ святителя затрагивались и освѣ-

---

[1]) *Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р.*, 1889, III, стр. 14.

[2]) Такимъ образомъ, самый законный день памяти св. Климента—27 іюля. О разныхъ дняхъ, къ которымъ пріурочивались воспоминанія о святителѣ, см. еще: *Еп. Филаретъ*, Ист. уч. объ отц., т. III, стр. 380; *онъ же*, Святые южн. славянъ, 2, стр. 38—39; *Прибавленія къ Херсонскимъ Епарх. Вѣдомостямъ*, 1861, ч. IV, стр. 373 (статья: „Св. Климентъ, Архіепископъ Болгарскій“ неизвѣстнаго автора); *Арх. Сергій*, Мѣсяцесловъ Востока [2], II, 1901, Владиміръ, стр. 225, 226, 362, 288.

щались нами въ связи съ общей біографіей его. Теперь, для полноты представленія дѣла, остается объединить эти подробности, дополнить ихъ еще неуказанными нами данными изъ той же сферы и всю просвѣтительную дѣятельность Климента, какъ труженика письменности, освѣтить по возможности въ причинной и хронологической связи съ обстоятельствами древнѣйшаго періода славянскаго просвѣщенія въ Болгаріи.

Уже было показано, что во всей своей дѣятельности Климентъ руководился главнымъ образомъ практической идеей—создать и воспитать въ Болгаріи славянскую церковь. Понятіе всякой національной церкви, органически входящей въ то же время въ церковь вселенскую, опредѣляется соединеніемъ трехъ признаковъ: богослуженія на понятномъ народу національномъ языкѣ, іерархіи, вышедшей изъ націи, образующей церковь, и независимаго ни отъ какой другой церкви высшаго церковнаго управленія. Если не считать послѣдняго признака, который чаще всего зависитъ отъ политическаго состоянія страны, два первые возможны подъ условіемъ одновременнаго существованія большей или меньшей степени національнаго просвѣщенія, имѣющаго въ своей основѣ народный или близкій къ народному пониманію языкъ. Въ царствованіе Бориса и Симеона болгарская церковь получила славянское богослуженіе и славянскую іерархію,—и эта реформа осуществлялась параллельно съ развитіемъ здѣсь славянской письменности. Отсюда исторія послѣдней должна быть разсматриваема въ неразрывной связи съ исторіей введенія славянской литургіи и іерархіи, тѣмъ болѣе, что всѣ эти пріобрѣтенія Болгаріи въ совокупности составляли и предметъ дѣятельности Климента.

Было бы ошибкой думать, что до перехода Климента въ Болгарію здѣсь была совершенно неизвѣстна славянская письменность. Въ современномъ, почти уже общепринятомъ, рѣшеніи вопроса о родинѣ церковно-славянскаго языка существуетъ нѣкоторое противорѣчіе. Согласно свидѣтельству простр. житій Константина и Меѳодія, поводомъ для изобрѣтенія ими славянскихъ письменъ считается посольство Ростислава въ Константинополь, и вся дѣятельность славянскихъ первоучителей пріурочивается къ Моравіи и Панноніи. Но, съ другой стороны, изученіе церковно-славянскихъ

памятниковъ, а также изслѣдованіе средне-болгарскаго языка, македонскихъ и болгарскихъ говоровъ дѣлаютъ все болѣе и болѣе несомнѣнной македонскую теорію, по которой церковно-славянскій языкъ есть нарѣчіе македонскихъ славянъ, возведенное Кирилломъ и Меѳодіемъ на степень литературнаго языка [1]). Такимъ образомъ, историческія свидѣтельства направляютъ поиски родины ц.-славянскаго языка совсѣмъ въ другую мѣстность, чѣмъ лингвистическія наблюденія. Выходъ изъ этого противорѣчія подсказывается паннонскими житіями, которыя говорятъ, что начало переводу книгъ св. Писанія было положено св. Кирилломъ еще до путешествія въ Моравію въ Константинополѣ, слѣдовательно—на основаніи хорошо извѣстнаго первоучителямъ македонско-славянскаго нарѣчія. Получается, что для книжнаго просвѣщенія одного славянскаго народа первоучители воспользовались языкомъ родственнаго ему другого, но этотъ послѣдній въ теченіе четверти вѣка, до прихода на югъ учениковъ Меѳодія, оставался вдали отъ создавшагося такимъ образомъ просвѣщенія.

Дѣйствительно, свв. Константинъ, Меѳодій и Климентъ съ другими „споспѣшниками“ перенесли въ Моравію и Панноніо свое македонское нарѣчіе, какъ основу литературнаго языка, и, по требованію мѣстныхъ условій, приняли въ этотъ языкъ моравскіе слова, выраженія и обороты. Этимъ объясняется наличность въ большей или меньшей степени моравскихъ элементовъ въ языкѣ нѣкоторыхъ древне-славянскихъ памятниковъ при очевидной южно-славянской основѣ ихъ.

Но возможно-ли допустить, чтобы въ то самое время, когда македонскіе учители трудились сначала въ Византіи, а потомъ въ Моравіи и Панноніи надъ приспособленіемъ маке-

---

[1]) Старыя и новыя мнѣнія по вопросу о родинѣ церковно-славянскаго языка приведены въ книгѣ *ак. Ягича*—Zur Entstehungsgesch. d. kirchenslav. Sprache; дополненія—въ рецензіяхъ на этотъ трудъ проф. *П. А. Лаврова, Изв. отд. р. яз. и сл.*, т. VI—I, и проф. *С. М. Кульбакина, Ж. М. Н. Пр.* 1901, ч. 334, стрр. 468—478. Македонской или болгарской теоріи съ ея варіаціями придерживались—Востоковъ, Добровскій, Шафарикъ (отчасти), Бодянскій, П. С. Билярскій; изъ новѣйшихъ ученыхъ въ защиту ея высказываются И. В. Ягичъ, А. И. Соболевскій, проф. Облакъ, П. А. Лавровъ, В. Н. Щепкинъ, С. М. Кульбакинъ и нѣк. другіе.

донскаго нарѣчія къ цѣлямъ славянскаго просвѣщенія,— ихъ славянскіе соотечественники были оставлены ими совершенно въ сторонѣ? Можно-ли думать, чтобы въ то время, когда среди западныхъ славянъ уже существовала славянская письменность и совершалось общественное богослуженіе на славянскомъ языкѣ, южные и особенно македонскіе славяне, живые носители этого языка, были вполнѣ равнодушны къ столь близкой имъ грамотѣ и литургіи?

Правда, паннонскія житія пріурочиваютъ всю славянскую дѣятельность свв. братьевъ къ Моравіи и Панноніи и ничего не говорятъ о распространеніи ея на византійскихъ славянъ. Но значеніе этого молчанія, на нашъ взглядъ, сильно преувеличено въ кирилло-меѳодіевской литературѣ [1]). Паннонскія житія, какъ и другіе аналогичные памятники, сообщаютъ о тѣхъ историческихъ фактахъ, которые опредѣлились передъ современниками во всей своей конкретности и законченности, но они не объясняютъ намъ органической постепенности въ развитіи славянской грамотности. Моравская миссія была событіемъ большой государственной и церковной важности, сразу же отразившимся замѣтными послѣдствіями на Западѣ и Востокѣ. Между тѣмъ распространеніе славянской грамоты среди славянъ византійскихъ могло осуществляться совсѣмъ инымъ путемъ, оно могло быть дѣломъ не государственнымъ, а народнымъ и не носить на себѣ систематическаго характера. Безъ такихъ геніальныхъ руководителей, какими были свв. братья, ихъ грамота, во время ихъ дѣятельности на западѣ, могла распространяться на югѣ тихо, чуть замѣтно, благодаря на-

[1]) *Шафарикъ* въ „Слав. древностяхъ“ и *Водянскій* въ книгѣ „О времени происх. слав. письм.“ (стр. 355) допускали непосредственное участіе Константина и Меѳодія въ обращеніи Болгаріи. *Проф П. А. Лавровъ* въ рецензіи на упомянутый трудъ Ягича говоритъ: „Когда теперь полагаютъ, что Кириллъ и Меѳодій ранѣе этого призыва (въ Моравію) для славянъ византійской имперіи и Болгаріи ничего не сдѣлали, священнаго писанія не переводили и литургіи на слав. яз. не установляли, является страннымъ, на чемъ же основывались надежды Ростислава. При настоящемъ взглядѣ на ходъ дѣла приходится отвергать точную дату Храбра о изобрѣтеніи алфавита въ 855 г.... Невольно рождается сомнѣніе, не придается-ли въ данномъ случаѣ вѣры разсказу житія Кирилла больше, чѣмъ бы это слѣдовало“ (стр. 245—246).

стойчивымъ потребностямъ исторической жизни. Въ такомъ случаѣ неудивительно, еслибы біографъ св. братьевъ и не внесъ этого факта въ лѣтопись ихъ жизни.

Но если вчитаться пристальнѣе въ тѣ строки житія Кирилла, гдѣ рѣчь идетъ объ обстоятельствахъ изобрѣтенія славянскаго алфавита и началѣ перевода книгъ, нетрудно видѣть, что въ нихъ скрывается что-то недоговоренное. На предложеніе царя отправиться къ мораванамъ Константинъ отвѣчалъ: „я слабъ тѣломъ и боленъ, но радъ идти туда, если они имѣютъ буквы (=книги) на своемъ языкѣ“ [1]). Царь сказалъ на это: „дѣдъ мой и отецъ мой и *иные многіе*, искавши этого, не обрѣли; какъ я могу обрѣсть?“ Философъ сказалъ: „кто же можетъ писать бесѣду на водѣ или еретическое имя себѣ обрѣсти?“ Царь оставилъ безъ отвѣта и тотъ, и другой вопросъ и только, вмѣстѣ съ Вардою, уклончиво сказалъ: „если ты захочешь, то можетъ дать тебѣ это Богъ“... Философъ согласился идти къ мораванамъ и, послѣ молитвы Богу съ братомъ Меѳодіемъ и другими споспѣшниками, составилъ славянскія письмена и началъ писать евангельскія слова (XIV). Весь этотъ разсказъ, понятый буквально, представляетъ собою, разумѣется, сокращеніе исторической перспективы: изобрѣтеніе алфавита и созданіе литературнаго языка—дѣло слишкомъ сложное, чтобы его даже такой геніальный человѣкъ, какъ Константинъ Философъ, могъ выполнить такъ вдругъ и притомъ — подъ вліяніемъ совершенно случайнаго повода. Но, съ другой стороны, въ приведенныхъ словахъ есть нѣсколько очень любопытныхъ намековъ, изъ которыхъ узнаемъ, во-первыхъ, что дѣдъ (Михаилъ II Травлъ) и отецъ Михаила III (Ѳеофилъ III) и многіе другіе были озабочены мыслью объ изобрѣтеніи для славянъ грамоты; во-вторыхъ, что Константинъ обнаружилъ полную готовность послужить славянскому просвѣщенію, какъ такому дѣлу, которое уже ему было близко; въ-третьихъ, что ему приходилось считаться съ опасностью пріобрѣсти за славянскіе переводы обвиненіе въ ереси. Воспоминаніе

[1]) Константинъ, разумѣется, не могъ не знать, что у мораванъ не было своей письменности. Своимъ замѣчаніемъ онъ подчеркиваетъ необходимость для миссіи славянскаго алфавита.

Михаила III о своемъ отцѣ и дѣдѣ, если даже оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что византійская политика въ отношеніи къ славянамъ въ IX в. складывалась въ благопріятномъ для нихъ направленіи, въ смыслѣ признанія ихъ національныхъ запросовъ для мирнаго привлеченія ихъ къ имперіи. Упоминаніе Кирилла объ опасности пріобрѣсть еретическое имя относится не только къ западной церкви, но и къ византійской, въ нѣдрахъ которой тоже были теченія, неблагопріятствовавшія переводамъ священныхъ книгъ на національные языки. Если нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ смерти Кирилла, какъ видно изъ Сказанія черноризца Храбра, понадобилась защита славянской грамотности въ виду нападокъ на нее со стороны грековъ [1]), то отсюда слѣдуетъ, что едва-ли такихъ нападокъ могъ избѣжать отъ своихъ современниковъ и самъ родоначальникъ ея [2]). Не заключается-ли, поэтому, въ словахъ Философа не столько опасеніе относительно будущаго, сколько намекъ на прошлое, на тѣ преграды, которыя ему поставлены были греческимъ духовенствомъ при попыткахъ просвѣтить славянской грамотой византійскихъ славянъ? Если это такъ, то намъ представляется въ высшей степени вѣроятной мысль, что славянская грамота, изобрѣтенная св. Кирилломъ, начала распространяться еще до моравской миссіи и одновременно съ ней и въ средѣ византійскихъ славянъ. Но только она вначалѣ не получила здѣсь признанія и не пользовалась покровительствомъ со стороны греческаго духовенства. Съ

---

[1]) Черноризецъ Храбръ полемизируетъ не противъ западнаго духовенства, а противъ грековъ. Это ясно видно изъ того, что онъ сравниваетъ славянскую азбуку не съ латинской, а съ греческой, доказывая, что 1) однихъ греческихъ буквъ недостаточно для выраженія всѣхъ славянскихъ звуковъ и 2) что славянскія письмена почтеннѣе и святѣе греческихъ, потому что ихъ изобрѣлъ мужъ святой, а греческія письмена изобрѣтены язычниками.

[2]) Сохранилось позднее преданіе, записанное нашимъ Арсеніемъ Сухановымъ со словъ монаховъ одного сербскаго монастыря, которые ему разсказывали, что Кириллъ Философъ много потерпѣлъ отъ грековъ за славянскую азбуку и переводы, что онъ чуть не былъ убитъ и поэтому долженъ былъ довершать свое дѣло въ пользу славянства въ Моравіи. Сборн. Солов. библ. № 897, л. 2—3. *Правосл. Собесѣдникъ*, 1885, ч. I, стр. 371.

этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ себѣ объясненіе и переводъ книгъ на языкъ македонскихъ славянъ и причина, по которой у Ростислава, моравскаго князя, явилась мысль обратиться за славянской грамотой въ Византію (отъ кась ко нѣ кса страны късегда добрыи законъ исходить (XIV)—писалъ Ростиславъ Михаилу III послѣ совѣта съ князьями своими), равно какъ и недостатокъ опредѣленности въ сообщеніяхъ біографа Кирилла относительно обстоятельствъ изобрѣтенія алфавита и перевода книгъ.

Заключенія, выведенныя нами изъ житія Константина, находятъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ данныхъ. Потребность для византійскихъ славянъ въ грамотѣ, сознанная, по словамъ біографа Кирилла, даже императорами, живо ощущалась и самими славянами. Это видно изъ свидѣтельства Храбра, по которому они вначалѣ пользовались чертами и рѣзами, а затѣмъ алфавитами греческимъ и латинскимъ. Распространеніе христіанства и открытіе цѣлыхъ епископій спеціально для славянъ должны были обязательно, по обычаю не только восточной, но даже и западной церкви, сопровождаться организованнымъ введеніемъ на славянскомъ языкѣ молитвъ, символа вѣры, катехизическихъ наставленій, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ славяне соприкасались съ готами, имѣвшими на своемъ языкѣ священныя книги, и видѣли предъ собой примѣръ богослужебнаго употребленія народнаго языка. Въ этомъ случаѣ крестившіеся славяне никакъ не могли обойтись безъ записей и пользовались, разумѣется, алфавитомъ греческимъ. Но то было письмо неупорядоченное. Тѣмъ цѣннѣе оказалась для нихъ грамота солунскихъ братьевъ, которые не могли не принять въ разсчетъ и предыдущихъ опытовъ приспособленія греческаго письма къ славянской рѣчи. Меѳодій близко приглядѣлся къ нуждамъ славянства въ періодъ своего служенія въ „княженіи словѣнскомъ“; можетъ быть даже онъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ Фотія въ приготовленіи къ христіанству сосѣднихъ болгаръ. О св. Константинѣ его „Успеніе“ послѣ упоминанія о преніи его съ Анніемъ говоритъ: потомъ же шьдъ къ брѣгълиницѣ и обрѣте ѿ словѣньскаго єзыка нѣколико нєкрѣщєнъ крѣтникъ привє на прокослѣдованию кѣрк. и написавъ имь книги словѣньскыимь єзыкомь. и сѣ же обратникъ на кѣрк христіанъскъ. (Л. н. (4050). Въ „Успеніи Кирилла“ только замѣтка относительно болгарскаго происхо-

жденія славянскаго просвѣтителя есть позднѣйшая вставка: въ остальномъ же этотъ памятникъ заслуживаетъ полнаго вниманія къ себѣ. Очень возможно, что и сообщеніе о дѣятельности Кирилла въ Брѣгальницѣ соотвѣтствуетъ факту дѣйствительнаго ранняго распространенія здѣсь славянской грамоты, тѣмъ болѣе, что съ этой мѣстностью тѣсно связывается появленіе христіанства и грамоты въ древнѣйшую пору и въ легендарныхъ произведеніяхъ, которыя могутъ хранить слѣды забытой исторіи (Солунская легенда, Видѣніе Исаіи [1]).

До сихъ поръ мы говорили о славянахъ византійскихъ. Но въ то время, когда свв. братья уже трудились въ Моравіи, а можетъ быть—и незадолго до ихъ отправленія туда, Македонія съ прилегающими византійскими областями перешла во власть Болгаріи, и зачатки славянской письменности мало-по-малу стали распространяться и на болгарской почвѣ. Въ восточной Болгаріи, гдѣ успѣхи христіанства были менѣе значительны, чѣмъ въ западной, а населеніе не было чисто-славянскимъ, данныхъ для распространенія славянскаго письма было меньше. Какъ показываютъ старо-болгарскія надписи, до распространенія славянскаго алфавита и здѣсь находило себѣ примѣненіе греческое письмо [2]). Въ славянскомъ богослуженіи вначалѣ послѣ принятія болгарами христіанства здѣсь даже не ощущалось особенно сильной потребности. За все время борьбы Византіи съ Римомъ изъ-за Болгаріи ни разу не возбуждался вопросъ о славянскомъ богослуженіи въ послѣдней [3]). Сами болгары просили папу

---

[1]) Въ Солунской легендѣ Кириллъ говоритъ: „поеше мене българе съ радостиѭ великоѭ и приведоше ме въ градъ Равьнь на рѣцѣ Брѣгальницѣ“ (*Бильбасовъ*, II, стр. 219). Въ Видѣніи Исаіи есть сообщеніе о томъ, что Борисъ построилъ „бѣли црькви на Овчи поли“ (*Споменикъ* Сербск. Акад., III (1890), стр. 193—194). Въ одной болгарской лѣтописи читаемъ: „тьи царь (Борисъ) крьсти всу землю бльгарскую и създа црькви по земли бльгарстѣи, и на рѣцѣ Брѣгалници и тоу прiемь царство, на Овчи поли създа бѣли црькви“ (Ib., стр. 191). Въ настоящее время „Овчимъ полемъ“ называется равнина на сѣверъ отъ Щипа, между Брѣгальницей и Пшиней (*Период. Спис.*, 55—56, стр. 263), въ древности эта область была обширнѣе (Сборниче на юбилея М. С. Дринова, София, 1900, стр. 108).

[2]) *Изв. Р. Арх. Инст. въ К—лѣ*, X, стр. 219.

[3]) *Голубинскій*, Кр. оч., 254.

въ 866 году о присылкѣ къ нимъ, взамѣнъ изгнаннаго греческаго духовенства, священниковъ латинскихъ. Никакихъ намековъ на славянское богослуженіе нѣтъ и въ отвѣтахъ папы на вопросы болгаръ.

Однакожъ, существовало не мало благопріятныхъ возможностей для ознакомленія съ славянской грамотой и въ восточной Болгаріи. Слабая волна славянской грамоты двигалась въ область Болгаріи не только со стороны Македоніи, но и изъ сосѣдней Моравіи—отчасти черезъ торговыя сношенія между Болгаріей и Моравіей [1]), отчасти черезъ случайныя встрѣчи болгарскихъ дѣятелей съ моравскими. Въ 868 году, какъ разъ въ то время, когда въ Римѣ были свв. братья, сюда прибыло изъ Болгаріи посольство, во главѣ котораго стоялъ княжескій родственникъ Петръ [2]). Ему, такимъ образомъ, представилась возможность быть свидѣтелемъ пріема Константина и Меѳодія въ Римѣ, можетъ быть—посвященія ихъ учениковъ и совершенія службы на славянскомъ языкѣ [3]). Самъ Меѳодій, незадолго до своей смерти посѣтившій Константинополь, по дорогѣ едва-ли оставилъ въ сторонѣ и Болгарію [4]), и слѣдовательно, какъ свидѣтельствуетъ житіе Климента, дѣйствительно, могъ оказать на Бориса воздѣйствіе своимъ поученіемъ и въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни. Поэтому и Климента Борисъ встрѣтилъ, какъ желаннаго гостя.

Такимъ образомъ, историческія данныя ясно говорятъ за то, что нѣкоторое знакомство съ славянской грамотой до прихода Климента въ Болгарію существовало, хотя и не въ одинаковой степени, и въ восточной, и въ западной половинѣ ея. Но интересъ къ ней и основанія для дальнѣйшаго развитія ея здѣсь и тамъ исходили не изъ одинаковаго источника: на западѣ ея развитіе оказалось болѣе живымъ, болѣе народнымъ дѣломъ, чѣмъ на востокѣ, гдѣ оно культивировалось сознательной княжеской политикой, стреми-

---

[1]) *Rambeaud*, L'empire grec, p. 328.

[2]) *Mansi* Conc. collectio, t. XV, Hadriani papae vita, c. 814.

[3]) Соображенія о совпаденіи пребыванія въ Римѣ Константина и Меѳодія и Петра—у *Малышевскаго*, Кир. и Меѳ., стр. 154—155.

[4]) Соображенія о посѣщеніи Меѳодіемъ Болгаріи во время путешествія въ Константинополь—у *Ягича*, Zur Entstehungsg., I, S. 42, а также у *Ритига*, Povijest i pravo slov., I, стр. 80 сл. См. выше, стр. 120, примѣч.

вшейся къ тому, чтобы дать окончательный перевѣсъ въ государствѣ славянскому элементу и сдѣлать Болгарію духовно независимой отъ Византіи и Рима.

Когда Климентъ явился въ Болгарію, на всемъ протяженіи ея, какъ и въ современной Кроаціи и Далмаціи, богослужебнымъ языкомъ былъ языкъ греческій. Въ письмахъ папы Іоанна VIII, написанныхъ въ 878 и слѣдующихъ гг., рѣчь идетъ только о греческой іерархіи, которая по собственнымъ побужденіямъ едва-ли бы стала заботиться о славянской реформѣ богослуженія [1]). По словамъ житія Климента, при немъ многіе болгарскіе священники умѣли читать греческія книги, не понимая ихъ значенія (XXII). Такое знаніе богослужебнаго языка имъ было нужно, разумѣется, только для цѣлей богослужебныхъ. Современникъ Климента—Константинъ Болгарскій въ своемъ „Прогласѣ", развивая мысль о значеніи для славянъ слова Божія, переведеннаго на ихъ родной языкъ, говоритъ: ...да не оумь имоуще нерадѣоущихь. тоужнимь ѥзыкомь слышеще слово, ако мѣдни ѯкоы гласъ сышите" [2]). Чуждый языкъ, это—языкъ греческій, отъ котораго при Константинѣ богослужебная практика переходила къ удобопонятному языку славянскому.

Когда Климентъ сдѣлался душой всего дѣла введенія славянскаго богослуженія,—самымъ важнымъ, если только не исключительнымъ центромъ, откуда оно стало распространяться по всей Болгаріи при Борисѣ, оказалась юго-западная Македонія. Судя по житію Климента, Охрида и ея окрестности были мѣстомъ, гдѣ впервые начало систематически совершаться на народномъ языкѣ богослуженіе. Очень рано, еще въ царствованіе Бориса, оно было введено и въ сѣверо-восточной Македоніи, гдѣ въ населеніи уже и раньше существовала просвѣтительная традиція св. Константина. Въ извѣстномъ сказаніи о тиверіупольскихъ мученикахъ, въ основѣ котораго лежитъ славянскій источникъ, есть любопытная подробность: когда мощи тиверіупольскихъ святыхъ, по повелѣнію Бориса, были перенесены въ Брѣгальницу и въ священныхъ ракахъ были поставлены въ храмѣ, построен-

[1]) *Jaffé*, Regesta rom. pontific., p. 272, №№ 2360 и 2361.

[2]) Изд. у *А. И. Соболевскаго,* Матеріалы и изслѣд. въ области слав филол., стр. 20.

номъ въ честь этихъ мучениковъ, то „былъ опредѣленъ и клиръ къ этому святому храму, обученный богослуженію на болгарскомъ (=славянскомъ) языкѣ (*βουλγάρων γλώττῃ τὰ θεῖα πεπαιδευμένος*), чтобы онъ состоялъ при немъ и всегда совершалъ священныя пѣснопѣнія“ [1]). Намъ неизвѣстно точно, къ какому году царствованія Бориса относится это событіе, но несомнѣнно, оно могло состояться тогда, когда, благодаря Клименту, въ сосѣдней области уже появились и славянскія книги, и подготовленные люди. Но оно произошло вскорѣ послѣ введенія славянскаго богослуженія въ Охридѣ, или даже одновременно съ нимъ, потому что о славянской службѣ въ Брѣгальницѣ упоминается, какъ о чемъ-то достопримѣчательномъ, новомъ для того времени. Разсматривая совмѣстно два отмѣченныхъ момента совершенія славянскаго богослуженія, мы видимъ, что оно изъ Охриды еще при Борисѣ распространилось по Македоніи и двигалось на востокъ.

Постепенность, съ которой осуществлялась идея Бориса и Климента, находилась въ зависимости отъ постепеннаго приготовленія клира и славянскихъ богослужебныхъ текстовъ. Уже было показано выше, что Климентъ организовалъ славянскую школу своихъ учениковъ, которая широкой сѣтью раскинулась по Македоніи и даже восточной Болгаріи. Эта школа дала болгарской церкви не только первый славянскій клиръ, но и первыхъ епископовъ, какъ видно изъ примѣра Марка Дѣвольскаго, ученика Климента, четвертаго славянскаго епископа въ Болгаріи.

Славянскіе переводы литургическихъ текстовъ были перенесены въ Болгарію изъ Моравіи. По мѣрѣ развитія славянскаго богослуженія на новомъ мѣстѣ дѣятельности Климента понадобились многочисленные списки и даже новые переводы богослужебныхъ книгъ, на что косвенно указываетъ уцѣлѣвшее разнообразіе древнихъ славянскихъ текстовъ Св. Писанія и даже евангельскихъ чтеній. И опять однимъ изъ главныхъ центровъ, откуда распространяются новые списки и переводы, является Македонія. Житіе Климента между прочимъ сообщаетъ, что незадолго до смерти, отдыхая въ Охридскомъ монастырѣ, онъ „далъ церквамъ

[1]) *Migne*, Patrol., gr., t. 126, § 42.

болгарскимъ прощальный даръ, состоящій въ прибавленіи къ Тріоди того, чего въ ней не доставало,—именно все, что поется отъ недѣли Новой до самой Пятидесятницы, докончилъ онъ въ это время" (XXVI). Здѣсь рѣчь идетъ не о перепискѣ греческаго текста Тріоди, какъ думалъ Голубинскій [1]), уже потому, что трудъ Климента былъ δῶρον ταῖς Βουλγάρων ἐκκλησίαις, а не одной какой-нибудь церкви. Заботясь о полнотѣ богослужебнаго круга, Климентъ подъ конецъ жизни сдѣлалъ славянскій переводъ Тріоди, нужный для всѣхъ церквей какъ западной, такъ и восточной Болгаріи. Но въ этомъ сообщеніи есть и другая интересная для насъ сторона. Если значительная часть Цвѣтной Тріоди появилась въ славянскомъ переводѣ только передъ смертью Климента, во второй половинѣ царствованія Симеона, то, слѣдовательно, раньше богослуженіе отъ недѣли Ѳоминой до недѣли всѣхъ святыхъ совершалось по какой-то другой книгѣ. По свидѣтельству житія Константина, онъ въ Моравіи перевелъ „весь церковный чинъ": утреню, часы, вечерню, повечеріе и тайную службу, т. е. литургію. Изъ свидѣтельствъ этого же житія, а также изъ житія Меѳодія дѣлается заключеніе, что свв. братьями были переведены: чтенія изъ Евангелія и Апостола, Псалтирь, Паремейникъ, Часословъ, Октоихъ Дамаскина, Служебникъ и Требникъ. Однако, едва-ли необходимо думать, что всѣ эти книги явились въ переводѣ сразу—цѣликомъ и въ отдѣльности. Примѣръ Тріоди заставляетъ предполагать противное. Нѣкоторыя богослужебныя книги, какъ Тріоди—постная и цвѣтная или Минея Общая, въ IX в. не были введены во всеобщее употребленіе и въ греческой церкви [2]). Въ послѣдней издавна существовали особые сборники или „панѳекты", въ которые входили извлеченія изъ разныхъ богослужебныхъ книгъ, въ объединенномъ видѣ достаточныя для совершенія службъ въ теченіе всего года. То обстоятельство, что въ продолженіе полстолѣтія отъ начала собственной письменности славяне обходились безъ Цвѣтной Тріоди, ведетъ къ мысли, что у нихъ не было на первыхъ порахъ и другихъ богослужебныхъ книгъ, безъ которыхъ

[1]) Свв. Конст. и Меѳ., стр. 56.

[2]) *Преосв. Макарій*, Исторія христіанства въ Россіи до равноап. кн. Владиміра, СПБ. 1846, стр 224.

легко можно было обойтись. Этотъ недостатокъ восполнялся особыми богослужебными сборниками на славянскомъ языкѣ, аналогичными греческимъ панѳектамъ. Ими довольствовались славянскія церкви въ Моравіи и Болгаріи.

Что же это были за сборники, и можно-ли о нихъ въ настоящее время составить хотя бы приблизительное представленіе? Въ ряду другихъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ обращаетъ на себя вниманіе своимъ приспособленіемъ къ цѣлому годичному кругу Общая Минея. По составу и происхожденію эту книгу до нѣкоторой степени слѣдуетъ считать славянской. Хотя большая часть составляющихъ ее послѣдованій есть и на греческомъ языкѣ, но они тамъ помѣщаются при Аѳологіи и не составляютъ особой книги. Это—службы общія на праздники Богородицѣ, пророку, апостолу, святителю, преподобному, мученику и т. д. Къ этимъ общимъ чинамъ въ славянской Общей Минеѣ присоединены и другіе, какихъ нѣтъ въ греческомъ Аѳологіи и какіе внесены сюда изъ Миней мѣсячныхъ (службы Предтечѣ, Кресту, ангеламъ и др. [1]). Въ старопечатныхъ изданіяхъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ Общей Миней въ „Сказаніи книзѣ сей“ составленіе ея приписывается Кириллу Философу, „учителю словеномъ и болгаромъ“ [2]). И одинъ изъ историковъ русской церкви, преосв. Макарій, на основаніи этого, хотя и „поздняго свидѣтельства“, усвояетъ *твореніе и собраніе* Общей Миней, дѣйствительно, св. Кириллу [3]). Но кромѣ той редакціи ея, которая представлена старопечатными изданіями и большинствомъ древнихъ списковъ ея, есть еще другая редакція, болѣе пространная, представленная, съ разными варіаціями, двумя списками: одинъ изъ нихъ, извѣстный подъ неточнымъ названіемъ Октоиха, хранится въ Вѣнской придв. библіотекѣ и относится къ XIII—XIV вв. [4]); другой—Общая

[1]) Ib., стр. 220—222.

[2]) Эту книгу „умысли Кирилъ философъ учитель словяномъ и болгаромъ, иже преложи русьскую грамоту съ греческія.., той сію Минѣю сотвори, вепричетну десяти и двою минѣямъ мѣсячнымъ, но особь сущу...“, каковую и преда(ъ „новоп освѣщенымъ людемъ русьскія земли—вначалѣ св. и равноап вл. кн. Владимиру Кіевскому“... Минея Общая 1600 г. *А. Родосскій*, Описаніе старопеч. книгъ, СПБ., 884, стр. 50—51.

[3]) Op. cit., стр 221—222.

[4]) *Строевъ*, Опис. пам. славяно-р. литературы, М., 1841, стр. 55; *Г. А. Воскресенскій*, Славянскія ркп., хранящіяся въ заграничн. библ., СПБ.,

Минея Моск. Дух. Акад. XV в., № 77 [1]). Первая ркп. извѣстна намъ только по описаніямъ; вторая—на основаніи непосредственнаго знакомства съ нею. Къ сожалѣнію, древняя основа академическаго сборника сильно осложнена позднѣйшими прибавленіями, но она сравнительно безъ затрудненій выдѣляется. Въ ней видны черты южно-славянскаго происхожденія. Ее, между прочимъ, составляютъ: Октоихъ Дамаскина, евангельскія и апостольскія воскресныя чтенія, стихиры, собственно Общая Минея, часть Тріоди постной и цвѣтной, Церковный Уставъ и проч. Любопытно, что въ припискѣ къ этому сборнику, хотя въ ней есть анахронизмы, о св. Кириллѣ сказано: „который перскелъ грєчєскую грамоту на словєньскій ꙗзыкъ“ (л. 152), тогда какъ въ старопечатныхъ изданіяхъ уже выходитъ, что онъ „преложи рускую грамоту съ грєчєскіа“... Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ рѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно-ли составленіе основы этого сборника принадлежитъ времени первоучителей, но, безусловно, въ своемъ составѣ она отражаетъ возможную редакцію того богослужебнаго сборника, который, при многочисленности богослужебныхъ книгъ, удовлетворялъ первыя потребности славянской церкви въ Болгаріи [2]). Нужно прибавить, что та часть Цвѣтной Тріоди, которая входитъ въ академическую рукопись, представляетъ собою лишь послѣдованіе на Пасху и уставъ на пасхальную седмицу (л. 233—238 об.), между тѣмъ какъ службъ на все послѣдующее время, отъ Ѳоминой недѣли до конца круга Тріоди, здѣсь, дѣйствительно, не достаетъ. Во всякомъ случаѣ какъ изъ состава академическаго сборника, такъ и независимо отъ него—изъ факта поздняго перевода Цвѣтной Тріоди, можно смѣло заключать, что въ болгарской церкви при Климентѣ отъ недѣли Ѳоминой до недѣли всѣхъ святыхъ богослуженіе совершалось по Октоиху съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ пѣснопѣній изъ пасхальной службы. Для насъ въ данномъ случаѣ важенъ тотъ выводъ, что славянская бого-

---

1882, стр. 33—39; *Sitzungsber. d. Akad. d. Wiessenschaft.* Wien, 1886, B. 110, описаніе *Смаль-Стоцкаго*.

[1]) *Архим. Леонидъ*, Свѣд. о слав. ркп. Моск. Дух. Акад., вып. II, стр. 323—333.

[2]) Соображенія о древности основы этого сборника—у *П. Сырку*, *Виз. Врем.*, 1895, 2, стр. 240—242.

служебная реформа вводилась Климентомъ постепенно, съ послѣдовательностью, которую позволяла наличность переводческихъ силъ и переписчиковъ въ то время въ Болгаріи.

Эта реформа, начатая трудами Климента при Борисѣ и вполнѣ завершившаяся при Симеонѣ, должна была очень близко затрагивать интересы византійской церкви. Къ сожалѣнію, источники не даютъ точныхъ указаній относительно того, въ какомъ каноническомъ отношеніи къ константинопольскому престолу находился при Симеонѣ болгарскій архіепископъ. Судя по всему, онъ считался канонически зависимымъ отъ константинопольскаго патріарха, но болгары стремились провозгласить его самостоятельнымъ патріархомъ—въ соотвѣтствіе съ царскимъ достоинствомъ Симеона и могуществомъ его державы [1]). На ряду съ этимъ введеніе славянской литургіи ослабляло силу византійскихъ вліяній въ болгарской церкви, а поставленіе славянскаго духовенства, до епископовъ включительно, прямо вытѣсняло изъ Болгаріи греческій клиръ и іерархію. Между двумя церквами—восточной и римской—съ ихъ культурными особенностями и тысячелѣтней исторіей поднималась новая болгарская церковь, хотя и выросшая на византійской основѣ, но сразу же успѣвшая проявить себя своими національными чертами. Возникаетъ вопросъ, какъ же отнеслась Византія къ славной дѣятельности Климента и его сотрудниковъ.

Соединяя факты, характеризующіе вообще отношенія греческой церкви къ славянскому богослуженію, мы должны

---

[1]) *Голубинскій*, Кратк. оч., 37. Большинство историковъ, какъ и Голубинскій, думаютъ, что болгарскій архіепископъ былъ провозглашенъ патріархомъ еще при Симеонѣ (*Иречекъ*, Ист. болг., 210; *Златарскій*, *Сборникъ за нар. умотв.*, кн. XI, стр. 22), но данныхъ для этого нѣтъ никакихъ. Несомнѣнно, что греки не знали патріарха болгарскаго до Даміана, который, по словамъ Дюканжева каталога, по приказанію имп. Романа Лакапена (917—944), былъ почтенъ званіемъ патріарха (*Голубинскій*, стр. 38). Современникъ Симеона патр. Николай Мистикъ въ перепискѣ съ княземъ всегда называетъ главу болгарской церкви „архіепископомъ“. Во всякомъ случаѣ, если даже Симеонъ и провозгласилъ своего архіепископа патріархомъ, то это было уже послѣ того, какъ онъ себя провозгласилъ царемъ (ок. 919 г.). Слѣдовательно, при жизни Климента во главѣ болгарской церкви стоялъ архіепископъ, зависимый отъ Константинополя.

отмѣтить въ этихъ отношеніяхъ несомнѣнную двойственность. Съ одной стороны не можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что греческая іерархія, ревниво оберегавшая свои права на славянъ Иллирика, Македоніи и восточной Болгаріи, не была свободна отъ упрека въ „треязычной“ ереси. Болѣе чѣмъ возможно, что въ началѣ своего существованія при Кириллѣ славянская грамота не встрѣтила сочувствія въ средѣ нѣкоторыхъ круговъ византійскаго духовенства. Борьба греческаго духовенства съ національными элементами въ церковномъ управленіи и языкѣ, ярко выразившаяся въ дальнѣйшей исторіи южнаго славянства, разумѣется, проявлялась и въ эпоху Климента. Защита славянскаго языка у Храбра и отчасти въ паннонскихъ житіяхъ имѣла не одно только теоретическое значеніе; она вызывалась противодѣйствіями развитію славянской грамоты со стороны греческихъ противниковъ ея. Какъ видно изъ словъ Храбра, возраженія грековъ облекались, какъ и у западныхъ „треязычниковъ“, въ догматически-выраженную форму и подкрѣплялись историческими свидѣтельствами. Съ своей стороны, Храбръ стремился доказать полную законность и даже святость славянскаго письма. Всю эту полемику мы вправѣ разсматривать, какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы съ греками защитниковъ славянской письменности и литургіи въ эпоху царя Симеона. Недружелюбное отношеніе нѣкоторыхъ грековъ къ славянскому языку, какъ къ языку литургическому, не было явленіемъ исключительнымъ на востокѣ при соприкосновеніяхъ ихъ съ другими народностями. Такое же недружелюбіе нѣсколькими столѣтіями раньше проявлялось, напр., къ армянскому богослуженію въ лаврѣ св. Саввы, какъ это видно изъ показаній Никона Черногорца [1]).

Но, съ другой стороны, есть цѣлый рядъ историческихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ не только о вполнѣ благосклонномъ отношеніи Византіи къ славянскому богослуженію, но и о прямомъ содѣйствіи его развитію со стороны византійскаго двора и патріарха. Царь и его „совѣтники“ принимали самое живое участіе въ посольствѣ Кирилла и Ме-

[1]) Славянскій текстъ Пандекта и Тактика Никона, изд. въ Почаевѣ 1795. Ср. *Виз. Врем.* 1905, XII, стр. 34—35.

ѳодія въ Моравію (жит. Кир. XIV). Когда Меѳодій въ 882—4 году прибылъ изъ Моравіи въ Константинополь, онъ былъ принятъ царемъ и патріархомъ Фотіемъ „съ честью великою и радостью“, при чемъ изъ его учениковъ были оставлены въ столицѣ священникъ и діаконъ съ славянскими книгами (жит. М. ХШ). Проданные въ Венецію ученики Меѳодія были выкуплены изъ неволи византійскимъ посломъ и нашли себѣ пріютъ и поддержку со стороны Василія Македонянина въ Константинополѣ (жит. Наума). Ничего подобнаго папскимъ посланіямъ, запрещавшимъ славянское богослуженіе, никогда не вышло отъ константинопольскихъ патріарховъ. Василій Македонянинъ былъ сторонникомъ славянской грамоты, чѣмъ отчасти можно объяснить и успѣхи христіанства при немъ у южныхъ славянъ и обращеніе — на короткое время—и хорватовъ къ восточной церкви. И позднѣе, столѣтіе спустя, когда греческіе іерархи прибыли въ Россію, они, даже не зная ни славянскаго, ни русскаго языковъ, помирились съ славянскимъ богослуженіемъ и признали его законность. Всѣ эти обстоятельства представляются очень знаменательными, особенно—если припомнить, какъ энергично современное латинское духовенство преслѣдовало славянское богослуженіе и въ Моравіи, и въ Венеціи (жит. Кир. XV), и въ Римѣ (жит. Меѳ.), и позднѣе—среди чеховъ, далматинскихъ сербовъ, хорватовъ.

Въ Византіи вообще презрительное отношеніе ко всѣмъ варварамъ, народамъ не-греческаго происхожденія, уживалось съ удивительной терпимостью къ ихъ національнымъ чертамъ, и въ нѣдрахъ восточной церкви нашли себѣ литургическое примѣненіе рядомъ съ греческимъ многіе другіе національные языки. На своихъ языкахъ издавна имѣли священныя и богослужебныя книги копты, сирійцы, эѳіопы, армяне, грузины [1]). Свой родной языкъ употребляли въ церкви готы—какъ православные, такъ и аріане [2]); на гуннскій

---

[1]) Шафарикъ, Слав. древн., II—2, стр. 316; *Гиречек*, Ист. Срба, стр. 167.

[2]) Первый переводчикъ книгъ на готскій языкъ Ульфила былъ полуаріанином, готы въ своемъ большинствѣ были аріанами, поэтому готскія письмена на западѣ считались синонимомъ еретическихъ. Но на востокѣ, въ предѣлахъ византійскихъ, были и готы православные. Изъ свидѣтельства Валафрида извѣстно, что въ первой половинѣ IX в. въ Томи держалось еще готское богослуженіе. *Малышевскій*, Кир. и Мее., 132.

языкъ Св. Писаніе было переведено при имп. Юстинѣ I (518—526 [1]). Во второй половинѣ VIII в., при второмъ калифѣ изъ Аббасидовъ (754—775), были переведены всѣ богослужебныя книги на арабскій языкъ [2]). Можно различно объяснять появленіе всѣхъ этихъ переводовъ, но фактъ остается во всей своей силѣ: провозглашенная христіанствомъ мысль о равноправности всѣхъ народовъ въ дѣлѣ вѣры и церкви нашла себѣ въ исторіи восточной церкви болѣе реальное выраженіе, чѣмъ въ западной [3]). Мы далеки отъ мысли объяснять благосклонное отношеніе Византіи къ чужимъ народностямъ простой, ни на что не разсчитанной терпимостью къ нимъ. Эта терпимость отчасти была унаслѣдована ею отъ древнихъ эллиновъ, которые еще со времени Александра Македонскаго умѣли привлекать къ себѣ покоренныхъ варваровъ, оказывая вниманіе къ ихъ національнымъ особенностямъ. Исторія Византіи показываетъ, что, не будучи особенно обширнымъ государствомъ по географическому пространству и населенію, она не могла насильственно поддерживать свое господство надъ многочисленными варварскими народами, наполнявшими ея предѣлы и высылаемыми сѣверо-восточной Европой. Поэтому въ Византіи постепенно сложилась опредѣленная политика мирнаго привлеченія къ имперіи варваровъ путемъ признанія за ними гражданскихъ правъ. Византійцы пріобщали ихъ къ благамъ христіанской культуры посредствомъ предоставленія имъ возможности устраивать свои національныя государства и церкви, но подъ условіемъ принятія ими нѣкоторыхъ обязательствъ въ отношеніи къ царю и патріарху. Эта счастливая черта въ византійской культурѣ въ очень значительной степени опредѣляла собою и отношеніе грековъ къ различнымъ народнымъ церквамъ востока. Но справедливость тре-

[1]) *Diehl*, Justinien et la civilisation byzantine au VI-e s, Paris, 1901, p. 377. *Jiречек*, op. cit., стр. 167.

[2]) *Δοσιθέου*, Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων. *Вѣд.* 6, стр. 629—630.

[3]) Нѣкоторые признаки народной церкви съ примѣненіемъ народнаго языка въ VIII—IX вв. видимъ въ Ирландіи и Шотландіи у кельтовъ. Но эти признаки были парализованы враждебными имъ теченіями. *А. С. Будиловичъ*, О греко-слав. характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, Меѳодіевскій Сборникъ 1885 г., стр. 83.

буетъ прибавить, что въ идеальнѣйшихъ представителяхъ византійской церкви всегда при этомъ жила высокая христіанская мысль о равноправіи всѣхъ націй въ дѣлахъ вѣры и церкви, безъ различія іудея или эллина, варвара или скиѳа. Извѣстно, какъ прекрасно въ IV в. св. Іоаннъ Златоустъ разрѣшилъ германскій вопросъ въ Константинополѣ. Когда готы—аріане наводнили имперію и пріобрѣли въ столицѣ опасную для грековъ силу,—онъ, вмѣсто преслѣдованія ихъ, разрѣшилъ имъ устроить въ самомъ Константинополѣ свою церковь съ богослуженіемъ на собственномъ языкѣ и съ духовенствомъ изъ природныхъ германцевъ. Самъ онъ являлся въ эту церковь для проповѣди и, между прочимъ, выражалъ радость, что „евангельскія истины проповѣдуются и на этомъ варварскомъ языкѣ“ [1]).

Современникъ Климента, патр. Фотій въ принципѣ также былъ сторонникомъ идеи перевода Св. Писанія и богослуженія на народные языки,—и объ этомъ можно заключать не только изъ доброжелательнаго отношенія его къ дѣлу свв. братьевъ. Еслибы было доказано, какъ думаютъ нѣкоторые, что Opusculum contra francos, гдѣ осуждается мысль франковъ о законности только трехъ языковъ въ богослуженіи, дѣйствительно, Фотію не принадлежитъ [2]), то можно бы сослаться на другое произведеніе, несомнѣнно ему принадлежащее. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, полемизируя съ иконоборцами, Фотій, между прочимъ, высказываетъ ту мысль, что одна и та же идея можетъ имѣть различныя проявленія, и для поясненія этой мысли указываетъ на разнообразіе переводовъ Св. Писанія. Послѣдовательно проведенное ученіе иконоборцевъ—по его словамъ—приводитъ къ нелѣпости, къ отрицанію всякаго разнообразія. Отсюда, заключаетъ онъ съ явнымъ несочувствіемъ къ выводу, по ученію иконоборцевъ, непозволительны и переводы, потому что *ἄλλοις γὰρ σχήμασι καὶ τύποις γραμμάτων τὸ Ῥωμαϊκόν, ἄλλοις δὲ τὸ Ἰνδῶν, καὶ ἑτέροις Ἑβραϊκὸν καὶ ἄλλοις τὸ Αἰθιόπων ἀπαρτίζονται (οἱ λόγοι Εὐαγγελίου)· καὶ οὐ μόνον τύποις γραμμάτων καὶ σχήμασιν ἀνομοίοις γράφονται, ἀλλὰ καὶ ἀπηχήσει καὶ σημασίᾳ φωνῆς ἑτεροειδεῖ*

---

[1]) *Ѳ. И. Успенскій*, Константинополь въ послѣдніе годы IV в. *Изв. Русск. Арх. Инст. въ К—лѣ*, IV—3, стр. 163.

[2]) Zbornik u slavu V. Jagića, ст. Снопка, стр. 284 сл.

τεκαὶ ἀλλοτριωτάτη προφέρονται [1]). Едва-ли къ такимъ способамъ аргументаціи могъ бы прибѣгать Фотій, еслибы онъ былъ противникомъ перевода священныхъ книгъ на различные языки, въ томъ числѣ и на славянскій [2]).

Итакъ, существовавшая среди грековъ мысль о нежелательности и непозволительности новыхъ переводовъ священныхъ книгъ на народные языки была лишь частнымъ предразсудкомъ, однимъ изъ орудій въ борьбѣ греческаго духовенства за свои ограничиваемыя права. Но она не входила, какъ на Западѣ, въ церковное сознаніе и въ государственную политику, не санкціонировалась здѣсь на соборахъ и въ посланіяхъ представителей церкви, даже не достигла крайняго и строгаго выраженія [3]). При томъ „треязычная“ ересь жила не столько въ центрѣ Византіи, сколько на ея пери-

---

[1]) *Φωτιου του σοφ και αγ. Πατριαρχου Κωνσταντινουπολεως Επιστολαι, εκδ. το Βαλεττα, εν Λονδινῳ* 1864, стр. 339. Указаніе на это мѣсто у Фотія сдѣлано *В. И. Григоровичемъ*, „Какъ выражались отношенія Константинопольской Церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущ. къ Болгарамъ въ началѣ X ст.?“ Актъ Новор. универс. 1866 г., стр. 47—48, прим. 4. Въ приведенномъ выраженіи заключается та мысль, что слова евангельскія выражаются иными образами и знаками письменъ по-гречески, иными по-индійски, другими по-еврейски, иными по-эѳіопски, и не только знаками письменъ и образами несходными пишутся, но и произносятся разнообразно и съ выраженіемъ голоса разновиднымъ и разнонароднымъ.

[2]) О фактахъ сравнительно широкой вообще миссіонерской дѣятельности патр. Фотія—у *В. И. Григоровича*, op. cit., *Гергенрётера* (Photius Patriarch von Constantinopel, Bd. I, 476—504, 531—540, 601—4), *И. С. Пальмова*—въ рец. на книгу Малышевскаго о Кир. и Меѳ., *Христ. Чтен.* 1888, ч. 2, стр. 223—4.

[3]) Каноническому освѣщенію вопросъ объ употребленіи народныхъ языковъ въ богослуженіи подвергся въ концѣ XII в. у Вальсамона, который рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ,—подъ условіемъ точнаго перевода съ греческаго богослужебныхъ книгъ. *Ῥάλλη καὶ Πότλη*, IV, 452. *Голубинскій*, Ист. р. церкви, II, стр 286; *Малышевскій*, Кир. и Меѳ., стр. 100—101. Въ древней Руси представленіе о „треязычной“ ереси соединялось съ западной церковью. Митрополитъ Никифоръ I (1104—1124) въ Посланіи къ Владиміру Мономаху о латинахъ говоритъ: молвать бо ти, яко не достоить инѣмь языкомъ хвалити Бога, но токмо тремя языки: жидовьскимь языкомъ, еллиньскимь, римьскимъ“ (Изд. Калайдовича, 157—63). Срав. Opusculum contra francos: *λέγουσι (φράγγοι) μὴ δεῖν ἄλλοις γλώσσαις τὸ θεῖον γεραίρεσθαι, εἰ μὴ ταῖς τρισὶ ταύταις διαλέκτοις: ἑβραιστὶ, ἑλληνιστὶ, ῥωμαιστί* (выше, стр. 131, прим.).

феріяхъ. Византійская политика и культура были скорѣе на сторонѣ народныхъ языковъ [1]).

Мы позволили себѣ сдѣлать это отступленіе, увлекшись въ сторону отъ дѣла Климента въ Болгаріи, съ тою цѣлью, чтобы показать, какъ благопріятны были здѣсь внѣшнія условія для его дѣятельности по сравненію съ тѣми, въ которыя онъ былъ поставленъ въ Моравіи.

Когда болгарская церковь, подъ вліяніемъ Климента и его сотрудниковъ, выступила съ притязаніями на расширеніе національныхъ правъ славянской народности въ дѣлахъ іерархіи и богослуженія,—разумѣется, не могло обойтись безъ противодѣйствія со стороны представителей греческой національности. Но отрицательное и даже враждебное отношеніе къ славянскому языку было заявлено преимущественно среди мѣстнаго греческаго духовенства, непосредственно заинтересованнаго въ своихъ правахъ. Противъ него и полемизировалъ черноризецъ Храбръ. Но въ Константинополѣ со стороны высшаго византійскаго духовенства и двора отношеніе къ славянскому языку, какъ къ языку церкви и богослуженія, со всей рѣшительностью опредѣлилось раньше чѣмъ въ Болгаріи возникъ вопросъ о славянской реформѣ. Кромѣ того, въ глазахъ Византіи Болгарія уже при Борисѣ представляла собою такую огромную силу, что съ ея національными запросами Византія даже и не могла не считаться, не рискуя въ противномъ случаѣ потерять ее изъ сферы своего вліянія. Слѣдовательно, вопросъ о новаторской дѣятельности Климента, если только онъ былъ поставленъ передъ византійской церковью, былъ рѣшенъ ею въ самомъ благопріятномъ для дѣла смыслѣ, не вызвавъ никакихъ

---

[1]) Эта черта византійской культуры, благопріятствовавшая славянской письменности и литургіи въ IX в., на нашъ взглядъ, осталась недостаточно оцѣненной у нѣкоторыхъ историковъ (Е. Е. Голубинскаго, Малышевскаго). Ее отрицаютъ преимущественно тѣ ученые, которые хотятъ поставить все дѣло Константина и Меѳодія подъ покровительство Рима напр., изъ новѣйшихъ изслѣдователей—*проф. Пастернекъ*, Dějiny slov. apoš t, p. 84). Но ее признаютъ и о ней говорятъ такіе знатоки вопроса, какъ *П. А. Лавровъ* (*Виз. Врем.*, т X, вып. 3—4), *проф. К. Иречекъ* (Die Romanen in Städten Dalmatiens während d. Mittelalters. Wien, 1910, I, S. 49; Ист. Срба, стр. 167 и др.). См. также рецензію на упомянутую книгу Пастернека—*Н. Я.*(—*стребова?*) и *С. К.*(—*ульбакина?*) въ *Ж. М. Нар. Пр.*, ч. 342 (1902), стр. 466 сл.

осложненій въ отношеніяхъ ея къ болгарской церкви. Патріархъ Николай Мистикъ въ письмахъ къ Симеону нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью подчеркиваетъ, что въ царствованіе Бориса между двумя сосѣдними народами существовалъ полный миръ, какъ въ политическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. „Подобало бы тебѣ, сынъ мой,— говоритъ въ XXV письмѣ Николай Мистикъ,—такъ какъ *святой* отецъ твой много потрудился относительно мира между ромеями и болгарами (*τοῦ σοῦ ἁγίου πατρὸς ἐν τοῖς ὑπὲρ τῆς εἰρήνης πράγμασι τῆς μεταξὺ Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων πολλὰ καμόντος*), соблюдать пользу, послѣдовавшую отъ его трудовъ"... „Онъ завязалъ узелъ любви къ ромеямъ (*ἐκεῖνος συνέδησε τὸν δεσμὸν τῆς πρὸς Ῥωμαίους ἀγάπης*), ты, сколько возможно, долженъ скрѣпить его, но не разсѣкать" [1]).

Объ отношеніи Византіи къ славянскому богослуженію и просвѣщенію можно даже сказать больше. Оставленіе при константинопольскомъ дворѣ священника и діакона съ славянскими книгами во время путешествія Меѳодія, привлеченіе въ столицу славянскихъ священниковъ и діаконовъ, выкупленныхъ въ Венеціи, наконецъ, назначеніе имъ жалованья (=уроковъ)—все это свидѣтельствуетъ о томъ, что въ славянскихъ дѣятеляхъ здѣсь въ концѣ IX в. ощущалась потребность и для нихъ находилось живое дѣло. Извѣстно, что въ Константинополѣ имѣли свои храмы нѣкоторые восточные народы, отличавшіеся языкомъ отъ грековъ [2]). Естественно, безъ такихъ церквей не могли обходиться и славяне, издавна наводнявшіе Константинополь, и въ частности болгарскіе славяне, имѣвшіе здѣсь обширный рынокъ. Для нихъ то и понадобились прежде всего славянскіе священники и книги. Ученики Меѳодія, вѣрные его завѣтамъ, въ этомъ случаѣ оказались очень полезными для дѣла. Они въ Константинополѣ совершали славянскую службу и занимались славянской литературой—перепиской, переводами, самостоятельными сочиненіями. Только за это они и могли по-

---

[1]) *Migne*, Patrol., gr., t. 111, c. 165, 161.

[2]) *Шафарикъ*, Слав. древн., II—2, стр. 316. Извѣстенъ въ Константинополѣ готскій храмъ св. Анастасіи. Въ слав. переводѣ житія св. Маркіана между прочимъ говорится: **рѣкыю готѳѣскѣ** (тв. п.) **къ нарочитыл дйи вгодхновенныл въ ѣ҃ст҃ѣи цр҃кви писанїа поучитати** (*Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. н.*, 1901, г. VI, кн. 4, стр. 314).

лучать „уроки". Такъ въ византійской столицѣ пріютился славянскій кружокъ, работавшій подъ покровительствомъ царя и церкви и оказывавшій имперіи незамѣнимыя услуги въ дѣлѣ укрѣпленія среди славянъ византійскаго вліянія. Вѣроятно, не могли остаться внѣ связи съ этимъ кружкомъ и тѣ болгарскіе или славянскіе кандидаты монашества—*ζητοῦντες μοναδας*,—которые, какъ видно изъ надписанія одного изъ писемъ патр. Фотія, были посланы изъ Болгаріи въ Византію къ Арсенію монаху, послѣдователю патр. Фотія [1]). Услуги этого кружка могли пригодиться и для тѣхъ русскихъ людей, которые въ X в. состояли на службѣ въ Константинополѣ и которые, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, въ значительномъ количествѣ уже были христіанами [2]). Такимъ образомъ, въ то самое время, когда Климентъ трудился въ Болгаріи, въ Константинополѣ также нашелъ себѣ мѣсто одинъ изъ центровъ славянской письменности, обслуживавшій интересы внутренней и внѣшней византійской миссіи среди славянъ. Центръ этотъ для Болгаріи имѣлъ двоякое значеніе. Во-первыхъ, благодаря связямъ, которыя существовали между учениками Меѳодія, трудившимися въ Византіи и трудившимися въ Болгаріи во главѣ съ Климентомъ, переводы константинопольской школы становились достояніемъ Болгаріи и наоборотъ. Во-вторыхъ, столичная школа была, вѣроятно, главнымъ источникомъ, откуда Климентъ и его современники получали списки греческихъ оригиналовъ для своихъ переводовъ [3]). Церковно-

---

[1]) *Migne*, Patrol., gr., t. 102, c. 904, Photii lib. II ep. 95 argum. *Μετὰ τὸ ἀποσταλῆναι πρὸς αὐτὸν τοὺς ἐκ Βουλγαρίας ζητοῦντας μοναδας. Snopek*, Studie cyrillomethod., p. 39.

[2]) *Migne*, Patrol., gr., t. 112, c. 1081 (De cerem.). Подробнѣе—у *Голубинскаго*, Кр. оч., стр. 17; Истор. р. цер.[2], I—1, стр. 69. Договоромъ Олега съ греками засвидѣтельствовано существованіе въ 907 г. на Босфорѣ русской колоніи, группировавшейся вокругъ монастыря с. Маманта.

[3]) Константинополь и впослѣдствіи былъ однимъ изъ центровъ славянской письменности. Къ мысли о Константинополѣ, какъ о такомъ центрѣ, гдѣ могли совмѣстно работать южно-славянскіе и русскіе книжные люди въ XI—XII вв., пришелъ *проф М. Н. Сперанскій*. См. его статью: „Сербское житіе Феодосія Печерскаго" въ *Сборникѣ въ честь В. О. Ключевскаго*, стр. 544; также—литограф. курсъ лекцій по исторіи русской литер. Кіевскаго періода (1910), стр. 166–167.

литературныя связи между Византіей и Болгаріей поддерживались съ вѣдома и подъ покровительствомъ царя и церкви. Въ житіи Никиты Пафлагонянина, современника Климента, человѣка съ громкимъ именемъ (но не Никиты-Давида Пафлагонянина—автора житія патр. Игнатія), есть такая подробность. Однажды Никита изъ своего уединенія отправился къ границамъ Болгаріи съ намѣреніемъ уйти туда (вѣроятно, для миссіонерскихъ цѣлей). Задержанный здѣсь, какъ лицо подозрительное, ѳракійскимъ стратигомъ, онъ былъ препровожденъ къ имп. Льву Мудрому (886—912), который на допросѣ сказалъ ему: „зачѣмъ ты хотѣлъ идти къ болгарамъ? *если для пользы имъ, то тебѣ слѣдовало насъ о томъ увѣдомить*“... [1]). Ясно, что даже путешествія византійцевъ въ Болгарію съ просвѣтительными цѣлями предпринимались съ вѣдома правительства. Нужно попутно замѣтить, что церковныя, а слѣдовательно—и литературныя отношенія между Византіей и Болгаріей не прерывались даже во время продолжительныхъ войнъ Симеона съ греками. Объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ переписки патр. Николая Мистика съ Симеономъ [2]).

Такимъ образомъ, дѣятельность Климента, посвященная введенію славянскаго богослуженія и устроенію славянской церкви, не только не была омрачена никакими противодѣйствіями со стороны Византіи, но и встрѣтила въ ней нѣкоторую поддержку себѣ. Византія и лучшими свойствами своей культуры и признаніемъ все возроставшей силы Болгаріи приведена была къ мирному рѣшенію вопроса о развитіи въ близкомъ сосѣдствѣ съ нею новой духовной культуры вчерашнихъ варваровъ—славянъ.

Будучи однимъ изъ самыхъ видныхъ организаторовъ славянской церкви, Климентъ въ то же время былъ выдающимся дѣятелемъ въ области славянской литературы и письменности. Книжнымъ дѣломъ онъ занимался отчасти въ виду практическихъ нуждъ церкви, отчасти по непосредственной любви къ литературному труду, которая, какъ видно изъ его произведеній, была присуща ему въ высокой степени.

---

[1]) *Изв. Русск. Арх. Инст. въ К—лѣ.* т. XIII (1908), стр. 172.

[2]) Письма патр. Николая Мистика въ послѣднее время изслѣдованы *проф. Златарскимъ*, *Сборн. за нар. умотв.*, т. X—XII.

Его литературная и книжная дѣятельность, взятая въ цѣломъ, объединяетъ эпоху начальнаго развитія славянской письменности въ Моравіи съ ея расцвѣтомъ въ концѣ IX и началѣ X в. въ Болгаріи. Писательская дѣятельность его въ Болгаріи распадается на два періода, изъ которыхъ раннѣйшій относится къ Охридѣ, а второй—къ Величской епископіи. Въ то время, когда онъ трудился въ качествѣ учителя въ Кутмичивицѣ, никакихъ попытокъ создать славянскую литературу въ восточной Болгаріи, повидимому, не было, потому что престарѣлый князь Борисъ не могъ еще не считаться съ ревнителями старины и противниками славянства, а Владиміръ и самъ предался язычеству. Такимъ образомъ, до вступленія на престолъ Симеона самымъ виднымъ, если только не исключительнымъ, центромъ славянской письменности въ Болгаріи была Охрида съ ея окрестностями, гдѣ стала процвѣтать кирилло-меѳодіевская традиція. Занимаясь приготовленіемъ клира и просвѣщеніемъ страны, Климентъ въ это время, по свидѣтельству житія, и самъ „писалъ книги“ (*βίβλους ἔγραφεν* XVIII). Къ тому же онъ располагалъ и своихъ учениковъ. Литературная производительность и работа по перепискѣ книгъ сосредоточивались главнымъ образомъ въ Охридскомъ монастырѣ, которому онъ завѣщалъ впослѣдствіи и половину книгъ, написанныхъ имъ (*...περὶ τε τῶν βιβλίων αὐτοῦ ὧν ἐποίησε* XXVI). Въ это время выборъ книгъ для переводовъ и переписки, а также характеръ самостоятельныхъ проповѣдническихъ произведеній Климента опредѣлялись особой миссіей его, какъ учителя и организатора славянскаго богослуженія. Въ большомъ количествѣ потребовались книги богослужебныя для церкви, удобопонятныя поученія какъ переводныя, такъ и оригинальныя—для народа, буквари—для обученія грамотѣ. Въ періодъ епископства Климента, когда онъ долженъ былъ жить довольно далеко отъ Охриды, онъ не порывалъ живыхъ связей съ кружкомъ своихъ охридскихъ учениковъ и сотрудниковъ. Литературная дѣятельность ихъ продолжала развиваться въ томъ направленіи, которое сложилось при Климентѣ. На широкое развитіе въ Охридѣ книжной производительности указываютъ нѣкоторые факты какъ изъ современной Клименту эпохи, такъ и изъ послѣдующаго времени. Славянское житіе Наума и несохранившееся до насъ древнее житіе Климента

вышли изъ среды близкихъ къ Клименту людей, тѣсно связанныхъ съ охридскимъ краемъ. Ученикъ его Маркъ, епископъ Дѣвольскій, вдохновитель Наумова біографа, и Наумъ, убѣдившій Константина взяться за составленіе Учительнаго Евангелія, жили, очевидно, въ сферѣ книжныхъ интересовъ. Въ послѣдующей, даже хронологически отдаленной, исторіи юго-западной Македоніи хранятся также ясные слѣды широко развивавшейся здѣсь книжности. Близъ Охриды, на озерѣ Преспѣ, сохранился самый древній памятникъ славянской письменности—знаменитая надпись царя Самуила 993 г. Въ XII—XIII вв., во время составленія краткаго житія Климента, въ Главиницѣ можно было видѣть уцѣлѣвшіе столбы каменные, на которыхъ было „начертано письмо, изображающее пріобщеніе ко Христу и водвореніе всего (болгарскаго) народа“ (Кр. жит. Клим. X). Къ тому же времени относится одно любопытное сообщеніе охридскаго архіепископа—грека Димитрія Хоматіана (до 1233—34), предполагаемаго автора сейчасъ указаннаго житія Климента. Выступая апологетомъ болгарскаго духовенства и славянскихъ книгъ, въ письмѣ къ митрополиту Педати онъ засвидѣтельствовалъ фактъ обильнаго развитія при немъ славянской книжности въ его архіепископіи. Онъ, между прочимъ, говоритъ о своихъ духовныхъ чадахъ: .. *ὅτι καὶ πᾶσα ἡ θεία γραφὴ καὶ τῶν ἁγίων αἱ πολιτεῖαι καὶ οἱ λόγοι ἐκ τῶν ἡμετέρων* (т. е. греческихъ), *δέλτοις εἰς τὴν αὐτῶν μετασχηματισθεῖσαν διάλεκτον* (болгарскій), *τὴν αὐτῶν πολιτείαν, ἐθύνουσι καὶ συνέχουσι* [1]). Дѣйствительно, о существованіи въ Охридѣ книжныхъ интересовъ въ эпоху Хоматіана свидѣтельствуютъ древніе памятники средне-болгарскаго извода, непосредственно связанные съ нею: Охридскій Апостолъ и Болонская Псалтирь. Вообще же къ юго-западной Болгаріи относится цѣлый рядъ средне-болгарскихъ рукописей (Слѣпченскій Апостолъ, Григоровичевъ Паремейникъ и др. [2]). Всѣ приведенныя данныя, взятыя въ совокупности, указываютъ на особенную живучесть книжной традиціи въ Охридѣ и окружающей ее области въ древнюю

[1]) *B. Card. Pitra*, Analecta sacra et classica spicilegio solesmensi para, Vol. VII, p. 44—45. *Период. Спис*, кн. 55—56, *Балашевъ*, стр. 186.

[2]) *Проф. Б. Цоневъ*, Класификация на бълг. пам, стр. 21 и др.; *А. И. Соболевскій*, Матеріалы и изслѣд., стр. 127.

эпоху и опредѣляютъ историческое значеніе источника этой традиціи, какимъ была школа, организованная Климентомъ.

Когда вступилъ на престолъ Симеонъ, онъ сталъ группировать вокругъ себя труженниковъ книжной образованности, и въ восточной Болгаріи образовался новый центръ славянскаго просвѣщенія. Количество славянскихъ писателей, переводчиковъ и переписчиковъ сильно увеличилось, и успѣхи славянскаго книжнаго дѣла въ Болгаріи вскорѣ оказались колоссальными. Ни одна изъ западныхъ литературъ не дала на зарѣ своего существованія въ столь короткое время такого большого количества переводныхъ и отчасти самостоятельныхъ сочиненій богословскаго, историческаго, богослужебнаго и поучительнаго содержанія, какъ литература болгарская въ свою золотую пору. Кромѣ обилія произведеній и литературныхъ силъ въ это время бросается въ глаза особенная систематичность и въ выборѣ литературнаго матеріала, и въ распредѣленіи труда. Во всемъ движеніи замѣтно выражалась направляющая рука самого Симеона, этого второго Птоломея, какъ его называли современники, восхищенные его любознательностью и трудолюбіемъ въ области литературы. По свидѣтельству Ліутпранда, онъ получилъ образованіе въ Константинополѣ и, какъ юноша княжескаго происхожденія, разумѣется, былъ близокъ ко двору [1]). Это давало ему возможность потомъ быть освѣдомленнымъ относительно привлеченія къ Константинополю славянскихъ учениковъ Меѳодія. И не подъ вліяніемъ-ли отчасти отношенія къ славянскимъ труженикамъ со стороны Византіи зажглись у него первыя мечты о созданіи славянскаго просвѣщенія, которое не уступало бы греческому [2])? Сдѣлавшись княземъ, онъ оживилъ въ придворныхъ сферахъ за-

---

[1]) Выдержка изъ Antapodosis'a Ліутпранда, у *Голубинскаго*, Кр. оч. стр. 166.

[2]) По крайней мѣрѣ, въ послѣдующее время между Византіей и Симеономъ поддерживались на почвѣ интересовъ просвѣщенія нѣкоторыя связи Патр. Николай въ своихъ письмахъ обращаетъ вниманіе Симеона на примѣры „исторіи“ (XVIII. п.), а въ XXXI письмѣ прямо говоритъ, что онъ знаетъ о занятіяхъ Симеона древней исторіей: *ἀνάγνωσον ἐπιμελῶς ἃ γέγραφα*,—пишетъ онъ,—*καὶ ἐκ τούτων πρὸς τὰς παλαιοτέρας ἱστορίας, οἶδα γὰρ ὅτι καὶ ταύτας ἐν μελέτῃ ποιῇ. ἀνάρθη*. *Migne*, Patr., gr, t. 111, c. 191—192.

глохшій при Владимірѣ интересъ къ славянской письменности, наполнилъ свои палаты книгами и привлекъ къ дѣлу образованныхъ людей изъ славянъ и ославянившихся болгаръ. Это были главнымъ образомъ духовныя лица, занимавшія высшія церковныя должности при архіепископѣ въ Преславѣ. Одинъ изъ нихъ—извѣстный Іоаннъ, пресвитеръ, экзархъ болгарской церкви, человѣкъ приближенный къ княжескому двору, составитель Шестоднева, переводчикъ Богословія І. Дамаскина и проповѣдникъ, выступившій на литературное поприще, повидимому, въ самомъ началѣ царствованія Симеона [1]). Другой — Григорій, пресвитеръ и монахъ, переводчикъ хроники Малалы или—возможно—восьмикнижія (пятокнижія Моисея и книгъ Іисуса Навина, Судей и Руѳь [2]), по своему званію „всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей", т. е., вѣроятно, то же, что въ византійской церкви ἄρχων τῶν ἐκκλησιῶν, обязанностью котораго было вести списки вновь открываемыхъ церквей [3]). Къ числу видныхъ сотрудниковъ Симеона принадлежалъ также Константинъ, сперва пресвитеръ, трудившійся въ качествѣ учителя а потомъ епископъ неизвѣстной намъ епархіи, составитель Учительнаго Евангелія, переводчикъ словъ Аѳанасія Александрійскаго (906—7 г.), авторъ азбучной молитвы и „Прогласа св. Евангелія" [4]). Родомъ онъ былъ славянинъ, что видно изъ пламенной любви его къ славянскому народу и

---

[1]) Объ обстоятельствахъ своего выступленія на литературное поприще онъ самъ сообщаетъ въ Прологѣ къ переводу Богословія Дамаскина. Онъ говоритъ здѣсь, что, подъ вліяніемъ извѣстій о Константинѣ и Меѳодіи, у него явилось желаніе преложить на свой языкъ „сказанія учительская", но онъ отказался отъ этого намѣренія изъ опасенія исказить ихъ; наконецъ, „миноувшоу нѣколикоу лѣтоу", вслѣдствіе убѣжденій черноризца Дукса, онъ привелъ свое желаніе въ исполненіе (*Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Р.*, 1878, кн. IV, стр. 5). Едва-ли „миноувшоу нѣколикоу лѣтоу" могла бы сильно поколебаться его первоначальная нерѣшительность, еслибы не произошла перемѣна во внѣшнихъ условіяхъ. Такой перемѣной было вступленіе на престолъ Симеона послѣ царствованія Владиміра, которое никого къ занятію литературой не располагало.

[2]) *П. Е Евсѣевъ*, Григорій пресвитеръ, переводчикъ времени болгарскаго царя Симеона. Здѣсь и различныя мнѣнія о его трудѣ. *Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н.* 1902, т. VII—кн. 3, стрр. 356—366.

[3]) *Goar*, Εὐχολόγιον... Lutetiae Parisiorum, 1647, p. 271, 277.

[4]) *А. И. Соболевскій*, Матеріалы и изслѣдованія, стрр. 3, 17—18, 127—131

его просвѣщенію. Въ записи при переводѣ словъ Аѳанасія онъ называется: „ученикъ сый Меѳодовъ“. Въ прологѣ къ Учительному Евангелію онъ самъ говоритъ о себѣ, что онъ былъ убѣжденъ къ написанію этого произведенія настояніями Наума, съ которымъ, очевидно, былъ связанъ общимъ прошлымъ въ Моравіи: **мъ оумалєнын Костантинъ оубѣжденъ бысть ихъ сѣ твоими прошєніи брате Шумє** [1]). Этотъ ревностный ученикъ Меѳодія и другъ Наума перешелъ въ Болгарію изъ Моравіи другимъ путемъ, чѣмъ Климентъ и Наумъ съ товарищами по путешествію. По молодости лѣтъ онъ въ Моравіи не принадлежалъ къ „корифеямъ хора“, т. е. старшимъ ученикамъ Меѳодія, которыхъ перечисляетъ житіе Климента. По свидѣтельству того же житія, болѣе молодые—*νεώτεροι* (XI)—сотрудники Климента послѣ моравской катастрофы были проданы въ рабство. Слѣдовательно, въ числѣ ихъ былъ и Константинъ, который также потерпѣлъ неволю и явился въ Болгарію черезъ Венецію и Константинополь. О такихъ моравскихъ выходцахъ, пришедшихъ въ Болгарію, біографъ Наума говоритъ: **ѡкыи къ блъгарскоу ѕємлю пришѣше съ великою чьстью покон прієше**. Епископскій санъ Константина и довѣріе къ нему Симеона свидѣтельствуютъ о томъ, что ему въ Болгаріи, дѣйствительно, была оказана „великая честь“. Но гдѣ и когда выступилъ онъ на литературное поприще? Акад. А. И. Соболевскій, на основаніи указаній, сохранившихся въ Учительномъ Евангеліи: **словѣньскый родъ, ыкоже ысть попьрлъ быти вьсѣмъ** (бесѣда 47), упоминаній о **поѕорищи**, о циркѣ, о чернецахъ, думаетъ, что онъ, будучи пресвитеромъ, жилъ и писалъ этотъ трудъ въ большомъ греческомъ городѣ, въ которомъ жили славяне, и считаетъ такимъ городомъ Солунь [2]). Теперь, когда прояснились указанныя выше подробности его біографіи, не съ бо́льшимъ-ли правомъ слѣдуетъ отнести періодъ его раннѣйшихъ литературныхъ выступленій къ Константинополю? Для этого можно привести еще и другія основанія. Въ стихотворномъ прологѣ къ Учит. Евангелію онъ говоритъ: **хотѣтъ нынѣ (и) словѣньско плєма; къ крьщєнию обратишася вьси** [3]). Но въ концѣ IX в.

[1]) *Арх. Антоній* (Вадковскій), Изъ исторіи христ. пропов., стр. 138
[2]) *А. И. Соболевскій*, Матеріалы и изслѣдованія, стр. 129.
[3]) Ib., стр. 9.

уже почти вся Болгарія была крещена; язычниковъ оставалось здѣсь уже сравнительно мало, и то больше въ средѣ болгарскаго (тюркскаго), чѣмъ славянскаго населенія. Между тѣмъ нѣкоторыя славянскія племена въ Византіи, особенно пелопоннесскіе милинги и езериты, дольше всѣхъ другихъ племенъ хранили завѣты языческой религіи и были крещены, дѣйствительно, въ правленіе имп. Василія Македонянина [1]). Наконецъ, при допущеніи, что Учительное Евангеліе написано въ Константинополѣ, становится понятнымъ и тотъ фактъ, что къ этому труду,—можетъ быть самимъ Константиномъ,—прибавлена хронологическая статья съ упоминаніемъ о византійскихъ царяхъ—Василіи Македонянинѣ и его преемникѣ Львѣ, сохранившаяся въ нѣкоторыхъ спискахъ и указывающая на 893—4 годъ, какъ на время написанія Учит. Евангелія [2]). Итакъ, возможно, что вначалѣ Константинъ трудился въ Константинополѣ въ тамошнемъ славянскомъ кружкѣ. Въ санѣ пресвитера и въ званіи учителя онъ былъ привлеченъ Симеономъ въ Болгарію, гдѣ потомъ получилъ епископскую каѳедру гдѣ-то близъ Преславы. Будучи уже епископомъ, онъ въ 906 году переводилъ Слова Аѳанасія. Если Климентъ былъ первымъ славянскимъ епископомъ, а его ученикъ Маркъ— четвертымъ, то на долю Константина выпадаетъ второе или третье мѣсто въ хронологическомъ порядкѣ славянскихъ епископовъ въ Болгаріи.

Кромѣ лицъ іерархическихъ близкое участіе въ развитіи славянской литературы принимали и черноризцы, не облеченные священнымъ саномъ. Сюда относятся: черноризецъ Храбръ, неизвѣстно гдѣ жившій; „почтенный мужъ черноризецъ Дуксъ“ (**чьстьнъıи чѣкъ Доукъсъ чрьноризьць**) или Доксъ, быть можетъ—носитель высокаго византійскаго званія, перенесеннаго на болгарскую почву [3]), убѣждавшій Іоанна Экзарха сдѣлать переводъ Богословія; черноризецъ Тудоръ, носившій названіе своего знаменитаго патрона (Доксовъ), переписавшій въ

---

[1]) *А. Васильевъ*, Славяне въ Греціи—*Визант. Врем.*, т. V, стр. 424.

[2]) *Арх. Антоній*, op. cit., стр. 138.

[3]) Ср. передачу греч. *δούξ* черезъ **доукъсъ**, напр., въ древне-слав. переводѣ Синайскаго патерика. **Ико бъıкъı доукъсъ палєстинıи тнкърѣнннъ** (Рьп. Син. библ. № 551, XI—XII в., л. 34)=*ὅτι γενόμενος δοὺξ Παλαιστίνης ὁ Τήβ.* (*Migne*, Patr, gr., t. 87, c. 2904).

907 г. переводъ словъ Аѳанасія [1]). Оба послѣдніе иноки жили на устіи Тыча—близъ Преславы, у Шуменскихъ горъ, гдѣ Симеономъ былъ построенъ монастырь, служившій на востокѣ такимъ же мѣстомъ развитія славянской книжности, какимъ на западѣ былъ Охридскій монастырь Климента [2]).

Въ нашу задачу не входитъ подробная характеристика литературнаго движенія эпохи Симеона; мы почти не касаемся его внутренней содержательной стороны [3]). Но здѣсь необходимо отмѣтить одну любопытную черту всего этого движенія, которой до нѣкоторой степени предрѣшается и, выступающій далѣе на очередь, вопросъ объ отношеніи Климента къ кружку Симеона. Всѣ указанные и другіе, намъ невѣдомые по имени, но извѣстные по литературнымъ произведеніямъ преимущественно переводнаго характера, сотрудники Симеона находились въ какихъ-то особенно близкихъ отношеніяхъ между собою и къ князю. Какъ будто ни одинъ писатель этой эпохи не былъ предоставленъ самому себѣ, но находился въ связи съ другими и въ зависимости отъ общаго плана и воли князя [4]). Большинство изъ нихъ

[1]) Соображенія о томъ, что черноризецъ Тудоръ и черноризецъ Дуксъ или Доксъ были различныя лица—у *проф. Златарскаго*, *Бълг. Прегл.*, 1897, г. IV, кн. 1, стр 42 сл., и *Баласчева*, *Сборн. за нар. умотв.*, XV, критика, стр. 17. Имя Тудоръ встрѣчается въ русск лѣтописи (Ипатск. сп., стр. 29). Въ Македоніи существовалъ **Тѣдоровъ долъ** (*Г. А. Ильинскій*, Грамоты, стр. 100).

[2]) Развалины этого монастыря уцѣлѣли до сихъ поръ. *Изв. Р. Арх. Инст. въ К—лѣ*, X, стр 145; XIII, стр. 439.

[3]) Славянской литературѣ эпохи Симеона посвящено достаточно вниманія. Назовемъ уже цитированныя сочиненія *Калайдовича*, *Шафарика* („*Расцвѣтъ*"...), *Палаузова*, *Голубинскаго*, *Пречка*, *арх. Аѳонія*, *Соболевскаго*, *Ритига*, *Ягича*, *Баласчева*. Къ нимъ нужно прибавить труды *проф. Е. В. Пѣтухова* (*Ж. М. Нар. Пр.* 1893, мартъ), *Вондрака* (O mluvě, Jana Exarcha, v Praze, 189), *Лескина* (*Arch. f. sl. Phil.* 1903 и 1904) и др.

[4]) Систематичность существовала и въ самомъ выборѣ историко-литературнаго матеріала для переводовъ. По мнѣнію ак. А. А. Шахматова, при Симеонѣ была составлена обширная переводная энциклопедія, въ которую вошли хроники Георгія Амартола и Малалы, Александрія, апокрифы и религіозныя легенды, ветхозавѣтныя книги и дѣянія апостоловъ. *А. А. Шахматовъ*, Древне-болгарская энциклопедія X в.—*Виз. Врем.* 1899 г. Такимъ обр., систематичность литературнаго труда, объединявшая разныхъ авторовъ эпохи Симеона, устанавливаемая нами на основаніи внѣшнихъ фактовъ, видна и изъ содержанія нѣкоторыхъ произведеній того времени.

бралось за перо по приказанію Симеона или подъ вліяніемъ просьбъ, настояній, убѣжденій со стороны друзей. „Повелѣніемъ Симеона“ совершилъ свой переводъ пресвитеръ Григорій; по тому же повелѣнію епископъ Константинъ перевелъ, а черноризецъ Тудоръ переписалъ Слова Аѳанасія; по тому же повелѣнію былъ сдѣланъ переводъ Сборника Святослава 1073 г. Симеону посвятилъ свой Шестодневъ Іоаннъ Экзархъ, а Богословіе онъ перевелъ по просьбѣ Дукса: **коли ми и моли прѣложити оутѣнтелскыа сказанна**—говоритъ онъ о Дуксѣ. Константинъ составилъ Учительное Евангеліе подъ вліяніемъ убѣжденій Наума, а составитель житія Наума находился подъ вліяніемъ епископа Марка: **се же сѫмъ доповѣдѣхсѣ. нынѣ же какы ще повѣсти**—говоритъ онъ о себѣ. Воздѣйствіе царя или друзей на писательскую волю есть черта, которая, вмѣстѣ съ другими литературными нравами того времени, перенесена была въ Болгарію, разумѣется, изъ Византіи, гдѣ существовалъ даже спеціальный терминъ для обозначенія лицъ, производившихъ давленіе на волю писателей: *ἐργοδιώκτης*—„подгонятель“. Но эта черта въ литературномъ движеніи Симеоновской эпохи свидѣтельствуетъ не только о чрезвычайной ревности къ дѣлу тружениковъ просвѣщенія, но и объ общей планомѣрности, которая, повидимому, захватывала всѣхъ писателей эпохи Симеона.

Въ какомъ же отношеніи къ восточно-болгарскому кружку Симеона находились, во-первыхъ, охридская школа, основанная Климентомъ, во-вторыхъ, самъ Климентъ?

Кружокъ Симеона значительно отличался отъ охридской школы по задачамъ и условіямъ своей дѣятельности. Вокругъ Симеона трудились люди, занимавшіе почетное положеніе въ государствѣ и церкви, получившіе иногда византійское образованіе, ставившіе себѣ цѣлью передать на славянскомъ языкѣ такія сложныя произведенія богословской мысли, какъ Богословіе Іоанна Дамаскина или Слова Аѳанасія Александрійскаго. Вокругъ Климента, въ періодъ его учительства въ Охридѣ, группировались сотнями и даже тысячами его ученики, вышедшіе изъ простого народа, ограничивавшіеся изученіемъ одной грамоты и письма, привлеченные къ новой наукѣ и непосредственной любовью къ своей національности, и освобожденіемъ отъ государственныхъ повинностей (XVIII), выдѣлявшіе изъ себя лишь немногихъ

писателей. Все славянское просвѣщеніе въ восточной Болгаріи было дѣломъ академическимъ, лишеннымъ духа народности въ современномъ значеніи этого слова; оно было подсказано Симеону его государственной мудростью. Въ Македоніи оно было больше дѣломъ народнымъ, разсчитаннымъ на элементарныя духовныя потребности простого славянскаго населенія. Это различіе объясняется тѣми этнографическими и историческими особенностями двухъ половинъ Болгаріи, о которыхъ подробно было сказано прежде.

Однако, общность коренной основы всего движенія должна была при Симеонѣ вести къ сближенію дѣятелей охридскаго и преславскаго центровъ и даже къ объединенію ихъ на почвѣ взаимнаго задолжанія. Мало книжный Наумъ поддерживалъ знакомство съ Константиномъ. Кромѣ того, и въ Преславѣ и въ Охридѣ свято хранилась непрерывность кирилло-меѳодіевской традиціи, носителями которой были Наумъ и Маркъ и на которую, какъ на высшій авторитетъ, любили ссылаться и Константинъ, и Іоаннъ Экзархъ, и Храбръ.

Климентъ въ періодъ своего епископства въ Велицѣ или Великой былъ писателемъ провинціальнымъ, жившимъ приблизительно на равномъ разстояніи и отъ Охриды, и отъ Преславы, близъ македонско-ѳракійской границы. Но это ему нисколько не мѣшало не только сохранять живыя связи съ обоими центрами просвѣщенія, но и быть для нихъ высокимъ авторитетомъ и соучастникомъ въ литературныхъ трудахъ. Объ отношеніяхъ его къ Охридѣ уже сказано было прежде. Теперь остается, насколько возможно, возстановить слѣды, которые приводятъ его въ соприкосновеніе съ восточно-болгарскимъ центромъ просвѣщенія. Простр. житіе упоминаетъ о двухъ путешествіяхъ его къ Симеону. Раннѣйшее изъ нихъ падаетъ на первые же годы правленія этого князя, когда онъ самъ пожелалъ видѣть знаменитаго охридскаго учителя, сразу потомъ возведеннаго въ санъ епископа и посланнаго въ Велику (893 г.). Спутникомъ Климента былъ, очевидно, и Наумъ, потому что житіе послѣдняго разсказываетъ объ одновременномъ назначеніи его учителемъ; оно говоритъ: **егда поставиша епⷭкопа Клⷭмента. тьждє бⷭговѣрнїи цр҃ь Сⷭмеонъ пѣсти мѡуша подроуга своу къ него мѣсто на оучителство.** Аудіенція двухъ македонскихъ дѣятелей не могла не перейти въ

общеніе съ ними друзей князя на почвѣ книжныхъ интересовъ. Второе свиданіе Климента съ Симеономъ относится къ послѣднимъ годамъ жизни святителя. Непосредственно послѣ этого свиданія, уже ослабленный годами и трудомъ, Климентъ посвятилъ свои догоравшія силы переводу Цвѣтной Тріоди. Его предпріятіе было вызвано потребностями, которыя ощущались и въ восточной Болгаріи. О нихъ онъ могъ узнать во время посѣщенія столицы. Сотрудничествомъ Климента восточно-болгарскіе писатели пользовались и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ составъ Златоструя, происхожденіе котораго связано съ именемъ Симеона, вмѣстѣ съ словами Іоанна Златоуста, вошелъ и матеріалъ, принадлежащій Клименту. Одно изъ словъ Златоструя — „Слово о св. Троицѣ, о твари и о судѣ“, несомнѣнно, написано Климентомъ: въ одномъ спискѣ, отдѣльномъ отъ Златоструя, въ надписаніи сохранилось даже его имя [1]). Былъ-ли привлеченъ Климентъ непосредственно къ участію въ составленіи Златоструя, или Симеонъ самъ внесъ въ этотъ сборникъ вышедшій изъ подъ пера Климента матеріалъ,—ясно, что произведенія Величскаго проповѣдника цѣнились очень высоко въ столицѣ и до извѣстной степени входили въ планомѣрное распредѣленіе литературнаго труда между современниками Симеона. Съ своей стороны, и Климентъ иногда пользовался трудами восточно-болгарской школы. Какъ писатель, онъ совмѣщалъ въ себѣ черты, столько же характерныя въ общемъ для охридской, какъ и для преславской школъ. Имъ написаны проповѣдническія произведенія, съ одной стороны, совершенно простыя, разсчитанныя на малопросвѣщенныхъ слушателей и читателей, съ другой—ораторскія, блещущія всѣми цвѣтами византійскаго краснорѣчія.

Книжная и писательская дѣятельность Климента, взятая въ цѣломъ, была настолько обширна и плодотворна, что ему принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ развитіи славянскаго просвѣщенія разсматриваемой эпохи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и историческіе источники, и сохранившееся отъ него огромное литературное наслѣдство. Приведеніе въ извѣстность его многочисленныхъ твореній, ихъ

[1]) *Н. Л. Туницкій*, „Слово о св. Троицѣ, о твари и о судѣ“ Климента Словенскаго—*Изв. Отд. р. яз и слов. Ак. Н*, т. IX, кн. 3, стр. 201—232.

характеристика и разборъ, а также рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ размѣрами и пріемами его литературной дѣятельности составятъ предметъ самостоятельнаго изслѣдованія. Здѣсь же для полноты и законченности внѣшней исторіи книжной дѣятельности его, достаточно замѣтить, что источники говорятъ о немъ, во-первыхъ, какъ о самостоятельномъ писателѣ, составителѣ словъ и поученій на всѣ праздники, а также нѣкоторыхъ житій, во-вторыхъ, какъ о переводчикѣ Цвѣтной Тріоди, въ-третьихъ, какъ о составителѣ или реформаторѣ славянскаго алфавита (Кратк. жит.). Сверхъ этого, Охридскій списокъ пространнаго житія приписываетъ ему церковно-гимнографическую дѣятельность, не говоря опредѣленно, относится ли она къ самостоятельному творчеству, или къ переводамъ съ греческаго.

Итакъ, представленныя обстоятельства развитія въ Болгаріи славянскаго просвѣщенія и собственно дѣятельности Климента даютъ замѣчательную въ историческомъ отношеніи картину. Дѣло свв. братьевъ Константина и Меѳодія заглохло въ Моравіи какъ будто для того, чтобы, при посредствѣ Климента, еще съ большей силой возродиться въ Болгаріи. Въ то время, когда западно-европейскіе народы не могли и думать о народныхъ языкахъ въ богослуженіи, когда среди западныхъ славянъ остатки народной церкви и славянской письменности постепенно замирали, а среди сербовъ и хорватовъ чуть только поднимались первые всходы просвѣщенія, когда Россія еще была совсѣмъ языческою,— въ Болгаріи въ нѣсколько десятилѣтій создалась самостоятельная славянская церковь съ народнымъ языкомъ и духовенствомъ, а славянское просвѣщеніе достигло небывалыхъ успѣховъ въ своемъ развитіи. Правда, просвѣщеніе здѣсь было до крайности узкимъ, одностороннимъ и лишеннымъ оригинальности, такъ какъ вся славянская литература состояла отчасти изъ переводовъ, отчасти изъ подражаній греческой. Но важно то, что славянская церковь приближала христіанство къ народному пониманію, славянскій языкъ воспитывалъ національное самосознаніе, славянская литература пріобщала славянскій міръ къ византійской культурѣ. И этими пріобрѣтеніями Болгарія потомъ щедро подѣлилась со всѣми другими православными славянами

въ томъ числѣ и съ русскими. Поэтому Климентъ, какъ главный виновникъ всего просвѣтительнаго движенія при Борисѣ и одинъ изъ важнѣйшихъ участниковъ его при Симеонѣ, въ историческомъ освѣщеніи пріобрѣтаетъ особенное значеніе, какое принадлежитъ лишь самымъ выдающимся дѣятелямъ переходныхъ эпохъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе къ гл. I, отд. I, стр. 28—42.

Въ виду малой доступности *Οὐρανοῦ Κρίσις* и будапештскаго славянскаго изданія „Истинной повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи“ и значительнаго интереса, какой пріобрѣтаетъ *Χιλιανταρινὴ Διήγησις*, мы помѣщаемъ элементы этого повѣствованія, вошедшіе въ обѣ компиляціи, параллельно, заключая въ скобки [ ] добавленія Родолюбца, отсутствующія въ *Οὐρ. Κρ.*

Οὐρ. Κρ.

Ἐπὶ τῆς Βασιλείας Λέοντος τοῦ Ἀρμενίου, ἦτον τις Ἄρχων εἰς τὴν Θεσσαλονίκην Λέων τὸ ὄνομα, τὴν τάξιν ἑκατόνταρχος, καὶ ἡ σύζυγος αὐτοῦ Μαρία· καὶ οἱ δύω δίκαιοι καὶ ἄμεμπτοι καὶ Θεοσεβεῖς κατὰ τὸν Ἰώβ· ἐξ αὐτῶν ἐγεννήθησαν τοῦτοι οἱ Θεῖοι διδάσκαλοι καὶ νέοι Ἀπόστολοι ὁ Μεθόδιος λέγω καὶ ὁ Κύριλλος· καὶ ὁ μὲν Μεθόδιος ὁποῦ ἦτον πρῶτος τὴν Ἡλικίαν, ἀφ' οὗ ἔμαθε τὰ ἱερὰ γράμματα, καὶ ἔφθασεν εἰς Ἡλικίαν ἀνδρὸς ἐγένετο στρατιώτης· καὶ ἐπειδὴ ἔλαχε νὰ ἦναι ἀνδρεῖος καὶ ἄξιος, ἐγένετο ἐξάκουστος καὶ εἰς τὰ Βασίλεια. ὅθεν ἐπὶ τῆς Βασιλείας Θεοφίλου τοῦ οἰκονομάχου ἦλθεν εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν, διὰ προσταγῆς τοῦ

Истинная повѣсть.

Оу̀ врѣмѧ Цр҃ѧ Лєѡна Ѧрменскоѥ҃ [то ѥ҆сть лѣта ѿ Р. Хр. ѕсамь сто тринадесѧтаго҃] бѣше нѣкіи Началникъ оу̀ Ѳєссалонїкіи и҃менемъ такожде Лєѡнъ, по чину Сотникъ (Капетанъ), супруга нѣгова и҃менованнаѧ Мрїа, сво҃е пра҃ведни, непорочни и Богочестиви, по примѣру Ѡва: ѿ сихъ родесѧ Божественніи сви҃ Оу҃чители и новіи Ѧпостоли, Мєѳодіи, велимъ, и Кѷрілмъ. Мєѳодіи, возрастомъ старіи, кала изучи свѧщенно Оу҃ченіе, и доспѣ оу̀ возрастъ мужескіи, постане войникомъ, и будутьи да ѥ҃ вьсе мужествень, и весма достоѧнъ, за то чувенъ вуде оу̀ самомъ Царскомъ двору. Оу̀ врѣме дакле Цр҃ѧ Ѳеофіла Іконоборца [лѣта

Βασιλέως, καὶ παρ' αὐτοῦ πέμπεται στρατηγὸς εἰς ἐκεῖνα τὰ μέρη, τὰ οποῖα ἐσυνόρευαν μὲ τὸ Ἔθνος τῶν Βουλγάρων, κατὰ θείαν βέβαιαν οἰκονομίαν, διὰ νὰ μάθῃ ἐκεῖ τὴν γλῶσσαν ἐκείνου τοῦ γένους, ὡσὰν ὅπου ἔμελλε νὰ χρηματίσῃ μετὰ ταῦτα διδάσκαλος αὐτῶν· ἐκεῖ λοιπὸν διατρίψας χρόνους δέκα, ἐγύρισεν εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν· ἀλλὰ διὰ τὸν διωγμὸν, τὸν ὁποῖον εἶχε κινήσῃ κατὰ τῶν ἁγίων εἰκόνων ὁ Θεομισὴς Θεόφιλος καὶ τὰς ἐκ τοῦ διωγμοῦ ἀκαταστασίας, μισήσας τὰ πάντα καὶ ῥίψας τὰ ὅπλα ἀπῆλθεν εἰς τὸ ὄρος τοῦ Ὀλύμπου καὶ ἔγινε Μοναχὸς μετονομασθεὶς Μεθόδιος· ὁ δὲ μακάριος Κωνσταντῖνος (ὅτι τοῦτο ἦν τὸ πρῶτον τοῦ ὄνομα, τὸ ἀπὸ τῆς γεννήσεως) γενόμενος χρόνων ἑπτὰ ἔμαθε πρῶτον τὰ κοινὰ γράμματα, ἔπειτα τὸν ἔβαλαν οἱ γονεῖς του καὶ εἰς τὰ Ἑλληνικά· οἱ οποῖοι μετὰ ὀλίγον καιρὸν ἀπῆλθον πρὸς Κύριον· ὁ δὲ νέος ἐπρόκοπτε θαυμασίως εἰς τὰ μαθήματα· ἀποθανόντος δὲ τοῦ Βασιλέως Θεοφίλου, ἔμεινε διάδοχος ὁ υἱὸς αὐτοῦ μετὰ τῆς Μητρὸς αὐτοῦ Θεοδώρας, ἐπειδὴ δὲ ὁ Μιχαὴλ ἦτον ἀκόμα ἀνήλικος, τοῦ ἄφησεν ἐπιτρόπους ὁ πατὴρ αὐτοῦ εἰς τὸ νὰ διοικοῦν τὰ τῆς Βασιλείας Μανουὴλ τὸν Μάγιστρον, καὶ Θεόκτιστον τὸν Πατρίκιον καὶ Λογοθέτην τοῦ δρόμου αὐτοῦ τοῦ Λογοθέτου ἦσαν γνώριμοι οἱ γονεῖς τοῦ Κωνσταντίνου, καὶ διὰ τοῦτο ἔστειλε καὶ ἐπῆρε τὸν Κων-

Христова осамь сто двадесеть деветогъ], дойде оу Цариградъ на заповѣсть Царску ѿ Царѧ Ѳеофила, као Военачалникъ, оу оне предѣле, кои су граничили съ Болгарскимъ народомъ, (заиста! по Божественному смотренію! да тамо научи ѣзыкъ оногъ народа, какѡ што ѣ имао постати Оучитель нѣговъ)! И када тамо десеть година поживи, онда крати се опетъ оу Цариградъ: но гоненіѧ ради, кое ѣ подигао быо противъ свѧтыхъ Іконъ Богомерскій Ѳеофилъ, ѿ коегъ гоненіѧ родисе и непостоянство, ѿмерзне на све, ѿбацы оружіе, ѿиде оу гору Олимпъ, буде Монахомъ подъ преименованіемъ Меѳодіа [вмѣстѡ Міхаила, прѣашнегъ своегъ имена]. Блаженый же Кѡнстантінъ, (оно му бо первоиме ѿ рожденіѧ бѧше), када бы ѿ седамь година, заче оучити начална оученіѧ, после тога даду га родители нѣговы оучити и Ѥллински, кои после нѣкоегъ времена преставесе. Младићъ пакъ Кѡнстантінъ оуспѣваше чудесно оу наукама. По смерти Царѧ Ѳеѡфила, ѿстанс наслѣдникомъ сынъ нѣговъ Міхаилъ съ матеромъ своіомъ Ѳеодоромъ [године 842]. И будући да ѣ сынъ Царевъ Міхаилъ быо іоште недоростао, за то ѡстави му отацъ Тутѡре, да они оуправлю Царствомъ, Мануила первога Міністра, Ѳеоктіста Патрікіа, и Логоѳета, то ѥсть оуправителѧ нади

σταντῖνον ἀπὸ τὴν Θεσσαλονίκην, καὶ τὸν ἔβαλε νὰ σπουδάζῃ ἀντάμα μὲ τὸν νέον Βασιλέα, διὰ νὰ βλέπῃ τὸ Βασιλόπουλον τὴν προκοπὴν ἐκείνου, καὶ νὰ τὸν μιμῆται εἰς τὴν ἐπιμέλειαν τῆς σπουδῆς· ὅμως ὁ Κωνσταντῖνος μὲ ὀλίγους χρόνους, ἀπέκτησε πᾶσαν σοφίαν καὶ σύνεσιν, καὶ ὑπερέβη πάντας τοὺς τότε σοφοὺς, καὶ ὑπὸ πάντων ἐκράζετο φιλόσοφος· διὰ τοῦτο καὶ ἠγάπα αὐτὸν ὁ Λογοθέτης, καὶ ἠθέλησε νὰ τὸν στεφανώσῃ μὲ μίαντου πνευματικὴν θυγατέρα ἀπὸ τὸ ἅγιον βάπτισμα, τάζωντάς τον πλοῦτον καὶ τιμὴν βασιλικήν· ἀλλ αὐτὸς ὁ μακάριος Κωνσταντῖνος μισήσας τὸν Κόσμον, καὶ τὰ ἐν Κόσμῳ, φεύγει κρυφίως ἀπὸ τὰ Βασίλεια, καὶ ἀπελθὼν εἰς ἓν μοναστήριον εἰς τὸ στενὸν τῆς μαύρης θαλάσσης, ἔγινε μοναχός· ἔγινε δὲ ζήτησις περὶ αὐτοῦ, οὐ μόνον παρὰ τοῦ Λογοθέτου, ἀλλὰ καὶ ὑπὸ τοῦ Βασιλέως, καὶ μετὰ ἓξ μῆνας τὸν ηὗραν, καὶ τὸν ἔφεραν καὶ μὴ θέλοντα εἰς τὰ Βασίλεια, καὶ ἐχειροτόνησεν αὐτὸν πρεσβύτερον ὁ ἐν ἁγίοις Μεθόδιος ὁ Πατριάρχης, καὶ εν ταὐτῷ τὸν ἔκαμε καὶ χαρτοφύλακα τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, καὶ μέγαν διδάσκαλον τῆς φιλοσοφίας.

Μετὰ δέ τινος χρόνου διάστημα πέμπεται ἀποκρισιάριος παρὰ τοῦ Βασιλέως πρὸς τοὺς Σαρακοινοὺς εἰς τὴν Συρίαν· ὅστις πορευθεὶς

путовы: ѡвому Логоѳету быле [супріятели й] познани родителі Кѡнстантїновы, за то ѡвай Логоѳетъ пошлѣ й оу҃зме Кѡнстантїна изъ Ѳессалонїке оу҃ Цариградъ, й дадѣ га, да се заедно съ младымъ Царемъ [Міханломъ] оу҃чи, сирѣчь да ѡвай Царскій сынъ види оу҃спѣхъ Кѡнстантїновъ, й да му подражава оу҃ трудолюбію оу҃ченїм. Кѡнстантїнъ послѣ нѣколику година придобые сву мудрость, и разумъ, превзыде ѡногъ времена мудреце, и ѿ свїо названь буде Фїлософомъ: за то га возлюби Логоѳетъ, и хотѣша га вѣнчати съ нѣкомъ своїомъ духовномъ кѣперію, по свѧтомъ крещенію, увѣщаваючи му богатство, и честь Царску. Ѡваче блаженный Кѡнстантїнъ презрѣ ѡвай свѣтъ, и свѣтске ствари, побегне тайно изъ Царскогъ двора, й оу҃ниде и (вм. оу҃) нѣкій Монастыръ поредъ черногъ морѧ, и постане Монахомъ. Послѣ тога заповѣди тражити га не самѡ Логоѳетъ, но й Царь. Й минувшу времени шесть месецій, найдо га, й доведо, й не хотеѣша, оу҃ дворъ Царскій. Мєѳодій Патрїархъ рукоположи га во Пресвитера свѧте Церкве, й ѡдма га постави книгохранителемъ Велике Церкве, й великимъ Оу҃чителемъ Фїлософіе.

По йстеченіи нѣколику година, посланъ буде ѿ Царя, као Посланникъ Туркомъ оу҃ Сурію. Када ѣ Кѡнстантїнъ тамѡ дошао,

ἐκεῖ, ἐδιελέγετο μὲ τοὺς νομοδιδασκάλους αὐτῶν περὶ Πίστεως· οἱ ὁποῖοι καὶ ἔδωκαν αὐτῷ φαρμάκι δηλητήριον ἤγουν θανατηφόρον· καὶ αὐτὸς χωρὶς νὰ φοβηθῇ παντελῶς τὸ ἔπιε, καὶ ἀβλαβοῦς μείναντος ἐθαύμασεν ὁ αὐθέντης, καὶ χαρίσας αὐτῷ πολλὰς δωρεὰς τὸν ἐξαπέστειλεν εἰς τὸ Βυζάντιον· ὁ δὲ Βασιλεὺς καὶ ἡ Σύγκλητος τὸν ἐδέχθησαν μετὰ χαρᾶς εὐχαριστοῦντες αὐτῷ· ὁ δὲ ἅγιος ἀπελθὼν εἰς τὸ ὄρος τοῦ Ὀλύμπου, καὶ εὑρὼν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ τὸν ὁσιώτατον Μεθόδιον ἔμεινε μετ' αὐτοῦ δουλεύοντας τῷ Θεῷ.

Μετὰ δὲ ταῦτα Χαγάνος ὁ ἀρχηγὸς τῶν Κοζάκων [1]), στέλνει πρέσβεις πρὸς τὸν Βασιλέα Μιχαὴλ ἐρωτῶν περὶ Πίστεως, ἐπειδὴ οἱ Ἑβραῖοι ἐδίδασκον αὐτὸν τὴν θρησκείαν τους, οἱ δὲ Σαρακοινοὶ τὴν ἀσέβειαν αὐτῶν λέγοντες, ὅτι αὕτη ἔστιν ἡ ἐξαίρετος Πίστις. διὰ τοῦτο παρεκάλει τὸν Βασιλέα νὰ τοῦ στείλῃ ἄνδρας σοφοὺς διδασκάλους, νὰ διαλεχθοῦν μὲ τοὺς Ἑβραίους, ὑποσχόμενος νὰ τοῦ ἦναι εἰς τὸ ἑξῆς ὑπήκοος, καὶ βοηθὸς εἰς τὸν πόλεμον· ὁ δὲ Βασιλεὺς μὲ τὸν Πατριάρχην Ἰγνάτιον (οὗτος γὰρ ἐπατριάρχευσε μετὰ τὸν ἅγιον Μεθόδιον) στελ-

разговорасе са законоучителкньовы, ѡ вѣри, кои завидѣвше премудрости нѣговой, даду му отрову смертоносну: ѳнъ ѳбаче не оубомсе тога, но сасвимъ испїе: и када ѡстане невредимь, зачудисе Властитель, ѡбдари га богатш, и пошлѣ га на трагъ оу Цариградъ. Ту Царь, и Сенатъ дочекаю га съ великомъ радостїю, и благодаре му за толикїй трудъ. Свѧтый Кѡнстантїнъ ѿиде по томъ оу гору Олумпъ, и найде тамш брата свога преподовнаго Меѳодїа, и ѡстане съ нимъ, служећи Господу Богу.

После тога Хаганъ Властитель Козачкїй пошлѣ къ Царю Михаилу Посланнике свое, распитати ѡ вѣри: ѣрво ѣ желїо познати ѡстинну вѣру. Будући да су га Евреи оучили своему закону, Турцы пакъ своемъ нечестїю, говорећи да нѣкова вѣра ѣсть йзрѧдна: за то Хаганъ молише Царъ, да му пошлѣ Оучителѣ люде мудре, да се разговоре съ Евреима ѡ вѣри ѡбвезуюћисе, да ће му оу напредакъ быти послушникъ, и помоћникъ оу войсцы. Царь дакле съ Патрїархомъ Игнатїемъ, (ѣрво овай ѣ быо Патрїархъ после свѧтога Меѳодїа),

[1]) Названіе хозаръ *козаками* явилось здѣсь не случайно. Сближеніе козаковъ съ хозарами, на основаніи сходства именъ, и заключеніе отсюда о славянствѣ хозаръ не только нашли себѣ мѣсто въ различныхъ малорусскихъ лѣтописяхъ, но признавались и авторомъ Commentarii praevii d. ss. Cyrillo et Methodio въ Acta ss. *Водянскій*, О врем. происх. слав. письм., 73.

λουσιν εἰς τὸ Ὄρος τοῦ Ὀλύμπου καὶ φέρουσι τὸν ἅγιον Κύριλλον καὶ Μεθόδιον τὸν ἀδελφόν του, καὶ τοὺς ἔστειλαν ἐκεῖ οἱ ὁποῖοι καὶ μετὰ χαρᾶς ὑπήκουσαν, καὶ προθύμως ἔδραμαν εἰς τὸ κήρυγμα τῆς Πίστεως πρὸς ἐκεῖνα τὰ ἔθνη. τοὺς ὁποίους φθάσαντας ἐκεῖσε τοὺς ἐδέχθη μετὰ χαρᾶς ὁ Χαγάνος, καὶ εὐθὺς ἐπρόσταξε τοὺς Ἑβραίους νὰ ἔλθουν τὰ διαλεχθοῦν μὲ τοὺς Ῥωμαίους, οἱ ὁποῖοι καὶ ἦλθον πλῆθος Γραμματεῖς καὶ νομοδιδάσκαλοι· τοὺς ὁποίους ἐλέγξαντες οἱ θεῖοι πατέρες, τοὺς καὶ τήσχυναν τῇ δυνάμει τῶν λόγων, ἐκ τῶν ἁγίων γραφῶν καὶ τῶν προφητῶν, ἕως ὁποῦ τέλος πάντων ἀπεδιώχθησαν ὡς μισόθεοι καὶ παράνομοι· ὁ δὲ Χαγάνος εὐλαβηθεὶς τοὺς ἁγίους, καὶ κατηχηθεὶς ὑπ' αὐτῶν τὴν εὐσέβειαν, ἐδέχθη τὸ ἅγιον βάπτισμα αὐτὸς καὶ μερικοὶ ἄρχοντες καὶ ἀπὸ τὸ πλῆθος ἕως διακόσιοι· τοὺς ὁποίους οἱ θεῖοι πατέρες ἱκανῶς διδάξαντες καὶ στηρίξαντες εἰς τὴν πίστιν, ἀφῆκαν εἰς αὐτοὺς ἱερεῖς Χερσωνήτας· καὶ λαβόντες διὰ δῶρον ὅσους Ῥωμαίους εἶχον αἰχμαλώτους οἱ Σκύθαι, ὁποῦ ἦσαν ὑπὲρ τοὺς διακοσίους ἄνδρας, ὑπέστρεψαν εἰς τὴν Χερσῶνα· καὶ ἐκεῖ διὰ προσευχῆς εὗρον τὰ λείψανα τοῦ ἁγίου Κλήμεντος Πάπα Ῥώμης, ἔσωθεν τῆς θαλάσσης· καὶ φέροντες τὰ ἐπέθεσαν εἰς τὴν μεγάλην ἐκκλησίαν τῆς ἁγίας Σοφίας ὁποῦ εἶναι, ἐκεῖ εἰς τὴν Χερσῶνα, ὁμοῦ μετὰ τοῦ ἐπισκό-

пошлю оу̀ гору Олумпъ, и дадѹ довести свѧтаго Кѵрілла, и свѧтаго Меѳодїа брата нѣгокогѡ: и сѡвонѫ пошлю къ Хагану, Они сѵ се сѫ радостїю повиновали, и оу̀средиѡ шли, на проповѣдь вѣры, Онѣмъ народѡмъ. Када тамѡ дойдѹ, прїими и сѫ радостїю Хаганъ, и âвїе заповѣда Евреѡмъ, да дойдѹ, и да се разговоре ѡ вѣри сѫ Грецы. Онда оу̀ Евреекъ дойде множество Книжникѡвъ, и Законоучителей. Божественнїи Оци Свяче Оу̀чители Кѵрїлъ, и Меѳодїй, ѩвобличаюћи йхъ, посраме йхъ силою словесъ свѧщенныгѡ Писанїя, и пророкѡвъ, докле на послѣдокъ Евреи, као Богоненавистницы, и беззаконницы шпрокержени не буду; Хаганъ же при Сѡвомъ почествованїе Свѧте. И када ѿ ѡ нихъ Благочестїю наученъ бїю, Онда прїими свято Крещеніе не самѡ сѫ, но и нѣкїи Велможе, и ѡ народа числомъ двѣста. А када сѵ йхъ блаженни Оу̀чители доволнѡ научили, и оу̀твердили оу̀ вѣри: Онда ймъ ѿставе Свѧщенинке йзъ Херсѡна, за кое прїиме на даръ Сне Грекѣ, кои сѵ были оу̀ робству кодъ Хагана, до двеста людїи: и такѡ се врате оу̀ Херсѡнъ, гдѣ молитвами своими найду Мшци свѧтагѡ Климента Папы Римскагѡ оу̀ морю, и донесу йхъ, и ѿставе оу̀ Церкви свѧте Софіе, кое ѿ тамѡ оу̀ Херсѡну. Ово сѵ Они скупа сѫ свѧтымъ Епископо-

ποτ Χερσῶνος Γεωργίου καὶ παντὸς τοῦ λαοῦ· αὐτοὶ δὲ οἱ μακάριοι λαβόντες μέρος ἐκ τῶν λειψάνων τοῦ ἁγίου Κλήμεντος ἐπαντέστρεψαν εἰς τὴν Κωνσταντινούπολιν καὶ τοὺς ἐδέχθη ὅτε Βασιλεὺς καὶ ὁ Πατριάρχης μετὰ τιμῆς μεγάλης, ὡς Ἀποστόλους τοῦ Χριστοῦ εἰς τὰ ἔθνη κηρύξαντας.

Ὅτι δὲν ἐπέρασαν πολλοὶ χρόνοι, ἀφ' οὗ ἐγύρισαν ἀπὸ τὸ κήρυγμα τῶν Κοζάκων, καὶ ἰδοὺ ἔρχονται πρέσβεις παρὰ τοῦ αὐθεντὸς τῶν Βουλγάρων πρὸς τὸν Βασιλέα Μιχαὴλ παρακαλῶντάς τον νὰ τοῦ στείλῃ διδασκάλους νὰ κηρύξουν εἰς τὸ ἔθνος του τὸν Χριστιανισμόν, ὑποσχόμενος νὰ βαπτισθῇ, καὶ νὰ εἶναι εἰς τὸ ἑξῆς φίλοι καὶ βοηθοὶ εἰς τοὺς πολέμους· τότε ὁ Βασιλεὺς καὶ ὁ Πατριάρχης χαίζουσι πάλιν τοὺς ἀοιδίμους τούτους, παρακαλῶντάς τους νὰ ὑπάγουν νὰ φωτίσουν τὰ ἔθνη ἐκεῖνα τὰ πεπλανημένα· οἱ ὁποῖοι καὶ τὸ ἐδέχθησαν μετὰ χαρᾶς· τότε ὁ θεῖος Ἰγνάτος χειροτονεῖ τὸν μακάριον Κύριλλον ἐπίσκοπον.

помъ Херсонскимъ Георгіемъ, и съ цѣлымъ народомъ обучинили. Они пакъ Блажени обузму часть нѣку Мощей свѧтаго Климента, й вратесе ов Цариградъ, гдѣ йхъ й Царь, й Патріархъ съ великомъ честію, као Апостоле Христове, кои су проповѣдали газычникшмъ, пріиме.

По возвращеніи ѿ предреченныхъ Казакшкъ, ѣдва нѣколикѡ година пройде, кадъ ѣлъ ѣво дойду й Посланници ѿ владѣтелѧ Болгарскогъ Бориса къ Царю Михаилу, молећи га, да му пошлѣ Обучителѣ, кои ће проповѣдати народу нѣговомъ Христіанство, и обећавајући му, да ће се крестити, й быти му ов напредакъ другъ, й спомоћникъ ов войски. Онъ Царь, й Патріархъ позову й опетъ ѡвс приспоспмѧтше Обучителѣ, молећи йхъ, да ѿиду, й да просвѣте нарѡде ѡне заблужденіе. Свѧтіи Обучители ѡви пріимили су то съ радостію. Он. да Божественный Патріархъ Игнатій рукоположи свѧтаго Кирілла за [Болгарскогъ] Епископа

Приготовленіе къ изобрѣтенію письменъ и переводу св. писанія и другихъ душеспасительныхъ книгъ. *Οὐρ. Κρ.*— *Ἀκ.* Дальше въ *Οὐρ. Κρ.* свѣдѣнія изъ *Χ. Δ.*

...ὅτι μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἐσύνθεσαν τὸ Βουλγαρικὸν ἀλφάβητον στοιχεῖα τεσσαράκοντα ὀκτώ, καὶ ἄρχισαν νὰ λαλοῦν ἑτέραις γλώσσαις τὰ μεγαλεῖα τοῦ Θεοῦ, καὶ πρῶτον μὲν ἐμεταγλώτ-

... ѣрво после четыридесеть дан, составили су Болгарску Азбукуѿ четыридесеть й ѡсамь писменъ, й почели су говорити другима ѣзыцы величїм Божїм: й найпре преведу на Болгарскій ѣзыкъ ст-

τισαν εἰς τὴν Βουλγαρικὴν γλῶσσαν στίχους καὶ τροπάρια· μετὰ δὲ ταῦτα τὸ κατὰ Ἰωάννην Ἅγιον Εὐαγγέλιον· ἰδόντες δὲ ὁ Βασιλεὺς καὶ Πατριάρχης, ἐδόξασαν ὁλοψύχως τὸν Κύριον.

Ὕστερα ἀπὸ τὸ μέγα τοῦτο καὶ ὑπερφυὲς κατόρθωμα ἀνεχώρησαν ἀπὸ τὴν Κωνσταντινούπολιν, ἔχοντες πᾶσαν ὑπηρεσίαν Βασιλικήν. τοὺς ὁποίους καὶ φθάσαντας εἰς τὴν Βουλγαρίαν ἐδέχθη μὲ τιμὰς μεγάλας ὁ Βορίσης ὁ αὐθέντης τῶν Βουλγάρων· καὶ αὐτοὶ τοῦ ἔδειξαν τὰ νεωστὶ παρ' αὐτῶν εὑρεθέντα γράμματα, κατὰ τὴν ἐδικήν τους γλῶσσαν· καὶ μετὰ τοῦτο εὐθὺς τοὺς ἔφερεν παιδία νέα, καὶ ἄρχισαν νὰ τοὺς διδάσκουν τὰ γράμματα, καὶ νὰ τοὺς μανθάνουν ἑσπερινὸν, ὄρθρον, καὶ πᾶσαν τὴν ἀκολουθίαν, καὶ τὸ ψαλτήριον· καὶ τέλος πάντων ἐβαπτίσθη ὁ Ἄρχων καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ...

Ἔπειτα κτίσαντες καὶ ἐκκλησίαν, ἄρχισαν νὰ ὑμνοῦν τὸν Θεὸν, καὶ νὰ βαπτίζουν τὰ πλήθη· ἔπειτα μεταφράσαντες τὴν ἱερὰν λειτουργίαν, ἄρχισαν καὶ νὰ λειτουργοῦν μὲ Βουλγαρικὴν Γλῶσσαν, καὶ νὰ μεταλαμβάνουν τοὺς πιστούς.

Ταῦτα ἀκούοντες καὶ βλέποντες οἱ δυτικοὶ ἤγουν οἱ ἐπίσκοποι καὶ ἱερεῖς τοῦ Πάπα, ἐκατηγόρουν τοὺς ἁγίους, πῶς λειτουργοῦν μὲ γλῶσσαν βαρβαρικὴν, καὶ μὲ αὐτὴν ἀναγινώσκουν καὶ τὸ Εὐαγγέλιον, ὁποῦ δὲν πρέπει, πάρεξ μὲ μόναις ταῖς τρεῖς ἐκείναις, ἢ ὁποίαις ἐγράφησαν εἰς τὸν Τίτλον τοῦ

хове, й тропаре: послѣ тога, ѡ Іѡанна свато Єванґеліе. Й када киди то Цар, й Патріархъ, прославили су вседушно Господа [Бога].

Послѣ Окогъ великогъ й пречудногъ оустроенїм ѿишли су йзъ Цариграда, имоюћи са собомъ сву послугу Царску, коихъ, кадъ су дошли оу Болгарію, прїими съ великомъ честїю Борисъ Властитель Болгарскїи. Онда й Они [блаженнїи Оучители] покажу му новоизобрѣтена чрезъ нихъ писмена по нїовомъ ѣзыку. Послѣ тога довели су младу дѣцу, й почели су йхъ оучити писменамъ, й науче йхъ Вечерню, Оутренню, сву службу, й Ѵалтирь читати. Напослѣдакъ крестїосе Властитель и сви нѣгови люди...

Послѣ тога йзидали су Цркву, й почели су славити Бога, й крестити множество народа. Преведу Божественну Лїтургїю, й почну служити на Болгарскомъ ѣзыку и причащавати вѣрне.

Й кадъ су Ово чули, й видили западнїи Єпїскопи, й Свящєнници, клеветали су на Свате, говорећи: да какѡ могутъ служити на ѣзыку Варварскомъ; й на томъ ѣзыку читати й свато Єванґеліе; кое не пристои, развѣ на три Она ѣзыка, коѥ є дао Пїлатъ написати на Кресту

Σταυροῦ παρὰ τοῦ Πιλάτου, ὁμιλαβὴ ἑβραϊστὶ, ἑλληνιστὶ, καὶ ῥωμαϊστὶ· ὅθεν ὁ πάπας Νικόλαος, εἰς τὸν ὁποῖον ἐγκάλεσαν τοὺς ἁγίους, τοὺς ἔγραψε νὰ ὑπάγουν πρὸς αὐτὸν εἰς τὴν Ῥώμην, καὶ νὰ φέρουν καὶ τὰ βιβλία τους διὰ νὰ τὰ ἰδῇ. αὐτοὶ δὲ οἱ μακάριοι στηρίξαντες τὸ ποίμνιον αὐτῶν, καταστήσαντες εἰς αὐτοὺς ἱερεῖς καὶ διακόνους ἐμίσευσαν διὰ τὴν Ῥώμην, ἔχοντες μεθ' ἑαυτῶν καὶ μέρος ἀπὸ τὸ λείψανον τοῦ ἁγίου Κλήμεντος Πάπα Ῥώμης· ἕως δὲ νὰ φθάσουν εἰς τὴν Ῥώμην ἀπέθανεν ὁ Πάπας Νικόλαος, καὶ ἔγινεν Ἀδριανὸς ὁ δεύτερος.

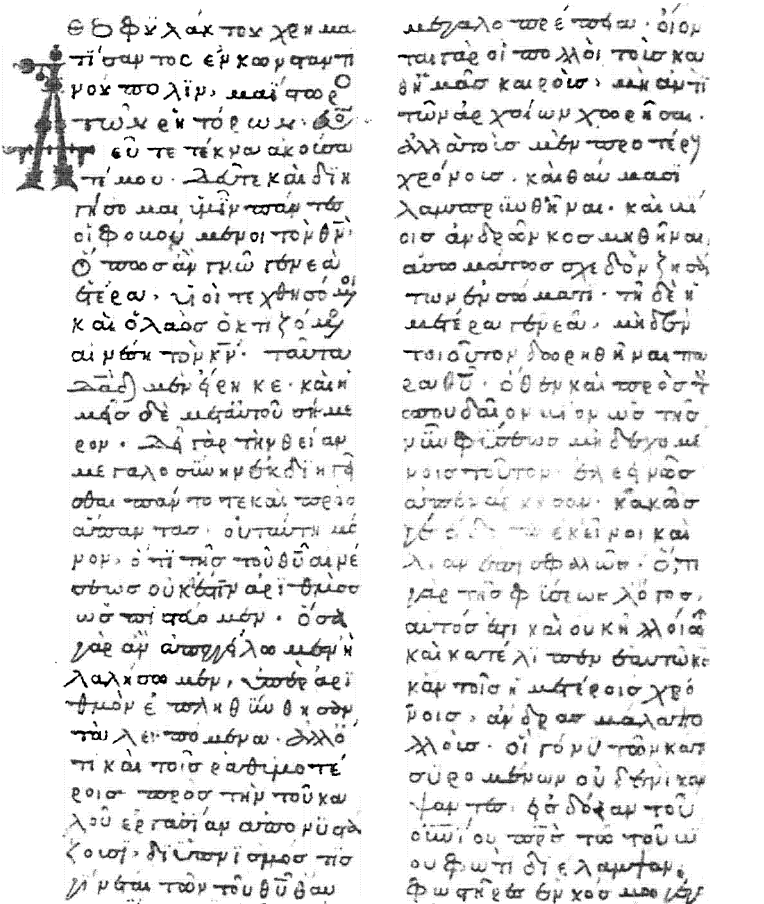
Μετὰ ταῦτα λειτουργήσας εὐλόγησε τὰ βιβλία τῶν θείων Γραφῶν.

Τούτων οὕτω γενομένων. ἔφθασεν ἡ ὥρα εἰς τὸν μακάριον Κύριλλον νὰ μετασταθῇ ἀπὸ τὴν παροῦσαν ζωὴν, εἰς τὴν οὐράνιον καὶ αἰώνιον· καὶ προγνωρίσας τὴν τελευτήν τοῦ ἐνεδύθη τὸ μέγα ἀγγελικὸν σχῆμα· εἶτα ζήσας ὀλίγας ἡμέρας ἀπῆλθε πρὸς Κύριον, καὶ ἐνταφιάσθη ἐντίμως εἰς τὸν Ναὸν τοῦ ἁγίου Κλήμεντος, ἔνθα καὶ τὰ λείψανα ὅπου ἔφερον ἀπὸ τὴν Χερσῶνα κατέθεντο.

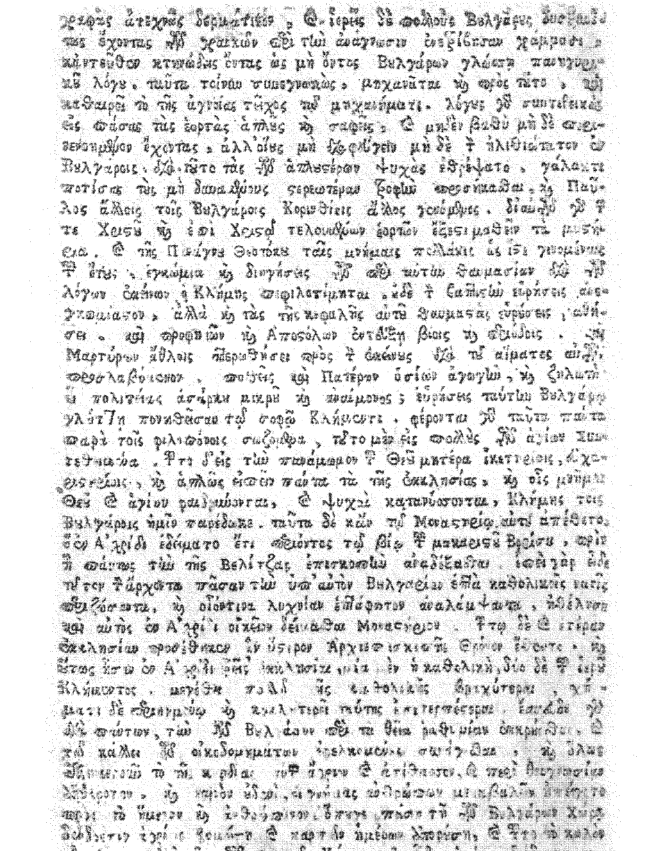
кдо Тїтло, сирѣчь Єврейскїй, Грѣческїй, и Римскїй: за то ѥ и Папа Нїколай, кому су тужили Свмте, писао Свмтимъ, да дойду къ нему оу Римъ, и да донесу съ собомъ Книге свое, да ихъ види. Они пакъ Блажешнїи, када су оутвердили пасство Хрїстово, и поставили надъ нимъ Свщеннике, и Дїаконе, Онда су шли оу Римъ, имаюѓи съ собомъ и часть Мшшей свмтагш Климента Папы Римскога. Не прѣѣ нежели су Они оу Римъ дошли, Папа Нїколай оумре, и постане на мѣсто Онога Адрїанъ Вторый.

Послѣ тога Папа служїо ѥ Божественну Службу, и благословїе книге Божественныхъ Писанїй.

Када ѥ Ово такш догодилосе, приспѣ часъ блаженномъ Курїлли да се престави, и изъ настоящега живота оу небесный и вѣчный пресели. И када ѥ предвидїо конецъ свой, обуче на себе свмтый Анделскїй Чинъ, и такш послѣ нѣколикш дана престависе ко Господу; и погребенъ буде съ честїю оу Церкви свмтагш Климента, гдѣ су и Мшши Онога Свмтителя, кое оу Ови Свмтїи, Курїлла и Меѳодїй, изъ Херсша доне(с)ли, положени были.



Списокъ житія св. Климента въ Охридской рукописи XIV—XV в., хранящейся въ Моск. и Румянц. муз., собр. Григоровича № 818, л. 10 об.



Москопольское изданіе житія св. Климента, 1742 г., стр. 32.

Βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογίατε, καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις, τῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπτυ Βουλγάρων, συγγραφεὶς παρὰ τῦ ἁγιωτάτυ καὶ ἀοιδίμυ ἀρχιεπισκόπτυ τῆς πρώτης Γουσπτιανῆς, καὶ πασης Βλγαρίας, κυρίυ Θεοφυλάκτυ, τῦ καὶ μαΐζορος τῶν ῥητόρων χρηματίσαντος ἐν Κωνσταντινοπόλει.

Δεῦτε τέκνα ἀκούσατέ μου, δεῦτε καὶ διηγήσομαι ὑμῖν πάντες οἱ φοβούμενοι τὸν Θεὸν, ὅπως ἂν γνῷ γενεὰ ἑτέρα, υἱοὶ τεχθησόμενοι, καὶ λαὸς ὁ κτιζόμενος αἰνέσῃ τὸν κύριον. ταῦτα μὲν Δαβὶδ εἴρηκεν, ἡμεῖς δὲ μετ' αὐτῦ σήμερον. δεῖ γὰρ τὴν θείαν μεγαλοσύνην ἐκδιηγεῖσθαι πάντοτε καὶ πρὸς ἅπαντας. οὐ ταύτῃ μόνον, ὅσα γὰρ ἂν ἀπαγγείλωμεν καὶ λαλήσομεν, ὑπὲρ ἀριθμὸν ἐπλησθήσαν τὰ λειπόμενα. ἀλλ' ὅτι καὶ τοῖς ῥαθυμοτέροις καὶ πρὸς τὴν τῦ καλῦ ἐργασίαν ἀπονυσταξασι, διϋπνισμός τις γίνεται ἡ τῶν τῦ Θεῦ θαυμασίων κηρυττομένη μεγαλοπρέπεια. οἴονται γὰρ οἱ πολλοὶ τὰς καθ' ἡμᾶς, καιρὸς

ἐκ

Вѣнское изданіе житія св. Климента, выполненное Амвросіемъ Пампереемъ, 1802 г. (непоступавшее въ продажу), стр. 101 (1-ая житія).

Изображеніе св. Климента въ Аколуѳіи, изданной Аѳанасіемъ Пароскимъ въ Венеціи въ 1784 г.

УКАЗАТЕЛЬ

именъ личныхъ, географическихъ и племенныхъ.

Сокращенія: архіеп. — архіепископъ; библіогр.—библіографъ. б.н. — болгарскій. болгарск. визз.—византійскій; влмч.—великомученикъ; г.—городъ; гр.—греческій; еп.—епископъ; епископія—епископія; еретич. — еретикъ; игум.—игуменъ; изд.—издатель; ист.—историкъ; іерм. — іеромонахъ; имп.—императоръ; кн.—князь; кор.—король; митр.—митрополитъ; мон. — монахъ; м-рь, мон—рь—монастырь, назв.—названіе; обл.—область; патр.—патріархъ; перев. переводчикъ, пис.—писатель; нѣм.—нѣмецкій, рс.—русскій, р.—рѣка; св.—святой; слав.—славянскій, серб. сербскій; тип.—типографъ; уч.—ученикъ; ц. —царь; ч.—чешскій; ?—невыясненная личность или имя.

Цифры—страницы книги.

Аббасиды, фамилія калифовъ 242.
Аббо-Пляска, деревня 160.
Авлона (Валона), г. 178, 180, 196
Ἀγαθούπολις, епископія 207.
Агаѳоникъ, еп. (или архіеп.) сербск. Моравы 146.
Адріанополь г. 192, 207, 208.
Адріанъ I, папа 141.
Адріанъ II, папа 5, 35, 64, 109, 118, 122, 124, 129, 132, 136, 143, 215.
Адріанъ III, папа 136.
Адріатическое море 177, 178, 182, 206.
Азія 105; Малая—92, 141, 159.
Акамиръ, начальникъ Вельзитіи 214.
Акоминатъ Михаилъ, пис. виз. 183.
Акоминатъ Никита, пис. виз. 97.
Акрокеравнія, мысъ (Главница) 178; А—нійскія горы 180.
Албанія 85, 155, 156, 167, 168, 169, 177, 178, 179, 182, 196.
Александръ Македонскій 91, 92, 242.
Alexius Sampsi Hunno (?) 165.
Алексѣй Комнинъ, имп. 186.
Алляцій Левъ, ист. 4, 5, 8, 11, 45, 52.
Альбертъ III, герцогъ 135.
Амвросій Памперей, іерм., изд. 7—11, 23, 42—43, 90.
Анастасія, св.,—храмъ 246.
Ангелярій, уч. Меѳодія 103, 117, 148, 150—151, 156.
Андрей Дандоло, дожъ венец., ист. 142.
Андроникъ II, имп. 19.
Анна Комнина 86—87.
Аннія (Іоаннъ), патр. 231.
Антоній, архіеп. Босфорскій 116.
Антоній (Вадковскій), митр. 108. 253—255.
Антонинъ, архим. 104.
Аѳанасій Александрійскій 23; слав. переводъ словъ его 161, 187. 252—256.
Аѳанасій, мон., другъ Фотія 116.
Аѳанасій Паросскій, іерм., перев. 20—29, 36, 38, 40—45, 50—51, 57, 68, 112, 116, 224—225.
Аѳины 21, 213—214, А—скій округъ 184.

Аѳонъ: рким. монастыри — Діонисіата 5, 8. Зографскаго 78, 90, 103; Иверскаго 4; Пантелеимоновскаго 90, 95; Хиландарскаго 28—29, 43; ч—ри—Зографскіи 100; Филоѳея 19.

Балашевъ Г. Д. 57, 89, 90, 98—101, 104—105, 147, 150, 157, 159, 180—1, 189, 196—7, 199—200, 218, 224, 250, 255.
Балканскій полуостровъ 95, 146, 148, 158, 171, 183—184, 197, 200, 214; Б—скія горы 96, 158, 168, 207.
Балтійское море 135.
Банатъ, обл. 160.
Баръ 144.
Бебейское озеро 213.
Безрадъ (Besrad), уч. Меѳодія (?) 147.
Беотія 213—214.
Бератъ г. 147, 155—156, 180, 196.
Берзиты (Бърсяки), слав. пл. 171.
Берлинъ 8.
Берская каза 18.
Беръ г., см. Верея.
Бертинская лѣтопись 163, 167.
Бильбасовъ В. А. 6, 11—12, 75, 89, 136, 143, 218, 232.
Билярскій П. С. 227.
Bintcrim 133.
Битольская епископія 194.
Блумбергеръ 45.
Богемія 145.
Бодлевъ, блг. 90, 99, 224.
Бодянскій О. М. 6, 11, 12, 75, 89, 136, 143, 218, 232.
Божетѣхъ, аббатъ 134.
Болгарія—оч. часто.
Болгарофигонъ, крѣпость 192, 208.
Борисъ (Михаилъ), кн. блг. 3—5, 17, 27, 40—41, 48, 60, 68—69, 70, 71—74, 84, 87—88, 91, 93, 102, 118, 150—156, 158—159, 162—170, 175—176, 181—182, 184—194, 205—206, 215—217, 219, 223, 225—226, 232—235, 239, 245—246, 249.
Боритаканъ 16, 93, 150, 165.
Босфоръ 247.
Бочекъ 129.
Брандль 129.
Браничево г. 148.
Бретгольцъ 127.
Брнъ г. 129.
Брѣгальница—обл. 195, 217, 232, 234—235; —р. 199; г. 199; —епископія 196, 216; —? 231.
Брюкнеръ А. 128.
Б—сус (Борисъ), кн. блг. 169.
Буда-Пештъ 29.
Будиловичъ А. С. 242.
Βουκούβων—епископія 207.
Βουλιας—τωρκάνος 150.
Бургасъ г. 156, 207.
Быстрица (Inde—Karasu) р. 18, 207.
Бѣласица 198.
Бѣлащица 198.
Бѣлградъ албанск. (Бератъ) г. 155
Бѣлградъ сербск. г. 29, 148, 150, 156, 219.
Бѣлградская епископія 216.
Бѣлица (*Βέλιτζα*, неправильное Velitza) 195, 198, 199.
Бѣлое море 206.
Бѣлое (Охридское) озеро 178—179.
Bury J. B. 161.

Vagnetia 178.
Валафридъ, пис. 241.
Валахія 7.
Валона, см. Авлона.
Валонское приморье 196.
Вальсамонъ 244.
Варда, кесарь 229.
Вардаръ р. 147, 180, 195—197, 200—201, 207.
Василій Вел. 23.
Василій I Македонянинъ, имп. 66, 123, 140, 142, 155, 254.
Василій II Болгаробойца, имп. 58, 66, 169, 178—181, 194, 197.
Васильевскій В. Г. 87.
Васильевъ А. А. 168, 174, 211—213.
Ваттенбахъ В. 68, 75.
Вела г. 196—197.
Велесичи, слав. пл. 171, 173.
Велегезаиты (*Βελεγεζῆται, Βελεγεζίται*, предп. *Βελεζῆται*, слав. пл.) 212—214.
Велеградъ вм. Бѣлградъ (*Βελεγράδ*), г. алб. 155.
Велестино г. 213.
Βελζήτια, обл. 214.
Велеща, село 106.
Велика—Велица, епископія, г. 15, 44, 194—216, 257; —р. 196—197, 199—200.
Венеція 20—22, 43, 126, 137, 139, 141—143, 155, 241, 246, 253.
Venetia Palaea г. 178.
Вентрокское озеро 197.
Верея (Веррея—Веррія—Беръ—Кара-Фери) г., епископія 18—20, 207, 209; В—ская епископія 209; В—ская земля 21.
Верковичъ С. И. 198.

Видинъ (Виддинъ) г. 87.
Виза г. 150.
Византія 58, 86—87, 97, 115, 123—124, 126, 129—131, 142, 155, 156, 159, 168, 181, 183—185, 187, 192—193, 207—209, 211, 216—217, 227, 231—234, 239, 242, 244—248, 251, 254, 256.
Вилинскій С. Г. 191.
Викторовъ А. Е. 13, 35, 46, 90, 96, 112.
Винды (славяне) 135.
Виноградовъ П. Г. 12, 17.
Вирпинская грамота 184.
Вирпинскій монастырь 184, 200.
Вихингъ, (*Βιχνῖγος, Βιχνῖσκος*) еп. 5, 16, 47, 75—78, 93, (Виглиско 93), 124—125, 127, 129, 130—131.
Вицногъ (Wiznog), уч. Меѳодія (?) 147.
Владиміръ, архим. рс. 72.
Владиміръ, кн. блг. 3, 48, 152—154, 163—164, 187, 189, 242, 252.
Владиміръ Мономахъ 244.
Владиміръ св., кн. рс. 69, 71, 73, 237.
Владиміръ, см. Іоаннъ В—ръ.
Владиславъ I, кн. ч. 141.
Владиславъ, см. Іоаннъ В—въ.
Водена г. 180, 182.
Войничи, слав. пл. 171, 173.
Войтѣхъ (Адальбертъ) св. 141.
Воло, заливъ 213.
Вондракъ В., д—ръ 109, 255.
Вороновъ А. Д. 6, 32, 36, 39, 46, 49—50, 53—54, 62, 72, 75, 86, 90, 92, 96, 102, 132—133, 135—136, 218.
Воскресенскій Гр. А. 235.
Востоковъ А. Х. 17, 227.
Воюца г. 178.
Вратиславъ, кор. ч. 134.
Вретосъ А. П., новогр. ученый 8, 21.
Вріенній, виз. гос. дѣятель 59.
Вячеславъ, св. ч. 77, 134, 140.

Галличникъ 12.
Галлія 132.
Ганъ (Hahn) 17—18, 104—105, 147.
Гейдъ (Heyd) 141.
Гельцеръ Г. 102, 206, 211, 220.
Генезій, ист. виз. 116.
Георгій Амартолъ, — хроника 168, 171, 255.
Георгій влмч. 154.
Георгій Вентоти, типографъ 8.
Георгій г. 35.
Георгій еп. 35.
Гераклея, епископія 194.
Гербертъ (впосл. папа Сильвестръ II) 117.
Гергенретеръ Іос. 131, 136, 244.
Германрихъ, еп. Пассавскій 139.
Германъ, патр. Конст—скій 216.
Германъ св. 216.
Герцбергъ Г. Ф. 87.
Гильфердингъ А. Ѳ. 6—7, 46, 90, 93, 95, 103, 135, 214.
Гинцель І. А. 12, 117, 121.
Гиршъ 71.
Главиница, Главеница (Кефалонія), г., епископія, обл. 15—16, 60, 84, 106, 176—179, 181, 194, 203—204, 250.
Glavenissa, см. Гл—ца, 178.
Glomenissa (Главеница) 178.
Глубоковскій Н. Н. 119.
Гоаръ 252.
Голубинскій Е. Е. 3, 45—49, 61, 71, 74, 78, 89—90, 95—96, 99—100, 102—103, 120, 135, 147, 153, 157, 177—179, 181, 190—191, 195, 199—200, 202, 207, 215—216, 218, 220, 232, 236, 239, 244—245, 247, 251, 255.
Гомеръ 201.
Гондрихъ еп. 118.
Гораздъ, уч. Меѳ. 16, 47, 54, 75—76, 102—103, 110, 117, 119, 124, 130—131, 133, 137, 146—147, 151.
Горскій А. В. 32, 68, 133, 152, 162.
Готы 243.
Греція 8, 168, 174, 214.
Григоровичъ В. И. 6, 11, 13, 32, 89—90, 92, 96, 104—105, 116, 147, 178, 224, 244.
Григорій, архіеп. Охридскій 21, 57, 92, 98—100.
Григорій Константинидисъ, іерм. 6, 7, 9, 103.
Григорій VII, папа 144.
Григорій, митр. Охридскій 225.
Григорій, пресвитеръ блг. 252, 256.
Гротъ К. Я. 121, 147, 200, 212.
Гфререръ А. Ф. 134, 142.

Давидъ прор. 14.
Далмація 92, 120, 146, 234.
Дакія 146—147, 167—168.
Даміанъ, патр. блг. 239.
Даніилъ, игм. рс. 36.
Даніилъ, проигм. Хиланд. м—ря 28.
Даніилъ, — хроника 200.
Даничичъ 200.
Дарданія, обл. 167—169.
Дассаретида, обл. 147.
Дебельтъ г. 156; Д—ская епископія 216.

Де-Боръ 212.
Добра г., 178; Добрьская область 12.
Добърца. Дъбърца обл. 106, 196—197;—каза (уѣздъ) 178.
Delehaye 224.
Демиръ-Гиссаръ г. 207, 216.
Демосѳенъ 52.
Desdevises du—Desert 198.
Диль Ш. 242.
Димитріада г. 213.
Димитрій Ростовскій св. 30, 40.
Димитрій Солунскій влмч. 79, 139, 159, 212—213.
Димитрій Хоматіанъ, архіеп. Охридскій 6, 20—21, 57, 98—100, 250.
Димитца М. (*Δημήτσας Μαργαρίτης*), ист. гр. 99, 224.
Димотика 207.
Дитмаръ еп., нѣмецк. ист. 119.
Диррахійская (Драчская) митрополія 209.
Діаболея (*Διάβολις Διαβολίς*-Дѣволъ) обл., г. 60.
Діогенъ св. 17.
Діоклетіанъ 147.
Діоклея г. 200.
Діонисіатъ, м—рь. см. Аѳонъ.
Діонисій Олимпійскій св. 19—20.
Діонисій Поповичъ, писат. срб. 29.
Длугошъ, лѣтописецъ польскій 134.
Добнеръ 78.
Добровскій Іос. 3, 9, 21, 30, 45, 49, 52, 63, 78, 227.
Довета—варіантъ имени блг. вельможи 9, 16—17, 176.
Доксъ, см. Дуксъ.
Домета, блг. вельможа 16—17, 166, 176.
Дометіанъ, см. Домета.
Доминикъ еп. 75, 131.
Досиѳей, ист. гр. 242.
Доспатскія горы 208.
Драгановъ П. Д. 106.
Драговѣтіи, Драговитиа, обл. драговичей 213—214.
Драговичи, слав. пл. 171, 173, 195; греч *Δρουγουβιτείοι* 211—212; *Δρουγουβιτία* 211; ср. *Δραγοβέτια*.
Драмѣтца, епископія 18, 206—207, 209—210.
Драчъ (Диррахіумъ, Дураццо) 120; Д—ская провинція 157, 168.
Дребенѣтца—варіантъ епископіи Кл—та 18, 201.
Дремвица—*Дремвѣтца*, епископія 44, 194, 196—197, 201—203, 205—206, 208—210.
Дриновъ М. С. 12, 47, 69, 72, 74, 96, 102, 104, 171, 183, 184, 191, 196—197, 207—208, 211, 232.
Дринополь г. 196—197.
Дринъ р. 147, 178, 196.
Дристра г. 87.
Дрѣновица г. 197.
Дукакисъ.—синаксаристъ 26, 103, 224.
Дуксъ или Докеъ 161, 181, 189, 252, 254—256.
Дунай 91, 145, 148, 156, 158, 168, 174, 199, 219.
Дураццо (Драчъ) г. 178.
Дѣволъ г., обл., епископія 114, 146, 156, 167—168, 177—181, 216, 218; р.—177.
Дюканжъ 61, 78, 96, 102, 147, 165, 183, 185, 195—196, 198, 201, 220, 239.
Дюммлеръ Э. 48, 80, 136.

Евгеній Булгарисъ 20.
Eccardus, изд. 132.
Евлалія св. 133.
Евномій, ерет. 23, 56.
Европа 242.
Евстаѳій II, архіеп. срб. 181.
Евстаѳій, пис. гр. 183.
Евсѣевъ И. Е. 252.
Езериты, слав. пл. 212, 254.
Еразмъ св. 147, 156.
Erben 145.
Ергентъ р. 177.
Ески-Дѣволъ г. 177.

Загора Старая г. 28, 207.
Загоріе обл. 156.
Зальцбургскій анонимъ 144.
Звиница, кн. блг. 165.
Звѣзда (*Σελασφόρος*) г. 177.
Зета 146, 197, 199—200.
Златарскій В. Н. 150, 159, 161, 163, 166, 189, 191, 239, 248, 255.
Знаменскій П. В. 133.
Зографскій монастырь, см. Аѳонъ.
Зонара 92.
Зосима, іерадіак. рс. 36.

Ибаръ р. 156.
Ибн—Даста, пис. арабск. 169.
Ивановъ Йорданъ 78, 90, 92, 99, 104, 179, 212, 224.
Иверскій монастырь, см. Аѳонъ.
Игнатій патр. 35, 143; его житіе 248.
Изделавіе г. 106, 178; см. Главиница.
Иллирикъ 91—94, 146, 168, 171, 182, 240; Иллиры 97; страны И—скія 94, 146.
Ильинскій Г. А. 184, 200, 255.

Имаретъ мечеть въ Охридѣ 106—107.
Ираклій, имп. 190.
Пречекъ Германильдъ 118, 140—141.
Пречекъ Константинъ 71, 97, 112, 120, 148, 153, 157, 160, 162, 165, 171—172, 191, 195, 199—200, 207, 210, 213, 217, 219, 239, 241—242, 245, 255.
Ирина, имп. 214.
Ирландія 242.
Исаія прор. 232.
Исвулъ кавханъ 168.
Исидоръ Севильскій 132.
Испанія 132.
Истибъ (Щипъ) г. 156.
Италія 155.
Ишпрковъ 170.

Іаковъ, архіеп. блг. 105.
Іаковъ де Ворагине, пис. итал. 36.
Іерихо г. 102, 182, 196.
Іисусъ Навинъ,—книга 252.
Іоаннина (*Ιωαννίτζων*), епископія 207.
Іоаннъ, арх. рс. 210.
Іоаннъ Владиміръ, кн. срб., св. 102—103.
Іоаннъ Владиславъ, ц. блг. 165.
Іоаннъ Дамаскинъ. Октоихъ 236, 238;—Богословіе 252.
Іоаннъ Евангелистъ 35, 42, 55—56, 74.
Іоаннъ Каменіата, пис. виз. 206.
Іоаннъ Киннамъ, пис. виз. 97.
Іоаннъ Комнинъ, имп. 97.
Іоаннъ Креститель, слово ему 199; служба ему 237.
Іоаннъ VIII, папа 76—77, 119—120, 127, 129, 135, 139, 143, 166, 219, 234.
Іоаннъ XIII, папа 134.
Іоаннъ Партиципаццо, дожъ венеціанскій 142.
Іоаннъ пресвитеръ 75, 131.
Іоаннъ севастъ 59.
Іоаннъ Скилица, виз. ист. 69.
Іоаннъ, экзархъ Блг. 161—162, 252, 254—257.
Іоасафъ, архіеп. Охридскій 6.

Кавала г. 206.
Кадокія? 184.
Казанскій П. С. 32.
Калайдовичъ К. 161—162, 244, 255.
Калама р. 178.
Калина А. 172.
Каллишикъ, архим. гр. 22.
Каллистратъ, архим. блг. 100.
Καλογεράνος 150.
Канаонъ? 31—32.
Канина г. 102, 179, 182, 196.
Каонъ? 33, Канаонъ? 32.
Кара—су (Струмица) р. 195.
Кара-Фери 18, ср. Верея.
Карлъ Великій 132—133, 141.
Карлъ Толстый 142.
Касторія г. 177, 182.
Катана г. 32.
Катанаонъ, Катаонъ 32.
Кедринъ, ист. виз. 69, 199, 209.
Кельты 242.
Керкира (Корфу), островъ, г. 21, 23.
Кефалонія (Главиница) 97, 194.
Кириллъ Александрійскій 23.
Кириллъ Іерусалимскій 136.
Кириллъ Катанскій 32.
Кириллъ (Константинъ), первоучитель славянскій—оч. часто.
Киннамъ, см. Іоаннъ К—мъ.
Кичево г. 196—197; К—екая обл. 196.
Климентъ Александрійскій 52.
Климентъ Римскій 35, 39, 66, 118, 225.
Ключевскій В. О.; Сборникъ въ честь его 247.
Кобъштица 18.
Ковачевичъ 93.
Козьма, митр. Драчскій 57, 100.
Колонія г. 178.
Комнины, имп. 198.
Кондаковъ Н. П. 104.
Коница г. 180.
Константиновичъ Х. Іорданъ 93.
Константинополь 8, 19, 31, 34—35, 53, 66, 74, 90, 115—116, 118, 120, 123, 125—126, 130, 137, 139—140, 142—143, 149, 154—155, 160, 183, 192, 207, 210, 226—227, 233, 239, 241—242, 245—247, 251, 253—254; К—скіе соборы 165, 205, 220; К—скій патріархатъ 195—196, 212 и др.
Константинъ Асѣнь, ц. блг. 184, 200.
Константинъ Кавасила, архіеп. Охр. 6, 57, 98—100, 103.
Константинъ Копронимъ, имп. 214.
Константинъ Костенчскій 104.
Константинъ Порфирородный, имп. 43, 66—67, 149—150, 173, 183, 200, 215, 247.
Константинъ, пресв. и еп. Блг., уч. Меѳодія 108, 162, 187, 234, 250, 252—253, 256—257.
Константинъ, священникъ гр. 207.
Констанція (Костеница *Κωνστάντια*) г., крѣпость 207, 216.
Корсунь г. 28, 39.
Корфу, ост., г. 178.

Конгарь В. 8—9. 21.
Косиница г., монаст. 216.
Костуръ (Касторія) г. 180.
Котёжъ или *К—ов* (?) 44. 176. 183.
Коцелъ, кн. Паннонін 67—68. 122. 191.
Краковъ 134.
Creyghtonus Robertus 4.
Кроація 234.
Крумъ, кн. блг. 84. 159. 168. 174.
Крымъ 212.
Кузнецовъ И. 191.
Кулаковскій Ю. 212.
Кульбакинъ С. М. 227. 245.
Курцій. проф. 89—90. 96.
Кутескъ, ханъ 87.
Кутмичивица, обл. 17—18. 60. 151—153. 167. 176. 179—187. 189—190. 249 и др.
Кждокъ (?) 184.
Кжичовъ В. 18. 198—199.

Лаврентій, уч. Меѳодія 103. 117.
Лавровскій П. А. 46. 130. 147. 155.
Лавровъ П. А. 12. 17. 47. 78. 82. 90. 103—104. 108—109. 112. 130. 149. 152. 154. 157. 172—173. 218. 227—228. 245.
Ламанскій В. И. 90. 103. 141.
Lambecius 135.
Ламбросъ 4—5. 90. 183.
Лапотръ 120.
Ларисскій митр. 212.
Левка (*Λεύκη*) г., епископія 207.
Левъ, архіеп. Охридскій 131. 220.
Левъ Діаконъ, визант. ист. 208.
Левъ Мудрый, имп. 248. 254; каталогъ епископій съ его им. 195. 205. 207. 209—212.
Левъ Мунгъ, архіеп. Охридскій 185.
Левъ, отецъ первоуч. Конст. и Меѳ. 31.
Леже Л. 130.
Лейпцигъ 23.
Лекень 102. 185.
Лелеваль 148.
Леонидъ, архим. 46. 61—62. 103. 237.
Лескинъ А. 90. 95—96. 255.
Леунклавій 185—186.
Ливанія Дѣвольская 146.
Литица, (*Λιτοίτζα*), епископія 207.
Лихнидъ,—а (Охрида) г., епископія 92. 97. 147. 171. 203. 209; Л—скія страны 94. 146.
Лиутпрандъ, еп. Кремонскій, ист. 160—161. 251.
Лопаревъ Х. М. 154.
Лукьяненко А. М. 103.
Людмила св. 69. 77. 134.
Людовикъ Благочестивый 160.

Мадьяры 148—149. 192.
Майнцкій соборъ 134.
Макарій, преосв. 236—237.
Македонія 1. 3. 10. 13. 18—20. 24. 52. 78. 81. 83. 91. 99. 105—106. 114. 147—148. 154. 156—157. 167—176. 179. 183—184. 189—190. 195. 197—198. 203. 206. 209—211. 215. 217. 222. 232—235. 240. 250. 255.
Максиміанъ, имп. 147.
Малала Іоаннъ; его хроника 252. 255.
Маличское озеро 177.
Маломіръ, кн. блг. 162.
Малышевскій И. И. 47. 62. 130. 132. 145. 233. 241. 244—245.
Мамонтъ св., его монастырь 247.
Манассія, его хроника 184.
Mansi 165. 219. 233.
Мануилъ Комнинъ, имп. 97.
Мануилъ Магистръ 34.
Маринъ, папа 136.
Марица р. 207.
Марія, мать слав. первоуч. 31.
Марія Новая св., ея житіе 150.
Маркіанъ св., житіе его 246.
Marquart 160
Марко Кралевикъ 173.
Маркъ, еп. Дѣвольскій 82. 114. 178. 218. 235. 250. 254. 256—257.
Марръ Н. Я. 185.
Матовъ Д. 12. 218.
Мацеевскій В. А. 128. 135.
Мелетій, географъ гр. 17. 214.
Менщиковъ 11—12. 218.
Мертвое море 91.
Места р. 168. 171. 212.
Метафрастъ 66.
Метеорскій Преображенскій мон—рь 105.
Meursius 206.
Меѳодій живописецъ 69. 71.
Меѳодій, первоучитель славянскій—оч. часто.
Мизія (сія) 21. 92—94. 145—146. 199; мизы 208.
Миклошичъ Фр. 5—11. 13. 21. 39. 45—46. 76. 86. 89. 112—113. 148. 165.
Милетичъ Л. 12. 90.
Милинги, слав. пл. 254.
Милюковъ П. Н. 99. 104. 209.
Минь, 11—12. 41. 53—54. 56. 59. 67. 84. 86—87. 92. 116. 143. 169.

199. 206. 215. 217. 235. 246—247. 251. 254.
Митровица г. 183.
Михаилъ Акоминатъ, см. Ак—тъ.
Михаилъ архистратигъ, мон—рь въ честь его 93.
Михаилъ Гора, мон. гр., изд. 7.
Михаилъ II Травлъ, имп. 229.
Михаилъ III, имп. 5. 34. 48. 191. 229—231.
Михаилъ, кн. блг., см. Борисъ.
Михаилъ монахъ, сынъ блг. ц. Симеона 170.
Михаилъ Пантехнесъ, врачъ 53.
Михайловъ А. В. 108.
Мойміръ, кн. моравск. 121.
Моисей прор., его Пятокнижіе 252.
Monse 129.
Морава р. 148. 156. 197. 199.
Моравія (Великая) 3. 41—42. 61. 63. 67—70. 73—76. 78. 81. 83. 88. 102. 110. 111. 113—114. 116—123. 126—128. 130—134. 137. 139. 141. 143—146. 148—149. 155. 186. 196. 205. 226—228. 230. 232—233. 235—237. 241. 245. 249. 253. 259.
Μόραβος—назв. Великой Моравіи 42. 44. 63. 66—67. 102.
Μόραβος—назв. г. въ Серб.и 199; обл. 199; епископія 146. 197.
Μωϱάβων епископія 196, см. *Μόραβος*.
Москополь 6. 10. 89. 103.
Моцнопонъ (Moznopon), уч. Меѳ. (?) 148.
Мраморное море 31. 36. 39.
Muratori 142.
Muslim b. Abú Muslim, пис. арабскій 160.
Мыяки—мыяцы, ославян. арнауты 12.

Наумъ Охридскій, уч. Меѳодія 6. 7. 9—11. 16. 44. 47. 60. 78—79. 81—82. 84. 88. 93—94. 100—103. 105. 113—114. 117. 135. 138. 145—146. 148—152. 154—155. 167. 177—181. 187. 218. 223. 241. 249—250. 253. 256—257.
Наришъ—кёй, село 169.
Нарушевичъ, польск. ист. 148.
Неандеръ 45.
Невоструевъ К. И. 152. 162.
Neibert (*Νάϋμπεϱτ*), тип. 21.
Неониска г. 179.
Несторій ерет. 23.
Нидерле Л. 170—171.
Никита Давидъ Пафлагонянинъ 248.
Никита, патр. Констант—скій 219.
Никита Пафлагонянинъ 248.
Никифоръ Каллистъ Ксанфопулъ, визант. 7—8.
Никифоръ, митр. рс. 244.
Никифоръ, хронистъ 159.
Никодимъ агіоритъ, состав. Синаксариста 26. 90. 103. 224—225.
Николай, діаконъ 85.
Николай Мистикъ, патр. 193. 223. 239. 246. 248. 251.
Николай I, папа 35. 126. 136—137. 164. 167.
Николай св. 13.
Никонъ Черногорецъ 240.
Новаковичъ Ст. 17. 29. 47. 103. 154—159. 170. 173. 178—181. 196—197. 218.
Novotný Ed 11.
Новиковъ Е. 134.
Новрακъ (Nowrak), уч. Меѳ. (?) 147.
Нушичъ 105—106.

Облакъ В. 172—173. 227
Овче поле, обл. 232.
Ὀλγου ταρκάνος 150.
Олегъ, кн. рс. 247.
Олимпъ 34. 37. 91. 92.
Омортагъ, ханъ блг. 95.
Ὀνογούρων епископія 212.
Орео Партиципаціо, дожъ венец. 142.
Ославъ (Oslaw), уч. Меѳ (?) 148.
Остромирово Еванг. 17.
Оттонъ, имп. герм. 117.
Отфридъ Вейсенбургскій 133.
Охрида г. 5—6. 9. 12—13. 19. 21. 47. 57. 60. 85. 91—94. 96—97. 99. 101. 104—106. 156. 178—181. 196—197. 200—201. 203—205. 216. 222. 224. 234—235. 249—250. 256—257; О—скій апостолъ 250; О—ская архіеп. 47. 61. 179—180; О—скій м—ырь 204—205. 235. 249. 255; О—ская епископія 209. 216; О—ская обл. 177—178; О—ское озеро 18. 94. 155. 167—169. 171. 176. 178. 183. 185. 196; О—скій патріархатъ 86.

Павелъ ап. 44. 65.
Паисій, іером., ист. блг. 104.
Палаузовъ С. Н. 46. 112. 152. 191. 255.
Палацкій Фр. 110.
Пальмовъ И. С. 135. 244.
Панагія, церковь 13.
Паннонія 14. 21. 66—68. 92. 102. 112—114. 119. 123. 125. 132. 146—147. 226—228.

Панселинъ, живописецъ 104.
Пантелеймоновъ мон—рь на Аосцѣ, см. Аосцъ.
Пантелеймоновъ мон—рь въ Охридѣ 105.
Панадопуло-Керамевсъ А. П. 6, 100.
Параника 7.
Parthey 206—207, 211—212, 214
Парящпащо, см. Іоаннъ П., Орсо П.
Пароеніи, еп. Поленкскій 12, 218.
Пастрнекъ Фр. 12, 47, 75, 90, 120, 123, 129—130, 135, 146, 197, 245.
Педати, митроп. Корфускій 250.
Пекаржъ І. 77, 134.
Пелагонія, епископія 194.
Пелопоннесъ 168.
Пеонскій (языкъ) 149.
Pertz 163, 215.
Петровскій Н. М. 8—9, 21, 23, 27, 30, 36, 110.
Петровъ А. 33, 191.
Петръ, родств. кн. Бориса 233.
Петръ, ц. блг. 62, 170.
Peucker 18.
Пещера г. 217.
Питра, кард. 250.
Плашникъ, мѣсто въ Охридѣ 105.
Погодинъ А. Л. 153, 165, 173, 191.
Погодинъ М. П. 13, 30, 45—46, 68.
Полабскіе славяне 135.
Пологъ, обл. 197.
Польша 134, 146.
Поповъ А. Н. 161.
Попруженко М. Г. 161.
Порфирій, еп. Успенскій) 105.
Πότλη 190, 195, 244.
Прага 8, 134.
Преслъ, кн. блг. 165, 168.
Преслава г. 155, 252, 254—255, 257.
Пресна г. 194, 209, 250; Пр—нское озеро 177.
Проватская епископія 216.
Продромосъ, деревня 18; — мон—рь 19—24, 43, 104.
Прокичъ Б. 159, 170.
Пруза г. 91.
Пшиня р. 232.
Пѣтуховъ Е. В. 255.

Равень г. 232.
Радиславъ вм. Боритаканъ 93; Р—въ вм. Ростиславъ 43.
Радоничъ І. 160.
Ράλλη 190, 195, 244.
Рамбо А. 159, 233.
Растицъ (Ростиславъ) 191.
Расъ г. 148, 156.
Рачки Фр. 75, 130, 132, 180.
Регинонъ,—хроника 163.
Римъ 3, 5, 19, 32, 35—36, 44, 61, 63—67, 69, 91, 118—119, 122—123, 129—132, 146, 169, 215, 232—234.
Ритигъ Св. 120—121, 130, 203, 233, 255.
Родопы, Р—скія горы 156, 207, 208, 210, 212, 214, 216—217.
Родосскій А. 237.
Розенкампфъ 102.
Розенъ В. Р. 169
Романія 171.
Романъ Лакапинъ, имп. 191, 232.
Россія 148, 241, 259; Русь 191.
Ростиславъ, кн. Моравскій 41, 43, 67—68, 117, 121—122, 127, 132, 226, 228, 231.
Румынія 156.
Рухнины, слав. пл. 171.
Руѣь, книга 252.
Рыльскій м—рь 217.

Савва, уч. Меѳодія 102—103, 117, 147.
Савва св., лавра его 240.
Савва Хиландарецъ, іерм. 28.
Саввантовъ П. И. 113.
Савельевъ—Ростиславичъ Н. В. 61.
Сагудаты, слав. пл. 171.
Сазавскій мон—рь 134.
Салона г. 148.
Самоковъ г. 207.
Самуилъ, ц. блг. 209; С—ова надпись 90, 250; храмъ С—ла 194.
Сардика, епископія 194.
Сарматія 147.
Сахаровъ И. П. 36.
Сасинекъ 119, 130, 134—135, 141.
Саеа, библіогр. гр. 7, 22, 103.
Святополкъ, кн. моравскій 5, 43, 67, 75, 77—78, 119—120, 124, 126—129, 131—132, 138, 141, 145, 192.
Святославъ, кн. рс. 86, 208.
Святославовъ Сборникъ 1073 г. 256.
Σελασφόρος (Звѣзда) 177
Семени (Ергентъ) р. 177.
Сербія Старая 170.
Сербы Далматинскіе 241.
Сербы Лужичане 146.
Сервія (Србица) г. 211, 213.
Σερβίων епископія 211.
Сергевица 183.
Сергій, арх. рс. 225.
Сергій, еп. Бѣлградскій 217.
Сересъ г. 206, 208, 216.
Силезія 148.
Симеонъ, ц. блг. 3, 46, 48, 83, 91, 93, 95, 150, 152—154, 157, 161—

162, 164, 169—170, 179, 181, 186, 188—189, 191—194, 197, 203—204, 206—209, 215—216, 223, 225—226, 236, 239—240, 245, 248—249, 252—253, 255—258.
Симеонъ Магистръ (Логоѳетъ) 69, 71, 174.
Склавинія, Славинія 171; *Σκλαβίνοι* 214.
Скопье г. 180.
Скутарская (*Σκουταρίου*) епископія 207
Славейковъ П. Р. 198.
Словаки 146.
Смаль—Стоцкій 238.
Смолѣнье 171, 212.
Соболевскій А. И. 79, 122, 134—135, 227, 234, 251—253, 255.
Соколовъ М. И. 70—71, 153, 164.
Соломонъ, кор. Угорскій 87.
Солунь (Ѳессалоники) 23, 31, 102, 114—115, 118, 169, 171, 173, 182, 196, 209, 211, 213, 253; С—скій вилайетъ 18; С—скія ворота 169; С—ская митрополія 209, 214; С—кая область 196; С—ская тема 168.
Софія.—храмъ Софіи въ Конст—лѣ 190;—въ Корсуни 35;—въ Охридѣ 92.
Sophocles 135.
Сопекъ Фр., свящ. 47, 55—56, 88, 108—109, 120, 130—131, 135—136, 246—247.
Сперанскій М. Н. 247.
Спиридонъ св. 21, 23.
Спиридонъ Халіоти, изд. 21.
Σπαράγγοι φράγγοι 16, 44.
Срезневскій И. И. 33, 41, 47, 89.
Сречковичъ П. 93, 103.
Станојевичъ 211.
Стефанъ, краль срб. 200.
Стефанъ Нѣманя, кн. 200.
Стефанъ VI, папа 75—77, 81, 124, 126, 129, 131—132, 135, 137, 143.
Стефанъ, пресвитеръ 75, 131.
Стредовскій 147.
Стримонъ (Струмъ, Струма) р. 168, 171, 195, 198, 206—207, 216; С—ская тема 206; стримонцы, слав. пл. 171.
Стриттеръ 213.
Струга г. 12, 106, 178.
Строевъ П. 237.
Струмица (Тиверіуполь), епископія, г. 199, 206;—р. 195; С—кая епископія 195, 197, 216; С—кая область 198; *Στρουμίτζα, Στρομβίτζα*—варіанты 18, 206.
Сырку П. А. 90.
Сѣверный океанъ 91.
Тангетъ, горн. хребт. 212.
Тасциатъ г. 102, 196.
Татаръ-Базарджикъ г. 207.
Тафель 142, 183, 201, 213.
Телецъ, ханъ блг. 159.
Теодоровъ Б. 217.
Тетово, край 200.
Тиверіуполь г., епископія 6, 102, 195, 197—199.
Тисса р. 145, 148.
Тихоправовъ Н. С. 90.
Τίθρώνειον 214.
Толедскій соборъ 135.
Томасъ 142.
Томашекъ 198.
Томи 241.
Топлица р., обл. 199—200; Т—чскій еп. 197.
Триадица, епископія 194.
Требиште г. 197.
Трескавецъ, мѣстн. близъ Дечанъ 206.
Трѣска р. 196, 199—200.
Τσουκαλᾶς 207.
Тудоровъ долъ 255.
Тудоръ, черноризецъ 161, 189, 254—256.
Туницкій Н. 258.
Турція 89.
Тыча р. 255

Угры 149.
Узумъ р. 177.
Ульфила 241.
Ундольскій В. М. 25, 108—109.
Οὔννων епископія 212.
Успенскій Ѳ. И. 53, 58, 87, 97, 127, 150, 163, 181, 183, 209, 243.

Фабрицій 13, 62.
Фальмерайеръ І. 213.
Faülhammer 121.
Филаретъ, еп. Черниговскій 46, 61, 68, 86, 108, 112, 212—213, 225.
Филибеджикъ, деревня 210.
Филиппополь г., митроп. 18, 206—208, 210, 217.
Филиппъ, архіеп. Охридскій 47, 62, 99.
Филиппы г., митроп. 206, 208, 210—211, 214, 217.
Филоѳей, его мон—рь, см. Аѳонъ.
Флоринскій Т. Д. 157.
Фокида 214.
Формозъ, еп. 118.
Формозъ, папа 137.
Фотій, патр. 27, 52, 54—56, 70—71 116, 123, 126, 131, 136, 142 231, 241, 243—244, 247.

Франко II. 66.
Франкфуртъ —соборъ въ Ф—ѣ 132.
Фульдская лѣтоп. 215.

Ханаанъ 32.
Херсонъ 39.
Хиландарскій м—рь. см. Аѳонъ.
Хозарія 32.
Хорватія 123, 146.
Хорваты 149, 241.
Хотъ́ѵоѵ епископія 212.
Храбръ, черноризецъ 103, 108, 110, 117, 131, 190—191, 228, 230—231, 240, 244—245, 254, 257.
Христіанъ 77—78, 129.
Хтетовская бразда, см. Тетово.

Цахаріэ-фонъ-Лингенталь 19, 147, 180, 196.
Цвѣичъ І. 170.
Цоневъ Б. 172, 250.

Чакъровъ А. 89.
Чаславъ, вельможа блг. 12, 16, 151, 155—156, 166.
Чаславъ, кн. срб. 170.
Чаталарская надпись 161.
Челгу, ханъ печенѣжскій 87.
Чепена 207.
Черное море 207.
Чехи 146, 241.
Чехія 134, 141.
Чивидальское Ев. 189.

Шапкаревъ 105.
Шафарикъ П. І. 17, 45—48, 86, 89—90, 96, 104, 112, 135, 147, 154, 157, 174, 180—181, 195, 198—200, 213, 227—228, 241, 246, 255.
Шахматовъ А. А. 69, 72—73, 255.
Шевыревъ С. П. 112.
Шипковица 183.
Шишманъ, ц. блг. 170.
Шлецеръ 71.
Шотландія 242.
Шуменскія горы 255.

Щепкинъ В. Н. 227.
Щиппъ г. 232.

Эвальдъ П. 75, 124.
Эллада 20, 24.
Эльба 135.
Эльбасанъ г. 178.
Эпиръ 167—169.
Э(с)хачъ 9, 17, 151, 155—156, 165—166.

Юстиніана Первая 6, 8, 92, 94, 96, 99, 203.
Юстинъ I, имп. 242.

Ягичъ И. В. 16, 46, 90, 112, 120, 130, 132, 135, 146, 154, 157, 172, 180, 195, 197, 199, 218, 227—228, 233, 243, 255.
Ядовъ (Jandow), уч. Мее. (?) 147.
Янинская обл. 178.
Ястребовъ Н. В. 245.
Яффе 141, 166, 215, 234.

Ѳеодора, имп. 34.
Ѳеодоритъ, изд. гр. 22.
Ѳеодоръ Куфара 27.
Ѳеодоръ Мустатса, изд. гр. 22.
Ѳеодосій Печерскій, житіе 247.
Ѳеоктистъ Логоѳетъ 34, 37.
Ѳеофана продолжатель, ист. виз. 71, 116, 168, 213.
Ѳеофанъ, ист. виз. 69, 150, 159, 168, 183, 213—214, 219.
Ѳеофилактъ, архіеп. Болгарскій 3, 5, 8, 10, 20—22, 29, 31, 41, 44—50, 52—62, 67, 74, 84—88, 99—100, 113, 153—154, 171, 206, 215—217, 223—224.
Ѳессалія 19, 91, 105, 168—169, 213—214.
Ѳессалоники, см. Солунь.
Ѳивы древнія 214.
Ѳивы Ѳессалійскія 213; Ѳиванскій округъ 184.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 12. Въ Fontes rer. bohemic., I, p. 76—92, дается чешскій переводъ только первыхъ 14-ти главъ простр. житія.

Къ стр. 19. В. И. Григоровичъ въ „Очеркѣ путешествія по Европ. Турціи“ говоритъ: „онѣ — мощи св. Климента— сохранились цѣлокупными, пока монахи м. св. Антонія, что близъ Бера (Караферія на картахъ) не унесли скрытно честную его главу“ (2 изд., стр. 98). Монастырь св. Антонія находился недалеко отъ монастыря Продрома. Мы не знаемъ, гдѣ въ настоящее время находится глава св. Климента, но несомнѣнно, что въ эпоху появленія новогреческихъ переводовъ житія она еще хранилась въ монастырѣ св. Предтечи, откуда, вѣроятно, потомъ была перенесена въ сосѣдній монастырскій храмъ св. Антонія. На эти свѣдѣнія обращаемъ вниманіе болгарскихъ почитателей памяти великаго славянскаго святителя. Въ виду предстоящаго тысячелѣтія со дня его кончины хорошо было бы на мѣстѣ выяснить мѣстонахожденіе его главы или, по крайней мѣрѣ, исторію этого мѣстонахожденія.

Къ стр. 31. Въ перечисленіе памятниковъ, въ которыхъ встрѣчается загадочное слово Канаонъ-Каонъ-Катаонъ, вкралась ошибка: въ „Успеніи Кирилла“ оно не упоминается.

Къ стр. 35. Къ числу другихъ выраженій Хиландарской повѣсти, напоминающихъ славянскіе кирилло-меѳодіевскіе памятники, относится, между прочимъ, замѣчаніе о Кириллѣ и Меѳодіи: ... *καὶ ἄρχισαν νὰ λαλοῦν ἑτέραις γλώσσαις τὰ μεγαλεῖα τοῦ Θεοῦ* (и начали провозглашать другими языками величія Божія); ср. выраженіе въ похвальномъ словѣ Кириллу и Меѳодію о Кириллѣ: **бѣ бо имоу данъ даръ дховьныи. изыкы глати ако и аплоу** (Сборникъ XII в. Успенскаго Собора, I, изд. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова, М. 1899, стр. а).

Къ стр. 39. Вопросъ о происхожденіи т. н. паннонскихъ житій будетъ разсмотрѣнъ нами въ другомъ мѣстѣ.

Къ стр. 49—50. Изъ того, что Θеофилактъ, какъ житель Болгаріи, называетъ мѣстныхъ сборщиковъ, можетъ быть—грековъ, и казначейство „своими“ (*ἡμετέρους Βουλγάρους καστρησίους, ἐν κάστρῳ ἡμῶν*), а тиверіупольскихъ святыхъ, мощи которыхъ покоились въ Брѣгальницѣ, „находящимися у насъ“ (*τῶν καθ' ἡμᾶς*), никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что онъ могъ представлять себя въ полномъ единеніи съ болгарскимъ народомъ. Еще менѣе слѣдуетъ это изъ выраженія *λαοῦ μου*, на которое ссылается Вороновъ (Главн. источн., 134), такъ какъ этими словами Θеофилактъ вовсе ничего не говоритъ о своемъ отношеніи къ болгарскому народу, а просто приводитъ текстъ Іер. IX, II: *τίς δώσει τῇ κεφαλῇ μου ὕδωρ.. καὶ κλαύσομαι τὸ τε τῆς θυγατρὸς τοῦ λαοῦ μου σύντριμμα*,—дальше повторяетъ то же съ видоизмѣненіемъ: *τῆς Μητρὸς τοῦ λαοῦ μου*, и потомъ поясняетъ: *τῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας*.

Къ стр. 83—84. По сообщенію архим. Леонида (Кавелина), И. П. Сахаровъ будто-бы видѣлъ отрывки какого-то славянскаго житія Климента. „Нашъ извѣстный археологъ, покойный И. П. Сахаровъ—говоритъ въ одномъ мѣстѣ о. Леонидъ—указывалъ (—гдѣ?—) на то, что ему попадались въ славянскихъ рукописяхъ отрывки изъ этого житія, а посему можно полагать, что сохранилось гдѣ-нибудь и цѣлое“ (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс., 1870, IV, 10). Это сообщеніе было бы очень цѣнно, еслибы соотвѣтствовало дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, нигдѣ у Сахарова подобнаго указанія намъ не встрѣтилось.

Къ стр. 103. Запись Зографскаго монастыря едва-ли имѣетъ значеніе, приписанное ей архим. Леонидомъ.

Къ стр. 113. Принадлежность Клименту похвальнаго слова Кириллу Философу засвидѣтельствована надписаніемъ не только въ спискѣ Савваитова, но и въ другихъ спп.,—наприм., въ Торжеств. Хлуд. библ. № 195, XIV в., сербск. ред., л. 295 об.; въ сборн. Увар. № 1808 (518) (379), XVI в., л. 434; въ сборн. Петерб. Дух. Ак. № 1455, XVI в., л. 156, и въ др.

Къ стр. 132, прим. 3. Названіе Cathechesis theotisca въ средніе вѣка прилагалось къ сборникамъ проповѣдей, мо-

литвъ, объясненій молитвы Господней и символа вѣры на нѣмецкомъ простонародномъ языкѣ.

Къ стр. 185. Въ нашу задачу не входитъ подробное изученіе института „учителей“ въ древне-славянскихъ церквахъ. Несмотря на частое упоминаніе объ „учителяхъ“ въ южнославянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ, до сихъ поръ остается невыясненнымъ вопросъ о сущности и условіяхъ этого служенія у славянъ и у русскихъ.

Къ стр. 220, прим. 1. Въ предупрежденіе возможныхъ недоразумѣній по поводу ссылки на ркп. Софійской Народной библіотеки (въ Болгаріи) № 508, считаемъ нужнымъ замѣтить, что эта ркп. извѣстна намъ на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ нею. Климентъ названъ „епископомъ словенскимъ“ въ надписаніи похвальнаго слова арх. Михаилу и Гавріилу (л. 42 об.). У проф. Б. Цонева. Описъ на ржкописитѣ и старп. книги на Нар. Библ. въ София (София, 1910), стр. 283, это похв. слово, въ числѣ другихъ статей сборника, пропущено по недосмотру.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе. . . . . I—XI

Глава первая. Обзоръ источниковъ для исторіи жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго. . **1—107**

Необходимость новаго изученія источниковъ для біографіи Климента. . . . . 1—2

I. Пространное житіе св. Климента. . . . . . 3—89

Важность простр. житія, какъ историческаго источника и необходимость изслѣдованія исторіи его текста и изданій (3—4).

А. Отрывокъ текста простр. житія въ изданіи Л. Аллація и въ ркп. афонскихъ монастыреи (4—5).

Б. Полный текстъ простр. житія въ изданіяхъ и въ рукописномъ видѣ (6—18). Московопольское изданіе житія 1742 г. (6—7).—Вѣнское изданіе 1802 г. (7—8).—Основа обоихъ изданій—одинъ и тотъ же списокъ (8—10).—Изданіе Миклошича (10—11).—Четыре новѣйшія изданія (11).—Зависимость всѣхъ изданій отъ одного и того же списка или двухъ сходныхъ списковъ (11—12).—[Переводы простр. житія (12, примѣч.)].—Списокъ простр. житія въ Охридской ркп. Румянц. Муз., собр. Григоровича, № 818, XIV—XV в., и варіанты этого сп. (13—18).

В. Новогреческія передѣлки простр. житія (18—44). Монастырь Продрома, какъ мѣсто происхожденія новогреческихъ передѣлокъ (18—20).—*Ἀκολουθία τοῦ ἐν ἁγ. πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος...*, изданная въ 1784 г. въ Венеціи Аѳанасіемъ Пароскимъ (20—21).—*Οὐρανοῦ Κρίσις..., ἐν Δειφίᾳ*, 1805,—трудъ того же Аѳанасія (21—24).—Простр. житіе въ *Ак.* и въ *Οὐρ. Κρ.* (24—25).—Посторонній историческій матеріалъ, соединяющійся въ этихъ изданіяхъ съ житіемъ Климента (26—27).—*Χιλανταρινὴ Διήγησις*—Хиландарское сказаніе (28—30).—Отношеніе *Х. Л.* къ краткимъ проложнымъ житіямъ свв. Кирилла и Меѳодія (30—33) и къ паннонскимъ житіямъ (33—40).—Извѣстія *Х. Л.* о дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Болгаріи (40—42).—Но-

Стр.

вогреческій переводъ простр. житія Климента въ *Ag.* и *Odp. Kp.* и рукописная основа этого перевода (42—44).—Заключенія относительно древняго текста простр. житія (44).

Авторъ и время составленія простр. житія (45—61). Противорѣчіе внутреннихъ данныхъ и различныя мнѣнія (45—50).—[Литература вопроса (45—47, примѣч.)].—Объясненіе ἡμῶν βουλγάρων и ἡμᾶς въ XVIII гл. (50—51).—Личность составителя. (51—52).—Составитель—блаж. Θеофилактъ, архіеп. Болгарскій (52—61).

Разборъ простр. житія Климента со стороны содержанія и источниковъ (62—89). Житіе—ихъ передѣлка (62).

1. *Первая часть житія, посвященная свв. Кириллу и Меѳодію, глл. I—VI (63—74).* Паннонскія житія, какъ основа этой части.—Отступленія Θеофилакта отъ разсказа паннонскихъ житій (65—68).—Несохранившееся до насъ сказаніе объ участіи Кирилла и Меѳодія въ обращеніи Болгаріи (68—71).—Меѳодій—живописецъ одно и то же лицо съ Меѳодіемъ—славянскимъ первоучителемъ (71—73).—Упоминаніе простр. житія объ изобрѣтеніи свв. братьями алфавита для болгаръ (73—74).—Дата окончательнаго обращенія болгарскаго народа (74).

2. *Предметъ VII—XIV глл.—борьба нѣмецкаго духовенства съ учениками Меѳодія, окончившаяся изгнаніемъ ихъ изъ Моравіи (74—81).* Достовѣрность сообщеній, заключающихся въ этихъ глл., подтверждается другими данными (74—80).—Тенденціозность освѣщенія этихъ сообщеній въ житіи (80—81).

3. *Третья часть житія, глл. XV—XXIX., посвященная собственно Клименту и его жизни въ Болгаріи (81—87).* Историческая достовѣрность сообщеній этой части житія (81—82).—Основа предыдущей и третьей части житія—древнее славянское житіе Климента, тѣсно связанное съ житіемъ Наума (82—84).—[Доступность славянскихъ источниковъ для Θеофилакта (84—85, примѣч.)].—Позднѣйшія прибавки въ житіи (84—87).

Выводы изъ разбора простр. житія относительно исторической цѣнности его (87—89).

II. Краткое житіе св. Климента. . . . . . 89—92

Изданія краткаго житія и списокъ его въ ркп. Пантелеим. мон. № 201 (89—90).—[Литература, посвященная краткому житію (90, примѣч.)].—Зависимость краткаго житія отъ пространнаго (90—91).—Свѣдѣнія краткаго житія, ведущія свое происхожденіе изъ другихъ источниковъ: о происхожденіи Климента отъ европейскихъ мизовъ (91—92), о поставленіи Климента епископомъ всего Иллирика (92—94), о „столбахъ каменныхъ въ Главеницѣ“ (94—95), объ изобрѣтеніи Климентомъ славянскихъ письменъ (95—96).—Время составленія

Стр

краткаго житія (96—98).—Вѣроятный авторъ житія—Димитрій Хоматіанъ, архіеп. Охридскій конца XII—XIII в. (98).

III. Службы св. Клименту . . . . . 98—101

Изданія службъ (98—100).—Составители ихъ (100).—Невысокая цѣнность службъ, какъ историческаго источника (100—101).

IV. Отрывочныя свѣдѣнія и упоминанія о Климентѣ въ другихъ источникахъ. . . . . . 101—107

Историческіе и литературные источники (101—104).—Археологическіе памятники (104—105).—Народное преданіе (105—107).

Глава вторая. Очеркъ жизни и дѣятельности св. Климента Словенскаго. . . . . . 108—260

I. Жизнь и дѣятельность св. Климента до перехода въ Болгарію (885—6 г.) въ связи съ обстоятельствами моравской катастрофы. . . . . . 108—147

Несостоятельность гипотезы Фр. Сноука о существованіи двухъ Климентовъ: ученика Меѳодія и епископа Словенскаго (108—110).—Историческое положеніе Климента (110—111).—Происхожденіе и національность его (110—115).—Знакомство съ Меѳодіемъ (115).—Климентъ—споспѣшникъ солунскихъ братьевъ (115—116).—Участіе его въ моравской миссіи (117—118).—Климентъ—священникъ (118—119) и моравскій дѣятель (119—120).

Событія, подготовившія разгромъ славянскій церкви въ Моравіи (120—130). Путешествіе Меѳодія изъ Моравіи въ Константинополь, установившее каноническую зависимость славянской церкви въ Моравіи отъ Константинополя (120—126).—Разрывъ Меѳодія съ Святополкомъ Моравскимъ (126—129).—Разрывъ Меѳодія съ западной церковью (129—130).

Борьба славянской партіи съ латино-нѣмецкой въ Моравіи послѣ смерти Меѳодія (130—139). Причины и обстоятельства борьбы (130—131); славянскій языкъ въ богослуженіи и „трезычная ересь“ (131—134). [Судьба славянской письменности въ средѣ западныхъ славянъ послѣ смерти Меѳодія (134—135, примѣч.)] —Вопросъ о Filioque; публичный диспутъ объ исхожденіи св. Духа между учениками Меѳодія и латино-нѣмецкимъ духовенствомъ (135—138).—Присяга (138—139).—Гоненія на учениковъ Меѳодія, въ томъ числѣ и на Климента (139).

Судьба осужденныхъ учениковъ Меѳодія (139—145). Продажа въ рабство молодыхъ священниковъ и діаконовъ (139—140).—Юридическія основанія для этого (140—141).—Роль евреевъ

Стр.

въ перепродажѣ ихъ (140).—Венеціанскій рынокъ (140—142).—Выкупъ ихъ византійскимъ посломъ и доставленіе въ Константинополь (142—143).—Изгнаніе изъ Моравіи въ числѣ другихъ пожилыхъ духовныхъ лицъ и Климента, юридическія основанія для изгнанія и обстоятельства изгнанія (143—145).

II. Болгарскій періодъ жизни и дѣятельности св. Климента (885–6—916 гг.) въ связи съ условіями современной государственной и церковной жизни Болгаріи. . . . . . 145—225

Переходъ Климента изъ Моравіи въ восточную Болгарію. (145—156). Разсѣяніе учениковъ Меѳодія по сосѣднимъ съ Моравіей странамъ (145—148).—[Гораздъ (147, примѣч.)].—Направленіе пути Климента, Наума и Ангелара (148).—Причины избранія Климентомъ Болгаріи (148—150).—Климентъ въ Бѣлградѣ и въ болгарской столицѣ (150—151).—[*Βοριτακάνος* (150, примѣч.)].—Хронологія событій (151—155).—Э(с)хачъ и Чаславъ (155—156).

Переходъ Климента изъ восточной Болгаріи въ юго-западную. (156—176). Причины перехода (156).—Размѣры болгарскаго государства при Борисѣ (156—157).—Раздѣленіе Болгаріи въ этнографическомъ отношеніи на восточную и западную (157).—Этнографическій составъ населенія восточной Болгаріи (157—161).—Языческая аристократія (162—164).—Неблагопріятность этнографическихъ условій для славянской литургіи и литературы въ восточной Болгаріи (164).—Обстоятельства первоначальнаго пребыванія Климента въ восточной Болгаріи и переходъ въ юго-западную (165—167).—Населеніе западной Болгаріи: исторія (167—169), чистый славянскій типъ (169—170), племенной составъ (170—172), языкъ (172—173), культура и христіанство (173—174).—Благопріятность этихъ условій для дѣятельности Климента (174—176).

Климентъ—учитель Кутмичивицы (176—191). Анализъ свидѣтельства простр. житія (176—177).—Мѣстоположеніе и границы Кутмичивицы (177—183).—[*Κοτόκιος* (183—184, примѣч.)].—Выдѣленіе Кутмичивицы изъ Котокія (184—185).—Званіе учителя и его значеніе (185—187).—Дѣятельность Климента по устройству школъ въ Болгаріи (187—191).

Климентъ—епископъ Велицкій, Дремвицкій или Словенскій (191—224). Значеніе царствованія Симеона для дѣла Климента (191—194).—Епископскій титулъ: *ἐπίσκοπος Δρεμβίτζας ἤτοι Βελίτζας* (194—195).—Критическій разборъ мнѣній Шафарика, Голубинскаго, Дринова, Новаковича, Балacчева (195—201).—Сведеніе къ единству именъ и варіацій епископскаго титула Климента (201).—Несостоятельность мнѣнія о близости епископской каѳедры Климента къ Охридѣ (201—205).—[Отно-

Стр.

шенія Климента къ Охридскому монастырю (205, примѣч.)] — *Βελιχεία* Филиппопольской и Филиппской митрополій (205—207).—Мѣстоположеніе филиппопольскихъ епископій—*Βελιχεία* и *Δραμίτζα* и отожествленіе ихъ съ епархіей Климента (207—210).—Гипотеза о племенномъ значеніи имени *Βελίτζα* (210—215).—Древницко-Величская епархія въ связи съ церковнымъ устройствомъ Болгаріи въ древнѣйшую эпоху (215—217).—*Βουλγάρῳ γλώσσῃ πρῶτος ἐπίσκοπος* (217—220).—Труды Климента въ періодъ его епископства и ихъ значеніе (220—223).—Послѣднее свиданіе съ Симеономъ, болѣзнь и смерть Климента (223—224).

Канонизація и дни памяти Климента (224—225).

III. Обстоятельства развитія славянскаго просвѣщенія въ концѣ IX и началѣ X столѣтій и участіе въ немъ св. Климента. . . . . . 225—260

Основныя задачи просвѣтительной дѣятельности Климента (225—226).

Славянская письменность въ Болгаріи до прихода Климента (226—234). Родина церковно-славянскаго языка—Македонія (226—227).—Зачатки славянской письменности среди славянъ въ предѣлахъ византійской имперіи (227—232).—Славянская грамота въ западной и восточной Болгаріи (232—234).

Введеніе Климентомъ славянскаго богослуженія въ Болгаріи (234—239). Греческій языкъ въ богослуженіи въ болгарской церкви въ началѣ дѣятельности Климента (234).—Юго-западная Македонія, какъ мѣсто первоначальнаго введенія славянскаго богослуженія (234—235).—Постепенность славянской реформы (235—237).—Славянскіе богослужебные сборники (237—239).

Отношеніе византійской церкви къ дѣятельности Климента (239—248). Зависимость болгарской церкви отъ Константинопольскаго патріарха (239).—„Треязычная ересь“ въ греческой церкви (239—240).— Факты благосклоннаго отношенія Византіи къ славянскому богослуженію и ихъ объясненіе (240—243).—Патріархъ Фотій и переводы св. Писанія на народные языки (243—244).—Терпимость Византіи къ переводамъ (244—245).—Мирное рѣшеніе вопроса о реформѣ Климента въ языкѣ богослуженія (245—246).—Центръ славянской письменности въ Константинополѣ (246—248)

Климентъ, какъ дѣятель славянской письменности и литературы (248—260). Охрида, какъ древнѣйшій и извѣстнѣйшій центръ славянской письменности (248—251).—Восточно-болгарскій центръ славянской письменности въ царствованіе Симеона и дѣятели этого центра (251—255).—Плановмѣрность

Стр.

литературнаго движенія эпохи Симеона (255—256).—Отношеніе Охридской школы къ восточно-болгарскому кружку (256—257).—Отношеніе къ нему Климента (257—258).—Литературная дѣятельность Климента и ея историческое значеніе (258—260).

Приложенія. . . . . . **261—270+4 Табл.**

Приложеніе къ гл. I, отд. I, стр. 28—42 . . . . . 263—270

Табл. I. Списокъ житія св. Климента въ Охридской рукописи XIV — XV в., хранящейся въ Моск. и Румянц. муз., собр. Григоровича № 818, л. 10 об.

Табл. II. Москопольское изданіе житія св. Климента, 1742 г., стр. 32.

Табл. III. Вѣнское изданіе житія св. Климента, выполненное Амвросіемъ Пампереемъ, 1802 г. (непоступавшее въ продажу), стр. 101 (1-ая житія).

Табл. IV. Изображеніе св. Климента въ Аколуѳіи, изданной Аѳанасіемъ Паросскимъ въ Венеціи въ 1784 г.

Указатель именъ личныхъ, географическихъ и племенныхъ . . . . . **271—280**

Дополненія и поправки . . . . . 281—283

Содержаніе . . . . . 285—290

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
9	8 св	вѣсскихъ	вѣскихъ
11	13 св.	нѣскольло	нѣсколько
11	10 сн.	Novatého	Novotného
15	4 сн.	*πρετβυτέρων*	*πρεσβυτέρων*
22	14—15 св.	тормазилось	тормозилось
23	15 св.	7;	71;
23	18 св.	перепечатки	перепечатка
24	15 сн.	интересовъ, и	интересовъ и
33	3 св.	выраженіе	выраженіе,
33	9 св.	могуть	могутъ
33	16 сн.	вторыя—	вторые—
35	21 сн.	Іоанна.	Іоанна
35	5 сн.	в)	b)
36	7 св.	заподозрить	заподозрѣть
36	17 св.	проредактированныя	проредактированные
37	4 св.	житій,	житій
45	21 сн.	жизнеписателя	жизнеописателя
45	15 сн.	Jahrbucher	Jahrbücher
48	2 сн.	Btzantinae	Bizantinae
54	25 св.	одними	однѣми
56	1 св.	mystafogia	mystagogia
56	2 сн.	t,	t.
60	6—7 св.	чтобы подчеркнуть	чтобы не подчеркнуть
68	5 сн.	Desch.	Gesch.
78	2 св.	Добровскій,	Добровскій
83	9 сн.	Маравіи	Моравіи
83	9 сн.	Недостакъ	Недостатокъ
84	5 св.	Климена	Климента
86	18 сн.	на сѣверѣ, отъ	на сѣверѣ отъ
87	10 св.	валахи [2])	валахи [2],
89	4 св.	одвн	однѣ
90	9 сн.	*Areh.*	*Arch.*
90	4 сн.	kireheuslav.	kirchenslav.
95	3 сн.	Areh.	Arch.

II

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
96	1 сн.	r.	ч.
97	1 сн.	Jirecek	Jireček
112	12 св.	В. И.	И. В.
113	4 св.	мажс	нмажс
119	2 сн.	regione	regione,
120	2 сн.	и	u
124	2 сн.	Geseschaft	Gesellschaft
131	5 сн	Opisculum	Opusculum
133	19 св.	Отфида	Отфрида
134	3 св.	christianita	christianitas
134	10 св.	1847,	1848,
141	7 сн	Levan	Levant
147	12 сн.	заподозрили	заподозрѣли
157	3 сн.	st.	sl.
183	8 св.	kaut	kout
212	22 сн.	(въ Крыму)	(въ Крыму),
244	1 св.	τεχαὶ	τε καὶ
244	3 сн.	ἄλλοις	ἄλλαις

Мелкія неисправности въ удареніяхъ, придыханіяхъ и знакахъ препинанія легко исправить каждому при чтеніи.

Особенности сербскаго, чешскаго и хорватскаго шрифтовъ не вездѣ соблюдены по типографскимъ условіямъ.